

История XX века

ТАЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ «МОССАД» И «МУХАБАРАТ»

СУДЬБЫ
СОБЫТИЯ
ДОКУМЕНТЫ
ВЕРСИИ

**ТАЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ
«МОССАД» и
«МУХАБАРАТ»**

К. А. Капитонов

**ТАЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ
«МОССАД» и
«МУХАБАРАТ»**

**КУЧКОВО ПОЛЕ
2008**

ББК 63.3
К20

Капитонов К. А.

К20 Тайные операции «Моссад» и «Мухабарат». — М.: Кучково поле, 2008. — 560 с.

ISBN 978-5-901679-94-4

Автор книги — журналист-международник, арабист; почти 15 лет работал собственным корреспондентом многих отечественных средств массовой информации в Египте, Ливии, Израиле. Был свидетелем многих военно-политических и дипломатических событий, занимался журналистским расследованием операций, которые проводили израильские спецслужбы против арабских стран, а также операций, которые осуществили секретные службы арабских государств против Израиля. Об этом автор и рассказывает в публикуемых очерках в увлекательной форме.

ББК 63.3

ISBN 978-5-901679-94-4

© Капитонов К., 2008
© ООО «Кучково поле», 2008

От автора

На Ближнем Востоке я провел почти 15 лет — с февраля 1976 г. по сентябрь 1981-го в Египте в качестве собственного корреспондента газеты «Труд», с июня 1982-го по сентябрь 1988-го — в Ливане, корреспондентом «Литературной газеты».

Потом был перерыв в 13 лет.

И вот в сентябре 2001 г. я оказался в Израиле, где проработал три незабываемых года. Тоже корреспондентом.

В Египте и Ливане я стал свидетелем многих событий, исследованием которых пришлось заниматься даже спустя годы. Под *событиями* я имею в виду операции, которые проводили израильские спецслужбы («Моссад» и другие) против арабских стран, а также операции, которые осуществили арабские секретные службы («Мухабарат») против еврейского государства. Последние, кстати сказать, устраивали заговоры и против своих собратьев.

В 80-х годах во многих газетах и журналах были весьма популярны рубрики «Секреты секретных служб», «Время раскрывает тайны», «Без грифа секретности», «За кулисами событий» и тому подобное. Многие мои коллеги писали в эти рубрики, черпая необходимые материалы из различных источников. Не стал исключением и автор этой книги.

И вот, завершая в сентябре 2004 г. командировку на Земле обетованной, я решил собрать написанные мною материалы воедино. Что получилось — судите сами...

Без плаща и кинжала

Предисловие

Мимо этого серого жилого дома, расположенного в Тель-Авиве по улице Бен-Иегуда, 85, я проходил не раз. Обычное 3-этажное здание, каких много в городе, с мраморными ступеньками, ведущими к подъезду. По бокам — два высоких пальмовых дерева, бросающие тень на асфальт. Позднее местный коллега-журналист, занимающийся историей израильских спецслужб, рассказал мне, что именно здесь 30 июня 1948 г. были созданы три разведывательные структуры.

В тот день в этом ничем не примечательном доме собрались шесть мужчин в костюмах цвета «хаки», хорошо знавших друг друга. Совещание проходило в крохотной комнате на втором этаже. На табличке, прибитой к двери, значилось: «Служба помощи ветеранам».

Заседание проводил седовласый, аскетического вида подполковник новой израильской армии 47-летний Иссер Беери (в прошлом — Бернцвейг). Он занимал должность начальника ШАЙ (сокращение от слов «Шерут Едиот», на иврите — «Информационная служба») — разведывательного подразделения подпольной армии «Хагана» («Оборона»), сформированной еврейскими поселенцами в Палестине в 1920 г.

Беери сообщил, что «Старик» (так за глаза называли первого премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона) предложил распустить ШАЙ и создать три новых ведомства. Военную разведку, которую возглавит сам Бее-

ри, политическую (будущий «Моссад») во главе с Борисом Гуриелем и службу внутренней безопасности, руководителем которой назначен начальник тель-авивского отдела ШАЙ Иссер Харэль.

К 1950 г. работа спецслужб была уже отрегулирована. Дело, что называется, пошло. Но появился человек, заявивший, что всего сделанного недостаточно.

Этим человеком был Реувен Шилоах, занимавший тогда пост посла Израиля в Вашингтоне. Именно он предложил Бен-Гуриону реорганизовать «Моссад» и превратить эту секретную службу в независимое агентство, подчиненное непосредственно премьер-министру. Предложение было принято.

1 сентября 1951 г. появилось новое разведывательное управление, получившее название Институт разведки и специальных заданий (от ивритского — «Моссад ле модиин ве ле тафкидим ме юхадим»), больше известного как «Моссад»...

Израилтяне гордятся своей разведкой. О ней слагаются легенды как о непобедимой, по праву входящей в пятерку наиболее эффективных секретных служб мира.

«Моссад» — единственная в мире разведывательно-диверсионная организация, которая, кроме добычи секретной информации, занимается физическим устранением врагов еврейского государства. Для этой цели создано управление тайных операций «Комемиют» («Суверенитет»), которое располагает секретными боевыми подразделениями «Кидон» («Копье»).

Девиз «Моссада» — «Хитростью и обманом ты должен вести войну» — постоянно подтверждается на практике.

Руководство «Моссада» состоит из директората и ряда управлений: исследовательского; оперативно-технического; информационно-аналитического; уже названного диверсионного «Комемиют»; внешней разведки, политиче-

ских акций и связей, а также управления психологической войны и дезинформационных мероприятий.

В отличие от секретных служб других стран, «Моссад» — довольно малочисленная организация. По некоторым данным, она насчитывает всего 1200 человек, включая технический персонал.

Для прикрытия своей деятельности за рубежом «Моссад» широко использует дипломатические, коммерческие, финансовые, журналистские и другие организации. Причем довольно часто без ведома их хозяев или руководителей.

«Моссад» успешно сочетает легальные и нелегальные методы работы. Помимо приобретения различных источников информации в зарубежных странах при помощи «легальных» резидентур, эта секретная служба активно использует засылку своих нелегальных разведчиков в различные страны, в первую очередь арабские, в которых они выступают под видом местных граждан.

Попасть в «Моссад» можно либо с помощью рекомендации, либо просто по... газетному объявлению. Набираются лица в возрасте от 27 до 40 лет с соответствующей боевой подготовкой и хорошим знанием хотя бы одного европейского языка. Велик спрос и на тех, кто владеет арабским.

Пройдя тщательную анкетную проверку (с указанием всех знакомых мужчин и женщин, отношений с родителями, слабостей, привычек, предпочтений, предубеждений), кандидат переходит в руки психолога и графолога. После этого «счастливчика» вызывают на первую проверку: он и другие кандидаты наделяются вымышленными именами, а далее любым способом необходимо выяснить настоящие.

Следующей стадией проверочного отбора становятся практические задания. Например, пройти на указанный балкон и встать рядом с хозяином квартиры; заменить

мембрану в телефонной трубке на стойке у гостиничного клерка или незаметно пройти пограничный контроль в аэропорту. В ходе всех этих заданий кандидата в разведчики могут задержать «полицейские», которые будут его допрашивать, чтобы выявить настоящее имя и провалить незадачливого кандидата.

Важной частью подготовки будущих разведчиков является знание иностранных языков. На базе «Моссада» существуют курсы изучения английского, французского, арабского, персидского и других языков. Некоторых курсантов посылают в спецшколы за границу — в Англию, Францию или Германию. Там заодно они учатся местному диалекту, слэнгу и, что не менее важно, образу жизни. Офицеров спецслужбы, у которых изучение языков идет плохо, посылают на учебу в заграничные университеты. Это, как правило, служит прикрытием для их профессиональной работы.

Будущих агентов учат искусству грима и смены легенд. А главное — выживанию в самых неблагоприятных условиях. Для этого их оставляют в чужой стране, с чужим паспортом, без денег, требуя вернуться в Израиль, не раскрывая своего настоящего имени. Те «рыцари плаща и кинжала», которые приходят за помощью в свое посольство или местную еврейскую общину, с курсов сразу же отчисляются.

Специализация во враждебной стране предусматривает предварительное изучение малейших деталей повседневной жизни, включая имена спортивных звезд и размер чаевых таксистам. Во враждебную страну курсантов отправляют через одну из европейских столиц, где в аэропорту их пытаются заставить написать свое настоящее имя и арестовывают по вымышленному обвинению в контрабанде. Курсант должен держаться своей легенды. За эту проверку надо получить 100 баллов и ни одним меньше.

В последнее время руководство «Моссада» включило в программу обучения новый специальный курс... потреб-

ления спиртного. Во время занятий будущих разведчиков обучают, что и в каких количествах пить и чем закусывать, чтобы всегда оставаться трезвыми. По окончании обучения курсантам устраивают своеобразный экзамен: в разведшколе накрывается стол с огромным количеством спиртного и различных закусок. На банкете под пристальным вниманием командиров курсанты должны много пить, но при этом оставаться трезвыми. Те, кто заваливает экзамен, проходят «курс спиртной подготовки» заново.

Ежемесячная зарплата главы «Моссада» приравнена к зарплатам шефа ШАБАКа (Служба общей безопасности — контрразведка), начальника Генштаба ЦАХАЛа (Армия обороны Израиля) и генерального комиссара полиции. Она составляет около 10 тыс. долларов США в месяц. Жалованье начальников отделов приравнено к жалованью старших армейских офицеров и варьируется от 5 до 8 тыс. долларов. Помимо всех благ и доплат, сотрудники «Моссада» могут выйти на пенсию в 45 лет (год службы за границей засчитывается за полтора).

Кстати, холостяков за границу не посылают, чтобы у них не было лишних соблазнов, а у разведслужбы — лишних проблем.

Надо заметить, что когда речь заходит об израильской разведке, первым делом вспоминают операции «Моссада» и почти никогда не говорят о других спецслужбах еврейского государства. Например, АМАН, ШАБАК.

АМАН. Данной аббревиатурой обозначается военная разведка — старейшая израильская спецслужба, возникшая еще в 1934 г. Она была необходима для отражения непрерывных нападений местных арабов на еврейские поселения.

После образования государства Израиль военная разведка получила название «Шерут модиин», и ее возглавил уже упоминавшийся Иссер Беери, а затем Хаим Герцог. Последний преобразовал это ведомство, превратив его

в полноценную разведывательную структуру, имевшую легальные резидентуры во многих европейских странах.

В декабре 1953 г. военная разведка была переименована в АМАН (аббревиатура «Агаф модиин» — «Разведывательное крыло») и стала одним из управлений Генерального штаба. Ей подчинялись войсковая разведка и разведслужба сухопутных войск.

После заключения 13 сентября 1993 г. Норвежских соглашений («Договор в Осло»), обусловивших создание Палестинской автономии, обстановка в Израиле резко изменилась, и борьба с арабским террором вовлекла главные силы и средства военной разведки. Однако уровень и количество информации о потенциальных противниках Израиля не упал, а даже несколько вырос за счет более интенсивного применения технических средств. К таким средствам относится сеть наблюдательных пунктов на Голанских высотах, оснащенных новейшей электронно-оптической аппаратурой. Новым этапом в этом направлении стал запуск при помощи космических ракет разведывательных спутников типа «Офек».

В настоящее время АМАН — ведущая разведывательная служба еврейского государства. Численность сотрудников военной разведки составляет около 7 тыс. человек.

ШАБАК («Шерут бетакон клали») также относится к системе спецслужб Израиля и несет ответственность за контрразведывательную деятельность и внутреннюю безопасность. Основные задачи — сбор информации об иностранных разведках как вражеских, так и дружественных, охрана израильских официальных лиц и учреждений за рубежом, расследование всех форм подрывной деятельности, направляемой внутренними или внешними силами, включая саботаж и терроризм в Израиле и за его пределами.

ШАБАК существует в рамках Министерства внутренних дел. Ее руководитель непосредственно подчиня-

ется министру, хотя в рамках своей компетенции самостоятельно осуществляет руководство подчиненной ему службой.

Операции ШАБАКа внутри Израиля могут быть разделены на следующие категории: против иностранцев в целом, против арабов и против израильтян-оппозиционеров как правого, так и левого толка.

Утверждается, что ШАБАК располагает обширной сетью информаторов из числа палестинцев и играет ключевую роль в осуществлении политики целенаправленной ликвидации тех, кого Израиль подозревает в террористической деятельности.

Говоря о спецслужбах Израиля, нельзя не упомянуть подразделения специального назначения (на иврите — «сайерет»). «Коммандос» отождествляли с парашютистами из воздушно-десантных войск, а самых любопытных пытались удовлетворить термином «разведчики».

Формально это не расходилось с действительностью, поскольку все солдаты израильских специальных частей одновременно являются парашютистами и выполняют, среди прочих, разведывательные задания. Точнее — диверсионно-разведывательные.

Первые подразделения, выполнявшие эти задания, появились еще до возникновения государства Израиль. То были ударные роты (ПАЛЬМАХ).

Во время Первой арабо-израильской войны (1948–1949) в составе ЦАХАЛа появились регулярные части спецназа. Ими стали подразделение морских «коммандос» — боевых пловцов, известных под названием «Флотилия-13», и разведывательно-диверсионный батальон «Шуалей Шимшон» («Лисы Самсона»).

Качественно новым шагом на пути становления израильского спецназа стало создание в 1958 г. подразделения «Сайерет Маткаль» — спецназа Генерального штаба, действующего главным образом за пределами страны.

В середине 70-х годов появилось подразделение «Ямаам», предназначенное для уничтожения террористов и освобождения заложников на территории Израиля. Затем было создано еще шесть специальных групп.

К спецназу относится ультрасекретное агентство «Мецуда», которое занимается вербовкой и засылкой агентыры в арабские государства. Его бойцы набираются исключительно из числа евреев, прибывших в Израиль из арабских стран.

Особой экзотикой отличаются части спецназа, известные под названием «Мистааравим» («Стать арабом»), созданное в 1987 г. Его бойцы действует на территории Палестинской автономии, разыскивая и уничтожая террористов.

Разумеется, список элитных подразделений ЦАХА-Ла этим не исчерпывается. В каждой элитной дивизии — «Голани», «Гивати» и т. п. — существует своя элита: спецназ и разведчасти. Главная привилегия этих частей заключается в том, что они всегда оказываются в наиболее опасных местах. Там, где, как принято говорить, риск — дело обычное...

Итак, уважаемый читатель, перед вами книга о деятельности израильских и арабских спецслужб, их противостоянии, которое продолжается по сей день. Я не ставил перед собою цель написать подробную монографию о секретных службах Израиля и арабских стран. Это просто невозможно. Я лишь попытался приподнять завесу секретности, используя материалы, которые попали мне в руки...

Операция «Кража»

Операция «Кража» стала первой операцией профессиональной разведки только что провозглашенного государства Израиль. Тогда еще не было ныне всем известного «Моссада». Тогда существовала секретная организация,

ставшая впоследствии ядром израильских спецслужб, которая называлась «Моссад ле-алия бет».

Она была создана в 1937 г., а возглавлял ее Шауль Авигур, которого в Израиле считают «отцом израильской разведки». Организация занималась нелегальной репатриацией евреев из Европы в еще остававшуюся под британским мандатом Палестину, а после окончания Второй мировой войны — тайными закупками оружия для «Хаганы». Именно с этими закупками и была связана нашумевшая операция «Кража», в которой важнейшую роль сыграла «Моссад ле-алия бет».

...29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 181 о разделе Палестины на два государства — арабское и еврейское. Из всех арабов, оказавшихся в ночь на 30 ноября свидетелями еврейского торжества, никто не наблюдал его в таких необычных обстоятельствах, как молодой капитан сирийской армии, пробиравшийся в гражданском костюме сквозь толпы ликующего народа на улицах Тель-Авива.

Когда город озарился первыми лучами солнца, капитан Абдул Азиз Керин стоял у окна своего номера в маленькой гостинице и с волнением смотрел вниз, на улицу, где счастливые юноши и девушки плясали хором. Капитану Керину было отчего волноваться — через несколько часов ему предстояло вылететь из аэропорта Лод в Прагу. Там он собирался закупить 10 тыс. винтовок и тысячу пулеметов — первую партию оружия, с помощью которого арабы надеялись развеять мечты танцоров, веселившихся под окнами отеля, где остановился молодой капитан.

Самолет компании «Свис эйр» оторвался от взлетной дорожки, пронесся над темно-зелеными волнами апельсиновых плантаций и взял курс на Средиземное море. Капитан Керин взглянул вниз на прямоугольники городских кварталов Тель-Авива, где еще несколько часов назад он наблюдал, как евреи пляшут и веселятся. Капитан отстег-

нул привязной ремень и закурил. Через семь часов он будет в Париже, а там пересядет на другой самолет, который доставит его до места назначения — в Прагу.

Сирия, недавно добившаяся независимости, получила право, которым, кроме нее и Ливана, еще не обладала ни одна арабская страна: право открыто закупать вооружение на международных рынках. Поэтому сирийское Министерство обороны осаждали многочисленные агенты оружейных фирм, посредники и контрабандисты, наперебой предлагавшие свои услуги.

Однако сирийский министр обороны Ахмед Шерабати рассудил, что не стоит связываться с этой не внушавшей доверия публикой. Он решил сделать большой заказ одному из самых солидных предприятий по производству оружия — Збройовскому заводу в чехословацком городе Брно.

И вот сейчас капитан Керин летел в Чехословакию, чтобы подтвердить сирийский заказ и организовать доставку оружия в Дамаск. В масштабах Второй мировой войны те 10 тыс. винтовок, за которыми он ехал, показались бы мелочью. Но в масштабах, которыми мыслили евреи Палестины, — а именно против них предназначались эти винтовки, — такая партия оружия была огромной. Во всех арсеналах «Хаганы» не набралось бы и половины этого количества.

В том же самолете, на несколько рядов позади сирийского офицера, сидел другой пассажир — коренастый, плотный человек в костюме, который был ему явно тесен. Пассажир уткнулся в номер еврейской ежедневной газеты «Давар». Весь его багаж состоял из этой газеты да еще зубной щетки и двух книг — Библии и «Фауста» Гёте.

Согласно палестинскому паспорту, этого пассажира звали Джордж Александр Иберал, и он был коммерческим директором еврейской строительной фирмы «Солель Боне». Однако только одна запись у него в паспорте соот-

ветствовала действительности — его возраст, 31 год, и, разумеется, фотография, с которой смотрело круглое хмурое лицо с большими спокойными и решительными глазами.

На самом деле его звали Эхуд Авриэль. Он вовсе не был коммерческим директором «Солель Боне», да и вообще не был никаким директором. Однако в Европу он летел все же по коммерческому делу. Притом по тому же самому, что и капитан Керин. Он тоже собирался купить в Европе 10 тыс. винтовок.

Несколько часов назад в киббуц, где жил Авриэль, въехал потрепанный «Форд», и водитель сказал ему:

— Поехали. Нас ждут в Иерусалиме.

Авриэль не удивился. За те десять лет, которые этот тихий интеллигент из Австрии посвятил сионистскому делу, он много раз блестяще справлялся с самыми, казалось бы, невыполнимыми заданиями. Сначала в Вене, потом в Стамбуле, Афинах и, наконец, в Париже, где он руководил одной из самых необычайных операций — нелегальной иммиграцией европейских евреев в Палестину.

В разгар Второй мировой войны он даже сумел внедрить несколько своих людей в администрацию гитлеровских лагерей смерти. Более 100 тыс. евреев из разных стран Европы были лично обязаны жизнью Авриэлю и его организации «Моссад ле-алия бет». И вот теперь, через два месяца после возвращения домой, его снова отрывали от семьи и от киббуца.

— Вот что, мой молодой друг, — сказал ему будущий первый премьер-министр еврейского государства Давид Бен-Гурион, когда Авриэль вошел в кабинет «Старика». — Война разразится очень скоро. Арабы готовятся повсюду. Рано или поздно в Палестину вторгнутся пять арабских армий.

И Бен-Гурион поручил Авриэлю отправиться в Европу и использовать свой опыт руководства нелегальной иммиграцией для закупки оружия.

— Мы меняем тактику, — продолжал «Старик». — Сейчас у меня нет времени на то, чтобы засунуть полдюжины винтовок в мотор трактора и ждать, пока этот трактор морем доставят в Хайфу. Теперь мы должны действовать быстро и решительно. В твоём распоряжении миллион долларов. Эти деньги положены на твой текущий счет в «Юнион де Банк Сюисс» в Женеве. Вот список того, что нам нужно.

Бен-Гурион вытащил из кармана тщательно сложенный лист бумаги, на котором было всего лишь шесть строк, напечатанных на машинке. Авриэль прочел список: 10 тыс. винтовок, миллион патронов, тысяча ручных пулеметов, 1500 станковых пулеметов.

Когда Авриэль оторвал глаза от списка, Бен-Гурион взял с письменного стола еще один лист бумаги. Это было письмо.

— В Париже живет еврей-бизнесмен по имени Клиггер, — сказал «Старик». — Он обещает помочь нам достать это. Тебе нужно немедленно лететь во Францию.

Затем, встав, Бен-Гурион вышел из-за стола и положил на плечо Авриэлю свою тяжелую руку:

— Эхуд, ты должен добыть эти десять тысяч винтовок...

В одном из номеров парижского отеля «Калифорния» на улице Берри было сизо от клубов сигарного дыма. На краю кровати сидел Авриэль, в отчаянии сжав руками свой лысый череп. Оказалось, что парижский еврей-бизнесмен, который должен был распахнуть перед ним двери европейских арсеналов, знает о торговле оружием не больше, чем он, Авриэль, о торговле розами. В отчаянной попытке найти «агенту» какую-нибудь стоящую замену Ариэль провел весь день в переговорах, казалось, со всеми европейскими самозванцами, выдававшими себя за торговцев оружием.

Сейчас, на исходе дня, перед Авриэлем сидел его последний собеседник — румынский еврей, владелец неболь-

шой импортно-экспортной конторы Роберт Адам Абрамович. Несколько смущенно он объяснил Авриэлю, что в 1943 г. на борту небольшой парусной лодки нелегально пробрался в Палестину, но не остался там: Земля обетованная оказалась для него слишком тесной и слишком спартанской.

— Я люблю хорошо пожить, — признался он. — Я люблю лошадей, люблю женщин. Поэтому, когда война кончилась, я переехал во Францию. Не будь я столь требователен и останься в Палестине, Бен-Гурион наверняка послал бы закупать оружие меня, а не вас.

До войны он служил румынским представителем одной из крупнейших в Европе фирм по производству оружия, и руководители фирмы до сих пор оставались его близкими друзьями.

— Они продадут нам все, что нужно, — заверил он ошеломленного Авриэля.

Он вытащил из портфеля два объемистых каталога. Авриэль в изумлении листал страницы, на которых красовались фотографии столь разнообразных средств истребления, что даже богатая фантазия Бен-Гуриона не могла бы такого вообразить.

Однако Абрамович предупредил, что нужно преодолеть одно затруднение. Фирма, о которой шла речь, не имела права заключать торговые сделки с частными лицами. Она могла иметь дело только с официальным представителем суверенного государства. Поскольку еврейскому государству формально предстояло появиться на свет через несколько месяцев, Авриэлю необходимо было запастись верительными грамотами какой-нибудь другой страны.

Авриэль с минуту подумал, а потом послал своего помощника в контору за углом, на улицу Понтье, 53, откуда он не так давно руководил подпольными операциями Еврейского агентства по осуществлению нелегальной иммиграции в Палестину. Там, в нижнем ящике его старого пись-

менного стола, лежала папка с бумагами. Эти бумаги могли помочь найти выход из положения.

На обложке папки было написано название страны, которая если и имела когда-нибудь сношения с евреями, то разве только в библейскую эпоху, во времена царя Соломона и царицы Савской. Год тому назад Авриэль за тысячу долларов приобрел у бывшего русского князя, ныне служившего у эфиопского императора Хайле Селассие I, сотню самых что ни на есть подлинных (за подписью и печатью) бланков дипломатического представительства Эфиопии в Париже. Тогда он печатал на этих бланках фальшивые визы для еврейских иммигрантов, направлявшихся через территорию Франции к портам, в которых они тайно грузились на суда, отплывавшие в Палестину.

Помощник принес папку. Там оставалось восемь бланков. Абрамович взглянул на них и понимающе улыбнулся. Это были как раз такие бумаги, какие требовались.

Абрамович вынул из кармана два конверта. Один оставил себе, другой протянул Авриэлю. Румынский эпикуреец все предусмотрел. В конвертах были билеты на самолет в столицу той страны, где находилось правление его оружейной фирмы.

В тот момент, когда Авриэль радовался неожиданной удаче, за тысячу километров от Парижа капитан сирийской армии тоже радовался успеху своей европейской миссии. Пока Авриэль беседовал с Абрамовичем, Керин, сидя в красивом современном здании правления чехословацкой оружейной фирмы на проспекте Бельхридо, 20, в Праге, договаривался о покупке оружия. Уже сегодня, меньше чем через сутки после своего прибытия в столицу Чехословакии, капитан мог поздравить себя с тем, что он приобрел для своей страны 10 тыс. маузеров модели «Э-18», 100 автоматов «МГ-34» и приступил к организации их доставки в Дамаск.

Молодой сириец радовался бы куда меньше, если бы знал, какой следующий клиент войдет в красивое современное здание оружейной фирмы, где он провел сегодня весь день. Ибо в тот момент, когда капитан садился обедать, этот, другой, клиент укладывал в чемоданчик свою зубную щетку, Библию и «Фауста», собираясь выехать в Прагу, где у него на следующий день была назначена встреча с директором Збройовского завода.

С появлением Авриэля в Праге началась новая фаза в борьбе, которая для палестинского «ишува» была не менее важной, чем борьба за воду для полива. До 1936 г. оружие для защиты еврейских поселений покупалось в основном у тех же арабов, от чьих нападений евреям приходилось обороняться. После 1936 г. оружие начало поступать из Европы. Его прятали в тракторах, дорожных катках, паровых котлах и сельскохозяйственных машинах, доставлявшихся морем в Хайфу.

После Второй мировой войны тель-авивскому химику и инженеру-механику Хаиму Славину удалось закупить в США почти новые станки по производству оружия, предназначенные к утилизации. Закупленные станки он разобрал на мельчайшие детали, развинтив их до последнего шурупа и последней гайки. Все это он разложил и квалифицировал по одному ему известному принципу и переправил в Палестину под видом текстильного оборудования. Догадаться об истинном предназначении этого «железного хлама» мог бы только инженерный гений, но среди таможенников такого не оказалось.

С отрадной регулярностью коридорный доставлял обитателю номера 121 пражского отеля «Алькорн» небольшие листки бумаги. Это были квитанции Живностенского банка, подтверждавшие получение переводов из нью-йоркского банка «Чейз Манхеттен», пересылавшего деньги через один из швейцарских банков на текущий счет Эхуда Авриэля. Сюда из Америки лился непрерывный поток

долларового «урожая», собранного Голдой Меир (Мейерсон) во время ее американской поездки.

Авриэль за какие-нибудь полтора месяца закупил 25 тыс. винтовок, 5 тыс. автоматов, 300 пулеметов и 50 млн. патронов. Однако человек, который в поисках оружия прилетел в Европу с зубной щеткой и томиком «Фауста», теперь мыслил уже не в масштабах нескольких тысяч винтовок. Сейчас следовало подумать о закупке танков, самолетов и пушек.

Прилетев ненадолго из Европы в Тель-Авив, чтобы познакомиться Бен-Гуриона с возможностями приобретения оружия в Чехословакии, Авриэль узнал, что финансовое положение «Хаганы» изменилось к лучшему.

— Вам больше не надо беспокоиться о деньгах, — сказал Бен-Гурион. — Только скажите, сколько вам потребуется.

В закупках оружия наступил новый этап. Отныне задача заключалась в том, чтобы, где только возможно, добывать тяжелое вооружение.

Авриэлю потребовалось три месяца, чтобы найти судовладельца, который согласился бы доставить в Палестину большую часть закупленного оружия. Наконец в одном югославском порту он обнаружил небольшое судно под названием «Нора». Чтобы переправить чешские винтовки через британскую таможню, Авриэль скрыл их под таким товаром, который отбивал всякую охоту копаться в нем, — поверх оружия судно загрузили шестьюстами тоннами итальянского лука.

Ветхое суденышко, зафрахтованное Авриэлем, сослужило ему еще одну службу. Когда он однажды пришел в контору югославского пароходного агентства, нашедшего для него «Нору», один из служащих шепнул ему:

— Поздравляю! Вы, я вижу, нашли еще одно судно. Мы уже дали указание погрузить на «Лино» следующую партию вашего товара.

Кустистые брови Авриэля лишь на мгновение приподнялись. Никакой другой партии товара он через Югосла-

вию не отправлял. Однако он сразу же сообразил, кто побывал здесь.

Наверное, никто иной, как капитан Керин. Никакой британский патруль не станет мешать судну сирийского капитана достигнуть порта назначения. Значит, эту задачу должен взять на себя кто-то другой. Теперь, помимо заботы о том, как прорвать чужую блокаду, Авриэлю предстояло ломать голову еще над тем, как бы установить свою собственную.

Он проинформировал Шауля Авигура, а тот — Бен-Гуриона. Решение последовало мгновенно: сделать все, чтобы сирийская армия не получила оружия, закупленного в Чехословакии.

...Трое суток пилот «Хаганы» Фредди Фредкенс рыскал на своем «кукурузнике» над Средиземным морем с грузом самодельных бомб на борту, разыскивая судно «Лино». На четвертые сутки он обнаружил пропавший корабль там же, где и вся Италия, — на страницах итальянской прессы.

Оказалось, что шторм загнал «Лино» в порт Мальфетта, расположенный севернее Бари. Одна из сотрудниц Авигура — Ада Серени сообщила корреспонденту местной газеты, что в порту стоит судно, которое загрузили оружием... итальянские коммунисты.

Был период предвыборной кампании, соперничали христианские демократы и коммунисты. На следующий день газеты вышли с аршинными заголовками, кричащими о прибытии в итальянский порт таинственного груза оружия. Правительство немедленно отдало приказ арестовать команду судна, а само судно отбуксировать в порт Бари и поставить — до окончательного расследования — под вооруженную команду.

Это предоставило отличную возможность потопить судно. Задача была возложена на Моню Мардора, одного из самых отважных агентов в Европе. Он немедленно помчался в Бари на грузовике, замаскированном под грузо-

вик американской армии. В запасном бензобаке машины была спрятана взрывчатка.

Подобраться к «Лино» по суше не было никакой возможности. Оставалось подплыть к нему с моря. Первая попытка не удалась. Бдительные итальянские охранники обнаружили лодку Мардора. Вторая попытка была принята 9 апреля 1948 г.

В одиннадцать часов вечера надувной плот с двумя водолазами и подрывником отошел от берега в глухом уголке гавани. Плот проник в военный порт и подошел к борту «Лино». Водолазы прыгнули в воду и приладили к корпусу судна мощную самодельную мину, которая должна была взорваться через несколько часов.

В 5.00 в порту Бари раздался чудовищный силы взрыв, проделавший в борту «Лино» огромную пробоину. Шесть тысяч винтовок и восемь миллионов патронов, закупленных капитаном Керингом в Праге, погрузились на дно.

Видимо, сирийцы очень дорожили оружием, закупленным в Чехословакии. Во всяком случае, через две недели после описанных событий из Сирии в Италию был спешно командирован полковник Фуад Мардам. Он предъявил итальянским властям доказательства того, что груз оружия на «Лино» предназначался для Сирии. Ему удалось поднять из воды большинство ящиков с винтовками. Но восемь миллионов патронов погибли безвозвратно.

Эта катастрофа только подстегнула арабов. Они принялись лихорадочно скупать оружие. Торговцы наперебой предлагали свой товар. Некий чех продал 6 тыс. винтовок и 5 млн. патронов в обмен на оливковое масло. Какой-то испанец обязался поставить 20 тыс. маузеров и 20 млн. патронов. Итальянцы предложили 400 минометов и 180 тыс. мин, швейцарский гражданин — противотанковые ружья. Один пронырливый гамбургский делец предложил личную яхту Гитлера и целый флот потрепанных подводных лодок.

Хотя евреи не имели права закупать оружие открыто, как арабские страны, но и люди Бен-Гуриона тоже могли похвастаться немалыми достижениями. В римских отелях и ангарах Панамы ожидали указаний сто пилотов, готовых ринуться в бой, — идеалистов, сионистов, наемников, авантюристов, евреев и неевреев, выходцев из США, Европы, Южной Африки, из азиатских стран.

Посланцы Бен-Гуриона закупали во всех странах света бронированные автомобили и артиллерию, легкое стрелковое оружие и боеприпасы. Однако все это могло иметь ценность, только будучи доставленным в Палестину. А англичане, несмотря на близкое окончание срока мандата, надзирали за палестинским побережьем также зорко, как и прежде...

Арабы возлагали большие надежды на успешное завершение миссии полковника Мардама в итальянском порту Бари. После долгих трудов он привел в порядок часть винтовок, поднятых со дна. Вычищенные и смазанные, они лежали на складе, но Мардаму не удавалось найти судно для отправки груза на Ближний Восток.

Наконец ему посчастливилось связаться с судовым агентством «Менара» в Риме, которое за миллион лир зафрахтовало судно для сирийского полковника — 250-тонный корвет «Аргиро». Мардам погрузил свои винтовки на это судно и протелеграфировал в Дамаск, что груз отправлен.

Груз действительно был отправлен... Но не в Александрию. Агентство «Менара», куда обратился Мардам, действительно занималось фрахтом судов. Но оно, кроме того, сотрудничало с «Моссад ле-алия бет». В результате, когда корвет «Аргиро» вышел в море, на его борту находились два новых члена команды, принятых перед самым отплытием взамен якобы заболевших. Это были агенты Авигура.

В море корабль догнали быстроходные катера, команда была захвачена, а груз доставлен в Хайфу. Операция

«Кража» была успешно завершена. Причем агенты «Моссад ле-алия бет» нигде не оставили никаких следов...

В Сирии полковника Мардама приговорили к расстрелу — за сотрудничество с врагом. Вот тут израильтяне проявили то, что можно определить как своеобразное щегольство. Через французское посольство они передали сирийцам послание, в котором содержались все (!) подробности операции «Кража», которые доказывали невиновность сирийского офицера. Но тот уже был расстрелян...

Операция «Сусанна»

Первые разведывательные операции против Египта были проведены еще в 1951 г. и несли во многом ознакомительный характер. В Египет были направлены агент Авраам Дар и независимо от него, с другим заданием, Макс Беннет.

Дар в совершенстве владел английским языком и имел опыт оперативной работы. С точки зрения спецслужб, он был вполне надежным человеком. Но, как оказалось, он не выделялся ни тактическим разведывательным мастерством, ни аналитическими способностями и не обладал качествами лидера.

В Египте он выступал под именем Джона Дарлинга, представителя английской электротехнической компании. Для работы под этой легендой у него был серьезный недостаток: внук еврея, родившегося в Йемене, он был довольно смуглым, что, мягко говоря, не совсем вязалось с его английским паспортом.

«Имя Дарлинга, — вспоминал впоследствии Дар, — было выбрано неслучайно. В Египте был английский офицер с такой же фамилией, и мои «семейные связи» могли оказаться полезными».

На первом этапе работа у Дара шла на удивление хорошо. Даже иногда складывалось впечатление, что ему кто-то подыгрывал.

После того как Дар обосновался в Египте под своей новой фамилией, — даже настоящий англичанин, майор Дарлинг, вроде бы поверил в то, что они являются родственниками, — он начал заниматься тем, ради чего его сюда направили: создавать агентурную сеть, которая в нужный момент будет выполнять секретные задания. Впрочем, этим задание агентуре, набранной из молодых каирских и александрийских евреев, не ограничивалось. Они должны были составлять костяк отрядов самообороны.

Дару удалось создать две агентурные группы из молодых сионистов. В 1952 г. их тайно вывозили в Израиль для специальной подготовки. Но она прошла плохо: инструкторам «подразделения 131» с большим трудом удалось обучить парней из Египта элементарным вещам вроде тайнописи, осуществления шифрованных радиопередач, которые оказались для них чем-то вроде ядерной физики. Одним из немногих исключений среди них оказался Эли Коэн, самородок, который спустя десятилетие стал «лучшим шпионом» Израиля.

Также следует отметить, что и Дар, и руководство оперативного отдела сработало плохо — нельзя было не обратить внимание на то, что агенты подобраны, за единственным исключением, плохо и перспективы работы их в Египте крайне сомнительны. Тем не менее все они были возвращены в Каир и Александрию. Связь между группами и резидентом (им был назначен Франк, он же Аври Эль-Ад, он же Авраам Зайденверг) осуществляла любовница Дара, агент-женщина по имени Марсель Ниньо, которая на полученные от Израиля деньги открыла туристское агентство.

Агентурные группы находились в состоянии «спячки» в течение трех лет, пока в 1954 г. не получили посланный по радио условный сигнал к началу операции «Сусанна». Фактически сеть была не готова к активизации. Не хвата-

ло элементарных вещей: устойчивой связи с центром, документального обеспечения на случай провала, даже резервной системы оповещения и предупреждения.

Невысок был и уровень профессиональной подготовки. Группы не были организованы в небольшие ячейки со своими командирами, что всегда снижает опасность провала. Собственно, предполагалось начать работу в 1956 г. Бен-Гурион, уходя в первую отставку, предупредил соратников: «Учтите, 1956 год будет самым тяжелым. Египет и Сирия к тому времени восстановят свои армии».

Авраам Зайденверг был сыном австрийского политика-еврея. Его отец погиб в нацистском концлагере. Авраам переехал в Израиль, сменил имя на Аври Эль-Ад и пошел на военную службу.

Во время войны 1948 г. он отличился в отряде ПАЛЬМАХ и к 22 годам получил звание майора, но вскоре попал под суд за мародерство. Опозоренный, разведенный и безработный Эль-Ад, однако же, показался оперативникам «подразделения 131» превосходным материалом для шпионской миссии — вербовщики сочли, что ему нечего терять и он будет благодарен за возможность реабилитации.

Учитывая происхождение, образование, владение языками и внешность Зайденверга, лучшим вариантом легенды было выдавать его за немца или австрийца. Военная разведка позаимствовала имя одного из сравнительно недавних иммигрантов немецкого происхождения Пауля Франка, и нарекла этим именем своего нового рекрута.

Пауль Франк на девять месяцев отправился в Германию, чтобы освежить свои знания о стране, обзавестись знакомствами, которые могут оказаться полезными в Египте и, естественно, «обкатать» свою легенду. Там же он, по рекомендации АМАНа, прошел очень болезненную, хотя очень необходимую с точки зрения прикрытия, операцию по ликвидации следов обрезания. Немецкому хирургу Франк объяснил свое желание восстановить крайнюю

плоть тем, что ему очень не нравится, когда сексуальные партнерши принимают его за еврея. Доктор ему посочувствовал...

Месяцы, проведенные в Германии, вызвали некоторую тревогу — Франк не избегал контактов с приезжими израильтянами. Туда был даже направлен подполковник Алмог из военной разведки, но, разобравшись на месте и побеседовав с Эль-Адом, пришел к выводу, что внедрение может продолжаться...

В декабре 1953 г. Пауль Франк под видом богатого немецкого предпринимателя выехал в Египет. Его хорошо приняли в растущей немецкой колонии, где в те годы скрывались многие нацисты и проживало большое число технических специалистов, привлеченных египтянами к работе в оборонной промышленности.

Однако хорошее начало — еще не всегда залог успешного финала. Зайденверг-Франк, возглавив шпионскую сеть в Каире, совершил едва ли не все возможные ошибки, зафиксированные в учебниках по разведке. Игнорируя элементарные правила, он «засветился» перед всей своей сетью. Вместо конспиративного контакта с руководителями групп «Роберт» — это был его оперативный псевдоним — беседовал со своими агентами и даже посещал их дома, знакомился с членами семей. В то же время не предпринял ничего для совершенствования, скажем, системы связи и сигнализации в группах, которая была поставлена на любительском уровне.

Можно предположить, что сеть эта неизбежно должна была провалиться, как только привлечет к себе внимание службы безопасности любыми особо острыми действиями. А операция «Сусанна», начатая 30 июня 1954 г., потребовала совершения диверсий и терактов. Однако взрывать должны были не египетские военные объекты. Это были кинотеатры, почтовые отделения, американские и английские учреждения — по весьма сомнительному пред-

положению руководства разведкой, это якобы должно было вызвать недовольство Вашингтона и Лондона, создать впечатление ненадежности и нестабильности нового правительства Египта.

Сам замысел операции «Сусанна» был, как считают эксперты, бездарным. По сути, это была попытка механически перенести на совершенно другие исторические условия опыт диверсионно-террористической борьбы, которая осуществлялась в разных странах против оккупационных режимов. Но ко времени ее начала еврейское государство превратилось в активного и важного участника международной политики. Получившая огласку попытка использовать нелепые и провокационные методы, особенно против Египта, для того, чтобы настроить западные державы против арабов, принесла Израилю только вред.

Операция началась со взрыва почты в Александрии. Молодые агенты Филип Натансон и Виктор Леви подорвали небольшие взрывные устройства, спрятанные в футляры от очков. Причиненный ущерб был незначительным, а египетская цензура запретила печатать об этом в газетах. В результате имидж Египта несколько не пострадал. Но египетская охранка усилила контрразведывательные операции.

Неделю спустя условным сообщением через легальную израильскую радиостанцию разведсети были поставлены новые и более амбициозные задачи: заминировать александрийскую и каирскую библиотеки Американского информационного центра. Прогремели взрывы и в кинотеатрах, и на железнодорожном вокзале. На этот раз местная и международная пресса сообщила о взрывах.

В «подразделении 131» решили, что все идет хорошо, и дали задание продолжать диверсии. И вот 23 июля в Каире взорвались еще две бомбы, причем одна из них сработала в кармане Натансона.

Раненого Филипа арестовали на месте. Вся операция «Сусанна», призрак которой еще несколько лет будет преследовать Израиль, рухнула. Раненого юношу жестокими пытками «раскололи» в первые же часы, а затем египетская служба безопасности арестовала практически всю сеть, состоявшую главным образом из местных евреев, знавших друг друга.

Вскоре была арестована и Марсель Ниньо. Арестовали и Макса Беннета, который из-за ошибки руководства был «засвечен» связью с этими разведгруппами. Только нескольким человекам, в том числе Франку (ему удалось бежать из Египта) и Эли Коэну, который интуитивно соблюдал более строгие правила конспирации, чем другие молодые агенты, удалось избежать египетских застенков. Его, правда, арестовали, поскольку взяли всех, кто был знаком с Леви, Дассом, Натансоном и прочими. Но вскоре выпустили: он сумел построить убедительную линию доказательств своей невиновности на допросе. В 1955 г. он присутствовал на публичной казни двух своих товарищей.

Остальных агентов приговорили к длительным срокам лишения свободы. После Суэцкой кампании 1956 г. был предложен обмен арестованных агентов на египтян, находившихся в плену. Но начальник израильского Генштаба Моше Даян выступил против обмена, считая, что это скомпрометирует Израиль. Только в 1968 г., после «шестидневной войны», Марсель Ниньо, Филипа Натансона, Роберта Дасса и Виктора Леви обменяли на несколько тысяч египетских военнопленных.

В числе проваленных оказался и разведчик-нелегал, самый ценный в то время агент в Египте Меир Беннет.

Меир Беннет родился в 1918 г. в Венгрии. В 1935-м его семья эмигрировала в Палестину. Беннет начал работать в «Алия-Бет», но вскоре его завербовали в военную разведку. Знание шести иностранных языков позволило ему выполнять задания в различных странах.

В 1951 г., когда Беннет попал в Египет, он имел уже звание майора. Так же как и Зайденберг, Беннет работал там под прикрытием немецкого паспорта, выданного на имя Эмиля Витбейна. По легенде, он являлся бывшим нацистом и представлял реально существующую германскую компанию, изготавливающую протезы. Позже он стал консультантом, затем главным инженером на египетском автосборочном заводе компании «Форд».

Самым крупным клиентом «Форда» была египетская армия, и это давало Беннету широкий доступ в военные круги и на военные базы Египта. В результате от Беннета стала поступать весьма значительная и достоверная информация, а его прикрытие срабатывало очень успешно. Работа могла бы еще продолжаться долго и принести много пользы для Израиля. Его провал произошел только из-за неправильных действий руководства.

Одним из первых симптомов ошибок «наверху» стала засветка местопребывания агента. Жена Беннета, Джин, оставшаяся в Израиле, не должна была знать, где он находится. Письма к ней Беннет направлял на конспиративный адрес в Лондоне, откуда они должны были пересылаться в Израиль.

Однажды один из его кураторов забыл отклеить египетские марки. Так Джин узнала о местонахождении мужа. В агентурной разведке мелочей нет. Уже этот «прокол» мог обернуться провалом, окажись, например, Джин менее сдержанной.

Следующий «прокол» обернулся провалом и стоил жизни агенту, который скрупулезно выполнял поставшие ему задания. «Это была идиотская ошибка его кураторов, — вспоминал впоследствии Авраам Дар. — Оборвалась связь с группой Франка, и они выбрали самый легкий путь передачи ему денег. Правила конспирации запрещают контакты между различными разведгруппами, особенно если они выполняют разные задания. Но кура-

торы действовали глупо. Они заставили Беннета встречаться с Марсель Ниньо и Франком и передавать им деньги».

После ареста Натансона и еще десяти членов разведгрупп до Беннета непременно бы добрались, вопрос был только во времени. Он понимал, что надо уходить. У него были возможности экстренной эвакуации, но плохая подготовка других агентов лишила его последнего шанса.

Марсель Ниньо после первых арестов агентуры несколько дней находилась на свободе, но «под колпаком» египетской контрразведки. По неопытности, не обнаружив за собой слежку, растерянная Марсель явилась за советом и помощью прямо на квартиру Беннета. Египтяне ворвались вслед за ней и обнаружили его с включенным передатчиком на связи с Тель-Авивом.

Как и остальных арестованных, его подвергли жестоким пыткам. Об их тяжести можно судить хотя бы по тому, что Марсель Ниньо дважды пыталась покончить собой. Один раз ей удалось выброситься из окна, но ее подлечили и продолжали пытать, пока не «сломали». А еще одного арестованного еврея, который просто ничего не знал и не мог сказать, замучили до смерти.

Так же не выдержали пыток и остальные арестованные. Не сломался только Беннет — и только ценой своей жизни. 21 декабря 1954 г. в тюремной камере он вскрыл себе вены и умер за день до того, как должен был предстать перед судом. Тело Беннета было отправлено в Италию для похорон, и только в 1959 г. он был тайно перезахоронен в Израиле. В 1988 г. Израиль официально признал Беннета своим агентом и на специальной церемонии в Министерстве обороны в Тель-Авиве ему было посмертно присвоено звание подполковника.

В результате всего произошедшего резко усилились преследования евреев в Египте и других арабских странах; обострились отношения с египетским руководством

и заметно пострадал престиж Израиля на международной арене. Специальная операция принесла в конечном итоге гораздо больше вреда, чем «пользы». В самом Израиле в результате «дела Лавона» (ответственность за провалы была возложена, прежде всего, на Министерство обороны и его главу Пинхаса Лавона, которому подчинялся АМАН), были отправлены в отставку министр обороны и шеф АМАНа Джибли, один из инициаторов операции «Сузанна». Дисциплинарные взыскания понесли сотрудники военной разведки, которые курировали операцию.

Последним штрихом в этом деле стала «разборка» с Зайденвергом, которому удалось бежать из Египта. И это одна из самых темных страниц в истории разведсообщества Израиля.

Военную разведку возглавил генерал-майор Харкаби. Харкаби продолжал доверять Эль-Аду. Но по версии, поддерживаемой самим Иссером Харэлом, якобы обладавшим каким-то особым нюхом на предательство, удачный побег Авраама из Египта показался подозрительным и возникли опасения, что Эль-Ад стал двойником. Харэль тайно от Харкаби направил агентов ШАБАКА в Европу для слежки за Эль-Адом.

Вскоре агентам ШАБАКА удалось установить, что в Бонне Эль-Ад встретился с офицером аппарата египетского военного атташе и якобы передал ему секретные документы израильской разведки. Доклада наблюдателей было достаточно для того, чтобы Харэль окончательно пришел к печальному выводу: агент АМАНа оказался предателем.

Эль-Ада немедленно отозвали в Израиль и арестовали. Следствие продолжалось 9 месяцев, и в июле 1959 г. он был предан суду за шпионаж в пользу Египта. Суд, который проходил в условиях необычной даже для Израиля секретности, приговорил Эль-Ада к 10 годам тюрьмы.

Военная цензура запретила публиковать детали этого процесса и имена всех, кто был связан с этим делом.

Но другая версия этого дела весьма значительно отличается от этой, и нельзя сказать, что не имеет права на существование. Неоспоримым остается факт, что мастерам допросов из ШАБАКа так и не удалось «сломать» Эль-Ада и добиться от него признания в том, что он сотрудничал с разведкой Египта, или в том, что он предал своих товарищей в Каире и Александрии. Отрицал Эль-Ад свою вину и на суде. Поэтому полной уверенности в его вине, по-видимому, у судей не было.

Приговор кажется суровым, но если бы все обвинения против Эль-Ада соответствовали действительности и были признаны судьями, он бы получил, как минимум, вдвое больше, если не пожизненное заключение. Сам же Зайденверг после выхода из тюрьмы уехал в Калифорнию и там издал книгу о том, как Харэль сфабриковал против него дело. Он также рассказал, что офицеры «подразделения 131» вступили в сговор, чтобы свалить вину за провал операции «Сусанна» на Пинхаса Лавона, который не мог вникать и не вникал в профессиональные моменты.

В марте 2005 г., пятьдесят лет спустя, Марселю Ниньо, Роберту Дассу, Меиру Цафрану, уже освобожденным из египетской тюрьмы, в знак признания заслуг перед еврейским государством были присвоены воинские звания. Ниньо и Дасс стали подполковниками запаса, а Цафран получил звание майора запаса ЦАХАЛа.

Эти трое являются последними из ныне живых членов израильской разведывательно-диверсионной группы, участвовавших в операции «Сусанна».

Церемония их чествования прошла в резиденции президента Израиля в Иерусалиме и была приурочена к 50-й годовщине казни двух членов группы — Мусы (Моше) Марзука и Шмуэля Азара, которым египетский суд вынес смертный приговор. Еще двое — Филип Натансон и Вик-

тор Леви — получили пожизненные сроки, а Ниньо и Дас-са были приговорены к 15 годам тюрьмы. Меир Мейхус и Меир Цафран получили по семь лет, а Сезар Коэн и Эли Наим были признаны невиновными.

Агент по кличке «Томи»

Летом 1955 г. из Египта депортировали двух немецких специалистов, занимавшихся разработками новых видов оружия. Эта история вызвала пристальный интерес в «Моссаде». Глава этого ведомства Иссер Харэль был одним из немногих, кто знал, что оба инженера являлись израильскими агентами.

Он долго ломал голову над вопросом: на чем же «Моссад» прокололся? как египтяне узнали, кем в действительности были эти немецкие разработчики? Только через год глава разведки пришел к выводу, что провалу его людей и их последующей депортации из Каира способствовала успешная операция советского агента, внедренного в систему служб безопасности.

По сведениям израильского еженедельника «Глобус», это был Зеэв Авни, один из наиболее опасных и ловких агентов Москвы, работавших в Израиле. У Харэля не было основательных подозрений против него, официально числившегося в Министерстве иностранных дел, а фактически являвшегося сотрудником «Моссада». Но недаром Харэль славился своей интуицией, которая так часто выручала эту секретную службу. Не обманула она «маленького Иссера» и на этот раз.

Он пригласил Авни для встречи с глазу на глаз, где напрямую сказал ему:

— Мне известно, что ты — советский шпион!

Смолчи тогда Авни, начни отрицать эти обвинения, то «сэкономил» бы себе семь лет «заключения». Но он сразу же сознался и поведал, что КГБ завербовал его для проведе-

ния секретных операций против Израиля. На предложение сотрудничать со следствием он тотчас дал согласие.

Зеэв Авни (он же — Вульф Гольдштейн) родился в 1925 г. в Риге. Его отец в молодости увлекался революционными идеями, был активистом студенческого социалистического движения Латвии. В 20-е годы семья переехала в Берлин, а с приходом Гитлера к власти — в Цюрих.

Вульф был высок, силен, на еврея не был похож. Взгляды отца оказали на него заметное влияние, и в 15-летнем возрасте он увлекся марксистскими идеями, запоем читал книги об Октябрьской революции.

В 1942 г. в Швейцарии он встретился с Карелом Вибралом, который представился как чешский эмигрант, придерживающийся коммунистических убеждений. В действительности он был офицером Главного разведывательного управления Красной армии и действовал под подпольным псевдонимом «Пауль». Он взялся обучать Вульфа русскому языку и постепенно завербовал его, дав ему подпольную кличку «Томи».

После провозглашения государства Израиль Карел порекомендовал Вульфу репатрироваться и ждать от него дальнейших распоряжений. Но тот, вопреки всяким законам конспирации, установил контакт с советским посольством в Израиле и сразу представился как «Томи», сообщив, что его куратор — Карел Вибрал. Тогда атташе по культуре, в действительности советский агент, попросил Вульфа вернуться в киббуц (сельскохозяйственное поселение), где тот жил, и ждать указаний.

Авни очень хотелось продемонстрировать свою лояльность СССР. Он не понимал, почему так долго бездействует, почему не воспользуются его услугами. В киббуце его знали как пламенного коммуниста, глубоко скорбевшего о смерти Сталина.

Только в середине 50-х годов с ним вышли на связь и велели проникнуть в систему Министерства иностранных

дел. Тут помогло знание языков, и Авни приняли на работу в дипломатическую миссию в Швейцарии. Именно тогда Вульф Гольдштейн изменил имя, став Зеэвом Авни.

После недолгого пребывания в Швейцарии он вернулся в Израиль и стал рядовым чиновником МИДа. Его куратором был Юрий Любимов, работавший под прикрытием первого секретаря советского посольства. Авни стал передавать важную разведывательную информацию...

В ничего не подозревавшем в израильском МИДе им были довольны и вскоре назначили атташе по торговле в Югославии. Советские кураторы потребовали продолжения работы на них и в Белграде.

К величайшему удивлению Авни, в 1952 г. он получил приглашение в «Моссад», где его попросили помочь в проведении одной из операций в Европе. Ему поручили наладить связь с двумя немецкими инженерами, которые собирались начать работать на одном из военных предприятий в Египте. Поскольку он в совершенстве владел немецким языком, то считался подходящей фигурой. Авни смекнул, что открывается уникальная возможность, и когда ему удалось завербовать немцев, попросил, чтобы его перевели из МИДа в «Моссад».

Вскоре состоялась встреча с Харэлем, где он предложил себя в качестве связного с немецкими инженерами, уже начавшими работать в Египте. Авни сказал главе «Моссада», что дипломатическая работа ему наскучила, он, дескать, уверен, что подходит для службы в разведке. Поделился с Харэлем своим желанием вернуться в Израиль по семейным обстоятельствам — из-за развода с женой и проблем с дочерью.

Харэль поинтересовался, сколько же лет дочке, на что Авни ответил, что ей восемь. Однако шефа «Моссада» насторожило столь горячее желание Авни работать в его ведомстве. Но фактов против него не было — только интуиция...

Она-то и подсказывала, что КГБ подослал к нему своего агента побольше выяснить о «Моссаде» и его руководителе. Харэль сохранял осторожность: он вежливо отказал и решил не назначать Авни куратором немецких инженеров, а предложил оставаться в МИДе.

Через несколько дней Авни должен был вернуться в Белград, но тут Харэль снова его вызвал. Авни не подозревал, что в соседней комнате находятся глава ШАБАКа Амос Манор и другие следователи, которые слушают эту беседу. Впоследствии Авни рассказал об этой встрече в своей книге.

Встреча получилась драматичной. Харэль кратко приветствовал его и... сразу же обвинил в работе на советскую разведку. Авни объяснял впоследствии, что был напуган и сбит с толку, опасался, что если не признается во всем, его приговорят к расстрелу.

Итак, через минуту, показавшуюся ему вечностью, он во всем сознался, но подчеркнул: да, я работаю на советскую разведку, но не стану выдавать своих товарищей. Харэль объяснил, что если Авни будет сотрудничать со следствием, ему сохранят свободу. Шеф «Моссада» даже подумывал сделать Авни двойным агентом.

Но когда следователи ШАБАКа продолжили допрос, оказалось, что он упорствует, не желает рассказывать о своей работе и советской разведке, утверждает, что он стал жертвой советского шантажа и ни в чем не провинился, не нанес ущерба безопасности Израиля. Следователям контрразведки не удалось его сломить, и следствие передали Иуде Прагу, следователю тель-авивской полиции, который считался специалистом по разоблачению шпионов.

Праг сразу понял, что перед ним интеллигентный человек, уверовавший, однако, в коммунистическую идеологию. Он решился на психологический трюк: раскрыл перед Авни доклад Хрущева с обвинениями в адрес Сталина в преступлениях против советского народа. Но Авни твер-

дил, что быть этого не может, что текст — фальшивка, не может быть, чтобы столь высокопоставленный лидер коммунистического мира обвинял самого Сталина в преступлениях!

«Моссад» передал дело в суд. Процесс проходил при закрытых дверях. Авни приговорили к 14 годам тюрьмы. Суд принял доводы обвинения в предательстве и шпионаже в пользу СССР. В тюрьме Авни стал раскаиваться в своей измене и признался в том, что передал в Советский Союз информацию о тех двух агентах, что и стало причиной их депортации из Египта.

Зеэва Авни освободили через 8 лет за примерное поведение. Он поселился в «мошаве» (кооперативная фермерская деревня) Ришпон около Герцлии, разводил верховых лошадей, открыл частную клинику. Люди, катавшие на его лошадях или лечившиеся у этого интеллигентного господина, и не подозревали, что это бывший советский агент, нанесший большой ущерб безопасности Израиля.

Операция «Доклад»

25 февраля 1956 г. на очередное заседание XX съезда КПСС перекрыли доступ в зал не только иностранным делегациям, но и членам своей партии с гостевыми мандатами. Допускались только делегаты. Были предприняты самые строжайшие меры безопасности, чтобы ни одно из 20 000 слов, произнесенных советским лидером Никитой Хрущевым с трибуны, не просочилось сквозь толщу кремлевских стен.

Тем не менее 4 июня 1956 г. секретный доклад был опубликован в газете «Нью-Йорк таймс». Вскоре его опубликовали и другие американские газеты. А радиостанция «Голос Америки» транслировала текст на страны социалистического лагеря.

Как же этот документ, за которым охотились все ведущие разведки, оказался в США?

До недавнего времени одна из версий гласила, что у шефа «Моссада» Иссера Харэля в СССР был глубоко за-конспирированный агент, имевший строгие инструкции. Он не мог принимать участие в каких-либо нелегальных операциях, чтобы не подвергать себя опасности разоблачения. Его берегли на случай, если бы вдруг возникла необходимость нелегальным путем вывезти из СССР выдающихся деятелей, окажись евреи в опасности.

Харэль понимал, что его агент вряд ли сможет найти в СССР что-нибудь недоступное ЦРУ. Однако доклад Хрущева представлялся ему настолько важным, что он дал указание агенту попытаться добыть его. Причем агенту самому надлежало решить, в какой степени он может рисковать. Ему было предписано отказаться от задания, если окажется, что его собственная безопасность находится под угрозой. Агент Харэля сумел выполнить задание, опередив своих коллег из сильнейших международных разведок.

Увы, это лишь версия. В действительности все было иначе...

Доклад Хрущева попал на Запад через Польшу. 58-страничную копию речи разослали секретарям компартий социалистических стран для ознакомления, потому что они не были ознакомлены с этим докладом, а пошли разговоры, слухи. Послали доверительно, чтобы познакомились и возвратили. Везде было все нормально, а в Польше произошла утечка...

Текст раздобыл живший тогда в Варшаве (сейчас он — в Израиле) Виктор Граевский, сотрудник Польского агентства печати (ПАП). Именно он и передал его израильской разведке.

Виктор Абрамович Граевский родился в Кракове в 1925 г. В детстве и отрочестве носил вполне еврейскую фамилию Шпильман. Когда в 1939 г. началась Вторая мировая война, его семья вместе со многими другими семьями

польских евреев успела спастись от нацистов, перейдя на территорию Советского Союза.

Так, 14-летним подростком Виктор Шпильман приступил к учебе в обычной советской школе и вскоре стал страстным приверженцем коммунистической идеологии. Поэтому не стоит удивляться, что, когда в 1946 г. его семья вернулась в Польшу, а оттуда отбыла в только что возникшее Государство Израиль, Граевский и не подумал последовать на историческую родину вслед за родителями.

Оставшись в Варшаве, он вступил в ряды польской компартии, начал работать в качестве журналиста и вскоре стал корреспондентом ПАП. Тогда же он и сменил фамилию Шпильман на звучащую вполне по-польски фамилию Граевский.

Уже в первые послевоенные годы он успел жениться, а затем и развестись с женой, пожелавшей вместе с дочерью эмигрировать в США.

В 1955 г., когда из Израиля пришла весть о том, что его отец тяжело болен, Граевский взял отпуск и отправился навестить отца. Таким образом, волею судьбы он ступил на Землю обетованную. Молодое еврейское государство в буквальном смысле слова потрясло его. В течение нескольких дней из убежденного коммуниста он превратился в не менее убежденного сиониста, истово верящего в то, что евреи должны жить только на своей земле.

Находясь на Земле обетованной, он решил остаться в Израиле навсегда и подал соответствующее заявление о предоставлении ему гражданства. Но когда пришел получать израильское удостоверение личности, к нему подошли двое в штатском (это были агенты ШАБАКа — Службы общей безопасности) и попросили пройти с ними в отдельный кабинет. В ходе разговора они попросили Граевского временно отказаться от своих планов и вернуться в Польшу, чтобы послужить Государству Израиль.

Здесь нелишне напомнить, что в то время в различных партийных и государственных органах Польши, а также в польской разведке работало немало евреев. Именно через Польшу в Израиль шла основная информация о планах СССР в отношении еврейского государства. Граевскому предложили стать одним из таких «информаторов». После некоторых колебаний он согласился.

В это время Граевский ухаживал за девушкой по имени Люция Барановская. Она заведовала секретариатом одного из лидеров ЦК ПОРП, Эдварда Охаба.

Впрочем, предоставлю слово герою нашего повествования. О том, как секретный доклад оказался у него в руках, Граевский рассказал мне в ходе интервью, которое я брал у него, работая в Израиле:

— Мы знали в Варшаве, что состоялся XX съезд КПСС, что Хрущев сделал сенсационный доклад. Но о чем он говорил, никто ничего не знал. Помню, что все разведки мира хотели найти его речь, но это никак не удавалось. Ходили слухи, которые потом подтвердились, что тогдашний президент США Дуайт Эйзенхауэр ассигновал на операцию по добыче текста доклада полтора миллионов долларов.

У меня была подруга в ЦК польской компартии. Однажды я пришел пригласить ее на кофе, но она была очень занята. И когда я с ней разговаривал, то увидел на столе какую-то брошюру в красном переплете. Там было написано: XX съезд Коммунистической партии, речь Хрущева, совершенно секретно, государственная тайна — что-то в этом роде.

Я спросил: «Можешь дать мне это на час? Я не хочу мешать, возьму домой, прочту и верну». Она сказала: «Пожалуйста».

Я сунул брошюру в пиджак, пошел домой и начал читать. Когда закончил, то почувствовал, что у меня в руках что-то вроде атомной бомбы. Я был членом партии, верил в социализм, в коммунизм... И вдруг такие злодеяния! Труд-

но было этому поверить. Мне захотелось как можно быстрее вернуть брошюру.

По пути в ЦК ПОРП я начал думать... Потом остановился, постоял немного, развернулся и отправился в израильское посольство. У меня там был знакомый по имени Яаков Бармор, который ранее подписывал мне визу на поездку в Израиль. Тогда я не знал, что он был сотрудником ШАБАКа. Когда я показал ему брошюру и перевел название, он побледнел, покраснел, потому что лучше меня знал, что это такое.

Бармор спросил меня, можно ли взять брошюру на минутку. Я кивнул. Он вернулся только через полтора часа. Сказал: «Спасибо». Я вернулся в ЦК, положил эту речь на стол Люциии.

Позднее, репатриировавшись в Израиль, Граевский узнал, как дальше развивались события...

Бармор с фотокопией доклада срочно выехал в Вену, где его встретил глава ШАБАКа Амос Манор. Он принял ценный груз и тут же улетел обратно в Израиль. В тот же день текст речи Хрущева был на столе у премьер-министра Бен-Гуриона. Тот хорошо знал русский, поэтому прочитал доклад в присутствии Манора. Закончив, сказал ему: «Если это не фальшивка, не специально подставленная дезинформация, поверь моему слову — через тридцать лет не будет Советского Союза».

После того как была установлена подлинность доклада Бен-Гурион долго размышлял над тем, что с ним делать. Шутка ли сказать, какие силы в мире были задействованы, чтобы раздобыть этот доклад. Но не прошло и двух месяцев после XX съезда — и секретнейший доклад Хрущева у него на столе.

И вот тут-то Бен-Гурион принял совершенно неординарное решение. Спору нет, куда как повысились бы акции Израйля в мире, опубликуй он доклад. Но мудрый

политик решил попритереть амбиции, чтобы решить более важную, стратегическую задачу. И было принято решение передать доклад США.

Этой акцией разрешалось много проблем. Поиграв на самолюбии супердержавы, можно было достичь главной цели — упрочения договоренности о сотрудничестве разведок двух стран, подписанной в Вашингтоне пять лет назад. Тем самым перевести их из сугубо официальных отношений в доверительные. Ведь Бен-Гурион помнил, что в дни подписания того соглашения многие должностные лица США весьма скептически оценивали возможности маленькой ближневосточной страны, едва обретшей независимость.

Несомненно, такой жест доброй воли, такая щедрость, как предполагал Бен-Гурион, могут породить в Израиле неоспоримые надежды, что этот «подарок» будет, несомненно, способствовать переводу и межгосударственных отношений между ними и США в новое качество.

Короче, он решил передать текст речи Хрущева американцам. Эту миссию поручили шефу «Моссада» Иссеру Харэлю. Цену за документ израильтяне запросили немалую: никаких денег, но официальное соглашение об обмене информацией. Шеф ЦРУ Аллен Даллес согласился без возражений.

Прежде чем передать доклад Хрущева президенту Эйзенхауэру, Даллес показал его своему брату Фостеру — министру иностранных дел США. Они не верили, что это настоящий документ. Поэтому собрали всех советологов, которые, изучив документ, пришли к выводу, что это настоящая речь Хрущева. Свое заключение они доложили президенту Эйзенхауэру, который дал команду: «Опубликовать!» Что и было сделано.

Здесь необходимо небольшое пояснение.

То, что доклад Хрущева оказался сначала в руках главы ШАБАКа, то есть в контрразведке, а не в «Моссаде» —

внешней разведке, вроде бы не по прямому назначению, не было ни случайностью, ни результатом проявления бюрократической неразберихи. Именно Манор и его служба, как ни покажется на первый взгляд странным, курировали эту операцию.

Дело в том, что Манор в послевоенные годы несколько лет работал в Восточной Европе. Он помогал тысячам евреев, уцелевшим в пламени Холокоста, перебраться в Израиль. ШАБАК, наряду с легальными сотрудниками «Моссад», работавшими в посольствах, направлял туда же и своих людей.

С какой целью?

Прежде всего потому, что советские разведывательные службы вкупе со своими коллегами из стран-сателлитов, пользуясь достаточно стихийным потоком эмиграции в Израиль, стремились внедрить туда свою агентуру. Так что присутствие сотрудников ШАБАКа в иммиграционных службах посольств Израиля было далеко не случайным. Именно на одного из них и вышел Виктор Граевский...

Публикация доклада Хрущева произвела в СССР и других странах эффект разорвавшейся бомбы. И именно оно заставило мир впервые заговорить о всесии израильской разведки. Так, заведующая секретариатом одного из секретарей польской компартии, сама того не ведая, «родила» один из самых стойких мифов XX в. — миф о том, что «Моссад» является лучшей разведслужбой мира.

Между тем Граевский стал активно переправлять в Израиль документы, проходившие через ЦК ПОРП, и в январе 1957 г. над ним нависла угроза разоблачения. Почувствовав это, иерусалимское начальство дало Граевскому указание немедленно выехать в Израиль. Что он с удовольствием и сделал.

Разумеется, в Иерусалиме не забыли тех услуг, которые оказал молодому еврейскому государству Виктор Граевский. Сразу по прибытии в страну ему предоставили

хорошую квартиру и устроили на работу на две хорошо оплачиваемые должности — начальника отдела радиовещания на польском языке для новых репатриантов и советника отдела пропаганды Восточноевропейского департамента Министерства иностранных дел Израиля.

Откуда такая щедрость?

Израильская газета «Едиот Ахронот» позднее поведала о том, что Граевский, был двойным агентом. Он работал на советский КГБ и Службу общей безопасности Израиля (ШАБАК).

Из МИДа он вскоре перешел на радиостанцию «Коль-Израэль» («Голос Израиля»), которая начала трансляцию передач на его родном языке. Никто из его близких не подозревал, что скромный ведущий работает на две спецслужбы.

Правда, сын Граевского, Михаэль Адлиц, сообщил все той же «Едиот Ахронот», что в детстве начал догадываться о тайной стороне жизни отца. «К нам приходили люди, относящиеся к Русской Православной Церкви, — отметил Адлиц. — Они приходили в гости, пили водку. Иногда по почте нам присылали странные посылки. Отец всегда говорил, что это подарки к праздникам».

Виктор Граевский проработал в качестве двойного агента 15 лет. Окончательно его связь с советской разведкой оборвалась только в 1971 г.

Захват на улице Гарибальди

В один из осенних дней 1957 г. начальник израильской разведки Иссер Харэль засиделся допоздна в своем кабинете. Он изучал одно из тех досье, материалы для которого начал собирать сразу после Второй мировой войны. Это было досье Адольфа Эйхмана, одного из главных нацистских преступников, который, наряду с руководителями фашистской Германии, несет ответственность за уничто-

жение 6 млн. евреев в Европе. Назначенный в 1934 г. экспертом по вопросам сионизма в Главное имперское управление безопасности, он сыграл ключевую роль в осуществлении так называемого плана «окончательного решения еврейского вопроса».

Эйхману удалось избежать скамьи подсудимых и скрыться в Южной Америке. О его местонахождении не было известно до осени 1957 г., когда Харэль получил от прокурора земли Гессен (Германия) Фрица Бауэра, еврея по национальности, чудом спасшимся в мясорубке Холокоста, информацию о том, что бывший начальник 4-го подразделения 6-го отдела РСХА — главного отдела безопасности нацистского режима, проживает в Аргентине.

Сведения о месте жительства Эйхмана Бауэр получил от немецкого еврея Лотара Хермана, проживавшего в Буэнос-Айресе. Его дочь встречалась с молодым человеком по имени Николас, котрый оказался одним из сыновей Эйхмана. С ее помощью был установлен адрес, по которому проживала семья Эйхмана — Буэнос-Айрес, район Оливос, улица Чакабуко, 4261.

Изучив досье, Харэль пришел к выводу, что Эйхман должен предстать перед судом. К утру он тщательно продумал все детали операции по захвату нацистского преступника и, убедившись в ее успехе, пошел с докладом к премьер-министру Давиду Бен-Гуриону. Они никогда не обсуждали деловые вопросы по телефону.

Войдя в кабинет премьера, Харэль сообщил, что располагает данными о местонахождении Эйхмана.

— Прошу разрешения привезти его в Израиль.

— Действуй! — ответил Бен-Гурион.

В начале 1958 г. «Моссад» отправил двух агентов выяснить, что представлял собой дом на улице Чакабуко. Чтобы не вспугнуть Эйхмана, израильтяне наблюдали издали. Однако они пришли к выводу, что он вряд ли может жить здесь.

Дальнейшее расследование показало, что никакой Эйхман в доме не живет, так как все электросчетчики были записаны на имена Дагосто и Клемента. Тем не менее сотрудники «Моссада» поняли, что существовала очевидная связь между улицей Чакабуко, Адольфом Эйхманом и Рикардо Клементом. Но какая?

Некоторое время спустя Фриц Бауэр прислал новую информацию: после войны Эйхман некоторое время скрывался в одном австрийском монастыре, принадлежащем хорватским монахам. Он носил там имя Клемент, на это же имя и получил все документы по приезду в Аргентину.

За домом Эйхмана было установлено наблюдение. Но вскоре он, вероятно, почувствовав за собой слежку, скрылся.

После этого в марте 1958 г. в Аргентину прибыл один из самых опытных сотрудников «Моссада» Эфраим Элром, который возглавил группу по поиску Эйхмана. Агентов, занимавшихся розыском, снабдили информацией, содержащей мельчайшие детали, по которой можно было его опознать.

В декабре 1959 г. поиски завершились успехом. Оказалось, что он действительно скрывался под именем Рикардо Клемента, разорившегося владельца прачечной. Вскоре был установлен и новый адрес, по которому он проживал вместе с женой и четырьмя сыновьями, — Буэнос-Айрес, квартал Сан Фернандо, улица Гарибальди.

Вскоре сотрудники «Моссада» установили, что дом был куплен некоей Вероникой Катариной Либл де Фихман. То ли по ошибке, то ли преднамеренно буква «Е» в фамилии Eichmann стала «F» (Fichmann). Однако первая часть фамилии (девичья, по испанской традиции) совпадала с фамилией супруги бывшего эсэсовца.

Оставалось установить, был ли тот человек, который жил с Вероникой Либл и которого агентам «Моссада», наконец, удалось заметить, когда тот развешивал белье

перед домом, Адольфом Эйхманом или ее новым мужем, носящим фамилию Клемент?

Только месяц спустя после начала операции одному из агентов (это был Германн Арндт, выступавший в качестве местного жителя) удалось сфотографировать скрытой камерой Рикардо Клемента. Анализ фотографий показали, что этот лысоватый человек в очках действительно Эйхман. Но окончательно это стало ясно 21 марта 1960 г., когда в доме Клемента справляли какой-то праздник. Простудировав досье бывшего гестаповца, сотрудники «Моссада» установили, что в этот день супруги Эйхманы должны были праздновать свою серебряную свадьбу. Первый этап опознания был завершён.

Для подготовки операции по похищению Эйхмана в Буэнос-Айрес прибыл сам Харэль. Перед этим он лично отобрал оперативников для участия в операции. Всего их было более 30 человек: 12 составляли группу захвата, а остальные — группу поддержки.

Для того чтобы избежать возможных осложнений при въезде и выезде из Аргентины, в одной европейской стране было создано небольшое туристическое бюро. А в Буэнос-Айресе было снято более десятка конспиративных квартир и арендованы автомобили для бригады наружного наблюдения. Все члены оперативной группы получили фальшивые паспорта, которые изготовил один из лучших специалистов «Моссада» по подделке документов.

Непосредственная подготовка к операции началась в апреле 1960 г. Сотрудники оперативной группы прибывали в Аргентину по одному из разных стран и в разное время. Проведение операции было приурочено к официальному визиту в Буэнос-Айрес израильской делегации на празднование 150-й годовщины независимости Аргентины. Делегация, возглавляемая представителем Израиля в ООН Аббой Эбаном, должна была прилететь в аргентинскую столицу 19 мая на самолете израильской авиакомпания

нии «Эль-Аль» и на следующий день вернуться в Тель-Авив.

Именно на этом самолете планировалось вывезти Эйхмана. В случае, если бы это оказалось невозможным, был разработан запасной вариант. Согласно ему, Эйхмана намечалось переправить в Израиль на специальном корабле.

11 мая все приготовления были закончены. Захватить Эйхмана было поручено Рафи Эйтану, Аврааму Шалому и Петеру (Цви) Малкину.

В 19.34 на улице Гарибальди припарковались две машины. Из одной вышли двое мужчин, подняли капот и стали делать вид, что пытаются устранить поломку. Третий член группы прятался на заднем сиденье. Вторая машина остановилась неподалеку, и водитель «безуспешно» пытался завести мотор.

В 19.40 к остановке подошел автобус, на котором Эйхман обычно возвращался домой. Но в этот раз он не приехал. В следующем автобусе его тоже не оказалось. Члены группы захвата начали нервничать, так как, оставаясь на месте, они могли вызвать подозрение у местных жителей.

Наконец подъехал еще один автобус. Из него вышел единственный пассажир. К счастью для израильтян, это был Эйхман.

Как только Эйхман подошел к условленному месту, его ослепили фары автомобиля. В следующее мгновение два человека схватили его и, прежде чем он успел издать хотя бы один звук, затолкали на заднее сиденье машины. Эйхмана связали, засунули кляп в рот и натянули на голову мешок.

— Одно движение — и ты труп, — предупредили его агенты «Моссада».

Машина рванулась с места.

Цви Аарони, один из членов группы захвата, обернулся к заднему сиденью и сказал по-немецки:

— Если вы будете сохранять спокойствие, с вами ничего не случится. В противном случае вас прикончат.

Пленник молчал.

— Вы меня понимаете? — бросил ему Аарони.

Молчание в ответ.

— На каком языке вы говорите?

Ответа по-прежнему не было. Аарони повторил вопросы на испанском. Результат тот же. Но потом, пока машина ехала и ехала, один раз сделав остановку лишь для того, чтобы поменять номерной знак, пленник прошептал на безукоризненном немецком:

— Я уже давно покорился судьбе...

Через час Эйхмана доставили на конспиративную квартиру, расположенную на окраине Буэнос-Айреса. Пленник был раздет и подвергнут тщательному врачебному осмотру. У него обмерили череп и объем груди. Проверили шрамы, обозначенные в его медицинской карте, осмотрели зубы. Все сходилось.

На этой квартире он содержался более недели. Все это время его непрерывно допрашивали, пункт за пунктом проверяя досье на него.

К удивлению израильтян, Эйхман без всякого принуждения подробно отвечал на все вопросы. Так, когда сотрудники «Моссада» захотели проверить его номер, который, как у каждого члена СС, был вытатуирован на теле, то обнаружили на этом месте лишь небольшой шрам. Он пояснил, что избавился от татуировки в американском пересылочном лагере и сказал:

— Мои номера в СС — 45326 и 63752. А номер моей членской карточки в НСДАП был 889895.

Тогда Аарони спросил его:

— Ваши имя и фамилия?

— Рикардо Клемент.

— А до того?

— Отто Хенингер.

Имя было незнакомо израильтянам.

— Дата вашего рождения?

— 19 марта 1906 года.

Та же, что и у человека, которого они искали.

Аарони вернулся к прежней теме:

— Какое имя было дано вам при рождении?

— Адольф Эйхман.

Итак, это был именно он. Секретные службы Израиля наконец-то не сомневались в том, что тот, кого старались выловить в течение долгих лет и кого только что схватили, был именно оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман, главный организатор «машины смерти», которая отправляла на гибель миллионы евреев.

Он добровольно подписал бумагу с согласием предстать перед израильским судом. «Это заявление, — написал Эйхман в конце документа, — сделано мною безо всякого к тому принуждения. Я хочу обрести внутренний покой. Меня поставили в известность, что я имею право на юридическую помощь». Однако при этом он заявил, что если ему сохранят жизнь, то он раскроет все секреты Гитлера.

На конспиративной квартире Эйхман находился под круглосуточным наблюдением. Позднее Харэль признавался, что самым трудным было сдерживать эмоции своих сотрудников, у многих из которых родственники были уничтожены в лагерях смерти. Так, женщина-оперативник, готовившая для Эйхмана еду, рассказала потом, что с трудом удержалась от желания подсыпать ему в пищу яд.

Через четыре дня после похищения Харэль приступил к подготовке второй части операции — вывоза Эйхмана из Аргентины. Для руководства всеми действиями он развернул так называемый «блуждающий штаб». Он выработал очень эффективный и гибкий метод непрерывного общения с членами группы. Каждый агент получил список кафе, которое Харэль посещал в определенной последовательности, создавая, таким образом, сеть мобильных пунктов управления.

Обычно он проводил в кафе не более получаса. Следующие полчаса он находился в пути к другому кафе и т. д. Такси он пользовался только в тех случаях, когда ему предстояло более длительное свидание. Подобное расписание было утомительно. Зато такая система позволяла посещать каждое кафе только один раз. Зная это расписание, агенты всегда могли встретиться со своим руководителем.

В день поимки Эйхмана и непосредственно после нее Харэль ускорил темп, сократив вдвое время пребывания в кафе. Таким образом, он добился почти непрерывного общения с группой.

Самым сложным этапом операции было прохождение Эйхманом таможенного и паспортного контроля. Чтобы избежать возможных осложнений, сотрудник опергруппы Рафаэль Арнон, якобы попавший в автомобильную аварию, был помещен в больницу, где симулировал медленное выздоровление. Утром 20 мая он почувствовал себя достаточно здоровым, чтобы вернуться в Израиль, и выписался из больницы, получив документы, разрешающие ему лететь на самолете. В эти бумаги и была вклеена фотография Эйхмана.

В тот же день Харэль, жертвуя безопасностью ради оперативности, развернул свой штаб прямо в кафетерии аэропорта «Эзейра». Рядом с ним постоянно находился сотрудник «Моссада», который заполнял и выдавал членам опергруппы фальшивые документы для выезда из Аргентины.

Самого Эйхмана в день вылета привели в порядок и одели в форму служащего авиакомпании «Эль-Аль». Перед тем как отправиться в аэропорт, ему сделали инъекцию транквилизатора, после которой он плохо воспринимал, что происходит вокруг, но мог идти, поддерживаемый с двух сторон.

После этого опергруппа на трех машинах подъехала к служебному входу здания аэропорта. При этом часть из-

раильтян, изображавших подвыпивших гуляк, распевала песни, а другая делала вид, что дремлет. Один из охранников аэропорта, глядя на них, сказал, что в таком состоянии они вряд ли смогут управлять самолетом. В ответ его заверили, что это члены запасного экипажа и что они всю дорогу будут отсыпаться.

Пройдя проверку, машины с израильтянами беспрепятственно подъехали к самолету и поддерживаемого с двух сторон Эйхмана подняли на борт. А через несколько минут авиалайнер поднялся в воздух.

Экипаж самолета узнал о том, кто находится на борту, только после взлета. Тогда же Эйхмана обследовал врач, который установил, что укол транквилизатора не повредил ему и что он может без осложнений перенести 22-часовой полет. Чтобы обеспечить безопасность, по указанию Харэля дозаправку самолета произвели в Дакаре. Она прошла без каких-либо осложнений, и в 7.00 22 мая самолет приземлился в Израиле.

Харэль сразу отправился к Бен-Гуриону.

— Я привез вам маленький подарок, — сообщил он премьер-министру.

Уже находясь в тюрьме, Эйхман дал следующую оценку действиям сотрудников «Моссада»:

— Мой захват был удачной охотой и осуществлен безукоризненно с профессиональной точки зрения. Моим похитителям приходилось сдерживать себя, чтобы не допустить расправы надо мной. Я позволяю себе судить об этом, так как я кое-что смыслю в полицейских делах.

Суд над Эйхманом начался 11 апреля 1962 г. Во время судебного процесса он утверждал, что всего лишь выполнял приказы. Но его признали виновным в совершении преступлений против человечества и приговорили к смертной казни.

31 мая 1962 г. ровно в полночь Эйхман был повешен в тюрьме Рамле...

Он просил часть его праха захоронить в доме на улице Гарибальди. Но через несколько часов после смерти его прах был рассеян над морем, за границей территориальных вод Израиля, чтобы от бывшего «наци» не осталось и следа...

Операция «Дамоклов меч»

Так называлась операция, которая до сих пор оценивается как наиболее спорная из всех, проводившихся «Моссадом» в начале 60-х годов. Она была связана с интенсивной подготовкой президентом Египта Гамалем Абдель Насером очередной войны против Израиля. Войны, которая должна была положить конец существованию «сионистского образования» на Ближнем Востоке.

Значительное место в программе подготовки к войне занимала разработка новейших видов оружия. Естественно, в Израиле внимательно следили за происходящим в стане врагов. А происходили там события весьма опасные...

В то обычное сентябрьское утро 1962 г. инженер Вольфганг Лентц, специалист по ракетным двигателям, работавший в египетском исследовательском центре, получил бандероль из Германии. Вообще-то он не ждал никаких известий оттуда. Тем не менее решив, что, возможно, коллеги переслали что-то из специальной литературы, заказанной им, после недолгого раздумья он вскрыл пакет.

Прогремел взрыв. От инженера и его кабинета (дело происходило на рабочем месте) остались обгорелые останки. Спустя очень короткое время раздался еще один взрыв — аналогичный пакет вскрыл коллега Лентца, тоже специалист из Германии, приглашенный президентом Египта для разработки новых видов оружия.

Египетская контрразведка, проводившая расследование, обнаружила, что незадолго до этого оба инженера по-

лучили по обычной почте анонимные письма, в которых им рекомендовалось прервать работу в Каире и вернуться домой. Вскоре стало известно, что буквально на днях такие же бандероли, начиненные взрывчаткой, получили и в самой Германии представители нескольких фирм, выполнявших военные заказы для египтян.

Были жертвы среди персонала фирм. Для всех стало очевидным, что эти взрывы — дело рук израильтян.

Примерно за полгода до описанных выше событий израильская разведка получила информацию о том, что Египет начал активно и успешно разрабатывать собственную ракетную программу. Причем все говорило о том, что арабы явно опережали в этом Израиль. Хотя первое испытание израильской ракеты «Шевет» было проведено несколько раньше, теперь Египет осуществил подряд целых четыре успешных пуска ракет «Аз-Зафир» и «Аль-Кахир» с дальностью 250 и 450 км.

Руководство «Моссада» начало лихорадочно собирать сведения о египетских ракетах. Вскоре выяснилось, что над разработками ракет типа «земля-земля» в Каире трудятся несколько десятков ученых и инженеров из ФРГ. Мало того, австрийский физик Йоклик, симпатизировавший Израилю, сообщил сведения о том, что кроме собственно ракет с помощью тех же ученых Египет активно разрабатывает химические и бактериологические боеголовки к ним. Он же передал «Моссаду» информацию о том, что в Египте при поддержке все тех же немецких специалистов приступили к разработке дешевого ядерного оружия — кобальтовой бомбы.

Следует отметить, что все это происходило за пять лет до «шестидневной войны», начавшейся 5 июня 1967 г. Арабская авиация казалась тогда многократно превышающей по мощи ВВС Израиля. Получение арабами оружия массового поражения фактически означало одно: гибель Израиля, новый Холокост. Воображение захватывали кош-

марные картины ядерного удара по Тель-Авиву и другим израильским городам.

Необходимо было действовать. Тогдашний глава «Моссада» Иссер Харэль прибег к крайним мерам. Операция получила кодовое название «Дамоклов меч».

Харэль считал, что следует показать «этим господам» (он имел ввиду немецких специалистов), что поездка в Каир для них означает поездку на фронт. Одновременно он посоветовал премьер-министру Давиду Бен-Гуриону надавить на канцлера ФРГ Конрада Аденауэра с тем, чтобы тот запретил своим гражданам сотрудничать с египтянами. Разумеется, этот совет был неприемлем. Власти ФРГ не могли, да и не хотели принимать какие-то меры против собственных граждан, тем более что их деятельность безопасности самой Германии никак не угрожала.

Тогда Харэль принялся действовать еще более решительно. По его указанию главный информатор израильтян по данной программе, уже упомянутый Йоклик, и агент «Моссада» в Швейцарии Бен-Галь попытались шантажировать дочь ведущего каирской программы немецкого профессора Герке. Но произошел серьезный прокол. Вместо того чтобы поддаться шантажу, дочь обо всем рассказала отцу, а тот немедленно обратился в полицию.

Йоклик и Бен-Галь были арестованы. Операция «Дамоклов меч» оказалась под угрозой. Международный скандал мог свети на нет все усилия «Моссада» по свертыванию египетской ракетной программы.

Под давлением общественного мнения Харэль был вынужден подать в отставку. Но незадолго до того он сделал смелый ход: собрал израильских журналистов на пресс-конференцию и здесь, не раскрывая имен, предал гласности информацию о египетских разработках и роли в них немецких специалистов. Вслед за этим Голда Меир публично обвинила немецкий народ и немецкое государство в содействии попыткам уничтожить Израиль.

События продолжали развиваться...

Но теперь уже общественность Запада следила за судебным процессом над арестованными агентами «Моссада», проходившим в Швейцарии. Правда, после сказанного Голдой Меир и пресс-конференции Харэля симпатии западной прессы были целиком на стороне Израиля. Встревоженные шумихой да и просто всерьез опасавшиеся за свою безопасность, немецкие ученые разорвали контракты с Каиром и вернулись домой.

Суд Швейцарии принял неожиданно мягкое решение. Он учел, что арестованные действовали в целях защиты собственной страны от смертельной опасности, а вовсе не для подрыва безопасности чужой.

Как уже говорилось выше, операция «Дамоклов меч» вызвала серьезные сомнения у многих, поскольку речь шла об убийстве нескольких граждан ФРГ. Кроме чисто этических соображений — можно ли действовать подобными методами даже ради высокой цели — высказывались сомнения и в степени угрозы Израилю. Некоторые специалисты утверждали, что о ядерном и химическом оружии речи не было. Только о ракетных разработках. Которые, разумеется, тоже опасны, но все-таки не являлись вопросом жизни и смерти для еврейского государства.

Мог или не мог Египет в случае, если бы «Моссад» не действовал так, как действовал, создать к середине 60-х собственную атомную бомбу?

Вопрос так и остается открытым...

Что же до оправдания действий израильской разведки, то тут я предоставляю судить читателям.

Свой человек в Дамаске

18 января 1965 г. в 8.30 утра в квартиру местного предпринимателя Камалья Амина Табета ворвались три сотрудника сирийской контрразведки. Как раз в тот момент, когда

он, лежа в постели, принимал радиосообщение из Тель-Авива.

При обыске нашли радиопередатчик, фотопленки с фотографиями особо секретных объектов. В одном из ящиков стола обнаружили куски мыла, которые на самом деле оказались взрывчаткой.

Один из контрразведчиков сказал:

— Игра закончена! Кто ты на самом деле?

Человеком, скрывавшимся под именем Камаль Амин Табет, был израильский разведчик-нелегал — Эли Коэн.

Он родился в 1924 г. в Сирии. Вскоре родители вывезли Эли, его сестру и братьев в Египет и поселились в Александрии.

Учась в средней школе, он много занимался Торой и поначалу хотел стать раввином. Он был бы рад продолжить свои занятия в иешиве, но еврейских религиозных школ в Египте не было и ему пришлось отказаться от этой идеи. Поэтому по окончании школы Эли поступил на электрический факультет Университета имени короля Фарука I, из которого был исключен в 1949 г. за сионистскую деятельность.

Семья Коэнов была очень дружной и очень еврейской. В доме соблюдали кашрут и субботу. Эли и его братья пели в хоре центральной синагоги Александрии.

Во время Синайской кампании, начавшейся в октябре 1956 г., Коэн был задержан по делу шпионской сети Марзука и Азара. Его допрашивали четыре часа, но затем отпустили на свободу. В январе 1957 г. он был выслан из Египта.

Приехав в том же году в Израиль, он пытался получить работу в «Моссаде». Однако ему было отказано, поскольку его иврит представлялся чиновникам, ответственным за подбор кадров, «чересчур архаичным». Кроме того, чиновники опасались, что его узнают как проходившего в Египте по делу о шпионской сети. И, наконец, во время

психологических тестов было определено, что он не в состоянии почувствовать приближающуюся опасность, что он — человек, способный рисковать больше, чем это необходимо для дела.

Тогда Коэн устроился на должность инспектора сети универмагов «Ха-машбир ха-меркази». Прочно утвердившись на новой работе, он женился на Наде, также из семьи выходцев из Египта. Они купили квартиру в Бат-Яме и уже было надеялись на спокойную жизнь, но тут «Моссад» вдруг проявил к нему интерес.

Однако Коэн поначалу воспротивился. Он сказал вербовщикам, что женат, прилично зарабатывает и в данный момент не готов работать в разведке. Да и иврит его остался все таким же «архаичным». Однако «Моссад» продолжал оказывать на него давление и, наконец, в 1960 г. убедил его работать на разведку.

Он прошел интенсивный краткосрочный курс подготовки агента для работы во враждебной стране. Инструкторы были восхищены его способностью молниеносно вжиться в новый образ.

В начале 1961 г. Коэн под видом сирийского предпринимателя Камаля Амина Табета прибыл в Аргентину. Там в то время была многочисленная сирийская община, и он легко обосновался как бизнесмен, получивший большое наследство в Сирии. Быстро завязал деловые и дружеские связи с местными бизнесменами-сирийцами и очень скоро стал одним из постоянных гостей на дипломатических приемах.

В Буэнос-Айресе Коэн подружился с самыми влиятельными из местных сирийцев — Амином Эль-Хафезом, офицером-танкистом, одним из давних членов Партии арабского социалистического возрождения (БААС), находившимся тогда в изгнании. Вскоре после военного переворота в Сирии он вернулся в страну и занял ведущее место в партийном руководстве.

После того как Коэн окончательно вошел в доверие сирийских дипломатов и предпринимателей, он получил из Тель-Авива указание прибыть через Египет в Ливан, а оттуда проникнуть в Сирию для выполнения основного задания. Пользуясь дружескими связями, налаженными за границей, он с легкостью пересек границу без какой-либо проверки багажа. А в нем, помимо рекомендательных писем, был спрятан миниатюрный радиопередатчик.

Прибыв в Дамаск, Коэн прежде всего снял квартиру поблизости от двух важнейших центров средоточия необходимой ему информации: Генерального штаба и дворца для гостей президента. С этой точки зрения расположение квартиры, где он поселился, было идеальным: из ее окон он мог видеть военных специалистов разных стран, посещавших Сирию, и сообщать в центр о динамике ее внешнеполитических связей. Наблюдение за Генштабом давало ему возможность догадываться о происходящем там по числу прибывающих туда людей, количеству освещенных ночью окон и многим другим признакам.

Указания из «Моссада» Коэн получал в закодированном виде, слушая по радио арабские песни, транслировавшиеся Израилем «по заявкам радиослушателей». Сам он передавал информацию в центр с помощью портативного радиопередатчика.

Обосновавшись на новом месте, Коэн приступил к активным действиям. Он отправился на местную радиостанцию, где предъявил многочисленные рекомендации от сирийских дипломатов и бизнесменов, с которыми он познакомился в Аргентине. Ему поручили вести радиопередачи, адресованные сирийским гражданам, живущим за границей, в которых он призывал их вернуться на родину и содействовать ее процветанию и развитию.

Постепенно он установил связи с высшими правительственными чиновниками и представителями армейской элиты. Молодой миллионер из Аргентины стал известен

как горячий патриот Сирии и личный друг августейших персон высшего общества. Он был щедр на дорогие подарки, давал деньги взаймы, устраивал у себя дома приемы для видных общественных деятелей и бывал в гостях у них. Любимец женщин, он, однако, явно не спешил связывать себя супружескими узами, превыше всего ценя свободу и дружбу.

Со своим лучшим другом, лейтенантом Маази, племянником начальника Генерального штаба сирийской армии, Коэн посещал многие военные и военно-воздушные базы, осмотрел укрепления на Голанских высотах и проехал вдоль сирийско-израильской границы. Лейтенанту Маази нравилось посвящать своего гражданского друга в курс дела, отвечая на его непрофессиональные вопросы.

Коэн настолько вошел в доверие, что ему разрешали фотографировать военные объекты на Голанах. Во время этих посещений ему удалось увидеть чертежи сирийских военных укреплений и карты расположения артиллерийских установок на высотах. Сирийские офицеры с гордостью рассказывали ему об огромных подземных складах с артиллерийскими боеприпасами и другим оборудованием, о расположении минных полей.

Все, что Коэн видел, он на завтра же сообщал своему руководству в Израиль. И так на протяжении трех лет. Именно эту информацию Армия обороны Израиля использовала во время «шестидневной войны».

В июле 1963-го, после очередного военного переворота, президентом страны стал майор Эль-Хафез. Приглашение на банкет по этому случаю получил и Коэн-Табет. Президент даже настоял, чтобы их сфотографировали вместе.

— Моя жена велела поблагодарить тебя за шубу, которую ты подарил ей, — шепнул он, стоя перед фотокамерой.

Коэн с удовлетворением принял эту благодарность, отметив про себя, что деньги «Мосслада» были потрачены не зря.

Его связь с президентом укрепилась благодаря тому, что у Эль-Хафеза образовалась опухоль в горле. Коэн порекомендовал ему хирурга, еврея из Франции, при условии, что тому не будет причинено никакого вреда. Эль-Хафез пообещал это, и Коэн выписал к нему врача. Операция прошла успешно, и с тех пор его знакомство с президентом переросло в прочную дружбу.

Коэн пользовался абсолютным доверием Эль-Хафеза, и тот не раз советовался с ним по различным вопросам. Среди прочего и о том, что касалось закупок вооружения для сирийской армии. Полученные сведения, конечно же, сразу становились достоянием израильской разведки.

В подобных случаях Коэн внимательно выслушивал его и отвечал нечто вроде этого:

— Сейчас я несколько устал, дайте мне время подумать над этим вопросом, и завтра утром, когда я буду чувствовать себя более свежим, я постараюсь дать вам хороший совет.

Той же ночью он посылал в Израиль зашифрованное сообщение, в котором подробно описывал суть вопроса. Этот материал передавался военным специалистам, они готовили свои рекомендации, и Коэн на следующее утро излагал их президенту.

Тот всегда приходил в восторг и восклицал:

— Ты просто гений! Как только это мне самому не пришло в голову!

Со временем Эль-Хафез стал совершенно свободно обсуждать с ним темы высшей степени секретности, касавшиеся безопасности страны, а затем с гордостью передавал своим приближенным мнение своего нового советника. Те, в свою очередь, пришли к выводу, что к окружению президента присоединился выдающийся эксперт в военной и политической сферах. Слава о нем разнеслась среди всех высших лиц в государстве, и Коэн пользовался у них практически неограниченным доверием.

Дружеское расположение первого лица страны проложило ему тропинку в высшие эшелоны власти. Уже через месяц он оказывается рядом с теми, кого прочат в будущие руководители страны. В Дамаске начинают циркулировать слухи, что ему предложат пост министра пропаганды. Однако сирийский президент, отношения с которым становятся все более близкими, предлагает ему подумать и подготовиться к посту министра обороны и тут же назначает его заместителем министра этого ведомства.

Теперь Коэн проводит на Голанских высотах много времени по долгу службы. Его детально знакомят со сложным военным комплексом, построенным советскими специалистами. Он изучает ракетные установки и противотанковое оружие. Его доклады Тель-Авиву становятся все детальнее и объемнее. Он — гордость «Моссада», разведчик номер один страны. И в то же время — один из первых номеров сирийского государства, близкий друг его главы, завтрашний министр обороны...

Сообщения для Тель-Авива становились все чаще и длиннее. Так требовало руководство, так желал и Коэн, торопясь как можно быстрее передать информацию, лавиной обрушивавшуюся на него буквально каждый день. Большая часть этой информации передавалась по радио, создавая помехи для расположенных рядом передатчиков, причем передатчиков официальных.

Один из них находился в соседнем доме, где размещалось индийское посольство. Когда эти помехи существенно участились, его сотрудники обратились к сирийским властям. Это стало известно и Коэну, но он решил не прекращать передачи, отвечая на запросы Тель-Авива и считая, что заместителя министра обороны никто проверять не станет. Да и техника, находившаяся в распоряжении сирийцев, по его сведениям, не позволяла обнаружить местоположение тайного передатчика.

Тем не менее его стали часто посещать тяжелые предчувствия. С ними он и приехал в Израиль на празднование «брит-милы» (обряд обрезания) своего сына. Приехал, как оказалось, в последний раз...

После многих бесплодных усилий сирийской контрразведке удалось запеленговать передатчик Коэна. Когда агенты контрразведки ворвались к нему в дом, он как раз вел передачу.

Провал не был для него неожиданностью. На этот случай у него была таблетка цианистого калия... Но, как стало известно впоследствии, в самый последний момент перед задержанием Коэн принял решение не глотать ее: будь что будет, он умрет как еврей.

Следователям Коэн поначалу заявил, что его имя Камаль Амин Табет и что он мусульманин. Однако через короткое время сказал им:

— Я — израильтянин, майор Эли Коэн. Вот мой армейский номер. Я служу в разведке и требую, чтобы меня судили в соответствии с Женевской конвенцией.

Началось расследование, в ходе которого люди, до тех пор считавшиеся его друзьями, пытались убедить Коэна не распространяться о своих связях с влиятельной сирийской верхушкой. Сам президент передал ему, что если тот сохранит это в тайне, он обещает справедливый суд и скорое освобождение в порядке обмена военнопленными.

Однако было уже поздно. В мировой и арабской прессе появились сообщения о том авторитете, которым израильский разведчик пользовался в правительственных и военных кругах. Сирия стала всеобщим посмешищем. «Еще немного — и они сделали бы его своим президентом!» — писали враждебные сирийскому режиму газеты. Ненависть к Коэну и желание расквитаться с ним перевешивали все доводы в пользу того, чтобы замять скандал.

Очень скоро следователи перешли к пыткам. Они пропускали через его тело электрический ток, вырывали ему

ногти и гасили о него сигареты. Но он не сломался. Стражники прозвали его «храбрецом».

Суд начался в январе 1965 г. Одновременно с открытым судебным процессом велись тайные переговоры между Сирией и израильским правительством по поводу его освобождения. На каком-то этапе Сирия даже согласилась освободить Коэна в обмен на большую сумму денег и партию автомобилей. Сирийцы предупредили, что хотя на телевизионном экране казнь будет выглядеть настоящей, это не более чем инсценировка. На шею Коэна надедут специальную защитную повязку, введут ему в вену какое-то лекарство, которое будет действовать в течение двух часов. Потом его снимут, приведут в себя, сделают пластическую операцию и переправят его в Израиль, где он под новым именем будет работать в Министерстве иностранных дел.

Увы...

Президент Сирии подписал распоряжение о казни. В ту же ночь, 18 мая 1965 г. в 1.30 представители сирийской службы безопасности подняли с постели главного раввина сирийской еврейской общины 75-летнего Нисима Коэна. Позже он рассказывал, что состояние Эли было ужасным, следы побоев и пыток — на всем теле.

Когда Эли увидел раввина, то заплакал. Заплакал и раввин. Он передал раввину письмо для жены Нади. После чтения молитвы «Цидук ха-дин» его повесили.

Это произошло в 3.30 ночи. Тело провисело на одной из центральных площадей Дамаска шесть часов. Затем его похоронили на еврейском кладбище.

Через пять лет сотрудники израильской разведки пытались выкрасть тело Коэна, чтобы перезахоронить его в Израиле. Операция закончилась неудачей. А его останки сирийцы перенесли на кладбище одного из военных лагерей, расположенных в Дамаске, и поместили в бункере на глубине 30 метров. С тех пор израильское правительство и

семья Коэна во главе с братом Морисом ведут непрекращающуюся борьбу за возвращение останков героя в Израиль...

Если вы пройдете по Иерусалиму, да, пожалуй, и любому другому городу Израиля, вы обязательно увидите улицу, названную в честь Эли Коэна. Каждый встречный расскажет вам героическую историю этого человека, ставшего легендой.

Глаз Тель-Авива в Каире

22 февраля 1965 г. египетская контрразведка арестовала Вольфганга Лотца — агента «Моссада», которого называли «Глаз Тель-Авива в Каире». Под видом богатого немецкого туриста в январе 1961-го он был направлен в Египет.

Там Лотц открыл школу верховой езды, которая пользовалась большим успехом. Офицерам египетского Генерального штаба нравилось проводить здесь свободное время. Они с доверием относились к немцу, не скрывавшему своих правых, антисемитских взглядов и к тому же подававшему гостям шампанское. Офицеры откровенничали с Лотцем, а тот передавал все их разговоры в «Моссад»

Так, он собрал полный список немецких ученых, проживавших в Каире, а также адреса их семей в Австрии и Германии. Кроме того, в микропленке была сверхсекретная информация о проекте № 333, в соответствии с которым создавалась система электронного контроля за полетами египетских ракет...

Вольфганг Лотц родился в 1921 г. в Германии, в городе Манхейме. Его мать Елена была еврейкой, по профессии — актриса. Отец Ганс — христианин, был сначала директором театра в Гамбурге, а затем — менеджером берлинского театра. При рождении Вольфганг не был обрезан, и это оказалось положительным фактором в будущем.

В 1933 г., когда к власти пришел Гитлер, родители Лотца развелись, и мать с сыном уехали в Палестину. Елена работала в театре «Габима». А Вольфганг взял себе имя Зеэв Гур-Арье. Чуть позже он поступил в сельскохозяйственную школу Бен-Шемен близ Телль-Авива. Там он пристрастился к лошадям, стал отличным наездником и получил прозвище «Сус» («Лошадь»). Он свободно владел ивритом, немецким, английским и арабским языками.

В 1937 г. Лотц был принят в подпольную еврейскую организацию «Хагану». Ему была поручена охрана единственного автобуса, связывающего школу Бен-Шемен с районом, населенном евреями, а также конное патрулирование территории у школы.

С началом Второй мировой войны он вступил в британскую армию и воевал в тылу Африканского корпуса Роммеля. В конце войны в звании сержанта работал в Каире военным переводчиком.

В 1948–1949 гг. Лотц в звании лейтенанта принимал участие в Войне за независимость. В 1956-м, став майором, командовал ротой, которая захватила египетские позиции на Суэце.

Сразу после этой войны «Моссад» установил с Лотцем контакт. Кандидат произвел на руководство положительное впечатление, прежде всего тем, что совсем не походил на еврея. Этот высокий голубоглазый блондин, не прошедший обряд обрезания, много пил и был воплощением бывшего немецкого офицера. Общительный по натуре, с хорошими актерскими данными, храбрый и готовый на риск, он представлялся очень перспективным.

Поскольку его отец был немцем, Лотц имел право получить настоящий немецкий паспорт, и его можно было послать в Египет под настоящим именем. Благодаря тому же отцу несложно было выстроить его новую нужную биографию. В свое время он учился в берлинской гимназии Моммзен, поэтому довольно несложно было «продлить»

его учебу там до окончания, а затем «послать» на службу в 115-й дивизион армии Роммеля до конца войны.

Во время войны Лотц, служа в британских войсках, участвовал в допросах военнопленных именно этой армии, в силу чего он знал многое о ней, ее частях, подразделениях, подробностях военной жизни ее офицеров, включая их имена. Так что его новая немецкая биография была довольно быстро создана.

По новой биографии, Лотц после войны уехал в Австралию, разводил там в течение 11 лет скаковых лошадей, после чего вернулся на родину. Послевоенная Германия не понравилась ему, поэтому он решил вернуться туда, где провел несколько довольно неплохих лет. То есть, в Египет. Представителей «Моссада» интересовало, сможет ли Лотц забыть о своем еврействе и палестино-израильском прошлом, а также убедить всех его новых знакомых, что он — бывший нацист.

После очень напряженной подготовки Лотц был направлен в Германию для закрепления легенды. В течение года он жил в Западном Берлине и Мюнхене. В конце декабря 1960 г. под видом преуспевающего бизнесмена прибыл в Геную, а оттуда в начале 1961-го парходом — в Египет.

«Туристу-коннозаводчику» были выделены весьма значительные (по израильским меркам) денежные средства. Это позволило ему войти в привилегированные круги, в частности, попасть в элитный Кавалерийский клуб на острове Гезира. Там он чуть ли ни в первый день познакомился и «подружился» с шефом египетской полиции Юсефом Али Гаухарбом. Вскоре Лотц занялся на египетской земле любимым делом — разведением и выездкой лошадей.

С полицейским № 1 он ежедневно совершал конные прогулки. Контакты среди военных и богатых египтян успешно развивались. Израильская разведка считала, что

египетская контрразведка вряд ли будет глубоко проверять немецкую легенду своего агента. Определенный риск, конечно, существовал, но Лотц позже вспоминал, что он был одним из немногих агентов разведки, кто работал под своим именем и по подлинным документам.

Лотц, общительный и компанейский, стал часто устраивать у себя приемы для старших египетских офицеров и других «нужных» людей из египетского общества. Он курил с ними гашиш и любил поговорить на военные темы.

Через полгода Лотц ненадолго выехал в Европу — «уладить свои дела в Германии». Возвратился он с крупной суммой денег, миниатюрным радиопередатчиком, скрытом в каблуке жокейского сапога, подробными инструкциями и красавицей-блондинкой Вальтрауд, без которой он не собирался возвращаться.

Лотц встретил эту восхитительную голубоглазую блондинку с фигурой, какие больше всего ему всегда нравились, в июне 1961 г. в ночном экспрессе, шедшем из Парижа. Вальтрауд была беженкой из ГДР. Жила Вальтрауд Клара Марта Нейман в США и ехала в ФРГ навесить родителей. Через две недели Вольфганг и Вальтрауд поженились.

Лотц не информировал разведку о знакомстве с Вальтрауд, а поставил руководство перед фактом — просто взял ее с собой в Каир. Более того, он раскрылся перед своей новой женой как израильский шпион. Ей это понравилось, она согласилась помогать и действительно хорошо помогала. Они даже выработали между собой специальный код: «Мы всегда называли Израиль Швейцарией, а “Моссад” — “дядей Отто”».

Не правда ли, история со столь поздней горячей любовью и беззаветной преданностью друг другу и смертельно опасному делу кажется несколько неестественной? Но Лотцы, во всяком случае, работали хорошо.

На своем ранчо, расположенном неподалеку от египетской ракетной базы, они вели наблюдение за бывшими нацистами и немецкими учеными, помогавшими Египту в создании современного оружия. Лотц также принимал участие в ставшей печально известной кампании против немецких ученых в Египте. Именно он сообщил их адреса «Моссад» и направил немцам несколько анонимных писем с угрозами и требованием прекратить работу по ракетной программе. Лотц также хранил у себя взрывчатые вещества, которые, судя по всему, предназначались для использования против немецких ракетчиков.

Следует признать, что опасения руководителей Израиля и особенно тогдашнего шефа «Моссад» Иссера Харэля относительно деятельности немецких ученых в Египте были совсем небезосновательны. Во второй половине 50-х годов президент Египта Гамаль Абдель Насер и египетская верхушка поняли, что делать ставку только на импорт оружия неправильно, в том числе и из экономических соображений. К тому времени и относится решение египтян привлечь немецких ученых и инженеров для разработки и налаживания производства собственного оружия, прежде всего ракетного.

«Война» против немецких ученых реально обернулась самым серьезным ударом по «Моссад» и лично по Харэлю. Похоже, он искренне верил, что помощь специалистов из ФРГ в создании ракетного оружия для Египта была частью нового плана немцев по уничтожению евреев. Он ответил операцией «Дамоклов меч». Израильские агенты стали направлять немецким ученым письма со взрывными устройствами...

Однажды супруги Лотц были задержаны за то, что якобы «сбились» с пути и «случайно» заехали на военную базу, где находились ракеты класса «земля-воздух» (SAM), полученные из СССР. Лотц добился, чтобы командование базы связалось с его друзьями в египетской полиции и военной

разведке (он «подружился» с генералом Фуадом Османом и полковником Мохсеном Саидом из военной разведки). Это произвело такое сильное впечатление на командира базы, что он предложил Лотцу и его жене лично показать основные объекты, включая ракетные установки.

— Когда-нибудь у нас тоже будет арабский рейх, — высокопарно заявил египетский офицер. — Но пока надо быть осторожными. У израильян отличная разведка. И они ничего не должны знать до момента окончательного удара. Пойдемте, я покажу вам базу.

В марте 1963 г. «Моссад» возглавил Меир Амит. Поначалу он относился к Лотцу с недоверием. Но вскоре оценил своего агента по достоинству и начал загружать его заданиями сверх всякой меры.

От него требовали информации обо всем: об армии, правительстве, офицерах, политиках, слухах, сплетнях, настроениях. От него поступали сведения о реорганизации египетской армии, которую предполагалось осуществить с помощью советских военных советников, о поставках в Египет советского оружия, о военных базах в районе Суэцкого канала.

Лотц, вращаясь в высших кругах египетского общества и общаясь на короткой ноге с офицерами и генералами разведки, легко получал нужные сведения. Среди его немецких друзей было много бывших нацистов, в том числе бывший помощник Геббельса Иоганн фон Леерс и известный своими экспериментами на узниках концлагерей доктор Эйзеле.

Лотц однажды предупредил провал агента израильской разведки, который действовал недостаточно профессионально. На одной из вечеринок в Каире он познакомился с некой Кэролайн Болтер. Будучи женой немецкого археолога, она не столько интересовалась профессиональными делами мужа, сколько любила говорить с немецкими учеными из сферы точных наук. Когда осторожно, а когда и ста-

рательно расспрашивала их о египетской ракетной программе.

Лотц заметил, что после крепкой выпивки она перешла с немецкого на идиш, которого вроде бы совсем не должна знать. Потом кто-то застал ее, когда она фотографировала карты в доме немецкого ученого. Лотц направил в Тель-Авив срочное сообщение, что агент Кэролайн Болтер находится на грани провала и ее нужно отозвать. Болтер немедленно исчезла.

Помимо контактов с египтянами, Лотц завел обширные знакомства в немецкой колонии. Особенно теплые отношения сложились с супругами Францем и Надей Кисесов. Частым гостем был Герхард Баух, о котором генерал Фуад Осман специально предупредил Лотца:

— Вольфганг, этот Баух постоянно увивается вокруг тебя и ловит каждое слово. Будь осторожен. Он работает на БНД и, возможно, на ЦРУ. Возможно, тебя тоже попытаются завербовать.

Контакты с немецкими «друзьями» укрепили «репутацию» Лотца как антисемита и нациста. Репутация была настолько крепкой, что один из перспективных агентов «Моссада» в Египте, вызванный в Тель-Авив для переподготовки, предложил руководству:

— Почему бы мне не открыть конюшню, как фашистская свинья Лотц? Его школа просто кишит офицерами, которые катаются на лошадях этого нациста. Давайте устроим такую же школу для меня. И я вышибу этого типа из Каира.

В 1963 г. на одной из встреч в Париже руководители «Моссада», взволнованные слухами о приготовлениях Египта, заявили буквально следующее:

— Мы понимаем, что для получения информации от египтян и наци вам необходимо было огромное количество алкоголя и деликатесов. Мы шли вам навстречу и не скупилась на затраты. Но от вас нужна срочная информация, в частности о немецких ракетах.

Замечание было учтено. В дальнейшем поступавшая от Лотца информация была еще более ценной, а порой просто незаменимой.

В 1964 г. он с помощью хорошего друга полковника Омара Эль-Хадари открыл новую конюшню прямо на территории крупнейшей военной базы в Абассии. Еще один ипподром был устроен в дельте Нила, неподалеку от стратегического полигона, где испытывали ракеты «земля-земля». Радиопередатчик в доме Лотцев работал регулярно...

И похоже, что радиопередатчик Лотца, замаскированный в напольных весах, был запеленгован точно так же, как у Эли Коэна в Дамаске.

Вскоре египетская контрразведка провела превентивные задержания большой группы (свыше 30 человек) западных немцев, подозреваемых в работе на БНД и ЦРУ. В их числе были и «настоящие шпионы», и случайные люди. В списке числились и супруги Лотц — основания для подозрения их в шпионаже уже существовали, а в последнее время и усилились в связи с пеленгацией рации.

22 февраля 1965 г. агенты «мухабарат» (контрразведка) ворвались в квартиру Лотцев. Вольфганг не знал о превентивных арестах и посчитал, что просто провален как израильский шпион. Не только его жизнь, но и жизнь Вальтрауд и ее родителей, которые, как на грех, приехали погостить в Египет, оказалась в опасности. Тогда Лотц избрал не единственно верную, но все же достаточно удачную линию поведения. Он признался в шпионаже, но упрямо твердил, что он был немцем, который помогал Израилю ради денег.

Проверки «немецкой легенды» и «арийской сущности» (с осмотром деликатных частей тела) не дали четких опровержений показаний Лотца. Египтяне пришли к выводу, что имеют дело с завербованными гражданами ФРГ. В результате родителей Вальтрауд просто выслали из страны, а супругов судили открытым судом.

«Моссаду» удалось направить в Египет немецкого адвоката для защиты Лотца и его жены. Адвокат публично заявил, что видел Лотца в компании немецких офицеров.

— Поскольку я никогда не служил в немецкой армии, — вспоминал позже Лотц, — я сразу понял, кто послал этого адвоката.

27 июля 1965 г. Вольфганг Лотц был приговорен к пожизненному заключению с каторжными работами. Его жена — к трем годам лишения свободы и каторжным работам. Но ни он, ни она не были посланы на каторгу. Они содержались в тюрьме в довольно приличных, по египетским понятиям, условиях.

Зимой 1968 г. в результате секретных переговоров под патронатом ООН в лице ее специального представителя Гуннара Ярринга Лотца и его супругу вместе с группой других израильских агентов, задержанных в Египте, обменяли на особую партию из 500 военнопленных старших египетских офицеров, взятых в плен в ходе «шестидневной войны», среди которых было девять генералов. Всем заключенным с обеих сторон, включенным в эту сделку, выдали медицинские заключения о том, что они страдают неизлечимыми болезнями и в качестве акта гуманизма их выслали в свои страны.

Последующая судьба Лотца сложилась не слишком удачно. Правда, после возвращения в Израиль материально он жил неплохо. Но в 1973 г. умерла его жена Вальтрауд. Вскоре прогорела школа верховой езды, которую он открыл в Тель-Авиве.

Лотц перебрался в Западную Германию, но и там его работа оказалась малополезной и бесперспективной. Тогда он уехал в Калифорнию, успев за эти годы еще дважды жениться. Там он занялся частным бизнесом, но ничего серьезного на этом поприще достичь не смог.

Лотц вернулся в Израиль и жил с семьей на скромную пенсию. Умер в 1993 г., отнюдь не в роскоши. Он успел

написать книгу о своей конно-шпионской жизни «Шпион в шампанском».

Операция «Пенициллин»

Среди сотрудников «Моссада» операция «Пенициллин» считается не менее значительной, нежели более известные и эффектные, как, например, поимка нацистского преступника Адольфа Эйхмана или освобождение заложников в Уганде. Итогом той операции стало похищение в Ираке в августе 1966 г. самого лучшего по тем временам советского истребителя МиГ-21, состоявшего также на вооружении Египта и Сирии.

До недавнего времени широкая публика как в Израиле, так и за его пределами не знала всех подробностей угона этого самолета. Спецслужбы, как известно, не любят делиться своими секретами. Поэтому неудивительно, что реальные факты обрастали самыми невероятными подробностями. Например, откуда-то появилась багдадская красавица, являвшаяся агентом «Моссада». Пилот иракского МиГа влюбился в нее, у него раскрылись глаза на жестокости режима, и они улетели в Израиль. Словом, даже не голливудская, а индийско-турецкая клубничка на фоне «стальной птицы».

И вот ряд израильских газет поведали, по их словам, правду об операции «Пенициллин». По причине, увы, печальной. В одной из стран Западной Европы скончался главный герой этой истории — иракский летчик Мунир Редфа, угнавший истребитель в Израиль...

Апрель 1965 г. Командующий израильскими ВВС генерал Эзер Вейцман вызвал к себе шефа «Моссада» Меира Амита.

— Меирке! — сказал он без всяких предисловий. — Мне нужен живой МиГ-21.

— А я был бы не прочь выиграть первый приз в лотерею...

Но генерал не шутил.

— Это новейший самолет. От него может быть много бед...

Здесь необходимо напомнить, что в 1961 г. в обстановке максимальной секретности Москва начала поставлять МиГ-21 арабским странам. К моменту прихода в марте 1963г. Амата в «Моссад» истребители этого типа входили в состав воздушных сил Египта, Сирии и Ирака. Западным странам ничего о них известно не было.

Для израильских ВВС было жизненно важно знать о МиГе все — скорость, вооружение, маневренность, оборудование, управление... Только при этих условиях израильские летчики могли научиться противостоять ему.

Москва отдавала себе отчет в том, что, разместив МиГ-21 за пределами СССР, она рискует. Поэтому летчиков для них отбирали очень придирчиво: только самых лучших и преданных.

Израиль неоднократно предпринимал попытки обзавестись новейшей машиной, составлявшей главную ударную силу Египта, Сирии и Ирака. Первая была предпринята в 1963–1964 гг. в Египте. Агенты «Моссада» вышли тогда на капитана египетских ВВС Махмуда Аббаса Хильми, который был холостяком и жил с матерью в Каире. Он был недоволен собственными властями из-за того, что ему приказали бомбить мирное население в Йемене. Египет помогал тамошнему режиму подавить повстанческое движение. Причем для эффективности действий там применялись бомбы с нервно-паралитическим газом.

Египетскому летчику был предложен один миллион долларов и политическое убежище за похищение истребителя. В 1964 г. он угнал в Израиль самолет. Но это оказался не МиГ-21, а старый Як, не представлявший никакой военной и разведывательной ценности. И хотя денег он не получил, ему предоставили политическое убежище и средства к существованию.

Хильми пытался «аклиматизироваться» в Израиле. Но это у него не получилось. Тогда «Моссад» помог ему изменить внешность при помощи пластической операции и под вымышленным именем поселиться в Аргентине.

Увы, летчик не умел (или не хотел) соблюдать конспирацию. Не успев прибыть в Аргентину, он послал матери в Каир открытку. Она немедленно попала в руки египетских контрразведчиков. В Буэнос-Айрес отправили группу агентов. Соблазнительная египтянка заманила бывшего капитана в свою квартиру, где он был оглушен и затем перевезен в египетское посольство. Оттуда его переправили в Каир, где и казнили.

Вторая попытка (также неудачная) имела место в 1965 г. И тоже в Египте. Но тут летчики-оппозиционеры вообще не захотели иметь дело с израильянами.

Казалось, что у «Моссада» не было никаких перспектив. Тем более, что просьба Вейцмана прозвучала не в самый лучший период для израильской разведки. Шла черная полоса: аресты агентов Вольфгана Лотца в Каире и Эли Коэна в Дамаске. Но...

Некоторое время спустя после разговора Амита с Вейцманом в здание израильского посольства в Париже вошел неизвестный человек. Он попросил разрешения встретиться с военным атташе. Того не было на месте, поэтому посетителя принял второй секретарь.

Незнакомец объяснил, что один из его друзей в Ираке просил передать: если израильяне хотят получить советский МиГ, им следует позвонить в Багдад и попросить к телефону Джозефа. Он все устроит...

Израильский дипломат, естественно, очень удивился и даже развеселился. Однако попросил дополнительную информацию. Но посетитель на это ответил, что ничего больше сообщить не может, пожал дипломату руку и покинул посольство, так и не назвав своего имени. В распо-

ряжении израильтян оставались имя «Джозеф» и номер телефона в Багдаде.

Молодой дипломат написал отчет об этой встрече и передал его резиденту «Моссада». Некоторое время спустя телеграмма легла на стол Меира Амита.

В отличие от своих заместителей, к информации он отнесся весьма серьезно. «Каким бы невероятным эпизод в Париже ни казался, пренебрегать им нельзя, — решил Амит. — Надо звонить в Багдад».

Самым опасным в этом деле шефу «Моссада» представлялась возможность попытки противника таким примитивным способом заманить израильтян в западню. Поэтому никто из действовавших в Ираке агентов звонить по телефону не мог. Более того, агенту в Багдаде даже нельзя было поручить проверить номер. Иракцы могли это предусмотреть.

План, составленный начальником оперативного отдела Михаэлем Шароном, исходил из предпосылки, что это — западня. Следовательно, в Багдад должен отправиться человек совершенно посторонний, но разумный и достаточно опытный, чтобы на месте установить контакт и выслушать предложение. Об израильской разведке такой агент не должен знать ничего, что могло бы ее скомпрометировать, если его, скажем, начнут пытаться. Тот, кто получит это задание, считал Шарон, должен быть предупрежден, что идет на верную смерть.

Амит нашел подходящего для этого задания кандидата. Тренированный парашютист, выпускник Иерусалимского университета, свободно говоривший по-арабски и по-английски. Звали его — Иосиф Мансор. В области разведывательной деятельности, однако, сколько-нибудь серьезного опыта у него не было. Тем не менее лучшего кандидата и представить было трудно.

Его пригласили к Амиту и Шарону. Они рассказали ему о предстоящем задании, не скрыв опасностей, которым он будет подвергаться в Багдаде. Амит подчеркнул,

что никто не стал бы предлагать задание, которое кажется таким нелепым, если бы его цель не была столь важна. Шарон изложил смысл сказанного Амитом в более грубой и откровенной форме:

— В данный момент, — сказал он, — этот МиГ важнее, чем ваша жизнь.

Мансору было предложено подумать. Но думать он не стал и тут же согласился выехать в Ирак.

Четыре месяца спустя Мансор под видом англичанина, специалиста по рентгеновскому оборудованию (его наскоро подучили в Израиле) прилетел в Багдад. В течение недели он посещал госпитали и официальных лиц в Министерстве здравоохранения, предлагая свое оборудование. Все это время он готовил себя к тому единственному телефонному звонку, ради которого приехал. Наконец он понял, что откладывать больше невозможно...

Чтобы как-то обезопасить себя, он пригласил двух сотрудников министерства пообедать с ним в одном из лучших ресторанов. Во время обеда он извинился и вышел, сказав, что ему надо позвонить по телефону.

Он набрал номер. Трубку сняли, и он попросил Джозефа. Мысленно Мансор настроился на то, что ответит сразу Джозеф. Поэтому вопрос «Кто говорит?» смутил его. Запинаясь, он ответил: «Друг из другого города». И тут же сообразил, что выразился неудачно. В течение минуты он судорожно сжимал трубку в потной ладони. Наконец Джозеф подошел к телефону.

С Шароном они условились, что он скажет следующее: «Я был рад познакомиться с вашим другом. Может быть, мы встретимся и обсудим наши дела?» Но едва он услышал голос собеседника, тут же обо всем забыл и произнес: «Вы и есть Джозеф?» Тот, в отличие от Мансора, совершенно спокойный, спас положение: «А вы — тот джентльмен, который встречался с моим другом?» Мансор проворчал что-то утвердительное.

Они условились о встрече в одном из центральных багдадских кафе в 12.00 на следующий день.

Чтобы успокоиться после разговора, Мансору пришлось зайти в туалет. Он понимал, что нарушил все без исключения инструкции, данные ему в Тель-Авиве. Это он, Мансор, а не Джозеф, должен был предложить место и время встречи. Он даже подумал, не позвонить ли еще раз, чтобы исправить сделанные им оплошности. Но сообразил, что это будет совсем уж нелепо.

На следующий день, сидя под тентом в кафе в центре Багдада, он осознал, что нарушил еще одну и причем самую важную инструкцию. Джозеф не только указал ему место встречи, но спросил, как Мансор будет одет. Ему самому надо было поинтересоваться, как выглядит Джозеф.

Он чуть не свалился со стула, когда точно в 12.00 напротив него опустился человек, который тут же с улыбкой отрекомендовался как Джозеф. Ему было лет шестьдесят. Лицо смуглое, в глубоких морщинах. Белоснежные волосы великолепно обрамляли лицо. Но костюм на нем был, казалось, с чужого плеча.

Они заказали черный кофе. И для Джозефа какие-то пирожные. При этом Джозеф рассматривал Мансора очень внимательно.

— Спасибо, что пришли, — сказал Джозеф.

— Мы очень заинтересованы в товаре, о котором упоминал ваш друг, — ответил Мансор.

— Это будет очень дорого вам стоить, — заметил старик и добавил: — Потребуется много времени. Но я думаю, что это возможно...

Мансор решил подойти к этому вопросу с другой стороны.

— Мои друзья не могут себе представить, как вы можете рассчитывать на успех, — признался он. — Уже многие пытались это сделать. Но безуспешно...

В ответ Джозеф улыбнулся и предложил встретиться на следующий день. В более спокойной обстановке, в уединенном месте, на скамье в парке.

Сидя на другой день на этой скамье, Мансор выслушал рассказ Джозефа...

Он родился в бедной семье иракских евреев. В десятилетнем возрасте его отдали в услужение в семью богатых иракцев-христиан. Он никогда не учился в школе. Едва умел читать и писать. Но с годами занял в семье, на которую работал, особое положение. Хотя он оставался слугой, постепенно сложилось так, что все члены семьи всегда обращались к нему за советом и помощью. Никто и ничего от него не скрывал. Ни одна семейная встреча не обходилась без него. Его слово на этих встречах было решающим. Он стал для них духовным отцом. Нынешний глава семьи вырос у него на руках. Джозеф благословил его на брак и потом растил его детей.

Однако два года назад произошло событие, которое изменило всю его жизнь. Между ним и главой семьи возникла ссора. Разгорячившись, хозяин дома сказал, что он, Джозеф, малограмотный человек и вне его семьи — ничто. Через несколько часов, опомнившись, он извинился. По арабскому обычаю, в знак примирения, они обнялись.

Джозеф, однако, понял, что его хозяин прав. Он действительно существовал только потому, что имел отношение к этой семье. Обдумав положение, он решил, что так быть не должно. Вот тут-то он и вспомнил о своем еврейском происхождении, о котором практически забыл. У него не было знакомых среди евреев. Более того, к Израилю он испытывал типичные для иракцев чувства. Джозеф начал искать своих соплеменников.

Он нашел местного раввина, который познакомил его с Библией и основами еврейской религии. Джозеф вошел в состав небольшой группы, члены которой собирались раз в неделю, чтобы обсудить вопросы, связанные с иуда-

измом, поговорить об Израиле. Все они, по наблюдениям Джозефа, чувствовали себя связанными с еврейским государством прочными духовными узами, хотя эмигрировать туда не собирались.

Постепенно Джозеф стал разделять их чувства. Его преданность семье не ослабела, но и обретенное чувство любви к Израилю было глубоким. Вскоре он понял, каким образом сможет оказаться полезным и семье, и Земле обетованной.

Иракское правительство стало преследовать христиан — религиозное меньшинство в стране. На очередном собрании членов семьи ее глава сообщил, что многие из его друзей арестованы по обвинению в выдуманных преступлениях. Их семью могла ожидать такая же участь.

— Если бы мы имели возможность уехать, — сказал он.

Его старший сын Мунир Редфа никаких трудностей не знал. Он воспитывался среди арабов, учился в арабских школах и был иракцем в большей степени, чем сами иракцы. По профессии он был летчиком и занимал должность заместителя командира эскадрильи. Одним из первых он был отобран для обучения в ВВС США. Затем его послали в СССР учиться летать на новейших самолетах. Он был на прекрасном счету и ему доверили управление МиГ-21.

Его рассказы об этом чудо-истребителе и рассуждения о том, что израильтяне охотно заплатили бы миллионы за возможность рассмотреть его, заставили Джозефа задуматься над этой ситуацией. Ему казалось, что он сможет убедить Мунира доставить самолет в Израиль. Разумеется, в обмен на согласие израильтян вывезти семью в безопасное место и обеспечить средствами, которые позволили бы им жить так же безбедно, как они привыкли жить в Багдаде.

Надо признать, что Джозеф отличался способностью находить простые решения для самых сложных проблем.

Когда один из его друзей отправился в Европу, он попросил того зайти в израильское посольство и передать его предложение. После этого он стал ждать. В полной уверенности, что израильтяне откликнутся.

Мансор спросил его, сколько денег потребуется для семьи. Джозеф все это уже обдумал — 500 тыс. фунтов стерлингов. Для себя он не просил ничего...

Через неделю Мансор уже докладывал Меиру Амиту о результатах поездки в Багдад. За время общения с Джозефом он проникся к нему доверием. Однако ему трудно было убедить в этом заместителей шефа «Моссада». Самого Амита убеждать не пришлось.

Два месяца спустя Мансор снова отправился в Ирак, чтобы выяснить, как Джозеф предполагает осуществить эту операцию. Тот решил предложить главе семьи отправить на лечение в Швейцарию дядю, который пользовался у властей полным доверием и мог легко получить разрешение на выезд. Дело «Моссада» позаботиться о том, чтобы в Швейцарии его ждал солидный аванс. Тогда он сможет послать в Багдад телеграмму, предупреждающую о том, что израильтянам можно доверять.

На вопрос, какую сумму дядя будет считать достаточной, Джозеф назвал 250 тысяч. Мансору потрясла эта огромная сумма. Но Джозеф спокойно объяснил, что легчик примет предложение только в том случае, если будет уверен, что семья вполне обеспечена.

— Дело в том, — пояснил Джозеф, — что, несмотря на дискриминацию политического характера, уровень жизни семьи в Ираке намного выше, чем могут представить себе в Израиле. Поэтому скорее всего они рискнут остаться в Ираке, чем быть стесненными в средствах за пределами страны.

В «Моссаде» эти рассуждения были встречены скептически. Коллеги Амита стали уговаривать его забыть об этой идее. Но он не согласился, ибо рассуждал так. Изра-

иль рискует потерять полмиллиона фунтов. Это с одной стороны. А с другой, он все же может заполучить МиГ-21. Игра стоила свеч...

Кабинет министров утвердил операцию «Пенициллин» без помех. Шеф «Моссада» поставил в известность начальника Генерального штаба Ицхака Рабина, который горячо его поддержал. Для военных эта операция значила больше, чем все операции разведки, проведенные ранее.

Разработку операции поручили Михаэлю Шарону. Он начал с того, что удалил из Ирака почти всю агентурную сеть, которая создавалась годами. Он не хотел рисковать. После этого создал пять оперативных групп.

Первая состояла из Иосифа Мансора и радиста. Они должны были жить в Багдаде и организовать там бизнес. В задачу Мансора входило поддерживать контакты с Джезефом.

Вторая группа, состоявшая из четырех человек, должна была также обосноваться в Багдаде с целью оказания помощи Мансору. Но он об этих людях ничего не знал. Он имел возможность общаться с ними через тайники, в которых оставлял письма и получал указания. В случае неудачи эта группа должна была вывезти Мансора и радиста из страны или взять на себя их функции, если ситуация сложится так, что Мансор потеряет над ней контроль.

Группа номер три, включавшая трех человек, направлялась в Багдад на два-три месяца для наблюдения за членами семьи Мунира Редфы.

Четвертая группа состояла из шести агентов военной разведки и была направлена в Курдистан. Предполагалось, что именно курды будут содействовать вывозу семьи за пределы Ирака.

Пятая группа обосновалась в Иране. Она должна была также принять участие в эвакуации семьи.

В Вашингтон и в Турцию тоже были направлены агенты с дипломатическими поручениями. Нужно было обес-

печить, если это понадобится, возможность посадки и заправки самолета.

«Моссаду» было известно, что советские военные специалисты, опасаясь угона, на время тренировок заполняли баки только наполовину.

Джозеф между тем выжидал благоприятного момента для переговоров с семьей своего хозяина. Кроме того, он хотел уточнить, сколько членов семьи Израиль готов вывезти. Ибо выяснилось, что речь идет не о муже, жене и детях, как предполагали израильтяне, а о целом клане — дедушках, бабушках, тетях, дядях, племянницах и племянниках, а также о двух старых слугах.

В Израиле согласились, хотя понимали, что вывоз клана — дело не шуточное. Но Джозеф опять нашел простое решение проблемы. Он посоветовал организовать отъезд так, чтобы большинство членов семьи не знали, куда они едут.

Переговоры он начал с главы семейства, которого убедил в реальности своего предложения. Затем подошла очередь Мунира Редфы. Сначала тот пришел в ужас. Но постепенно осознал, что только таким образом сможет обеспечить себе и своей семье благополучное будущее.

Чтобы подкрепить решимость Редфы, ему предложили посетить... Израиль. Сначала он отправился в Париж (для начальства — в отпуск) в сопровождении агента «Моссада» — красивой женщины, имевшей американский паспорт. В Париже его снабдили фальшивыми документами и самолетом израильской компании «Эль-Ал» доставили на Землю обетованную.

24 января 1966 г. Редфа в сопровождении «моссадовцев» прибыл на израильскую авиабазу Хацор. Там он встретился с командующим ВВС Мордехаем Ходом, сменившим на этом посту Эзера Вейцмана, и шефом «Моссада» Меиром Амитом. Последний убедил иракского летчика в том, что его бегство и вывоз семьи подготовлены над-

лежащим образом. В ходе этой встречи Редфа был поражен обширностью информации, имевшейся у израильских спецслужб относительно ВВС Ирака и работавших в них советских инструкторах.

В тот же день Редфа вместе с командиром авиабазы полковником Шломо Барекетом облетели на тренировочном самолете центр страны, включая бывшие тогда под властью Иордании Иудею и Самарию. Израильский полковник наметил для иракского летчика оптимальную трассу перелета с востока.

Вечером Редфе показали Тель-Авив и Яфо. Во время ужина были согласованы все детали связи и шифровальные коды. Правда, была одна загвоздка. На базе, где служил Редфа, располагались только самолеты МиГ-17, уже хорошо известные «Моссаду». Новые же МиГ-21 находились на центральной базе под Багдадом. Редфа заявил, что сумеет добиться перевода.

На следующий день его тайно доставили в Европу на борту самолета «Эль-Ал». Из аэропорта он вышел перодетым и загримированным, с чужими документами. Эта поездка укрепила его уверенность в том, что на израильтян можно положиться...

17 февраля 1966 г. из Ирака пришла открытка в адрес европейской резидентуры «Моссада». Английский текст гласил: «У нас все в порядке. Скоро возьму пенициллин. Привет новым друзьям. До скорой встречи».

Спустя два месяца была получена еще одна открытка: «Мне удалось перевестись из госпиталя, где я нахожусь, во внутреннее отделение. Перевод произойдет в июне. Тогда же, по всей видимости, перешлю вам пенициллин».

Последняя открытка от 17 июля гласила: «Переведен во внутреннее отделение. Прохожу курс терапии пенициллином. Скоро привезу его вам. В начале августа моя жена с детьми и братом выезжает за границу».

Теперь Михаэль Шарон и его агенты взялись за нелегкую задачу по вывозу за рубеж семьи иракского летчика. Для проведения этой операции (кодовое название — «Совок») были выделены большие силы и крупные средства. Риск был слишком велик, и поэтому нельзя было допустить ни малейшей возможности провала.

Как и предполагалось, дядя Мунира без труда получил разрешение на выезд в Швейцарию на лечение. Там он получил деньги, которые «Моссад» перевел на секретный счет в один из банков, и отправил Джозефу открытку, сообщив условным кодом, что израильтяне свои обязательства выполнили.

После этого врач (друг семьи) выдал медицинскую справку, в которой было указано, что сыну Мунира Редфы срочно необходимо лечение в Лондоне, куда он и выехал в сопровождении матери. Через два дня агенты «Моссада» при содействии курдских повстанцев вывезли остальных членов семьи в Иран, с которым в то время у Израиля были прекрасные отношения. Из Тегерана их доставили в Тель-Авив и сообщили об этом иракскому летчику.

Оставался последний, заключительный этап операции...

В «Моссаде» понимали, что в случае успеха скрывать побег иракского летчика на новейшем истребителе долго не удастся. Сведения же о причастности к побегу израильских спецслужб, во-первых, вызвали бы у Ирака желание отомстить. К осуществлению такой мести немедленно присоединилось бы немалое число желающих — Египет, Сирия и прочие «заклятые» соседи еврейского государства. А что такое арабский террор в Израиле знали слишком хорошо.

Но даже не угроза мести со стороны арабов вызывала тревогу израильтян. Куда больше они опасались резкого ухудшения отношений с Советским Союзом (напомню, что события развивались до «шестидневной войны» 1967 г.,

когда между Израилем и СССР существовали полномасштабные дипломатические отношения). Тем более что, несмотря на откровенно проарабскую позицию Москвы, израильское руководство всячески стремилось к сближению с СССР. В Тель-Авиве отдавали себе отчет в том, какой гнев в Кремле вызовет известие о похищении новейшей модели советского истребителя.

Словом, было необходимо принять все меры к тому, чтобы побег капитана иракских ВВС ни в коем случае не связывался с «Моссадом». Оптимальной представлялась следующая версия: Мунир Редфа бежал из Ирака по личным причинам. Самолет им специально не выбирался. На каком летчик совершал тренировочные полеты, тот и использовал. Иными словами, целью было бегство, а не похищение истребителя. Израиль выбран пилотом лишь по причине удобного расположения.

За реализацию «дымовой завесы» взялся Шломо Коэн. В 50-е годы он был резидентом «Моссада» в Каире, а в момент описываемых событий заведующим архивами израильских спецслужб. К тому же он был художником-графиком.

5 августа 1966 г. в одно из почтовых отделений Тель-Авива пришло письмо из Ирака. В нем иракский летчик Мунир Редфа сообщал о своем намерении покинуть страну по личным мотивам и укрыться в Израиле. Далее он «писал», что отправляет это письмо на израильский адрес, случайно обнаруженный в еженедельнике «Таймс».

Любой эксперт, если бы такой был приглашен, подтвердил бы, что письмо написано рукой капитана Редфы на бумаге иракского производства. В действительности писал все это Шломо Коэн, а бумага была закуплена по каналам «Моссада».

Поскольку операция проводилась в глубокой тайне, а круг посвященных был чрезвычайно узким, существовала еще одна опасность. Появление в воздушном пространстве

Израиля чужого истребителя могло вызвать тревогу в войсках ПВО, которые могли сбить нарушителя. Следовательно, во избежание такой ситуации от самой границы иракский МиГ должен был сопровождаться израильским самолетом. Для этого был выбран один из лучших летчиков майор Ран Пеккер-Ронен, впоследствии бригадный генерал авиации...

И вот наступило 14 августа 1966 г., воскресенье. Капитан Мунир Редфа, служивший уже под Багдадом, готовился к обычному тренировочному полету. Как правило, эти полеты проводились в пустынных восточных областях Ирака. Никаких подозрений ни у командования, ни у обслуживающего персонала базы Редфа не вызывал. Напротив, его рапорт о переводе — это явное желание освоить новую технику и рассматривался как образец патриотической лояльности.

Заняв место в кабине МиГ-21, капитан дал знак техникам. Через несколько минут он набрал высоту и лег на заданный курс. Для перелета в Израиль нужно было его изменить. Редфа приготовился сделать это, но...

Внезапно кабина самолета заполнилась едким дымом. Похоже, где-то замкнуло электропроводку. Редфа решил не рисковать и вернулся на базу.

Напряжение в «Моссаде» достигло предела. Ведь никакой связи с летчиком не было. Оставалось только ждать. «Мираж» майора Пеккер-Ронена находился в готовности к вылету. Руководство разведки провело бессонную ночь. Семья Редфы также находилась в полном неведении о том, как развиваются события.

Следующий тренировочный полет состоялся 15 августа. На этот раз все обошлось без происшествий. Поднявшись в воздух в 7.30 утра, капитан взял курс на восток, затем резко изменил его и на низкой высоте пересек границу с Иорданией. Ни иракские, ни иорданские службы ПВО не обнаружили нарушителя.

Над северным районом Мертвого моря его уже ждал самолет Рана Пеккер-Ронена. «Мираж» проводил МиГ-21 до базы в Хацоре. Его колеса коснулись взлетно-посадочной полосы в 7.55. Весь полет продолжался 25 минут.

В тот же день, как только о дерзком побеге стало известно в Ираке, было арестовано несколько офицеров — командиров капитана Редфы. После недолгого разбирательства их всех расстреляли.

Сам же Мунир Редфа был принят в Израиле как герой. Его доставили на вертолете в тель-авивский аэропорт Сде-Дов, где находились премьер-министр Леви Эшкол, начальник Генерального штаба Ицхак Рабин, командующий ВВС Мордехай Ход и шеф «Моссада» Меир Амит. Иракского летчика сразу представили журналистам на срочной собранной пресс-конференции. Здесь же было продемонстрировано письмо, якобы написанное пилотом.

В скором времени специалисты из израильских и американских ВВС сумели раскрыть тайны МиГ-21. Это обстоятельство весьма помогло израильским летчикам в ходе «шестидневной войны» в июне 1967 г., когда им приходилось сражаться против египетских, сирийских и иракских МиГов.

Мунир Редфа стал пилотом частной нефтеперерабатывающей компании на нефтепромыслах в Синае. Он получал приличную зарплату и солидное пожизненное пособие. Короче, был вполне счастлив и доволен жизнью.

Увы, его удовлетворенность не разделялась близкими. В отличие от самого Редфы, ни его жена, ни дети так и не смогли адаптироваться в Израиле. Они чувствовали себя чужими, забрасывали «Моссад» бесчисленными жалобами и требованиями. В 1969 г. Редфа, поддавшись давлению семьи, обратился к руководству секретной службы с просьбой о переезде в другую страну.

Вскоре семье Редфы было предоставлено тихое и спокойное убежище в стране, также немало обязанной иракскому летчику. Там он и прожил до конца своей жизни...

Некоторые зарубежные авторы утверждают, что Мунира Редфу к бегству склонила красивая еврейка американского происхождения, работавшая на «Моссад». В действительности иракского летчика склонил к бегству Джозеф Макс — слуга, работавший в их доме...

Как «Моссад» упустил Мюллера

Случилось это в ноябре 1967 г. в Мюнхене. Герои той неудавшейся операции уже не служат в «Моссаде». Однако их имена и фамилии все еще сохраняются в тайне.

За провалом кроется захватывающая гонка по следу нацистского преступника, шефа гестапо, группенфюрера СС Генриха Мюллера. Преследование вела группа, в которую входили основатели разведки «Моссад» Цви Малкин и Рафи Эйтан. Последний за семь лет до описываемых событий сумел обнаружить помощника Мюллера Адольфа Эйхмана, ответственного за осуществление программы тотального истребления европейских евреев.

Судьба Мюллера могла бы быть аналогичной, если бы не провал, приведший к аресту агентов израильской разведки.

Что же произошло?

За несколько дней до начала операции в Мюнхен прибыл Цви Малкин, чтобы проверить все ли готово и дать последние указания. С ним приехала его секретарша и еще один агент.

Поздно вечером в четверг 2 ноября 1967 г. двое агентов «Моссада», значившихся по паспортам как Даниэль Гордон и Барух Шор, проникли с помощью отмычки в квартиру бывшей жены группенфюрера Софи Мюллер (в этот момент она находилась в больнице) в пригороде Мюнхе-

на на улице Манцингер, 4. Они фотографировали папки, документы и письма, искали снимки, образцы почерка и другие материалы, которые могли бы помочь выйти на след нацистского преступника. Последний раз его видели 29 апреля 1945 г. в берлинском бункере Гитлера, незадолго до того, как фюрер покончил жизнь самоубийством, а в город вошли советские войска. Тогда Мюллеру удалось замести следы...

В то время, как Гордон и Шор фотографировали документы в квартире фрау Мюллер, ее соседка, заподозрившая неладное, вызвала полицию. Немецкие полицейские арестовали израильтян, когда те выходили из квартиры. Началась погоня за третьим человеком, сидевшим неподалеку в черном «мерседесе» и поджидавшим товарищей. Но агента захватить не удалось.

Гордона и Шора доставили в полицейский участок, где их допросили, а затем перевезли в тюрьму. Представитель Министерства юстиции ФРГ охарактеризовал действия мнимых взломщиков как «дилетантские». Их обвинили в преступном заговоре, связи с незаконной организацией, в нарушении общественного порядка и несоблюдении паспортного режима. Агенты «Моссада» отказались сотрудничать со следствием и выдали себя за бывших узников концлагерей, одержимых жаждой мести.

Надо сказать, что немецкие следователи поначалу не распознали в арестованных агентов «Моссад», хотя фотоаппараты и радиопередатчики не оставляли места для сомнений относительно их намерений. Агенты заявили, что действовали «совершенного самостоятельно», потому что потеряли во время Катастрофы всех своих близких. Вскоре они поняли, что немецким властям известно, кто они такие, поскольку определенные круги в Израиле стали ходатайствовать об их освобождении.

Софи Мюллер, вышедшая через три дня из больницы, сообщила, что из квартиры ничего не пропало. Вскоре, не

желая быть в центре внимания, она перебралась жить к дочери и зятю — Элизабет и Карлу Зинбак в один из пригородов Мюнхена.

Аресту агентов предшествовал еще один провал. Если бы того провала не было, возможно, Мюллера удалось бы схватить, не проникая в квартиру его бывшей жены.

Однажды вечером в октябре 1967 г. семейство Мюллера праздновало день рождения одного из своих членов. В честь этого события в доме Софи Мюллер собралось несколько родственников. А в это время агенты «Моссада» вели наблюдение за домом. Среди наблюдавших был и Цви Малкин, который рассказал о том провале.

— Перед тем как выехать в Германию, — вспоминает он, — я попросил снимки всех без исключения родственников Мюллера. Я получил их все, кроме фотографии группенфюрера. Когда я прибыл в Германию, Н. ввел меня в курс дела. Позже выяснилось, что его доклад был неполным.

— Была ли у вас информация о том, что Генрих Мюллер находится в Мюнхене? — поинтересовались журналисты.

— Нет. Но мы знали, что намечается семейный праздник. Мы хотели установить слежку за его женой и сыном, чтобы они вывели нас на самого Мюллера. Я провел инструктаж людей, и мы отправились к дому, где праздновался день рождения. Громкое пение родственников Мюллера было слышно издалека.

В этом небольшом четырехэтажном здании было всего четыре кваргиры. Софи Мюллер проживала на втором этаже с левой стороны.

— Неожиданно я увидел пожилого человека, выходящего из этого здания, — вспоминает Малкин. — Я не смог опознать его и сказал своей секретарше, которая сопровождала меня в этой операции в качестве агента: «Могу спорить на что угодно, что это военный». Его выдавала походка.

На следующий день Малкин пришел к Н. и описал ему этого незнакомца.

— Господи! Это он! — воскликнул Н.

Вернувшись в Израиль, Малкин сразу же отправился к человеку в «Моссад», который подключил его к операции.

— Покажи мне, как выглядит Мюллер, — попросил он.

— Когда я увидел фотографию, — признается Малкин, — меня как громом поразило. Я опознал Мюллера с достоверностью в тысячу процентов...

Тридцать лет минуло с тех пор, а ветераны «Моссад» все еще с жаром ведут споры по поводу нацистских историй, вошедших в летопись этой организации. Рафи Эйтан, который в 1961 г. утверждал, что видел в Южной Америке нацистского преступника Йозефа Менгеле, «ангела смерти из Освенцима», и сегодня не уверен, что Малкин столкнулся тогда с Мюллером.

— У Малкина всегда было богатое воображение, — говорит Эйтан. — Он единственный, кто утверждает, что видел Мюллера после 1945 года. Возможно, его свидетельство верно, а возможно, и нет. Были и другие службы, следившие за бывшей женой Мюллера и за домом. Но они ничего не обнаружили. Когда следили за женой Менгеле, были признаки того, что он жив. А тут никаких признаков не было. Когда-нибудь в будущем явится миру какой-нибудь немец и поведаст правду о Мюллере.

Малкин:

— Как бы это сказать помягче... Рафи Эйтан не совсем точен. Он не был на месте и ничего не знает. С нами работал другой человек. Я подключился к этому делу по просьбе одного сотрудника «Моссада», который получил разрешение на проведение операции против Мюллера. А если Рафи видел Менгеле, я готов проглотить свою шляпу.

Тем не менее Эйтан убежден, что в 1967 г. Мюллер действительно был жив, и ссылается на информацию, при-

ведшую именно тогда к той самой операции. Информацию, на основании которой было выдвинуто предположение, что в доме Софи Мюллер можно найти что-то такое, что укажет сотрудникам «Моссад» место, где скрывается Мюллер.

Операция, как уже говорилось, закончилась в ночь на 3 ноября 1967 г. арестом израильских агентов. После публикации сообщения об аресте соседи фрау Мюллер рассказали журналистам, что несколько раз видели двух незнакомцев в возрасте около сорока лет, слоняющихся под окнами квартиры бывшей жены группенфюрера. По их словам, после полуночи эти подозрительные личности, держа в руках фотоаппараты, вломилась в квартиру. А одна из соседок, услышав странные шумы, доносившиеся из квартиры фрау Мюллер, вызвала полицию.

— Я проделал всю необходимую работу, — вспоминает В., руководивший операцией. — Мы обсудили способ проникновения в квартиру. Затем я сказал Гордону: «Я хочу поехать с детьми в путешествие на пароходе. Имеют же они право побыть с отцом хотя бы недельку! Бери бразды правления в свои руки». Через два дня их арестовали.

— Почему никто не предупредил агентов о приближении полицейских? — спросили журналисты.

Малкин:

— Никто предупредить не мог. Соседи из квартиры напротив увидели их и позвонили в полицию. С улицы невозможно было увидеть ничего необычного. Когда подъехала полиция, они были внутри. У них не было времени покинуть здание. Главная их ошибка заключалась в том, что они позвонили в дверь, чтобы убедиться, что в квартире никого нет. Этот звонок слышали соседи.

Судя по всему, соседка посмотрела в глазок и увидела двух незнакомых мужчин. Она знала, что в квартире напротив никого нет, поскольку Софи Мюллер в больнице.

Она увидела, как незнакомцы открыли дверь и вошли. Тогда она позвонила в полицию.

— Произошла досадная ошибка... — сокрушается Малкин.

Кстати сказать, сотрудники «Моссад» не знали (а должны были знать!), что в ту ночь баварская полиция находилась в повышенной готовности. Планировались облавы на мюнхенские преступные группировки. Именно поэтому полицейские так быстро появились у дома.

Операция «Изотоп»

В понедельник, 8 мая 1972 г., палестинские террористы захватили пассажирский самолет «Боинг-707» бельгийской авиакомпании «Сабена». Он совершал полет по маршруту Брюссель — Тель-Авив. На его борту находились 99 пассажиров, 67 из которых были израильтянами.

Драма в воздухе разыгралась в 17.30. Когда самолет летел над Югославией, в пилотскую кабину ворвался худощавый, низкого роста мужчина в парике. Он приставил пистолет к голове капитана Реджинальда Леви, сына еврея и христианки, служившего в молодости пилотом ВВС Великобритании.

— Самолет захвачен, — по слогам произнес террорист, не отводя от головы Леви ствола пистолета. — С этого момента я — командир экипажа. А вы, капитан, будете делать все, что я прикажу. Если попытаетесь оказать сопротивление, живыми из самолета не выйдете...

Капитан подчинился и сообщил в пункт управления полетами в Белград о происшедшем. Через минуту в израильском аэропорту Лод была объявлена полная боевая готовность...

Тем временем в Генеральном штабе ЦАХАЛа был приведен в действие план «Изотоп» — резервная контртеррористическая программа оперативных действий специаль-

но для случаев захвата пассажирских самолетов. Эта программа была создана недавно и еще ни разу не испытывалась на практике. Однако другого выхода не оставалось.

В аэропорт прибывали армейские подразделения, усиленные спецотряды полиции, а также пожарные машины и кареты «скорой помощи». Группы «Сайерет Маткаль» (спецназ Генерального штаба Армии обороны Израиля) также выехали в аэропорт...

С того самого момента, когда в июле 1968 г. был угнан в Алжир пассажирский самолет израильской авиакомпании «Эль-Ал», фактически и началась эра воздушного терроризма. После этого спецназ Израиля стал упорно готовиться к борьбе с воздушными террористами, так как руководство Израиля было уверено, что случаи захвата самолетов в воздухе будут повторяться. И этот день настал...

А между тем драма в воздухе грозила в любую минуту перерасти в трагедию. Человека, державшего на прицеле командира экипажа, звали Али Таха Абу-Снена. Это был один из руководителей организации «Черный сентябрь» — самый опытный террорист, специализировавшийся на захвате самолетов. Именно под его руководством в 1968 г. был захвачен самолет «Эль-Ал». Он же в феврале 1972 г. возглавлял захват лайнера немецкой авиакомпании «Люфтганза».

Вместе с ним в захвате самолета «Сабены» участвовали Абдель Азиз Аль-Атраш, выходец из маленькой деревушки неподалеку от Хеврона, и две арабские христианки — уроженка Бейт-Лехема (Вифлеем) Риса Иса Танус и Тереза Астаар Хальса из галилейской деревни Рами.

Как только Абу-Снена прорвался в кабину и подал своим сообщникам условный сигнал, трое террористов, сидевшие среди пассажиров, тут же вскочили со своих мест и, согласно разработанному плану, заняли ключевые позиции в салонах авиалайнера, откуда все пассажиры находились в поле зрения угонщиков.

Капитан Леви, полагавший, что ему прикажут развернуть самолет в сторону Триполи, был по-настоящему озадачен, когда услышал короткий приказ Абу-Снены:

— Мы летим в Тель-Авив!

А в это время в аэропорт Лод были стянуты все необходимые для контртеррористической операции силы, и собралось все военное руководство. Министр обороны Моше Даян, начальник Генерального штаба Давид (Давид) Элазар, его заместитель генерал Исраэль Таль, командующий Центральным военным округом Рехавам Зеэви, генерал Ариэль Шарон, командующий ВВС генерал Моти Ход, начальник службы разведки Аарон Ярив.

Для руководства был организован временный КП, где тут же началось оперативное совещание. Генерал Ход предложил поднять в воздух эскадрилью и нанести «точечный» удар по «Боингу» с таким расчетом, чтобы он мог совершить посадку. Даян тут же возразил, что террористы могут в ответ взорвать самолет. Сошлись во мнении, что единственная возможность спасти пассажиров — дать авиалайнеру приземлиться и уже потом провести наземную операцию.

Решение было принято, и Даян вызвал на КП командира спецназа Эхуда Барака.

К моменту его приезда в аэропорт самолет уже совершил посадку и стоял с работающими двигателями в самом конце взлетно-посадочной полосы, словно выжидая чего-то. Из профилактических соображений было решено не дать «Боингу» возможности вновь взлететь. Для этого Барак с двумя техниками авиакомпании «Эль-Ал» и двумя бойцами «Сайерет Маткаль» направился к самолету, чтобы отключить гидравлику управления шасси.

Барак, заметив, как один из террористов с автоматом, стоя в проеме распахнутой двери «Боинга», внимательно наблюдал за появлением израильтян, подошел к самолету с хвоста. Сделав вид, что не обращает никакого внимания

на вооруженного бандита, он вместе с техниками деловито проследовал под фюзеляж гигантского самолета, где они вывели из строя гидравлику шасси.

Работа заняла без малого час. Когда Барак вернулся на КП, ему сообщили явно запоздалый вывод инженеров авиакомпании: даже с нарушенной гидравликой самолет все равно способен взлететь. Пришлось снова возвращаться к «Боингу».

На этот раз Барак с техником спустили шины и вылили из системы все масло. И только потом он доложил Даяну и Дадо, что теперь можно проводить операцию. Однако предложил провести акцию позднее, когда стемнеет. А пока спецназ будет готовиться, необходимо время и усыпить бдительность террористов, вынудив их вступить в переговоры.

По ходу действия разгорелась небольшая конкурентная «драчка» между подразделением «Сайерет Маткаль» и ротой «коммандос» из состава группы обеспечения безопасности «Эль-Ал», подчиненной ШАБАК. Представители последней заявили, что их люди более приспособлены к контртеррористическим операциям по освобождению самолетов.

Барак возражал. Однако, спустя минуту, сделал компромиссное предложение: «шабаковцы», являющиеся резервистами спецназа, могут присоединиться на время операции к его подразделению.

В то же время у Барака была проблема, решить которую не хватало времени: основные силы спецназа находились на севере, и приходилось комплектовать группу захвата прямо на месте. Последним обстоятельством и объяснялась его просьба отодвинуть время проведения операции на вечер.

Барак созвонился с базой и приказал как можно быстрее направить в аэропорт тех спецназовцев, на которых он мог максимально рассчитывать. Когда все собрались,

Барак успел провести с «коммандос» несколько тренировок на стоявшем в ангаре «Боинге-707» — точной копии авиалайнера «Сабены».

К этому моменту в аэропорт приехал Ицик Гонен — резервист спецназа, также служивший офицером безопасности в «Эль-Ал». Сразу же за ним появился Марко Ашкенази, еще один офицер безопасности израильской авиакомпании.

Время, оставшееся до начала операции, тянулось мучительно медленно. Даян и Дадо опасались, что террористы, поняв, что лайнер выведен из строя, могут убить несколько заложников. Дадо спрашивал Барака, есть ли возможность начать операцию по освобождению раньше намеченного срока? Тот успокоил начальника Генштаба, сообщив, что по всему периметру аэропорта уже расставлены снайперы, которые в случае попытки террористов учинить показательную расправу над кем-нибудь из пассажиров откроют огонь на поражение через иллюминаторы.

Учебные упражнения спецназовцев отрабатывались до самой последней минуты. Барак проинструктировал своего заместителя Дани Ятома, а тот, в свою очередь, отработал вместе со спецназовцами варианты проникновения в авиалайнер через кабину пилотов и двери.

Барак и Ятом долго не могли окончательно решить, какой способ проникновения в салон самолета может оказаться наиболее эффективным. И остановили свой выбор на «воровской лестнице» — системе проникновения, при которой два человека поднимают на крыло самолета третьего. При такой схеме спецназовцы в считанные секунды могли подняться на борт. Но начинать операцию, не зная, где именно находятся террористы, было очень рискованно. В перестрелке могли погибнуть многие пассажиры...

Тем временем между израильтянами и террористами велись интенсивные переговоры. Первое условие угонщи-

ков последовало сразу же после приземления «Боинга». Абу-Снена потребовал, чтобы Израиль освободил из тюрьмы 317 палестинских террористов и угрожал в случае невыполнения этого требования взорвать самолет со всеми пассажирами.

Время шло, до рассвета оставалось не больше часа. Даян, раздумывавший, начинать ли операцию пока еще темно или все-таки отложить ее до восхода солнца, приказал отвезти его в расположение спецназовцев Барака, залегших в ста метрах от хвоста «Боинга». Две шеренги «коммандос», среди которых был племянник министра обороны Узи Даян, терпеливо ждали приказа начинать.

Барак считал, что нужно атаковать до наступления рассвета. Даян сомневался и, в конце концов, сказал:

— Подождем...

— Но почему? — взорвался Барак. — Днем это будет сделать намного сложнее.

— Ничего, дадим им немного созреть...

Абу-Снена, чувствуя, что израильтяне тянут время, выставил встречное условие: все заключенные должны быть в аэропорту в течение двух часов. Если их не будет в указанное время, он взорвет самолет.

Лихорадочный поиск проникновения в самолет продолжался. В процессе обсуждения возникла идея переодеть спецназовцев в комбинезоны обслуживающего персонала «Эль-Ал», что вполне могло дать им возможность, не вызывая дополнительных подозрений у террористов, пройти под фюзеляж «Боинга» якобы для устранения технических неполадок. И уже оттуда, используя багажные люки, проникнуть в самолет.

Бараку эта идея понравилась.

Он попросил срочно подготовить спецодежду для «коммандос» — белые комбинезоны техперсонала авиакомпаний, ящики с инструментом, лестницы и мини-тракторы,

необходимые техникам на работе. Вся подготовка заняла менее часа.

Исходя из формы операции, Барак принял новое решение. Поскольку скрыть автоматы под комбинезонами было невозможно, группе захвата было приказано пользоваться только пистолетами. Тут же Барак провел дополнительную корректировку, отобрав для участия в операции наиболее тренированных в стрельбе из пистолета «коммандос». Они и составили головную группу прорыва. В итоге в группу вошли шесть офицеров, четыре резервиста спецназа, работавшие в службе безопасности «Эль-Ал», и шесть бойцов.

Уже светало, когда в расположении «коммандос» появились Биньямин Нетаньяху и Омер Эран. Они потребовали включить их в группу захвата. Барак колебался, но когда стало ясно, что операция переносится на дневное время, согласился.

Спустя какое-то время в аэропорт прибыли старший брат Нетаньяху — Йони и также попросил подключить его к операции. Барак покачал головой:

— Нет.

— Почему?

— Пойми, нас и так здесь слишком много. Ты хоть подумал, какую ответственность я беру на себя перед твоими родителями, включая двух родных братьев в рискованную операцию?

Йони был упрям и продолжал настаивать на включение его в штурмовую группу. И тогда Барак коротко напомнил:

— Йони, это приказ!

В какой-то момент в штабе подготовки операции появились представители Красного Креста, выполнявшие посредническую миссию между израильтянами и террористами. С ними был командир «Боинга» Реджинальд Леви — бледный и полностью вымотанный. Абу-Снена

демонстративно отпустил его, заставив передать израильтянам пакет взрывчатки и продемонстрировать тем самым серьезность своих намерений.

В эмоциональном запале Абу-Снена, безусловно, допустил ошибку. Дал возможность спецназовцам получить важную информацию о террористах. Леви рассказал, что группа состоит из четырех человек, что все переговоры Абу-Снена ведет непосредственно из кабины пилотов. Двое — мужчина и женщина — находятся в носовой части самолета, а еще одна террористка — неподалеку от выхода.

— Вот теперь можно начинать, — вполголоса произнес Даян и кивнул Бараку.

К тому моменту Барак окончательно сформировал состав группы захвата. Она состояла из 17 человек, разделенных на небольшие группы, которые должны были начать операцию одновременно.

Последний перед началом операции приказ Барака звучал так:

— Будем продвигаться к «Боингу» на мини-тракторах «Эль-Ал». Оружие спрятать под комбинезоном так, чтобы оно абсолютно не было заметно. Помните, что за нами внимательно наблюдают террористы. Каждый из вас должен держать ящик с инструментами. Лестницы можно будет вытаскивать из тракторов только в тот момент, когда мы выйдем из поля зрения бандитов и окажемся под фюзеляжем. Приступить к операции только по моей команде...

Во главе группы захвата двигались представители Красного Креста, даже не догадывавшиеся, кем на самом деле были «техники», направлявшиеся вместе с ними к самолету, чтобы устранить на «Боинге» технические неполадки... Все, что произошло спустя несколько минут, со стороны напоминало съемки художественного фильма — настолько продуманной и правдоподобной была «режиссура».

В тот самый момент, когда мини-тракторы с «техниками» направились в сторону самолета, другой «Боинг», принадлежавший авиакомпании TWA, включил двигатели, явно собираясь выруливать на взлетную полосу, и поравнялся с самолетом, захваченным террористами. В тот же момент из-за самолета показались грузовики с брезентовым покрытием, в которых везли «заключенных палестинцев» (их роль исполняли внешне напоминающие арабов бедуины-следопыты, одетые в робы заключенных). Грузовики — об этом была достигнута договоренность с террористами — стали приближаться к захваченному «Боингу», чтобы «произвести обмен»...

— Я хорошо знал, какая ответственность легла тогда на мои плечи, — вспоминал в беседе со мной Эхуд Барак. — Все шансы на успех в этой операции заключались в максимальном притуплении бдительности террористов. Если бы они разгадали наш тактический замысел или — хуже того! — сумели бы вычислить в техниках аэропорта вооруженных «командос», все могло бы закончиться катастрофой. Также невероятно важными представлялись неожиданность наших действий и скорость, что мы в жестком цейтноте успели отработать на похожем «Боинге». Впрочем, опытные спецназовцы знают: успех на тренировке — вовсе не гарантия удачи в операции...

Представители Красного Креста, отвечавшие за весь ход выполнения договоренностей между израильтянами и террористами, выстроились у «Боинга» и стали поджидать, когда грузовики с «заключенными» подъедут прямо к самолету, чтобы начать процедуру обмена. Террористы в самолете не могли скрыть ликования — их требования были выполнены.

Тракторы с «техниками» приближались тем временем к «Боингу», чтобы подготовить гигантский самолет к взлету. Так до конца ничего и не понявшие представители Красного Креста дали знать Абу-Снене, который находился в

кабине пилотов, что им известно о группе техников и что последние также выполняют одно из его требований — привести самолет в состояние полной технической исправности.

Правда, когда «техники» подъехали непосредственно к «Боингу», представители Красного Креста получили от Абу-Снены приказ остановить их и проверить. По требованию руководителя террористов «техники» должны были расстегнуть комбинезоны и продемонстрировать, что под ними нет оружия. В критический момент операции Барак подумал, что решение отказаться от автоматов было верным, и передал бойцам приказ: «Я иду на проверку первым. Если они что-то заподозрят и откроют огонь, тут же начинайте операцию...»

Облаченный в белый рабочий комбинезон Барак, прихватив с собой ящик с инструментами, первым спрыгнул с трактора и направился в сторону пилотской кабины, где с пистолетом в руке стоял Абу-Снена. Барак неторопливо расстегнул молнию на комбинезоне и продемонстрировал террористу, что оружия у него нет.

Следующим к кабине подошел Мордехай Рехамим, за ним — Омер Эран и Узи Даян.

По мере того, как продолжалась процедура личного досмотра, террористы постепенно успокаивались. Именно к этому и стремился Барак.

Пройдя проверку, «техники» разбрелись вокруг самолета. Тем временем Дани Ятом деловито приставил лестницу к носу самолета и оглянулся. Все ждали условного сигнала — короткого свиста Барака.

И в этот момент один из резервистов — бледный и покрытый холодным потом — неожиданно подошел к нему, признался сдавленным шепотом, что у него начались жуткие рези в желудке, и попросил разрешение отлучиться. Барак на мгновение растерялся. Отпустить одного бойца означало нарушить закольцованную схему, ведь каждому

в ходе предстоящей операции отводилась конкретная строго определенная роль. С другой стороны, ждать возвращения солдата было бессмысленно — терялись драгоценные минуты.

Несколько настоящих техников, зная, что произойдет в ближайшие минуты, быстро подключили генератор «Боинга» и поспешили вслед за солдатом исчезнуть с места события.

Буквально кипевший от гнева Барак посмотрел на часы и негромко свистнул. К сожалению, услышали его далеко не все спецназовцы, и еще несколько драгоценных секунд было потеряно.

Первым в салон «Боинга» ворвался Мордехай Рехамим. В его руках был пистолет «беретта» 22-го калибра. Аль-Атраш — единственный из террористов, не потерявший присутствия духа, выстрелил в направлении Рехамима, но промахнулся. Омер Эран, проникший в самолет вторым, вскинул пистолет, чтобы «снять» Аль-Атраша. Однако пожилая пассажирка, которая явно не могла скрыть эмоций при виде неожиданного спасителя, схватила его за комбинезон с явным желанием заключить спецназовца в материнские объятия.

— Я был вынужден ударить эту женщину, иначе мне так и не удалось бы освободиться, — не без смущения признавался потом Эран.

Аль-Атраш успел определить движение Рехамима и собирался выстрелить, но был ранен пулей Эрана, к счастью, получившему к тому моменту полную свободу действий. А Рехамим с пистолетом в руке продолжал пробираться к кабине пилотов, то и дело оглядываясь в поисках взрывчатки. В ту же секунду в самолет ворвались Марко Ашкенази и Биньямин Нетаньяху.

Первый не дал Терезе Хальсе даже вскинуть оружие, перехватив ее руку. Второй хотел обойти Марко, чтобы проследовать вперед. Ашкенази рукояткой пистолета на-

нес удар по голове террористке, но явно не рассчитал силу, и в результате пистолет выстрелил. Пуля пронзила женщину, ударила в переборку и рикошетом зацепила правую руку Нетаньяху.

И тут же вторая террористка открыла огонь из автомата по Марко и Биньямину. Спецназовцы успели уклониться от града пуль, но смертельное ранение получила одна из пассажирок — Мэри Гольцберг. Спустя десять дней она скончалась в больнице...

Тем временем в самолет через запасной вход, расположенный слева от кабины пилотов, проник Дани Ятом, а вслед за ним Йони Корен, попавший в салон через запасной люк, находившийся под пилотской кабиной. Сразу же, увидев террориста, направившего оружие на Рехамима, который двигался к кабине из глубины салона, он точным выстрелом сразил палестинца.

Узи Даян ворвался в самолет со стороны заднего запасного входа. Строго напротив он увидел чье-то смуглое лицо с черными усами и вскинул пистолет.

— Я — пассажир! — по-английски истерично крикнул мужчина. — Я — еврей!

Впоследствии Даян признавался, что этот пассажир родился в рубашке. В таких ситуациях времени на опознавание не оставалось...

А в самолете началась настоящая паника. Крики, выстрелы, метания по салону вооруженных пистолетами людей в белых комбинезонах и выкрики на арабском — все это сделало ситуацию полностью неуправляемой. Пассажиры в истерике, мешая бойцам спецназа, рванулись к выходам.

Барак, к тому моменту также проникший в самолет, пытался определить, где прячется вторая террористка. Больше всего его волновало нахождение на борту взрывного устройства. Один из пассажиров схватил за руку Даяна и показал на сидевшую перед ним женщину, накрытую одеялом. Это была Рима Танус.

Она держала в руках ручную гранату с сорванной чешкой и по-английски шептала:

— Не стреляй! Не стреляй!..

Очень осторожно, боясь спровоцировать террористку на инстинктивное движение, Даян одной рукой приставил к голове Танус пистолет, а второй аккуратно высвободил гранату из ее рук и зажал, чтобы она не взорвалась. Также осторожно он передал гранату одному из спецназовцев, который тут же покинул самолет.

Рехамим продолжал пробираться к кабине пилотов. Его целью был Абу-Снена. Открыв на звуки выстрелов пилотскую кабину, главарь террористической группы увидел спецназовца и несколько раз выстрелил. Укрывшись за высокой спинкой пассажирского кресла, Рехамим ответил двумя пулями. Абу-Снена, понимая, что в кабине пилотов у него не остается никаких шансов на спасение, сместился к переборке, отделявший первый салон от пилотской кабины. Прорваться через салон к выходам, где в панике толпились люди, мешал спецназовец в белом комбинезоне.

Рехамим быстро сменил обойму и, выпуская пулю за пулей по переборке, за которой спрятался Абу-Снена, резким рывком преодолел несколько метров. Прижатый выстрелами израильянина к двери туалета, Абу-Снена, очевидно, плохо соображая, укрылся в узкой кабине туалета и закрыл за собой дверь. Рехамим прошел тонкий пластик несколькими пулями, после чего ударом ноги выбил дверь. Террорист был мертв...

Вернувшись в салон, он увидел в кресле раненную террористку Хальсу. Ее черные глаза лихорадочно блестели. Разорвав на женщине блузку, спецназовец обнаружил на ее груди взрывное устройство, прикрепленное к батареям и готовое к взрыву. Подошедший сзади Барак схватил террористку в охапку и спустил с крыла самолета, где ее подхватили саперы и куда-то увезли.

— Вся операция длилась чуть меньше 90 секунд! — не скрывая гордости, сказал мне Барак.

Пассажиры были спешно выведены из самолета, а их места заняла группа саперов, которым предстояло тщательно обыскать салон в поисках взрывчатки. Тут же стало известно, что освобождение заложников обошлось, что называется, малой кровью: несколько пассажиров и два спецназовца получили незначительные ранения. И только безнадежное положение Мэри Гольцберг омрачало радость победы...

Барак приказал Ятому собрать бойцов подразделения и срочно возвращаться домой. По дороге на базу кто-то из «коммандос» включил радио. Раздался взволнованный голос диктора с первыми отчетами о том, как «ангелы в белом» ворвались в захваченный террористами самолет и освободили заложников.

Никто из спецназовцев даже не отреагировал. Операции, длившейся всего полторы минуты, «ангелы в белом» отдали все силы...

Операция «Аргаз-3»

В начале июня 1972 г. начальник отдела планирования операций Генерального штаба ЦАХАЛа Мано Шакед вызвал к себе командира «Сайерет Маткаль» Эхуда Барака.

— Голда Меир решила разобраться с Сирией, — без предисловий начал Шакед. — Думаю, пора сделать что-то конкретное, чтобы вынудить сирийцев освободить наших летчиков...

Он предложил Бараку рассмотреть два варианта операции: либо на территории Сирии, либо на территории Египта.

После того как операция «Изотоп» дала прекрасные результаты, Барак уже не сомневался, что подобного рода

акциями должны заниматься только спецназовцы. Понимали это и в руководстве Генштаба. Правда, далеко не все. Так, Барак был уверен, что против участия «коммандос» в предстоящей операции выступит бригадный генерал Рафаэль Эйтан, который предложит своих десантников. Однако победный «шлейф» операции по освобождению заложников уже тянулся за «Сайерет Маткаль». И руководство Генштаба поручило похищение сирийских офицеров подопечным Барака...

С момента завершения операции «Изотоп» прошел ровно месяц, когда военная разведка получила оперативную информацию о том, что группа высокопоставленных сирийских офицеров планирует посетить Ливан. Шакед вызвал к себе Барака, дополнил полученные сведения своими подробностями и поставил задачу: перехватить машины с сирийскими офицерами, направляющимися в Ливан.

Утром 8 июня Бараку сообщили, что через полчаса на базе «коммандос» приземлится вертолет с начальником Генштаба Давидом (Дадо) Элазаром и командующим Северным военным округом Мотой Гуром. Он понял, что этот визит прямо связан с предстоящей операцией.

Вызвав к себе Барака, Элазар, как обычно, говорил сжато и по существу:

— Завтра, после полудня, машины с сирийскими офицерами будут совершать объезд приграничной зоны Ливана в секторе Вади Шуба. Лучшей возможности наверняка не будет. Ты успеешь подготовить подразделение?

Барак отлично знал район Вади Шуба. Высокие, поросшие лесом склоны гор, плохо просматриваемая местность — все это давало неплохие шансы для успешного проведения операции. Но лишь в том случае, если бы речь шла об уничтожении машины с пассажирами. Спецназовцам же предстояло взять офицеров живыми...

Подумав несколько секунд, Барак ответил:

— Я думаю, успеем. Время еще есть. Проведем несколько тренировок на местности, как следует изучим фотографии района... Через три часа я смогу точно сказать, каковы шансы на успех. Чтобы успеть к месту вовремя, нам необходимо покинуть базу не позднее 15.00...

Все необходимые дополнительные сведения, собранные военной разведкой, Барак получил от Моты Гура. Он же должен был оказать максимальную помощь «коммандос». Однако, в отличие от Элазара, командующий Северным военным округом был скептиком, а потому считал, что лучше не рисковать и дожидаться более благоприятного момента.

В ответ Барак предложил Гуру посмотреть «генеральную репетицию» захвата, которую предполагалось начать через два часа. Командующий отказался...

Барак, естественно, не мог тогда знать причин скептицизма Гура. А заключались они в том, что сроки проведения операции спецназа совпадали с крупными учениями на севере страны.

Между начальником Генштаба и командующим Северным военным округом состоялся довольно жесткий разговор. Гур старался убедить Элазара перенести операцию на более поздний срок, поскольку учения не позволят округу максимально помочь участникам предстоящей акции.

— Как ты не понимаешь?! — воскликнул Гур. — Если операция сорвется, вся северная граница может в любую минуту превратиться в линию фронта!

Однако Элазар был непреклонен. Он приказал Гуру объявить в Северном округе общую боевую готовность, подтянуть к границам с Южным Ливаном танки и артиллерию. В свою очередь Барак срочно отправил на север Йони Нетаньяху с отрядом, который в случае непредвиденных обстоятельств должен был прийти на помощь основной группе спецназа, задействованной в операции на территории Ливана.

Ночью группа «коммандос» во главе с Баракком покинула одну из баз ЦАХАЛа и тайно проникла на территорию Ливана. Углубившись на два километра, Барак прервал связь со всеми командными пунктами, кроме прямой линии с базой Хар-Дов, где находился командир бригады сектора Ури Саги. Он, в свою очередь, держал в курсе дела Моту Гура, внимательно следившего за каждым шагом «коммандос» на ливанской территории.

Через полчаса после начала операции Гур передал запрос Баракку:

— Тебе известно о КПП ливанской армии, который находится в 350 метрах от предполагаемого места захвата машин?

— Да, я знаю об этом КПП.

— Там есть солдаты?

— Вполне вероятно, что есть. При планировании операции мы это учитывали. Если возникнут какие-то проблемы, солдатами КПП займется наша дозорная группа...

В течение минуты в эфире стояла тишина, а потом прозвучал голос Саги:

— Мота не разрешает продолжать операцию. Отряду приказано возвращаться на базу...

— Но мы изучили фотографии КПП и готовы к встрече! — воскликнул Барак. — Там всего шесть-восемь солдат. Мы сумеем с ними справиться!

Ответа не последовало...

Барак решил, что Гур обдумывает его ответ, и дал команду продвигаться дальше к Вади Шуба. Примерно через пятнадцать минут последовал повторный приказ:

— Возвращаться!

Встретив два часа спустя на КПП в Хар-Дов вконец расстроенного Баракка, Саги, знавший на своем веку немало отмененных в последнюю секунду операций, как мог, пытался успокоить его.

Наутро между Гуром и Бараком состоялся весьма нелицеприятный разговор. Командир спецназовцев пытался выяснить, почему тот приказал отменить операцию. Гур, в свою очередь, заявил, что как командующий Северным военным округом, несущий в полной мере ответственность за все здесь происходящее, имел право остановить операцию, что и сделал.

Элазар пытался уговорить Барака:

— Ну что ты так расстраиваешься? Через несколько дней эти же офицеры вновь будут в том же районе. И тогда ты их уж точно не упустишь...

И спецназ вновь начал подготовку. Предстоящая операция похищения сирийских офицеров получила кодовое название «Аргаз-2» («Ящик-2»). Как и предполагал Элазар, через несколько дней поступили сведения, что сирийские офицеры собираются провести инспекцию на границе Южного Ливана...

Поздно ночью отряд Барака вновь был на территории Ливана. Вспомогательная группа на трех «лендроверах», которой командовал Муки Бецер, ждала в условленном месте по пути следования ливанских патрулей. В случае необходимости его бойцы были готовы нейтрализовать подразделения, которые могли быть брошены на перехват отряда Барака. Чтобы не вызвать подозрений, Муки припарковал «джипы» неподалеку от позиций миротворческого контингента ООН, поскольку у одного из «лендроверов» якобы заглох мотор.

Биньямин Нетаньяху командовал заградительным подразделением, которое расположилось на спуске в 800 м от ливано-израильской границы. Амит Бен-Хорин отвечал за действия роты «Эгоз» и выполнял роль связного между группами спецназовцев и КП начальника Генштаба Элазара и генерала Гура.

Отряд Барака сконцентрировался на изгибе шоссе, неподалеку от крутого подъема. Он рассчитывал, что ма-

шины с сирийскими офицерами непременно замедлят ход на крутом подъеме, поэтому осуществить захват здесь будет намного проще.

Все силы, привлеченные к операции, терпеливо ожидали приближения колонны. Какой-то ливанский пастух, приблизившийся со своим стадом овец к одной из групп, был немедленно связан и предупрежден: откроет рот — пожалеет об этом.

Спустя какое-то время Нетаньяху по связи доложил, что слышит звуки приближающихся машин. Однако вместо ожидаемых машин с сирийскими офицерами из-за поворота появился бронетранспортер, за которым следовало несколько патрульных машин ливанской армии.

Бронетранспортер остановился неподалеку от группы Нетаньяху и направил орудие в сторону израильской границы. Двое солдат выпрыгнули из бронемшины буквально в десяти метрах от тщательно замаскированных спецназовцев. К счастью, они ничего не заподозрили и, расположившись у бронетранспортера, стали пить кофе и играть в нарды. По всему было видно: они явно никуда не торопились.

Видя, что операция находится под угрозой срыва, Нетаньяху принял решение атаковать ливанский патруль. Однако через полчаса ливанцы неожиданно прекратили игру и сели в БТР. Прошло еще несколько минут, и ливанская колонна двинулась в сторону израильской границы.

А еще через минуту из-за поворота появился черный лимузин, сопровождаемый двумя легковыми машинами и «лендрровером». Параллельно поступила информация о бронетранспортере, остановившемся в двух километрах от места засады.

Барак приказал группе подготовиться к атаке и связался с Нетаньяху:

— Готовы?

— Да.

Начать операцию без команды начальника Генштаба Барак не мог. Однако на КП были всерьез обеспокоены ливанским бронетранспортером, находившимся недалеко от места операции. Элазара и Гура тревожило, что орудие БТР было обращено в сторону Израиля.

Муки Бецер, ожидавший приказа углубиться на ливанскую территорию, слышал по связи голос Барака:

— Они приближаются... «Лендровер»... Еще два «джи-па»... Черный лимузин... Еще одна машина...

— Не трогайте их! — приказал Гур.

— Почему?! — воскликнул Барак. — Все идет хорошо. Мы сможем захватить машины и отрезать бронетранспортер...

В этот момент Элазар взял микрофон у Гура:

— Операцию не проводить!

— Я настаиваю на продолжении операции! — возразил Барак.

Бецер отчетливо различал гневные ноты в голосе Барака.

— Машины в двадцати метрах! Я могу начать действовать! Риска нет никакого!

— Нет! — сказал Элазар.

Через час группа вернулась на базу...

То, что услышал в свой адрес Элазар и Гур от Барака, явно выходило за рамки субординации. На разборе несостоявшейся операции, в котором участвовали командиры групп, он говорил последним. Извинившись перед своими товарищами, он попросил оставить его наедине с начальником Генштаба и командующим Северным военным округом. Элазар пожал плечами и предложил Бараку говорить при всех.

— Я даже думать не мог, что всего один ливанский бронетранспортер заставит вас отказаться от проведения операции, — медленно, стараясь контролировать каждое слово, каждую интонацию, произнес Барак. — Мы были готовы к тому, что машина с сирийскими офицерами будет

прикрыта дополнительными силами. БТР, следовавший в восьмистах метрах от лимузина, не мог оказать ни малейшего влияния на ход операции. Группа Нетаньяху полностью контролировала ситуацию и в любую минуту могла отрезать бронетранспортер... Но вы тем не менее приказали отменить операцию. Думаю, это была последняя возможность освободить наших ребят в Дамаске. И я уверен: если бы вы находились с нами там, в Ливане, вы бы не отдали этого приказа...

Элазар и Гур, не перебивая, слушали Барака.

— Но самое страшное заключается даже не в отмене операции, — продолжал он. — Ты, Дадо, и ты, Мота, дали повод не доверять вам, усомниться в вашем профессионализме! Вы, наши командиры, создали ситуацию, исходя из которой в следующий раз мы просто не станем передавать на КП объективную информацию! Мы будем думать, что вы, не понимая происходящего, можете отдать приказ, подобный сегодняшнему...

Элазар по-прежнему не прерывал Барака. Гур внимательно следил за реакцией начальника Генштаба. Ситуация, при которой подполковник отчитывает, как рядовых солдат двух генералов, была уникальной для израильской армии.

— Возможно, мы ошиблись, — тихо сказал Элазар. — Но я уверен, что у нас еще будет возможность исправить эту ошибку...

На обратном пути Барак — то ли в шутку, то ли всерьез — сказал Муки Бецеру:

— Жаль, что связь работала хорошо. Иначе мы бы провели операцию...

В самом подразделении спецназа атмосфера была гнетущей. Две отмененные операции самым пагубным образом отразились на настроении «коммандос».

Вечером Биньямин Нетаньяху прямо сказал Бараку, что жалеет о своем решении продлить службу на несколь-

ко дней, которое он принял исключительно из-за операции по похищению сирийских офицеров.

— С меня довольно! — заявил он. — Я еду учиться в Бостон!

— Как приедешь на место, отправь открытку, — мрачно произнес Барак.

Однако прошло несколько дней, и в распоряжение военной разведки поступила новая информация, после чего спецназ начал форсированную подготовку к операции «Аргаз-3».

Проанализировав две безуспешные попытки, Барак решил отказаться от роли командира группы и передать спецназ на время операции под начало Йони Нетаньяху. Так он как бы убивал двух зайцев. С одной стороны, он считал, что его местонахождение на КП сыграет положительную роль и операция не будет отменена в третий раз. С другой — он возвращал «долг» Йони, который не принимал участие в операции «Изотоп». Его заместителем был назначен Узи Даян.

В 3 часа утра группа Нетаньяху пересекла израильско-ливанскую границу. На случай вмешательства в ход операции ливанских танков она была усилена двумя бронетранспортерами. Муки Бецер командовал группой прикрытия.

Где-то около полудня от Нетаньяху поступило сообщение, что колонна приближается. В бинокль отчетливо просматривался белый «лендровер» с вооруженными ливанскими солдатами, за которыми следовали «импала» и «остин». Барак тут же передал бронетранспортерам команду приготовиться к пересечению границы, а Нетаньяху начать операцию.

Бронетранспортер стремительно пересек шоссе, рванулся к колонне машин и замер в нескольких метрах от белого «лендровера». Все произошло настолько быстро, что патруль, охранявший машины с сирийскими офице-

рами, не сразу понял, что, собственно, происходит. А с израильского БТР последовал плотный автоматный огонь. Пятеро ливанских солдат были убиты на месте, один сирийский офицер получил ранение.

На фоне перестрелки оказался почти незамеченным рывок Узи Даяна, устремившегося к белой «импале». Рванув на себя дверцу автомобиля, он по-английски приказал сирийцам поднять руки. Один из офицеров потянулся к оружию, но Даян тут же выпустил в воздух предупредительную очередь.

— Не нужно крови! — закричал на английском один из офицеров, поднимая руки.

Его примеру последовали еще три офицера. Двое же пытались бежать. Одного настиг и связал Нетаньяху. Как выяснилось впоследствии, схваченным оказался наиболее высокопоставленный сирийский офицер. Другому, несмотря на преследование, удалось скрыться. Возглавлявший колонну белый «лендровер» и еще одна ливанская машина сумели вырваться из кольца израильтян и укрылись в ближайшей деревне. Спецназовцы ринулись в погоню, однако обнаружить беглецов не смогли.

Даян сел за руль «импалы», где находились пять связанных по рукам и ногам сирийских офицеров, и повел ее на израильскую территорию. Когда машина пересекла границу, ее встречали начальник Генштаба, командующий Северным военным округом и командир «Сайерет Маткаль».

— Надеюсь, — сказал Элазар Барак, — сегодняшняя операция исправила ту ошибку, которую мы допустили в двух предыдущих. Сейчас Сирии не остается ничего другого, как освободить наших летчиков. Ведь у нас в руках пять их высокопоставленных офицеров. Один из них — генерал, двое — полковники из военной разведки и ВВС...

После успешно проведенной операции вопрос об обмене пленными решался уже политиками и дипломатами. На специальном заседании правительства было принято

решение сохранить в тайне характер и результаты операции, дабы не наносить удар по престижу Сирии. Это могло помешать освобождению израильских военнопленных.

В ту же ночь через американцев в Дамаск была передана секретная информация: «У нас в руках 5 ваших офицеров. Мы готовы не предавать огласке сообщение об операции наших “коммандос”, если вы дадите согласие на обмен пленными. Мы готовы освободить ваших офицеров уже завтра утром, но при условии, что вы также выпустите наших летчиков».

На рассвете пришел ответ из Дамаска: «Готовы к немедленному обмену пленными».

Премьер-министр Голда Меир, которая была удивлена столь стремительной реакцией сирийцев, решила изменить условия переговоров. Она добавила еще один пункт: сирийские офицеры будут обменены не только на израильских летчиков, томящихся в Сирии, но и на их коллег, захваченных египтянами в период «войны на истощение». Глава правительства рассчитывала, что близкие отношения между сирийским и египетским президентами будут гарантией «тройной» сделки.

Египет наотрез отказался участвовать в такого рода обмене даже в ответ на освобождение десятков египетских пленнх. В итоге правительство Израиля вынуждено было отказаться от тройного обмена и сосредоточиться на сирийском направлении, где пять офицеров должны были быть обменены на трех пилотов израильских ВВС.

Однако теперь стала медлить Сирия. В Дамаске понимали, что пленные сирийские офицеры были основательно допрошены израильскими спецслужбами, и уже не торопились заключать сделку. Переговоры приняли затяжной характер.

Только спустя восемь месяцев после проведения операции «Аргаз-3» израильские пленные летчики вернулись домой...

Операция «Весна молодости»

То секретное совещание, состоявшееся в начале февраля 1973 г., проводил Эхуд Барак — командир «Сайерет мат-каль». Он внимательно оглядел приглашенных и неожиданно улыбнулся, словно только что вспомнил о чем-то приятном и в то же время неожиданным.

Потом, не говоря ни слова, извлек из портфеля коричневый конверт, вытащил из него три черно-белые фотографии и прикрепил их к своей груди. Он, казалось, получал удовольствие, наблюдая за озадаченными лицами своих подчиненных. Потом ткнул пальцем в одну из фотографий и негромко произнес:

— Кто не знаком с этим господином лично, прошу познакомиться: Мухаммад Абу-Юсеф Наджар, лидер и идейный вдохновитель «Черного сентября». А это, — Барак указал на другую фотографию, — Камаль Аднан, ответственный за проведение всех специальных операций ФАТ-Ха и по совместительству — куратор всех террористических актов на территории Израиля. Ну, и третий герой этой «картинной галереи» — Камаль Насер, пресс-секретарь Ясира Арафата.

Спецназовцы, затаив дыхание, слушали своего начальника. Он тем временем разложил на столе крупномасштабную карту Бейрута и, используя в качестве мини-указки обычную шариковую ручку, продолжал:

— Два Камалья — Аднан и Насер — живут в этом доме, соответственно на втором и четвертом этажах. Неподдалеку от них расположена квартира Абу-Юсефа...

Руководители спецназовских подразделений были опытными профессионалами и сразу же поняли истинную цель оперативного совещания: готовилась акция возмездия в Бейруте. Барак оторвался от карты и поднял глаза на своих офицеров:

— Таким образом, у нас есть вся необходимая информация, добытая «Моссадом», точное описание района... А теперь скажите мне: мы можем до них добраться?

Каждый из офицеров стал предлагать свои идеи и рекомендации, связанные с предстоящей операцией. Барак внимательно выслушивал всех, делая одному ему понятные пометки на листке блокнота. Когда перешли к обсуждению вариантов доставки к месту операции диверсионной группы и один из офицеров предложил идею высадиться с вертолетов, Барак резко возразил:

— Нет, вертолеты не подходят!

— Почему?

— Слишком много шума, — коротко пояснил Барак. — И этот шум может сыграть против нас. Я предлагаю действовать тихо...

— Морем? — спросил кто-то.

— Да, — кивнул Барак. — Морем. Как обычные туристы. Эту операцию мы будем проводить совместно с внешней разведкой. Ребята из «Моссада» прибудут туда чуть раньше, чтобы обеспечить нас машинами...

По ходу совещания он сообщил офицерам, что по его просьбе специально для операции в Бейруте готовится облегченная модель автомата «узи» с глушителем...

Активная подготовка к этой операции началась сразу же после того, как в Израиль поступила информация о том, что лидеры палестинских террористов, среди которых были и убийцы израильских спортсменов в Мюнхене, проживают на северо-западе Берйута, в престижном районе Рамлат аль-Бейда. «Моссад», выполнявший основную аналитическую и разведывательную подготовку к операции, пришел в итоге к неутешительному выводу, что риск акции возмездия слишком велик, а шансы на успех, соответственно, минимальны. Именно тогда генерал Кути Адам, откомандированный на период подготовки операции в распоряжение «Моссада», порекомендовал тогдаш-

нему шефу израильской внешней разведки Цви Замиру использовать подразделение спецназа.

— Не исключено, — заметил Адам в беседе с Замиром, — что у ребят Эхуда больше шансов, чем у твоей агентуры...

Барак был вызван на встречу с руководителем «Моссада». Вместе с ним на встрече присутствовал также Амнон Биран, спецназовский эксперт по планированию секретных операций. Замир ознакомил «коммандос» с полученной информацией и нахмурил седые брови. Картина и в самом деле вырисовывалась безрадостная. Дома, в которых жили лидеры террористов, находились под неусыпной охраной вооруженных людей из «Черного сентября» и с наступлением сумерек освещались специальными прожекторами. Пробраться в этот район незамеченными не представлялось возможным даже теоритически.

Внимательно выслушав Замира, Барак помолчал несколько минут, после чего сказал:

— Здесь есть над чем подумать... В любом случае, чтобы успешно провести такую операцию, я должен получить дополнительную информацию об охранниках, внутреннем расположении домов. Необходимы также данные о точном количестве полицейских и армейских нарядов, контролирующих этот район. И самое главное — мне необходимо знать, в какое именно время суток террористы бывают дома.

Замир молча кивнул и распрощался со спецназовцами. А через три недели агенты «Моссада» добыли информацию, которую просил Барак. И только после этого он коротко доложил Кути Адаму: «Если ваши планы относительно “Черного сентября” не изменились, то, полагаю, операцию в Бейруте провести можно...»

Когда эта информация легла на стол тогдашнего министра обороны Моше Даяна, он сразу же после совещания с начальником Генштаба решил расширить рамки

диверсионного рейда спецназовцев, превратив его на втором этапе в широкомасштабную атаку на бейрутские базы палестинских террористов. Даян не сомневался, что глава правительства Голда Меир санкционирует любую акцию, нацеленную на ликвидацию террористов, повинных в кровавом мюнхенском расстреле. Он, естественно, знал, что за несколько месяцев до описываемых событий премьер-министр отдала личное распоряжение шефу «Моссада» любыми средствами отыскать убийц из «Черного сентября» и ликвидировать их всех до единого.

В своих расчетах Даян, как всегда, не ошибся. Стоило только Голде услышать, что одной из целей операции в Бейруте является уничтожение первого заместителя Ясира Арафата — Абу-Юсефа, лично спланировавшего нападение на израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене, как она сразу дала согласие.

Как и «Моссад», министр обороны полностью поддерживал кандидатуру руководителя операции — командира «Сайерет маткал» Эхуда Барака.

— Я думаю, его парням она вполне по силам, — сказал Даян начальнику Генштаба Давиду Элазару.

Прошел месяц, однако Барак, знавший, что тайный рейд спецназовцев в Бейрут утвержден, так и не получил никаких распоряжений. Его это и удивляло, и настораживало. Он просто не мог знать, что в течение всего месяца Даян и Элазар просчитывали возможности расширения спецназовского рейда и превращения его в крупномасштабный удар по другим целям. В первую очередь имелась в виду ликвидация руководителей организации Народный фронт освобождения Палестины, штаб которой находился неподалеку от лагеря палестинских беженцев Сабра на юге Бейрута, в районе Вади Шуба.

Эту часть операции Даян возложил на командира батальона НАХАЛа подполковника Амнона Липкина-Шахака...

Время шло, и операция все больше и больше усложнялась. Поскольку новых распоряжений командиру спецназа больше не поступало, Барак решил вместе с женой отдохнуть в Эйлате. Однако не прошло и двух дней, как на его имя пришло распоряжение срочно явиться в тель-авивскую канцелярию начальника Генштаба.

Там Барака ждал Давид Элазар, его заместитель генерал Йона Эфрат по прозвищу «Галик», а также Шакед (армейское прозвище — Мано). Последний, едва поздоровавшись, начал излагать свой план проведения операции по физическому устранению лидеров «Черного сентября». По замыслу Мано, главную задачу должны были выполнить спецназовцы Барака, которых, в свою очередь, будут прикрывать с моря и суши полтора десятка небольших мобильных групп израильских десантников.

— Что скажешь о плане? — спросил Элазар, с самого начала не сводивший глаз с Барака.

— А не много ли народу там будет?

— Что ты имеешь в виду?

— Думаю, задание можно выполнить иным путем, — пояснил Барак. — Главное — внезапность и нечто такое, что могло бы ошеломить террористов. Операция должна длиться считанные минуты. А в самой группе должно быть не больше пятнадцати парней.

— Когда ты сможешь представить свой план? — спросил Элазар.

— Если отпустите меня прямо сейчас, то завтра.

— Только учти! — начальник Генштаба поднял указательный палец. — Тебе дается право самому выбрать время начала операции и момент атаки.

Наутро план операции лежал на столе Элазара. А еще через час он, приехав к министру обороны вместе с Баракком и Шакедом, представил Даяну план операции и полную развединформацию о концентрации террористических групп и крупных подразделений регу-

лярной ливанской армии и пограничников в районе ее проведения.

— И в этих условиях ты считаешь проведение операции реальным? — спросил министр.

— Мы сделаем все возможное, — коротко ответил Барак.

На этом же совещании запланированная операция получила кодовое название «Весна молодости», которое тут же было внесено в компьютер отдела тайных операций при Генштабе ЦАХАЛа. Барак название понравилось.

Министр обороны разрешил начальнику Генштаба в течение одной ночи нанести атакующие удары по всем целям террористов в Бейруте. Главная цель — штаб организации Народный фронт освобождения Палестины, расположенный в самом центре ливанской столицы. По замыслу Генштаба, массированный удар должен был отвлечь ливанские силы безопасности и армию, что позволило бы «коммандос» без особых помех накрыть свою цель.

— Согласие главы правительства получено? — спросил Барак.

— Пока нет, — коротко ответил Даян.

— А она даст разрешение?

— Голда разрешит, — кивнул министр обороны. — Она уже давно ждет такой операции. Короче, с ней проблем не будет...

Лишь один момент предстоящей акции вызвал спор: каким образом спецназовцы, не привлекая излишнего внимания, доберутся от берега моря к цели. И тогда один из лучших офицеров спецназа Муки Бецер предложил разбить группу «коммандос» на влюбленные парочки. Мужчины высокого роста должны были исполнять роль «ухажеров», а более низкие — женщин.

— У Эхуда лицо юноши, — не без юмора комментировал Бецер. — Именно поэтому он прекрасно подойдет на роль девушки — брюнетки с рыжим отливом...

После совещания у Даяна подразделение Барака приступило к завершающему этапу подготовки. Нужно было раздобыть парики соответствующего цвета. Участники операции по одному являлись в магазин женской одежды на тель-авивской улице Алленби, где покупали «подарки любимым девушкам» — в основном синие жакеты невероятно больших размеров. Покупка «одежды для великанш» также была идеей Бецера: таким образом, под жакет можно было спрятать побольше ручных гранат и запасных обойм для автоматов.

После долгих колебаний было также решено использовать в операции оригинальные «узи», а не их облегченный мини-вариант, который все еще находился в стадии доработки и в решающий момент мог подвести «коммандос». Кроме того, каждый из членов группы Барака имел при себе небольшой чемоданчик (про себя спецназовцы называли его «Джеймс Бонд»), в котором свободно умещались автоматы для более дальней стрельбы, а также несколько взрывных устройств весом по 250 граммов каждое.

Уже после операции в лондонской газете «Санди таймс» было опубликовано журналистское расследование, согласно которому 1 апреля 1973 г. в отеле «Сандс», расположенном на побережье Бейрута, поселились два иностранных туриста. Один из них предъявил документы на имя бельгийского бизнесмена Жильбера Римбода, прибывшего в ливанскую столицу из Франкфурта-на-Майне рейсовым самолетом авиакомпании «Люфтганза». Вторым иностранцем по имени Дитер Альтнуцер прилетел в Бейрут тем же рейсом и предъявил на таможенном контроле в аэропорту паспорт гражданина ФРГ.

А спустя еще пять дней в этом же отеле остановились еще три туриста: Эндрю Виджвэй, элегантный аристократ, Шарль Босар и Джордж Эльдар. Все трое прибыли в Бейрут рейсом авиакомпании «Бритиш Эрвейс» из Лондона.

Тем же вечером в бейрутском отеле «Атлантик», расположенном в непосредственной близости от домов лидеров «Черного сентября», появился новый постоялец — англичанин по имени Эндрю Мейси. Служащие отеля запомнили непосредственную манеру общения англичанина и его бесконечные расспросы о значных местах Бейрута, где иностранец может как следует развлечься. Сообщив также, что является страстным любителем плавания, Мейси заинтересовался у администратора температурой воды на средиземноморском побережье и высотой волн.

Согласно журналистскому расследованию, Эндрю Мейси и был руководителем оперативной группы «Моссада», прибывшей в Бейрут за несколько дней до начала операции «Весна молодости». Но никому так и не удалось увидеть эту шестерку вместе...

Утром 10 апреля начальник Генштаба Давид Элазар провожал группу Барака в ангаре подразделения морских десантников, неподалеку от Хайфы. Для последнего инструктажа участники операции собрались у причала, где их уже поджидали торпедные катера. Элазар внимательно осмотрел каждого из «коммандос», сказал несколько слов о чрезвычайно важности предстоящего задания для страны, о необходимости быть предельно осторожными, после чего сделал паузу и негромко произнес:

— Убейте этих подонков и возвращайтесь домой с миром!

Командовал операцией бригадный генерал Шакед. По его приказу девять катеров вышли из хайфской акватории и взяли курс на запад. К вечеру торпедные катера примкнули к соединению боевых кораблей израильского ВМФ, а глубокой ночью взяли курс на Бейрут...

На подходе к цели отряд разделился. Торпедные катера «Херев», «Эйлат» и «Машгев», на борту которых находились основные силы спецназа, повернули в сторону бейрутского Побережья голубей, а группы морских «комман-

дос» остались на месте и начали готовиться к высадке на резиновых лодках.

Примерно около полуночи семь легковых автомобилей, арендованных агентами «Моссада», были припаркованы в разбросанных друг от друга точках Побережья голубей. Тщательно замаскированный «моссадовец» подал с берега условный знак: машины на месте. Перед этим люди этой секретной службы еще раз проверили обстановку на улице Верден, где жили лидеры Народного фронта. И хотя на первый взгляд ничего не вызывало подозрений, «моссадовцы» интуитивно чувствовали: что-то изменилось. Припарковав машины на набережной, они обратили внимание на интенсивные передвижения пограничных подразделений ливанской армии.

Группа спецназовцев, бесшумно плывшая к берегу на резиновых лодках, состояла из десяти человек. Каждый из них имел конкретное задание. Три взятых напрокат машины ждали группу Барака, еще четыре — группу Липкина-Шахака. Водителями были агенты «Моссада».

Выйдя незамеченным на берег, Барак огляделся, не заметил вокруг ничего подозрительного и быстро сел рядом с водителем в первую машину марки «Бьюик скайларк». За ним последовали еще четыре спецназовца. Медленно, чтобы не вызвать подозрений, «бьюик» тронулся в путь. За ним на некотором расстоянии двигались две другие машины с израильскими «коммандос».

Тем временем сидевший за рулем «бьюика» командир группы «Моссада» вполголоса говорил Бараку:

— Только что был на месте, неподалеку от цели. Что-то меня волнует...

— Что?

— Уж очень много полицейских машин.

— Обычно их меньше?

— Намного. Знаешь полицейский участок, который в 200 метрах от цели?

— Да.

— Сегодня там с утра маячит какой-то тип в форме. Прямо у входа на улицу. Поэтому остановимся не как предполагали, а в метрах ста от него. Сам понимаешь, это уже изменение в плане. Так что, решать тебе...

Барак молча кусал губы. По инструкции он был обязан срочно связаться со штабом операции и сообщить об изменениях в обстановке.

— Продолжаем двигаться! — сказал Барак.

Машины въехали в уважаемый бейрутский район Суан. Спецназовцы были откровенно поражены огромным количеством сверкающих дорогих машин, толпами нарядно одетых людей на улицах, царящей вокруг атмосферой праздности и беззаботности, что сразу же подняло настроение «коммандос».

— А вот и они! — негромко произнес мосадовец и показал Бараку на полицейскую машину впереди, примерно в трехстах метрах.

Полицейских было несколько. Вооруженные карабинами, они внимательно проверяли проезжающие машины.

— По ходу есть боковая улица? — спросил Барак.

— Нет, — ответил «мосадовец».

Стоя на светофоре, они получили несколько секунд, чтобы принять решение. Либо разворачиваться, либо ехать по направлению к полицейскому патрулю...

Свет переключился на желтый. «Мосадовец» выразительно посмотрел на Барака.

— Едем! — не поворачиваясь, коротко бросил командир спецназа. — Все будет в порядке...

Полицейский с карабином, увидев в американской машине размалезанных смеющихся девиц в компании с молодыми людьми, равнодушно отвернулся...

Выехав на улицу Верден, «бьюик» притормозил у одного из домов. Первым из машины вышел Муки Бецер и,

как истинный джентльмен, распахнул переднюю дверь, чтобы помочь своей «даме». Барак, кокетливо поправив на голове черный с рыжеватым отливом парик, принял протянутую руку, легко выпрыгнул из «бьюика» и лукаво улыбнулся своему «кавалеру».

— Пойдем дорогая! — по-английски произнес Бецер и обнял Барака за плечи. — Этот город так напоминает мне Париж!

Двинувшись вперед по улице Верден, спецназовцы продолжали разыгрывать в меру загулявших иностранных туристов, когда увидели двигавшихся навстречу двух вооруженных полицейских.

— Идем, как шли, не сворачивая, — шепнул Бецер Бараку. — Они должны уступить нам дорогу.

Полицейские действительно расступились, пропуская иностранцев. Один из них, слегка задев Бецера плечом, даже извинился.

Через несколько минут они подошли к стеклянной двери дома, в котором жил «клиент» Бецера. Ярко освещенный вестибюль был пуст, охраны не было, а дверь — не заперта изнутри. Оставив Барака у входа, Бецер толкнул дверь, непринужденно пересек холл и стал подниматься по лестнице. Спустя несколько секунд остальные члены группы последовали за ним. Вместе с Баракком у входа в дом оставался только Амирам Левин в парике платиновой блондинки, изображавший подружку брюнетки.

В этот момент из красного «дофина», припаркованного у противоположного тротуара, вышел молодой парень в коричневом кожаном плаще и стал переходить улицу. Краем глаза Барак увидел, что он достает пистолет, и понял: это и есть телохранитель, по какой-то причине покинувший свой пост в вестибюле. Барак дал знак Левину приготовиться. Когда телохранитель приблизился, две «женщины», деловито расстегнув жакеты, вытащили оружие и открыли по нему прицельный огонь.

Получив в грудь две пули, охранник, истекая кровью, рванулся к своей машине. Вслед ему раздались еще несколько выстрелов. Каким-то образом палестинцу удалось пересечь улицу и залечь за каменным парапетом. Шальная пуля «коммандос» привела к замыканию сирены на одном из припаркованных автомобилей. И в ту же секунду улица и все прилегающие кварталы огласились истошным воем противоугонной системы. Часы показывали 1.29.

Звук сирены сразу же лишил операцию эффекта неожиданности. Барак понял, что с этой секунды следует действовать молниеносно и предельно осторожно. Оставив Левина у входа, он ринулся в вестибюль, чтобы присоединиться к ребятам, и занял позицию на лестничной площадке между двумя квартирами террористов. Тем временем Муки Бецер, перепрыгивая через три ступеньки, летел наверх. За ним следовали Лони, Йони Нетаньяху и Л. Цвика Крадучись, они подошли к двери Абу-Юсефа и подали Бараку условный знак — три сигнала по прибору связи.

Последовавшие несколько секунд показались Бецеру вечностью, пока он, наконец, не услышал пять ответных сигналов — знак командира, что можно начинать операцию. Подложив под дверь миниатюрное устройство, Бецер махнул товарищам, чтобы они отошли, и нажал на кнопку дистанционного пульта...

По информации, которой располагали спецназовцы, Абу-Юсеф должен был находиться в гостиной, расположенной в левом крыле квартиры. Но сила взрыва, судя по всему, привела палестинца в шоковое состояние. В одной пижаме он выскочил на шум и, увидев в проеме двери несколько человек, сразу же понял, кто его «гости».

Не давая палестинцу опомниться, Йони Нетаньяху выстрелил в Абу-Юсефа с близкого расстояния. Палестинец дернулся и инстинктивно попытался дотянуться до стоявшего за спиной письменного стола, в ящике которого лежал пистолет. В этот момент в гостиную ворвалась жена

Абу-Юсефа. Сразу же поняв, что происходит, она, по волчьим оскалив зубы, кинулась на Йони и тут же получила пулю в плечо. Истекающий кровью Абу-Юсеф что-то крикнул и упал на ковер.

Протяжный звук автосирены и выстрелы были услышаны в участке ливанской жандармерии, расположенном в 200 метрах от места событий. Дежурный офицер, знавший, что в доме неподалеку живут лидеры ФАТХа, тут же отправил туда шестерых полицейских на «лендрровер».

Увидев приближающийся джип, стоявшие у входа в дом на прикрытии Амирам Левин, Дов Бар и спустившийся к этому времени Барак открыли по машине огонь. Через секунду к спецназовцам присоединился и доктор Шмуэль Кац, также участвовавший в операции.

«Лендрровер» свернул с мостовой и врезался в стоящую у обочины машину. Ливанские полицейские настолько растерялись, что не сразу открыли огонь.

В этот момент к операции подключились еще две группы спецназовцев. Группа Нахмани устремилась на второй этаж, к квартире Камалья Аднана. Выломав дверь и ворвавшись в квартиру, Нахмани увидел Аднана с пистолетом. Выпустив несколько пуль, палестинец кинулся к окну, но тут же рухнул после точного выстрела Нахмани.

В это же самое время Камаль Насер сидел за письменным столом в своей квартире на четвертом этаже этого же дома и работал над текстом речи, с которой собирался выступить через два дня на совете ФАТХа. Цвика, самый молодой в отряде Барака, сразу узнал палестинца и дважды выстрелил в упор.

На улице ситуация накалялась. На звуки перестрелки прибыл еще один патрульный джип с ливанскими полицейскими и тут же был встречен шквальным огнем спецназовцев.

В этот момент вниз спустились остальные участники операции. И тут же — строго по плану — у подъезда при-

тормозили взятые напрокат автомобили, за рулем которых сидели агенты «Моссада». Спецназовцы впрыгнули в машины и почти сразу же увидели, как к дому приближается третий по счету «лендровер», набитый полицейскими.

Барак приказал группе не задерживаться и ехать в порт. На месте осталась только одна машина. Вместе с Муки Бецером, Йони Нетаньяху и еще одним членом группы Барак выскочил из машины и открыл огонь по приближавшемуся джипу. «Лендровер» замедлил ход и остановился. В ту же секунду Бецер швырнул в сторону джипа гранату, после чего, не теряя ни секунды, спецназовцы сели в машину и устремились вперед к набережной Бейрута.

Добравшись до места сбора группы, Барак доложил командованию о том, что задание выполнено без потерь. Шакед, принявший рапорт Барака, облегченно вздохнул и дал команду начинать второй этап бейрутской операции.

В 1.34 ночи, спустя четыре минуты после ликвидации лидеров ФАТХа, группа морских пехотинцев во главе с Амномом Липкиным-Шахаком вплотную подошла к жилому дому, в котором располагался штаб организации Народный фронт освобождения Палестины. В передовом отряде, помимо самого командира, были еще три бойца. Вооруженные пистолетами с глушителями морские десантники, одетые в джинсы и цветные тенниски, получив команду Шакеда, направились к дому, но тут произошло непредвиденное: шедшие впереди Авида и Хагай внезапно натолкнулись на двух палестинцев из охраны штаба.

Мгновенно сориентировавшись, охранники практически в упор открыли огонь из автоматов. Авида был убит на месте, Хагай получил тяжелое ранение и вскоре скончался. Звуки выстрелов подняли на ноги многочисленную охрану штаба. По израильтянам был открыт шквальный огонь из автоматического оружия.

Понимая, что план операции, рассчитанный на внезапную атаку, срывается, Липкин-Шахак перешел на резервный вариант. К опорным столбам, на которых располагалось здание, был прикреплен мощный заряд взрывчатки. Прошло еще несколько секунд, и Бейрут буквально содрогнулся от взрыва колоссальной силы. Командный пункт террористов, а вместе с ним и несколько десятков боевиков, находившихся в здании штаба, были уничтожены.

Сразу же после завершения задания морские десантники стремительно отошли к побережью. Там их ждали спецназовцы Барака...

Как «Свояк» обманул «Моссад»

В документах израильской разведки «Моссад» он проходил под псевдонимом «Свояк» из-за родственных связей с президентом Египта Гамалем Абдель Насером. Он подкупил сотрудников этой секретной службы тем, что сам предложил свои услуги, сообщал ценную информацию и доказал свою надежность...

В 1969 г. «Свояк» вошел в израильское посольство в Лондоне и заявил, что готов сотрудничать с «Моссадом». Такой способ «самовербовки» выглядел несколько странно, поэтому представитель этого ведомства отправил его восвояси. Однако молодой египтянин настаивал и, покидая здание посольства, оставил свои данные, пообещав, что вернется через несколько дней.

Сотрудники «Моссада», работавшие в столице Великобритании под посольским прикрытием, провели тщательную проверку и установили, что 20-летний египтянин не только высокопоставленный государственный служащий, но еще и дальний родственник президента Насера. Тот так его любил, что зачислил в свою свиту и даже назначил посланником по особым поручениям. Поэтому естественно, что в «Моссаде» с удовольствием приняли

предложение египтянина, и со временем он стал одним из самых ценных агентов этой организации.

Если у руководства «Моссада» и возникли какие-то опасения, что смерть Насера в 1970 г. может воспрепятствовать карьере «Свояка», то опасения эти вскоре развеялись. Новый президент Египта Анвар Садат, власть которого поначалу была неустойчивой, из всех сил стремился окружить себя опытными и влиятельными людьми. Родственник Насера был именно таким человеком. В правление Садата молодой египтянин даже стал министром без портфеля, а со временем — одним из самых близких к президенту лиц.

В Израиле лишь немногие знали о том, кем на самом деле был «Свояк». За свои услуги он получал огромные деньги — по 100 тыс. фунтов стерлингов за каждую встречу с куратором из «Моссада». Его донесения — слово в слово, не отредактированные и не снабженные комментариями — читали самые высокопоставленные люди Израиля: премьер-министр, министр обороны, начальник «Моссада» и начальник военной разведки.

Его сведения анализировались, проверялись и сравнивались с теми, которые поступали из других источников. И всегда оказывались достоверными и четкими.

Среди важных документов, переданных «Свояком», была запись беседы Насера с Брежневым в 1970 г. в Москве, когда египетский лидер просил передать Египту ракеты «Скад» и бомбардировщики дальнего действия. Позже, в 1972 г., в Израиль было передано содержание секретной телеграммы, посланной Садатом Брежневу по тому же вопросу.

Передачей документов «Свояк» не ограничился. Он объяснил своему куратору из «Моссада», что ракеты и бомбардировщики — неперемное условие участия Египта в войне. Если египтяне их не получают, атака на Израиль станет бессмысленной.

Именно на основании этой информации и вырабатывалась израильская стратегия после 1967 г. (иногда ее называли «концепцией»). Израильцы начали пристально следить за тем, что происходит на египетских военных аэродромах, чтобы понять, не прибыло ли туда вооружение, столь необходимое Египту. В Израиле исходили из предположения, что после того, как оно будет получено и освоено, Египет начнет военные действия.

А вот чего израильцы не поняли, так это того, что на самом деле «Свояк» был... человеком, работавшим на Садата. Да, документы, передаваемые им «Моссаду», были настоящими и отражали традиционную египетскую политику, согласно которой без ракет и бомбардировщиков об атаке на Израиль не могло быть и речи. Вот только сам Садат давно уже отказался от этой политики, поняв, что не получит советского оружия и что единственное, что ему оставалось делать, — это атаковать Израиль в рамках так называемой «ограниченной» войны.

Очевидно, что агенту «Моссада» об этом было прекрасно известно, поскольку он был правой рукой и доверенным лицом египетского президента. Однако он не сообщил израильцам об изменении политической линии. Для Израиля это обернулось катастрофическими последствиями, поскольку здесь продолжали верить в «концепцию».

Более того, постепенно «Свояк» стал поставлять Израилю и ложную информацию. В 1972 г. он предупредил Израиль о готовящейся войне, но его предупреждения не сбылись. Он снова предупредил о готовящейся войне весной 1973 г., на этот раз назвав точную дату: сказал своим шефам, что Египет начнет атаку 15 мая.

Основываясь на этой информации, руководство израильского Генерального штаба разработало программу под кодовым названием «Бело-голубое», цель которой заключалась в ускорении подготовки к войне. Начальник воен-

ной разведки утверждал, что вероятность войны крайне низка и что Египет первым ее не начнет. Однако начальник Генштаба Давид Элазар и министр обороны верили предупреждениям «Свояка», несмотря на то что они противоречили ранее поставленной им же информации, согласно которой Египет не начнет военных действий, пока не получит «Скады» и бомбардировщики.

19 апреля 1973 г. началась реализация программы «Бело-голубое», армия была приведена в повышенную боевую готовность, была проведена мобилизация резервистов. Эта боевая готовность, которая была отменена лишь 12 августа, за семь недель до начала войны, обошлась Израилю в 45 млн. долларов, что по тем временам было огромной суммой.

Теперь известно, что в апреле — мае 1973 г. Садат не собирался атаковать Израиль. На самом деле окончательное решение о дате начала войны было принято лишь 22–23 августа во время секретной встречи между египетскими и сирийскими генералами, состоявшейся в Александрии.

Единственный вывод, который можно сделать из всего этого, заключается в том, что «Свояк» сознательно дезинформировал «Моссад».

Повышенная боевая готовность, объявленная в апреле 1973 г., обернулась для Израиля безрадостными последствиями. Когда выяснилось, что тревога была ложной, критика оказалась столь жесткой, что вплоть до конца сентября 1973 г., когда необходимость срочной мобилизации резервистов стала уже очевидной, в военно-политических кругах Израиля все никак не решались объявить о повторной мобилизации, опасаясь, что и на этот раз сведения о готовящейся войне окажутся ложными.

Как же получилось, что «Свояку» удалось обмануть «Моссад»?

Одна из причин такого провала носила чисто технический характер. В разведслужбах принято как можно

чаще менять тех, кто работает с агентами. Это делается для того, чтобы между агентом и его куратором не сложились слишком близкие отношения, которые могут снизить бдительность сотрудника и помешать ему объективно анализировать сведения, поставляемые его подопечным. Однако «Свояк» настаивал на том, что ему удобнее работать с одним и тем же человеком, и в «Моссаде» его требование выполнили. И, похоже, что этот сотрудник слишком сблизился с египтянином, поддавшись его обаянию, а потому не понял, что имеет дело с агентом-двойником.

Другое объяснение связано с совершенно иными обстоятельствами.

21 февраля 1973 г. в воздушное пространство Синая вторгся самолет «Боинг-727», принадлежавший ливийской авиакомпании. В Израиле переполошились, полагая, что пилот сознательно изменил курс и собирается направить самолет на ядерный реактор в Димоне. Самолеты израильских ВВС сбили его. Погибли 108 пассажиров и членов экипажа. Среди них — бывший министр иностранных дел Ливии.

Ливийский лидер полковник Муаммар Каддафи страшно вознегодовал, обвинив египетские власти в том, что их службы воздушного контроля не проявили должной бдительности. Он потребовал от Египта оказать ему поддержку в мести.

2 апреля 1973 г. Садат прилетел в столицу Ливии Триполи, чтобы убедить Каддафи в том, что операция против Израиля помешает войне, которую Египет и так готовит против «сионистского врага». Но полковник стоял на своем. «Израиль должен понять, что Ливия не будет для него легкой добычей», — заявил он своему гостю, добавив при этом, что намерен взорвать самолет израильской авиакомпании «Эль-Ал». «Око за око, зуб за зуб», — сказал он тогда.

Садат пошел навстречу требованиям ливийского лидера и назначил одного из своих приближенных (им ока-

зался «Свояк») связным между Египтом и Ливией. «Свояк» приступил к разработке операции, местом которой был выбран Рим. Согласно плану, пятеро палестинских террористов должны были подойти к взлетной полосе, с которой взлетал пассажирский самолет компании «Эль-Ал», и выстрелить по нему ракетой.

План был одобрен Садатом и Каддафи. «Свояк» переправил ракету из Египта в Италию. Он лично передал ее ливийскому агенту, который в свою очередь должен был передать ее палестинским террористам. А дальше все спуталось самым странным образом.

В ночь на 5 сентября 1973 г. офицеры итальянской разведки в сопровождении полицейских ворвались в номер отеля, расположенного неподалеку от международного аэропорта в Риме. В номере находился молодой человек арабской наружности. Итальянцы повалили его на пол и, быстро все обшарив, обнаружили ракету. Спустя несколько часов в другом отеле, расположенном в центре Рима, были арестованы остальные члены палестинской группировки. Месть Каддафи не удалась.

Итальянцы обладали четкой информацией, которую им предоставил «Моссад». А кто дал эту информацию «Моссаду»? Не иначе как «Свояк».

Таким образом, он добился сразу трех целей. Во-первых, предотвратил теракт против мирных граждан в ответственный период, когда Садат готовил войну против Израиля. Во-вторых, оказал Каддафи помощь, но при этом за его спиной помешал его планам. Зато дружеские отношения между ливийским и египетским лидерами были сохранены. В-третьих (что, пожалуй, было самым главным), он спас жизнь сотням израильских пассажиров, тем самым укрепив свою репутацию в «Моссаде». Это было очень важно в свете событий следующего месяца, когда наступил решающий этап в дезинформации Израиля в преддверии войны...

25 сентября в здании «Моссада» в Тель-Авиве состоялась секретная встреча между королем Иордании Хусейном и премьер-министром Израиля Голдой Меир. Вот что было сказано монархом главе правительства (протокол беседы велся на английском языке):

Хусейн: «Из секретного источника в Сирии, который в прошлом уже передавал информацию относительно планов и намерений этой страны, нам стало известно о том, что все военные подразделения, которые должны принять участие в нападении на Израиль, вот уже два дня как приведены в состояние боевой готовности. В план внесено лишь одно малозначительное изменение: третья дивизия должна противостоять возможной попытке Израиля напасть на Сирию со стороны иорданской территории. В состоянии повышенной боевой готовности приведены сирийские ВВС и другие войска. Все готово к нападению. Несмотря на то что это напоминает обычные учения, согласно полученной информации, на позиции, обозначенные как исходные, уже переброшены войска. Имеет ли это какое-то значение или не имеет, не может сказать никто. Я лично сомневаюсь, но ни в чем нельзя быть уверенным. Нужно считаться лишь с фактами».

Голда Меир: «Возможно ли, чтобы сирийцы начали военные действия, не согласовав их с египтянами?»

Необычная встреча... Хусейн, королевство которого официально находилось в состоянии войны с Израилем, полетел к врагу, чтобы предупредить его о нападении со стороны «арабских братьев». Встреча была тайно заснята и записана сотрудниками «Моссада», и записи были переданы министру обороны Моше Даяну и начальнику Генерального штаба Давиду Элазару. Однако, судя по всему, ни они, ни высокопоставленные военные и сотрудники этой спецслужбы, которые видели эти записи, не сочли должным как следует разобраться в словах Хусейна.

Возможно, все дело было в их слабом знании английского языка. Голда, знавшая английский в совершенстве, не поняла, что король предупредил ее о том, что в ближайшие дни на Израиль будет совершено нападение египетско-сирийских войск. В результате ни один человек в Израиле не отнесся серьезно к предупреждению Хусейна, которое поступило за десять дней до начала войны, и мобилизация резервистов не была проведена. А возможно, причиной того, что израильтяне не отнеслись к предупреждению иорданского правителя с должной серьезностью, стали сведения «Свояка» о том, что никакой опасности войны нет.

28 сентября «Свояк» сопровождал Садата в поездке в Саудовскую Аравию и был единственным свидетелем его разговора с королем Фейсалом с глазу на глаз. Египетский президент объявил королю, что в ближайшее время намерен атаковать Израиль. Некоторое время спустя «Свояк» связался с «Моссадом» и сообщил, что Садат решил войну отложить.

Это была откровенная ложь, но в «Моссаде» предпочли поверить ей, а не королю Хусейну. За несколько недель до этого «Свояк» подтвердил свою надежность, предоставив информацию, которая позволила «Моссаду» предотвратить теракт против самолета «Эль-Ал» в Риме.

В ночь перед Судным днем (с 5 на 6 октября 1973 г.) в Лондоне состоялась встреча «Свояка» и начальника «Моссада». На этой встрече настоял египтянин, сообщивший, что война начнется 6 октября в 18.00. Очевидно, он знал, что такое предупреждение будет слишком запоздалым для израильтян, которым нужно провести мобилизацию резервистов и направить их в южные и северные районы страны. Но и в этот раз «Свояк» обманул «Моссад», сказав, что атака начнется в 6 часов вечера. Она началась в 14.00 — на целых четыре часа раньше.

Предупреждение «Свояка» было передано в Израиль в Судный день 6 октября в 4 часа утра по израильскому

времени. По ложным сведениям, до начала войны оставалось 14 часов. На самом деле оставалось десять.

К несчастью, пять из них ушли на бесполезный спор между Элазаром, требовавшим полной мобилизации резервистов, и Даяном, утверждавшим, что достаточно будет частичной мобилизации ВВС и всего двух танковых дивизий — одной на севере и одной на юге. Даян ошибочно полагал, что этого хватит, чтобы отразить атаку на двух фронтах. И лишь в 10.00 вмешалась премьер-министр Меир и приказала провести полную мобилизацию.

Но было поздно...

Операция «Йонатан»

Воскресный день 27 июня 1976 г. выдался необычайно жарким. И пассажиры рейса 139 авиакомпании «Эйр Франс», вылетавшего из тель-авивского аэропорта Бен-Гурион в Париж через Афины, уже предвкушали, как через несколько часов будут блаженствовать в прохладной тени знаменитых парижских каштанов...

Точно по расписанию, в 8.59, аэробус поднялся в воздух, а в 11.30 произвел промежуточную посадку в афинском аэропорту, где самолет покинули 38 пассажиров. К оставшимся 58, летевшим до Парижа, должны были присоединиться еще несколько десятков человек, купивших билеты в греческой столице. Среди них было четверо пассажиров, прибывших в Афины рейсовым самолетом авиакомпании «Сингапур Эйрлайнс» из Бахрейна: молодая пара, имевшая при себе паспорта граждан ФРГ, а также двое мужчин с кувейтскими паспортами. Впоследствии выяснилось, что документы четверки были фальшивыми...

В Афинах в этот день безопасность практически не обеспечивал никто: происходила забастовка наземного персонала. Стоит ли удивляться тому, что четверо иностранцев совершенно беспрепятственно прошли таможен-

ный контроль в афинском аэропорту. Скучающая служащая мельком взглянула на предъявленные билеты и, одарив пассажиров дежурной улыбкой, пожелала всем четверым приятного полета. У нее даже мысли возникнуть не могло, что в пластиковых пакетах с эмблемой афинского «Дьюти фри» лежали автоматы, пистолеты, ручные гранаты и несколько упаковок с пластиковой взрывчаткой.

Двое немецких террористов, изображавших влюбленную парочку, устроились в первом ряду бизнес-класса, а «кувейтцы» заняли свои места в салоне для туристов.

Террористы действовали четко и слаженно, по заранее разработанному плану. В 12.35, выхватив из пакетов оружие, немцы ворвались в кабину пилотов, два других террориста, наставив автоматы на пассажиров, взяли под контроль салон.

Руководителем группы был немец по имени Вильфред База. Приставив пистолет к затылку командира авиалайнера, он приказал сообщить пассажирам по внешней связи на английском языке, что самолет захвачен террористами из сектора Газа, которые принадлежат к группировке «Че Гевара». Подруга Базы держала в этот момент под прицелом второго пилота.

Тем временем палестинцы, не выпуская из рук автоматы, стали собирать у пассажиров паспорта. Пассажиры с ужасом наблюдали за всем происходящим, пытаясь понять, чего добиваются террористы, какова цель захвата.

Между тем, палестинцы согнали женщин и детей в первый салон аэробуса — впоследствии, во внутренних переговорах, бандиты называли эту группу пассажиров «Освобожденной Хайфой». Затем всем пассажирам-мужчинам было приказано собраться в хвостовом отсеке самолета.

Когда палестинцы сообщили Вильфреду по внутренней связи, что «сортировка» пассажиров закончена, немец развернул перед командиром аэробуса карту и ткнул паль-

цем в конечный пункт следования — аэропорт Энтеббе в Уганде.

Спустя полтора часа после захвата лайнер совершил посадку в ливийском аэропорту Бенгази. Здесь к террористам присоединились три их товарища. Из самолета было выпущено несколько пассажиров.

По прибытии в Уганду пассажиры были размещены в здании аэропорта. Утром в Энтеббе прибыл угандийский президент Иди Амин Дада, не скрывавший своих симпатий к террористам...

В Генеральном штабе ЦАХАЛа уже знали о пиратском захвате аэробуса. В течение получаса здесь собралась группа высокопоставленных офицеров во главе с полковником Эхудом Бараком, занимавшим в тот момент пост начальника оперативного отдела военной разведки. Командующий войсками резерва Кути Адам, временно замещавший на посту начальника Генштаба Моту Гура, приказал Бараку взять под свой личный контроль ситуацию с угнанным самолетом.

Адам сидел над картой аэропорта Энтеббе, когда в кабинете раздался звонок — вернувшийся с заседания правительства начальник Генштаба звал его к себе. Войдя в кабинет, он увидел сгорбленную спину Гура, стоявшего перед гигантским глобусом.

— Ну, Кути, что можно сделать в Энтеббе? Предложения есть?

— Никаких конкретных предложений пока нет...

— Глава правительства Ицхак Рабин спросил меня только об одном: есть ли возможность спасти заложников с помощью десантной операции...

Гур внимательно посмотрел на генерала.

— И я ответил, что, с моей точки зрения, такая возможность есть. Следовательно, нам надо ее проверить.

— Скажи, Мота, — угрюмо спросил Адам, — когда ты разглядывал глобус, ты обратил внимание, где именно находится эта чертова Уганда?

— Не сразу, — ответил Гур. — Но, что самое скверное, я не увидел на глобусе пути к освобождению наших людей.

Гур подошел к селектору и вызвал Барака, кабинет которого находился этажом выше. Через минуту тот уже был у начальника Генштаба.

— До завтрашнего утра я хочу знать, что можно сделать, — коротко приказал Гур. — Вызови всех, кого сочтешь нужным, и сделай все, что следует. К утру мне не нужны вопросы, я хочу иметь только ответы...

Барак срочно вызвал в свой кабинет Муки Бецера, Амирама Левина и Габи Зоара. Это была группа планирования операций. Тут же позвонил главнокомандующий израильскими ВВС генерал Бени Пелед, который сообщил, что ВВС полностью в его распоряжении.

— У нас есть пилоты, которые уже летали в Энтеббе, — добавил Пелед. — И знают тамошнее поле и аэропорт, как свои пять пальцев...

Тем временем в штаб планирования операции стекались все новые и новые сведения. Бецер, работавший в свое время в Уганде, считал, что боевая мощь подразделений Иди Амина не представляет собой сколько-нибудь серьезной проблемы и сделать в Энтеббе можно намного больше, чем это кажется на первый взгляд.

Между тем по каналам «Моссада» поступила информация о том, что сам аэропорт Энтеббе, а также все подступы к нему контролирует местный батальон службы безопасности. Словом, уже к рассвету в штабе планирования созрело четыре-пять вариантов операции по спасению заложников. Среди них, в частности, была идея парашютного и морского десанта в районе озера Виктория, расположенного неподалеку от аэропорта. Десантники, используя старый аэропортовский терминал, должны были зайти в тыл охраны и стремительным штурмом освободить заложников. Было еще несколько вариантов...

Однако к утру участники совещания пришли к единому выводу: необходимо высадиться в Энтеббе внезапно, свалиться на террористов и местные подразделения как снег на голову, чтобы предотвратить убийство заложников. В основе этого плана лежала нестандартная идея Бецера: осуществить в Энтеббе посадку рейсового самолета какой-нибудь зарубежной авиакомпании, незаметно выгрузить из трюма самолета черный «мерседес» — точную копию личного автомобиля президента Уганды, проехать на этой машине к зданию аэропорта и, используя элемент внезапности, перестрелять террористов и освободить захваченных пассажиров.

Для выполнения этой операции участники совещания рекомендовали в качестве основного исполнителя подразделения «Сайерет Маткаль»...

В семь утра все варианты были представлены на рассмотрение начальника Генштаба. Выслушав мнения, Гур приказал разрабатывать два варианта: десант спецназовцев и замаскированная под рейсовую посадка самолета с двумя-тремя машинами на борту.

Барак поручил командиру «командос» заняться подготовкой парашютного десанта, а Бецера — самолетом, в который надо уместить две-три машины с оружием.

Сразу же после совещания у начальника Генштаба все собрались в кабинете министра обороны Шимона Переса. Он меньше всего интересовался деталями предстоящей операции по освобождению заложников. Здесь он полностью доверял профессионалам. Однако Перес считал, что помимо военной акции необходимо провести «косвенную» дипломатическую операцию. То есть попытаться войти в контакт с Иди Амином и достигнуть с ним определенного соглашения. С точки зрения министра обороны, следовало так построить эти переговоры, чтобы угандийский лидер не мешал проведению операции по освобождению заложников (о помощи президента Уганды израильским «командос» не могло быть и речи).

К исходу вторых суток после угона самолета в штаб подготовки операции поступила первая конкретная информация об угонщиках, источником которой были пассажиры, отпущенные террористами в ливийском аэропорту Бенгази. Израильская военная разведка располагала фактами о принадлежности двух немцев к леворадикальной организации «Бадер-Майнгоф», известной своими тесными связями с палестинскими террористическими организациями.

На третий день была получена тревожная информация: террористы отпустили всех пассажиров аэробуса, кроме израильтян. И буквально спустя час на радиосвязь вышел Вильфред База, передавший в эфир ультиматум. В нем содержалось требование к Израилю и Германии освободить из тюрем несколько десятков палестинских и немецких террористов. Правительство Франции должно заплатить за возврат аэробуса 5 млн. долларов.

— Скверные новости! — прокомментировал это сообщение Мота Гур.

Впрочем, в штабе по подготовке операции «Энтеббе» даже в скверных новостях вылавливали крупницы полезной информации. Барак и члены штаба планирования считали поступившие известия не такими уж и плохими. Во-первых, число заложников в помещении аэропорта сокращалось с двухсот до ста. Во-вторых, израильтяне прекрасно понимали, что не позднее чем через 12 часов они смогут получить от освобожденных заложников ценную информацию о внутренней планировке старого терминала аэропорта, о числе солдат сил безопасности, о дислокации террористов...

В Париж, куда были доставлены из Уганды освобожденные пассажиры аэробуса, для встречи с ними срочно вылетели генерал запаса Рехавам Зеэви (он представлял канцелярию главы правительства) и Амирам Левин (член группы Барака, непосредственно занимавшийся плани-

рованием операции по освобождению израильских пассажиров).

Домой, в Тель-Авив, Левин привез информацию, в корне изменившую план подготовки десанта. Выяснилось, что уже в Энтеббе к группе База присоединилось несколько террористов, что местная служба безопасности активно сотрудничает с бандитами и даже участвует в охране пассажиров, что зал ожидания и старый аэропортовый терминал находятся под контролем террористов, в то время как новое здание аэропорта не контролируется ни местной службой безопасности, ни террористами.

После того, как информация, привезенная Левином из Парижа, была тщательно проанализирована, стало ясно, что участникам операции будут противостоять не только получившие подкрепление террористы, но и, вполне возможно, стянутые в район аэропорта части угандийской армии. А это резко меняло сам подход к операции — теперь, в свете новых обстоятельств, небольшой мобильный отряд израильских «коммандос» нуждался в серьезном подкреплении...

Когда стало ясно, что силами одного спецназа ограничиться не удастся и потребуется участие дополнительных подразделений, генерал Адам вызвал к себе Дана Шомрона, командира элитного подразделения пехотных и парашютных войск, и приказал ему доработать план операции с учетом подключения его подразделений. Кроме того, начальник Генштаба назначил Шомрона руководителем операции, чему последний был очень рад. Его заместителем был назначен Барак.

Спустя сутки, Шомрон представил план начальнику Генштаба и министру обороны...

В доработанном виде план предусматривал следующее «разделение обязанностей». Подразделение спецназа будет задействовано в освобождении заложников, которые содержались в старом терминале аэропорта Эн-

теббе, а подразделение Шомрона возьмет на себя контроль за новым терминалом, а также ликвидацию возможного противодействия сил угандийской армии в районе аэропорта.

В тот момент подразделением спецназа командовал Йони Нетаньяху. Однако в первые сутки после захвата самолета он находился на боевых учениях в Синайской пустыне, и «коммандос» на совещаниях представлял его заместитель Муки Бецер. 30 июня Нетаньяху вернулся с учений и сразу же подключился к подготовке акции по освобождению заложников.

Тем временем Шомрон определил подразделения, которые должны были вместе с «коммандос» принять участие в операции. В их число вошли десантники под командованием Матана Вильнаи, а также элитное подразделение «Голани» во главе с полковником Ури Саги-Айзенбергом.

— Утро пятницы 2 июля началось с левой ноги, — вспоминал в беседе со мной Эхуд Барак. — Мой шеф, генерал Шломо Газит, вернувшийся из-за границы, попытался наложить «вето» на мое участие в такой операции. Он опасался, что я могу попасть в плен...

Мой собеседник пытался убедить своего начальника в том, что ему приходилось бывать в более сложных и опасных операциях, что речь идет о сотне человеческих жизней, что в Энтеббе нужны люди с большим опытом.

Но Газит так и не уступил.

Тогда Барак пошел к начальнику Генштаба.

— Сейчас к тебе придет Шломо Газит, — сообщил он Гурю, — и попытается убедить тебя снять меня с операции.

— Пусть только попробует! — буркнул Гур. — Минуту назад я доложил премьер-министру, что Шомрон будет командовать операцией, а ты будешь его заместителем и, кроме того, возглавишь группу захвата терминала. Рабин остался доволен...

— Дела... — пробормотал Барак и сел. — Ты должен знать: Йони Нетаньяху воспримет это как личное оскорбление.

— Хорошо, возьми Йони на время операции своим заместителем.

— Я поговорю с ним, — кивнул Барак.

— Лучше пусть это сделает Шомрон. В конце концов, он командует операцией...

Нетаньяху назначили командовать группой захвата...

В пятницу, после полудня, Барак и Нетаньяху прибыли на базу «коммандос» и составили список участников предстоящей операции. Затем с отобранными солдатами провел инструктаж генерал Шомрон. В этот момент Барак позвали к телефону. Звонил Кути Адам:

— Немедленно явиться в штаб, в Тель-Авив!

— Шомрон сейчас проводит инструктаж, — попробовал возразить Барак. — Я не могу оставить часть...

— Оставь все и немедленно приезжай!

Единственное, о чем думал Барак по дороге в Тель-Авив, что в Энтеббе произошло самое ужасное и операция по спасению заложников уже не нужна. Но все обстояло иначе...

— Ты выбываешь из операции! — не терпящим возражений тоном произнес Адам. — Через два часа ты должен вылететь спецрейсом в Найроби, чтобы обеспечить там заправку нашего самолета горючим на обратный путь. На всякий случай нужно подготовить госпиталь, договориться с кенийцами, естественно, так, чтобы они ни о чем не догадались, и наладить связь между командирами самолетов и Израилем. Если операция в Энтеббе по какой-то причине сорвется, мы будем вынуждены действовать из Найроби.

Барак оторопел:

— Ты что, с ума сошел? — забыв о субординации, воскликнул он. — Неужели в Кению больше некого послать?

— Ты же понимаешь, что в Кении должен быть хоть один наш человек, знающий все детали предстоящей операции.

— Кути, ты делаешь ошибку! В Энтеббе нуждаются во мне!

— Я знаю, Эхуд, и очень сожалею, но это — приказ...

Во второй половине дня с взлетного поля аэропорта Бен-Гурион взмыл транспортный самолет «Боинг-707», в котором находились врачи, фельдшеры, передвижной госпиталь. Перед вылетом Барак договорился Гади Зоаром, сотрудником военной разведки и членом группы планирования операции, что сразу по прибытии в Кению он наладит с центром устойчивую связь. Тут же условились о секретных кодах. Обозначением главы правительства Ицхака Рабина стал код «Гость Авраамчика» (Авраам Бен-Арци, или Аврамеле, как его называли в семье, был зятем Рабина). Сама операция в Энтеббе называлась «Бармицва».

— Я летел в Кению с тяжелым сердцем, — говорил мне Эхуд Барак. — Впервые в жизни меня оставляли за пределами секретной операции, которую я сам подготовил и центром которой фактически был. Я летел и не переставая думал: «Ну как же такое могло случиться? Я лечу не в том самолете, в котором будут находиться мои бойцы?!...»

Между тем в ночь на субботу прошла последняя репетиция перед операцией. Каждое подразделение отрабатывало свое задание, по возможности независимо от других.

Начальник Генштаба генерал Гур хотел лично убедиться в том, что «Геркулесы С-130», известные в израильских ВВС под названием «Гиппо» (сокращенное от «гиппопотам»), могут доставить в нужное место технику и войска и вернуться назад, совершив путь длиной в 4000 километров, без посторонней навигационной помощи. Он сомневался, удастся ли самолетам пройти незамеченными весь путь до Энтеббе.

В эту ночь Гур пережил одно из самых сильных ощущений за всю свою долгую жизнь военного. В течение трех часов он сидел в огромной кабине четырехмоторного «Гиппо», в то время как самолет подвергался всесторонним испытаниям. «Геркулес» с начальником Генштаба на борту летал над пустыней и над горами. Ему были продемонстрированы все причуды и качества машины. При этом демонстрация происходила в ночной темноте...

Несколько раз Гуру продемонстрировали вертикальное приземление, которое было скорее похоже на падение лифта. Расстояние, которое требовалось для приземления, не превышало 213 метров, что позволяло посадить «геркулес» на внешней кромке аэродрома в Энтеббе неслышно для террористов.

Тем временем в субботу утром в Найроби пришли фотопленки с изображением аэропорта в Уганде. Просмотрев отпечатанные фотографии, Барак понял, что у него есть ответ на вопрос, несколько суток не дававший уснуть премьер-министру Ицхаку Рабину: на пути между двумя терминалами аэропорта Энтеббе нет никаких препятствий. Барак тут же связался с начальником Генерального штаба.

— Вещи, которые просил тесть Авраамчика, по дороге к тебе. Нет никаких препятствий. Можно делать «бармицву»...

Суббота, 3 июля, казалась обычным летним днем. Пляжи полны, дороги забиты транспортом. Немногочисленные участники операции — «коммандос», отобранные из бригады «Голани», парашютисты 35-й десантной бригады, участники антитеррористических отрядов, девушки-военнослужащие ВВС, обязанностью которых является уход в воздухе за ранеными, — незаметными струйками стекались из киббуцов, Тель-Авива и Иерусалима к секретным местам сбора.

Заседание кабинета министров началось в 14.00. Глава правительства Ицхак Рабин казался очень встрево-

женным. Он сказал (или признался), что если операция провалится и начнутся народные демонстрации, он как премьер-министр принимает на себя ответственность за все. С тяжелым сердцем он объявил, что одобрил план операции.

Обсуждение продолжалось. Рабин сказал, что не хочет вводить регламент для выступлений, чтобы не вынуждать никого к поспешным решениям. Это тоже определило атмосферу чреватого последствиями дня. Каждому министру хотелось поговорить на этом «историческом заседании»; время шло, а решение все еще не было принято.

Однако этот демократический принцип обсуждения в конце концов тоже сослужил свою службу. Время, в течение которого секретность операции могла быть случайно нарушена, было сведено к абсолютному минимуму.

Самолеты стартовали за 15 минут до того, как кабинет дал свое согласие. В воздух поднялись шесть самолетов: четыре «Геркулеса С-130» с «коммандос» и два «Боинга-707»: в одном — штаб и центр связи, в другом — летающий госпиталь.

«Гиппо» подлетали к Энтеббе, и вспышки молний ярко освещали их, как будто для того, чтобы показать всю их беззащитность.

Командир флагмана «Давид» был вне себя от радости. Командующий ВВС Бенни Пелед, находившийся в одном из «боингов», назначил его командиром первого корабля, который приземлится в Энтеббе. «Давид» прислушался к приглушенному реву всех четырех двигателей своего «геркулеса». Его экипаж сосредоточился на навигационном плане, разработанном так, чтобы позволить тяжело нагруженным машинам долететь до Энтеббе, приземлиться, переждать сумятицу возможного сражения, снова взлететь и исчезнуть.

На последнем отрезке пути до Энтеббе плохие атмосферные условия вызвали необходимость изменений в

плане полета. Каждый «геркулес» летел в ночи самостоятельно, не поддерживая с другими связи по радио, постепенно снижаясь в направлении Рифт Велли и полагаясь только на помощь своих электронных помощников в поисках пути к озеру Виктория.

Заправившись в Найроби, «Боинг-707» с Бенни Пеледом на борту кружил над озером Виктория. Он мог следить за «геркулесами» с помощью радаров и наблюдать за ходом операции через радиофоны, по секретному каналу передававшими сведения в Тель-Авив. Тишина внизу говорила ему, что, пока все идет хорошо, самолеты продолжают лететь. Густой туман закрыл озеро, но над Энтеббе было ясно.

В старом здании аэропорта заложники дотягивали свой шестой день. Похитители расположились в креслах на ярко освещенной бетонированной площадке. В этот час здание охраняли немец и немка.

Многие заложники мучались от поноса. Воды в туалетах больше не было. Унитазы были полны. Угандийские солдаты принесли воду и наполнили цистерны на крыше, однако вода не проходила сквозь засоренные трубы.

Летя в ночи на радиомаяк аэропорта Энтеббе, «гиппо» достигли, наконец, цели своего путешествия. Еще одна корректировка из-за погодных условий — и пилоты увидели внизу берег, освещенный выходящей из-за горизонта луной.

В первом «геркулесе» Нетаньяху и его команда забрались в перекрашенный «мерседес», который должен был первым выехать из самолета. Их лица, руки и пистолеты угандийского образца, снабженные глушителями, были черными. «Мерседес» тоже был черным.

Транспортные самолеты разделились на пары. Одна должна была приземлиться на новой, главной посадочной полосе, другая — на старой, которая отделялась от нового аэродрома невысокой насыпью.

Внезапно впереди появились огни посадочной полосы. «Давид» согнал навалившуюся усталость и проверил приборы. Они сообщали ему, что он продолжает лететь по прямой.

По неизвестной причине Энтеббе был ярко освещен. Первый «геркулес» уже плыл над самой кромкой озера Виктория.

Экипаж и солдаты пристегнулись ремнями к своим местам из-за чудовищной качки, возникающей при быстром приземлении. Тем, кто находился внутри «геркулеса», казалось, что самолет рухнет вниз под протестующий рев турбин. Снаружи наблюдатель увидел бы огромную машину, которая почти беззвучно скользнула на посадочную полосу, слегка поскрипывая колесами.

В грузовом трюме десантники стояли наготове. Их все же немного укачало при посадке. Позади первого самолета, заключив, что у флагмана все благополучно, буквально «вися» на его хвосте, летел второй. Но второй самолет был готов взлететь немедленно, если посадочная полоса окажется заблокированной или флагман будет остановлен.

«Давид» продолжал идти на скорости, рассчитанной еще во время репетиции так, чтобы она позволила ему без лишнего шума остановиться в нескольких ярдах от здания с заложниками. Он легко остановил «гиппо» перед огромными окнами старого здания, так близко, что казалось, высунувшись, он мог коснуться их рукой.

Замершие в трюме десантники вздрогнули, когда трап со скрипом откинулся и в самолет хлынул сырой воздух и бледный неожиданный свет. Удар трапа о бетон показался чудовищно громким.

Генерал Дан Шомрон сбежал по трапу с такой скоростью, что сопровождавший его офицер связи потом сказал:

— Он двигался так быстро, что я потерял его из виду. Я не мог поверить, что это тот самый человек, который всю неделю не вылезает из-за стола.

Солдаты рассыпались в поисках террористов. «Мерседес» съехал по трапу и ринулся в направлении угандийских солдат, охранявших контрольно-диспетчерский пункт. Дверцы автомобиля были распахнуты, угандийцы отдали ему честь. Из черных пистолетов, оснащенных глушителями, появились короткие вспышки, и охрана была уничтожена. Хитрость сработала. Нетаньяху и его товарищи вытерли краску с лиц и сбросили черные угандийские блузы, чтобы их товарищи не совершили в темноте той же фатальной ошибки, что и угандийская охрана.

Следующий «геркулес» приземлился почти рядом с новым зданием аэропорта, когда кто-то в диспетчерском пункте с перепугу выключил освещение. Внезапно весь аэропорт погрузился в темноту.

— Это случилось очень кстати, — сказал командир последнего «геркулеса». — Я летел прямо в перестрелку, которая вдруг возникла по всему полю. Я был рад, когда погас свет. Мое задание было сидеть на земле и ждать, пока все не улетят, а затем подобрать последнюю группу. В течение 90 минут я был подсадной уткой. Это были самые длинные минуты в моей жизни, потому что как только мой «геркулес» остановился, на аэродроме начался форменный ад.

Бенни Пелед не требовал никаких донесений от пилотов «геркулеса». Было договорено, что пока не случится чего-нибудь непредвиденного, воздушный штаб будет сам делать выводы из тех звуков, которые слышались в микрофонах.

Генерал Шомрон устроил свой КП рядом с зданием, где были заложники. Теперь управление операцией было сосредоточено в его руках. Тут-то его, наконец, и нашел офицер связи.

«Илан», один из людей Нетаньяху, бежал вперед: его целью была немка, отождествленная как Габриэль Крош-Тидеманн, которую сам он называл «эта нацистская сука».

Ее соотечественник, Вильфрид Бёзе, стоял снаружи около окна спиной к гигантскому «гиппо», который буквально дышал ему в затылок, не подозревая о людях, обутых в башмаки на каучуковых подошвах, которые бесшумно бежали к нему.

И вдруг по лицу немца расплзлось выражение недоумения. Он качнулся назад и поднял свой автомат. Затрещала длинная очередь. Немец повернулся и упал ничком. Заместитель Нетаньяху перепрыгнул через немца, спеша к следующей цели, а бегущий за ним солдат остановился, чтобы повернуть тело лицом вверх.

«Илан» затаил дыхание. Прямо перед ним у самого входа с пистолетом в одной руке и гранатой в другой стояла немка. Какую-то долю секунды он видел ее застывшее, отупевшее лицо. Он направил на нее автомат и нажал на спусковой крючок, разрядив всю обойму. Затем переступил через ее тело, распростертое поперек выхода, и ворвался в здание.

Десантники из третьего «геркулеса» добежали до старого здания в тот момент, когда солдаты Нетаньяху ворвались в холл. Они кричали на иврите:

— Ложитесь! Вниз! На пол!

Два террориста начали стрелять. Один из автомата, другой — из револьвера. Десантники обнаружили источник огня и обрушили в том направлении целый град пуль.

Зал наполнился дымом. Кое-кто из заложников забрался под матрасы. Новые десантники ворвались через окна в здание с криками «Тишкеву!» («Ложитесь!»)

Перестрелка в зале продолжалась 1 минуту и 45 секунд.

Нетаньяху со своими солдатами прочесывал второй этаж, преследуя оставшихся террористов. В одном из туалетов они обнаружили двух террористов с пистолетами. Как сообщили позже, они были убиты. Другой отряд, действовавший в северной части здания, искал седьмого террориста.

Доктора и санитары, привычные к боевым условиям, быстро вынесли из огня раненных — пятерых гражданских и четырех солдат — и доставили их на операционные столы во второй «геркулес». Битва на аэродроме вступила во вторую фазу. С расположенной поблизости наблюдательной башни по израильтянам открыли огонь. Солдаты Нетаньяху тут же открыли ответный огонь по башне.

Кто-то закричал:

— Йонни ранен! Санитара!

Крик взбудоражил солдат. Нетаньяху был ранен в спину. Истекая кровью, он лежал вниз лицом возле главного входа. Он попытался встать, затем тяжело рухнул снова и потерял сознание. Его заместитель сообщил о случившемся Шомрону и продолжал действовать в соответствии с разработанным планом.

Тело Нетаньяху принесли в самолет, предназначенный для освобожденных заложников. Его товарищи думали, что он ранен. Они ворвались со своими носилками в поток взволнованных людей. Некоторые были перепуганы и отчаянно стремились как можно быстрее отказаться в большом «геркулесе», в безопасности.

Первый «геркулес» с освобожденными заложниками на борту вылетел из Энтебе через 53 минуты после приземления — на две минуты раньше, чем предусматривалось. Второй «геркулес» уже развернулся, чтобы принять заложников, которых солдаты с громкоговорителями направляли в его открытый трюм.

«Геркулес», приземлившийся первым, должен был взлететь последним. Старший пилот, сидевший в кабине, погасил огни и стал обдумывать ситуацию. Генерал Шомрон поднялся на трап «геркулеса». Из горящего диспетчерского пункта все еще доносилась стрельба. Трап медленно поднялся. Самолет начал набирать скорость...

— Если мы смогли сделать это в Африке, мы сможем сделать это повсюду, — скажет Шомрон позднее.

Пока же он сидел и смотрел на солдат. Они опять разделись до пояса, растянулись на полу и заснули как ни в чем не бывало...

Для увековечения памяти погибшего командира «Сайерет Маткаль» подполковника Йонни Нетаньяху руководство Израиля приняло решение назвать операцию «Йонатан». Она и по сей день остается уникальной. Подобный рейд пытались провести американцы, освобождая заложников в Тегеране. Но задуманная операция провалилась...

Охота на «Красного принца»

5 сентября 1972 г. во время 20-й Олимпиады в Мюнхене боевики организации «Черный сентябрь» осуществили в 4 часа 25 минут утра вооруженное нападение на корпус в Олимпийской деревне, располагавшейся на Коннолиштрассе, 31, где проживала команда Израиля. Итог — 11 убитых спортсменов и тренеров.

Сразу же после мюнхенской трагедии премьер-министр Голда Меир публично пообещала развернуть войну с целью мщения. В ней, по ее словам, Израиль «будет бороться с упорством и умением на обширной, опасной и имеющей жизненно важное значение линии фронта».

Похороны погибших спортсменов вылились в событие общенационального значения. Голда Меир на них не присутствовала. Официальная версия гласила, что «премьер-министр находится в трауре по поводу смерти старшей сестры».

На следующий день после похорон она пригласила в свою иерусалимскую резиденцию шефа «Моссада» генерала Цви Замира и личного советника по вопросам терроризма Аарона Ярива. Кстати сказать, он родился в Москве, а затем вместе с родителями перебрался в Израиль.

— Евреи одиноки в этом мире, — заметила Голда Меир. — Так было всегда... Поэтому защищать себя они должны сами.

Премьер-министр сделала небольшую паузу и, пристально взглянув в глаза генералам, продолжила:

— Хочу, чтобы вы знали. Я приняла решение о начале возмездия. Это мое решение и всю ответственность я беру на себя... Готовьте своих парней!

— С этого момента, — сказал шеф «Моссада», — Израиль переходит в наступление в этой ожесточенной, мучительной и кровавой войне.

— Что будем делать, если ситуация изменится к худшему? — вдруг засомневалась Голда Меир.

— Она уже изменилась к худшему, — ответил Аарон Ярив. — Израиль не может допустить того, что случилось в Мюнхене.

Действия «Черного сентября» повлекли за собой кардинальные изменения в статусе «Моссада». Его бюджет был без промедления увеличен вдвое. Вскоре в отделе спецопераций была создана группа, которой поручили организацию убийств в странах Европы и Ближнего Востока. Были тщательно проанализированы досье террористов и их лидеров. Уничтожению подлежали только те, кто этого заслужил. Первым в списке на уничтожение значился Али Хасан Саяме — начальник оперативного отдела организации «Черный сентябрь», больше известный как Абу Хасан и проходивший в оперативных документах «Моссада» под именем «Красный принц»...

6 июня 1967 г. началась Третья Арабо-израильская война, получившая название «шестидневной». С первых минут боевых действий превосходство ЦАХАЛ (Армия обороны Израиля) было явным. Несколько часов спустя после начала войны в небольшое здание, расположенное на тихой улице иорданской столицы, в котором размещался призывной пункт организации «Фатх», вошел молодой человек.

— Я только что прибыл из Кувейта, — сообщил он. — Я хочу сражаться.

Дежурный офицер поднял глаза на незнакомца. Перед ним стоял удивительной красоты молодой человек с длинными густыми волосами, спадавшими до плеч. У него был широкий лоб, черные, как угли, глаза, прямой нос и пухлые губы. Худощавый, среднего роста, он был одет во все черное: модная шелковая рубашка и не менее модные брюки. На шее — тяжелая золотая цепочка.

— Имя? — спросил офицер.

— Саляме, — ответил он и уточнил: — Али Хасан Саляме.

Это имя ничего не говорило дежурному, но он внес его в список.

Но когда некоторое время спустя лидер «Фатх» Ясир Арафат увидел в списках имя Али Хасана Саляме, его охватило волнение. Он хорошо знал Саляме-старшего. И не только знал: они вместе сражались против израильтян во время Первой Арабо-израильской войны в 1948 г. Больше того, они были дальними родственниками.

Али Хасан Саляме родился в Рамле — городке между Тель-Авивом и Иерусалимом. Он принадлежал к палестинской аристократии. Его отец — шейх Саляме, был активным борцом арабского сопротивления задолго до создания государства Израиль. Он участвовал в рейдах на еврейские поселения в Палестине и в 1948 г., в разгар Первой Арабо-израильской войны, погиб от взрыва фугасной бомбы.

Али Хасану было тогда шесть лет. Некоторое время спустя родилась сестра, которой дали имя Джихад, что в переводе с арабского означает «священная война». Его мать, твердого характера женщина, родственники и друзья семьи с раннего детства рассказывали ему об отце-герое, о борьбе, которую он вел, о трагической судьбе палестинцев, многие из которых по вине израильтян преврати-

лись в беженцев. Мать хотела, чтобы сын продолжил дело отца.

Позднее Али Хасан признается:

— Влияние отца стало для меня личной проблемой. Я рос в семье, которая считала вооруженную борьбу против израильтян наследством, которое должно передаваться из поколения в поколение. Мое воспитание было политизированным. Я жил делом Палестины. Моя мать хотела, чтобы я стал вторым Хасаном Саляме.

Но Саляме-младший считал этот довод неубедительным. У него не было ни малейшего желания кому-то мстить, и поэтому он упорно сопротивлялся просьбам своей матери включиться в борьбу.

— Я хотел быть самим собой, — объяснил он позднее. — А мне все время напоминали, что я сын Хасана Саляме, что я должен быть на высоте и т. д. Это создавало мне большие проблемы.

С детства Саляме-младший разрывался между жизненными ценностями, которые ему прививали в семье, и ежедневной действительностью Бейрута, где они тогда жили. Дома ему напоминали о его аристократическом происхождении, а в школе, среди сверстников, палестинец считался синонимом ссыльного, отверженного беженца, отбросом общества.

Семья жила в достатке. Все, что можно было купить за деньги, покупалось. Али Хасан жил в хорошем доме, находившемся в престижном районе ливанской столицы Ашрафие, учился в привилегированном колледже «Макассед». Когда ему исполнилось 14 лет, мать отправила его учиться в колледж Бир-Зейт, расположенный на западном берегу реки Иордан, тогда еще не оккупированном израильтянами.

В 1958 г. из-за начавшейся гражданской войны в Ливане семья перебралась в Каир, где Али Хасан закончил среднюю школу. Затем он отправился в Германию, чтобы

продолжать образование. Там он учился на инженера в различных университетах.

Уже тогда он потянулся к красивой жизни. Тратил значительные суммы на одежду, предпочитая черный цвет. Любил изысканные блюда и вина, спортивные машины и красивых женщин. Почти каждый день ходил в спортивный зал заниматься «боди-билдингом». И через некоторое время заметно увеличил свою мускулатуру. Он также увлекся каратэ, что впоследствии придало ему уверенность в себе.

В 1963 г. Али Хасан вернулся в Каир. Чтобы порадовать мать, он женился на девушке, которую та ему выбрала. Это была скромная девушка из семьи муфтия Аль-Хусейни. Но, даже женившись, он продолжал вести жизнь «плейбоя», проводя большую часть времени в ночных клубах Каира.

Первого сына он назвал в честь отца — Хасаном.

Под нажимом матери вступил в Организацию освобождения Палестины. Ему поручили канцелярскую работу в бюро ООП в Кувейте. Однако «шестидневная война» круто изменила его жизнь...

В Аммане Али Хасан познакомился с одним из соратников Ясира Арафата Салахом Халефом, больше известным как Абу Аяд, который возглавлял военную разведку «Фатха».

Первым заданием, которое Абу Аяд поручил Саляме, — поиск в рядах организации израильской агентуры. Али Хасан начал изучать личные дела бойцов «Фатха». В течение года ему удалось разоблачить около 20 израильских агентов.

23 июля 1968 г. трое палестинцев захватили пассажирский самолет израильской авиакомпании «Эль-Ал», выполнявший рейс по маршруту Рим — Тель-Авив. Это был первый захват самолета, открывший новую страницу в израильско-палестинском противостоянии. Операцию

разработал Али Хасан Саляме, а осуществили бойцы организации Народный фронт освобождения Палестины, которую возглавлял Жорж Хабаш.

Затем, в ноябре 1971 г., он провел операцию, в результате которой был убит иорданский премьер-министр Васфи Тель. Вскоре он спланировал и осуществил новую операцию: покушение на посла Иордании в Лондоне Зеида Ар-Рифаи. Однако тот был только ранен, а покушавшийся сумел скрыться. Некоторое время спустя последовали новые операции против представительств Иордании и ее представителей в разных странах мира.

Надо сказать, что в Израиле к операциям «Черного сентября» отнеслись почти равнодушно. Прежде всего потому, что они были направлены против Иордании. Кроме того, Израиль в то время был занят проблемой терроризма в оккупированном секторе Газа. Лишь после того, как боевики «Черного сентября» захватили в начале мае 1972 г. пассажирский лайнер авиакомпании «Сабена» и приземлились в израильском аэропорту Лод, в Тель-Авиве сообщили, что имеют дело с весьма серьезной организацией.

Захваченные террористки Тереза Хальса и Рима Танус в ходе допроса упомянули имя Али Хасана Саляме. Только после этого руководители военной разведки, «Моссада» и Шин-Бет дали указание своим подчиненным собрать всю информацию об организации «Черный сентябрь», Али Хасане Саляме и других лидерах. Но израильские секретные службы, считавшие себя лучшими в мире, сели в лужу. Тогда они не добыли никакой информации о «Черном сентябре»...

30 мая 1972 г. трое молодых японцев, прибывших в израильский аэропорт Лод из Рима, вдруг начали бросать ручные гранаты и стрелять из автоматов в толпу пассажиров, заполнивших зал для приезжих. 24 человека были убиты. Среди них 16 католиков-пилигримов из Пуэрто-Рико и семеро израильтян. Еще 78 человек получили ра-

нения. Как выяснилось, террористы принадлежали к организации, известной под названием «Японская Красная армия». О том, что между ними и палестинцами существовала связь, «Моссаду» было известно давно.

Сразу же после трагедии в аэропорту Лод шеф «Моссада» Цви Замир с одобрения правительства начал проведение ответных операций возмездия. Через два дня от взрыва бомбы погиб 36-летний ливанский поэт и писатель Гасан Канафани. К несчастью, совершенно случайно с ним в машине оказалась его 17-летняя племянница. 25 июня 1972 г. 29-летний Бассам Абу Шариф, офицер связи Народного фронта освобождения Палестины, распечатал присланный ему на дом конверт. Последовал взрыв. Шариф полностью потерял зрение на один глаз.

Итак, еще задолго до трагедии в Мюнхене Израиль продемонстрировал свою решимость мстить. И все же смерть Канафани и попытка убийства Бассама Шарифа были восприняты как единичные акции, а не свидетельство, указывающее на новое направление в политике Израиля по отношению к террористам.

Все изменилось после кровавой драмы на 20-й Олимпиаде.

Справедливости ради следует отметить, что изменение позиции руководителям «Моссада» далось нелегко. Нет, ни Замира, ни Ярива не волновала этическая сторона вопроса. С их точки зрения люди, задумавшие и осуществившие убийство в Мюнхене, сами лишили себя права на жизнь. Они опасались лишь осложнений, связанных с последствиями таких операций.

Из досье «Моссада»:

«Организация “Черный сентябрь” (точное название “Рука Черного сентября”) заявила о себе в ноябре 1971 г., когда в Каире ее боевиками был убит премьер-министр Иордании Васфи Тель. В организацию входят палестин-

цы, поставившие перед собой задачу — мстить за изгнание палестинцев из Иордании в сентябре 1970 г. По сведениям из достоверных источников, “Черный сентябрь” — это прикрытие для так называемой “революционной системы безопасности” организации “Фатх”. Создание “Черного сентября” свидетельствует об окончательном переходе ООП и его руководства к тактике террора. “Черный сентябрь” действует решительно, демонстрируя полную неразборчивость в средствах.

По агентурным данным, всеми операциями “Черного сентября” руководит Али Хасан Саляме. С самого начала своей деятельности он отстаивает точку зрения, что Израиль можно одолеть только силой. Единственный метод — жестокий и непрерывный террор. Он предан идее — сбросить евреев в море. ▶

Через неделю после похорон израильских спортсменов некто Мохаммед Раббах позвонил в израильское посольство в Брюсселе. Он попросил к телефону дипломата (в действительности кадрового офицера «Моссада») Задока Офира.

— Необходимо срочно увидеться, — сказал звонивший. — У меня есть для вас информация о террористических организациях и прежде всего о «Черном сентябре».

Раббах был ему известен.

20 мая 1971 г. в посольство Израиля в Бельгии пришло письмо, написанное по-арабски. Оно пришло из тюрьмы Арнхем и было подписано Мохаммедом Раббахом, заключенным № 3382 из камеры 81. «Я в вашем распоряжении, — говорилось в письме. — Готов служить вашим интересам. Мне сказали, что если я найду деньги, то смогу покинуть страну в течение 48 часов».

«Моссад» провел расследование и установил, что Раббах — мелкий преступник, который был постоянным «клиентом» бельгийских и голландских тюрем. Но израильтя-

не решили не отвечать на письмо. Было странно, что араб сам предлагает услуги. Тем более, что все письма заключенных прочитываются.

Но Раббах не успокоился. Он отправил множество писем в израильские посольства в разных странах. Он сообщил, что является членом организации «Фатх», имеет псевдоним «Сакер Абу Лейл». Он также сообщил, что был офицером марокканской армии, но покинул Марокко, поскольку находился в оппозиции королевскому режиму.

Итак, Офир и Раббах встретились вечером в кафе «Принц».

— Я все принес, — сказал марокканец.

Он опустил руку в боковой карман и вынул... пистолет. Прозвучали четыре выстрела. Раббах скрылся.

Каким-то чудом Офир выжил. Но теперь у израильских спецслужб исчезли всякие сомнения: «Черный сентябрь» начал новую войну против государства Израиль, «Моссада» и его представителей. Вскоре «Моссад» составил список, в который вошли 12 человек — «мозговой трест» палестинской террористической организации. Иными словами — это был смертный приговор. Во главе операции по ликвидации Саяме «Моссад» поставил опытного сотрудника Майка Харари, который подписывал оперативные документы коротко: «Майк».

Вопрос о ликвидации Саяме для израильских спецслужб стал наиболее важным. Во-первых, он шел в списке смертников под номером один. Во-вторых, в «Моссаде» считали, что именно он был ответственен за убийство спортсменов в Мюнхене. Правда, уверенности в том, что эту идею выдвинул Саяме, у руководителей «Моссада» быть не могло, Но у них было достаточно данных, свидетельствующих о том, что именно он разрабатывал план мюнхенской операции и координировал действия ее уча-

стников. Больше того, само понятие «террорист» ассоциировалось в то время в Израиле с именем Саляме.

План возмездия был лишь одним из элементов в политике контртеррора Аарона Ярива и Цви Замира. Они отдавали себе отчет в том, что теперь им противостоит прекрасно подготовленный и профессионально обученный противник, ликвидировать которого будет нелегко.

Да и сам Саляме был достаточно умным и ловким человеком. Он никогда не жил подолгу на одном месте. Для этого в его распоряжении был целый набор дипломатических паспортов. В частной жизни он придерживался одного стиля, не слишком его разнообразя, хотя и жил в полном достатке. Он был осторожен и старался не обращать на себя внимание. Хорошо обученные телохранители всегда находились неподалеку.

Больше того, Саляме хотел не только избежать встречи с агентами «Моссада», но одновременно выставить Израиль в черном свете. Для начала он нашел нескольких добровольцев, которые согласились дать себя завербовать израильской разведке. В их задачу входило сообщить несколько дат и мест, где Саляме якобы планировал остановиться. Это были, конечно, ложные маршруты. Но один из таких маршрутов привел агентов «Моссада» в небольшой норвежский городок Лиллахаммер, расположенный неподалеку от Осло...

В начале июля 1973 г. «Моссад» получил информацию, из которой следовало, что Саляме должен прибыть в Норвегию для организации сети ячеек «Черного сентября». Его связным назначен Кемаль Бинамен — палестинец, живший в Женеве.

«Моссад» спешно создал «ударный отряд», в который было включено 14 человек. Двое занимались непосредственно Саляме, двое обеспечивали прикрытие, еще двое отвечали за всю подготовку. Кроме того, в группе был офицер связи, шесть оперативных сотрудников и руководитель. Им был уже упоминавшийся «Майк».

Он выдавал себя за француза Эдуарда Ласкиера. Оперативников возглавлял агент «Моссада» Абрахам Гемер — в прошлом первый секретарь израильского посольства в Париже. Теперь по паспорту он был Лесли Орбаум — учитель из Лидса, небольшого городка в Англии. Что касается оперативников, то они представляли собой довольно пестрое сборище.

В Лиллехаммере эти агенты под командованием Абрахама Гемера взяли под наблюдение Кемалю Бинамена с момента его приезда в Норвегию. В состав наблюдательной группы входила очень привлекательная еврейка из Южно-африканской республики — Сильвия Рафаэль. В Париже она занималась фотографией и была известна под именем Патриции Роксбург. Она была единственным, кроме командира, агентом «Моссада» в группе.

В «ударный отряд» входили также Дан Арбель (израильтянин датского происхождения) и Марианна Гладникова — родом из Швеции. Их пригласили как людей, владеющих языком и знакомых с обычаями страны и местностью. Оба знали, что приехали в Норвегию для того, чтобы следить за Бинаменом и узнать, с кем он встретится.

Обеспечение группы оборудованием, прокат машин, организация побега были возложены на 36-летнего Цви Штейнберга. Родом он был из Бразилии и впервые выехал за границу с заданием. 27-летний Михаил Дорф, который за два года до того, как его завербовал «Моссад», работал на телефонной станции, был назначен офицером связи.

О человеке, непосредственно выполнившим задание (тот, кто нажимал на курок), мало что известно. В Норвегию он приехал по паспорту на имя Джонатана Инглеби, англичанина из Манчестера. Свидетели впоследствии утверждали, что стрелявший был блондином высокого роста, очень похожим на скандинава.

Бинамен прибыл в Осло без опоздания. Оставил вещи в отеле и поездом уехал в Лиллехаммер.

Для израильских агентов с оперативной точки зрения условия в Лиллехаммере были неблагоприятны. Небольшой сонный городок на берегу озера Мьёса, всего с двадцатью тысячами жителей, где все друг друга знают. Группа приезжих в таком городе, если они хоть чем-нибудь отличаются от местных жителей, сразу привлекают к себе внимание. 19 июля «ударный отряд» почти в полном составе находился в Лиллехаммере. За Бинаменом велось непрерывное наблюдение. Он остановился на небольшой туристической базе Скотта. Вечером никуда не выходил, а сидел в холле у телевизора и смотрел фильм о норвежских рыбаках. Тут же находились и двое израильских агентов.

На следующее утро он пошел прогуляться. Зашел в кафе «Каролина», расположенное на небольшой площади около городской ратуши и полицейского участка. С ним были двое — араб и европеец. Марианна Гладникова занялась изучением араба. У нее была маленькая фотография Саяме. Сжимая ее в руке и не отрывая глаз от человека, который сидел неподалеку, она уже не сомневалась — это был Саяме.

Бинамен покинул Лиллехаммер дневным поездом и прибыл в Осло, где его поджидали Сильвия Рафаэль, Абрахам Гемер и Дан Арбель. «Майк» поначалу сомневался, что Бинамен станет встречаться с Саяме в Лиллехаммере, поэтому и задержал группу в Осло. Между тем Бинамен отправился в центр города в отель «Стефен». По всем признакам, он собирался на следующий день возвращаться в Женеву. Так оно и случилось. Гемер и Арбель, «проводив» его, направились в Лиллехаммер.

К этому времени «Майк» уже получил полный отчет из Лиллехаммера о встрече Бинамена в «Каролине» с арабом. «Майку» должно было показаться странным, что человек, которого они считали Али Хасаном Саяме, уехал из кафе на велосипеде. Было известно, что Саяме любит комфорт. Но, с другой стороны, легко было допустить, что

он сознательно изменил свои привычки, чтобы его поездки по Европе и странам Ближнего Востока были более безопасны.

На следующий день, 21 июля 1973 г., агенты «Моссада» прибыли в Лиллехаммер и остановились в отеле «Виктория» в полной уверенности, что напали на след человека, за которым израильские спецслужбы охотились в течение длительного времени.

В 11 часов 15 минут мнимый Саляме направился в городской плавательный бассейн. Марианна последовала за ним. Там он повстречался с французом. Из их разговора, который велся на французском, Марианна ничего не смогла уловить. Из бассейна он вышел в сопровождении беременной женщины. Араб и его спутница сели в автобус, который шел в предместье города. Оба вышли у дома № 21/а по улице Ругдевейн. Теперь и «Майк» имел полную возможность разглядеть «объект» и утвердиться в несправедливости своих сомнений. Это был тот самый человек, за которым они охотились. Недаром к нему приезжал Бинамен из Женевы.

В 14 часов «ударный отряд», состоявший из трех мужчин, подъехал на темно-зеленом «мерседесе» к отелю «Опланд турист». У всех троих были фальшивые документы. Паспортное бюро в Лондоне, например, никогда не оформляло паспорт на имя Джонатана Инглеби. В немецком паспорте Рольфа Бера № 408948 цифр было на одну меньше, чем надо. Паспорт Джерарда-Эмиля Лафона № 996262 тоже оказался поддельным.

В 20.00 человек, которого израильские агенты принимали за Саляме, в сопровождении той же беременной женщины вошел в кинотеатр, где демонстрировался фильм с Ричардом Бартоном в главной роли. В 22.30 они вышли из кино, а в 22.40 сошли с автобуса и направились к дому. Оба не обратили внимания на машину, которая медленно к ним приближалась.

Из машины выскочили двое мужчин (один из них был Джонатан Инглеби) и начали стрелять. Араб успел крикнуть: «Нет!» И тут же был смертельно ранен. Шатаясь, он попытался бежать, но, схватившись руками за живот, упал на тротуар. Женщина, отчаянно крича, бросилась к нему.

В 22.50 полиции стало известно о случившемся. Несколько минутами позже полицейские уже были на месте.

Агенты «Моссада» понимали, что времени в их распоряжении немного. Они бросили машину, пересели в зеленый «мерседес» и белый «пежо» и помчались по направлению к дороге, ведущей в Осло. Там можно было затеряться и почувствовать себя в безопасности.

Убитым оказался марокканец Ахмед Бухики, работавший официантом в Лиллехаммере. Он и его беременная жена были жителями этого города. Связи Бухики с «Черным сентябрем» были нерегулярны. Возможно, Бинамен приезжал к нему затем, чтобы побудить его к более активному сотрудничеству. Дал ли Бухики уговорить себя, могло быть известно только Бинамену, но уж никак не агентам «Моссада». Какие бы компрометирующие его намеки ни появлялись в израильской прессе, остается бесспорным одно — был убит ни в чем не повинный человек, который на свою беду был необыкновенно похож на «Красного принца».

Норвежская полиция при всей своей медлительности вскоре обнаружила «пежо» № А-97943 на дороге, ведущей из Лиллехаммера. Как выяснилось, машина была взята напрокат в «Рент-э-кар» Патрицией Роксбург в Осло.

24 часа спустя Марианну Гладникову и Дана Арбеля в аэропорту Осло опознал бдительный клерк. Он позвонил в полицию, и некоторое время спустя их арестовали. Марианна, находясь в паническом состоянии, на вопрос об адресе в Осло указала конспиративную квартиру, в которой все они должны были скрываться после возвращения из Лиллехаммера. Там полиция обнаружила Патрицию

Роксбург и Абрахама Гемера. К этому времени полиция уже имела некоторое представление о том, кто убил Бухики. Марианна своими показаниями подтвердила догадки норвежской полиции.

— Меня спросили, хочу ли я помочь государству Израиль. — призналась она на допросе. — Я считала это для себя обязательным, поскольку не проходила военную службу.

Самым небрежным оказался Дан Арбель. На задней обложке его паспорта был записан телефонный номер 14–15–80. Проверка показала, что телефон принадлежал служащему израильской авиакомпании «Эль-Ал». Полицейские позвонили в квартиру. Открывшую им женщину они отстранили и прошли в гостиную.

Там находились трое мужчин. Им было предложено встать лицом к стене и поднять руки. Во время обыска был найден пистолет. Владелец квартиры пытался протестовать. Он назвался Игалом Зигелем, старшим офицером службы безопасности в израильском посольстве. Зигель заявил, что пользуется дипломатическим иммунитетом. Полиция оставила его заявление без внимания и арестовала двоих — Цви Штейнберга и Михаила Дорфа. Они отказались давать показания. Но их выдали найденные у них вещи. У Штейнберга нашли два ключа. К каждому была прикреплена голубого цвета бирка с именем. Ключи были от квартир в Париже, где полиция нашла и другие ключи, тоже меченые.

В результате все конспиративные квартиры «Моссада» во французской столице были обнаружены. Помимо этого полиции стали известны факты, свидетельствовавшие о причастности некоторых агентов к убийствам палестинских лидеров в прошлом. Среди вещей, принадлежавших Дорфу, нашли телеграмму из резидентуры «Моссада» в Амстердаме, которая содержала подробную инструкцию к операции в Европе.

«Мерседес» обнаружили в Дании. Выяснилось, что из Осло в Копенгаген его переправили на пароме. Остальные члены «ударного отряда», воспользовавшись поддельными паспортами, сумели уехать из Норвегии.

Пятеро агентов «Моссада» предстали перед судом как соучастники в убийстве Ахмеда Бухики. 1 февраля 1974 г. Сильвия Рафаэль была приговорена к тюремному заключению на пять с половиной лет. Марианна Гладникова — к двум с половиной и Дан Арбель — к пяти. Цви Штейнберг, который, казалось, играл в операции более заметную роль, получил один год тюрьмы за шпионаж. Михаил Дорф был оправдан.

А Саляме действительно был в Лиллехаммере. По невероятному стечению обстоятельств «ударный отряд», прибывший туда вовремя, ошибся в выборе мишени...

После событий в Лиллехаммере Саляме стал менее осторожен. Он поверил в собственную неуязвимость. Спасал его врожденный инстинкт самосохранения. Его враги были не в состоянии предугадать, где и когда он появится.

Вскоре наступил момент, когда Саляме счел себя неуязвимым настолько, что вышел из укрытия и решил сыграть роль посредника между ООП и США. Он занимался организацией выезда из Бейрута американцев и европейцев, застрывших в ливанской столице в начале гражданской войны.

Во время гражданской войны, начавшейся в Ливане 15 апреля 1975 г., Саляме жил в Бейруте. Когда-то он называл себя «призраком, которого преследует Израиль». И вдруг этот «призрак» материализовался, стал личностью вполне конкретной, человеком, действия которого можно предвидеть.

Ему было уже под сорок, и бродячая жизнь, судя по всему, становилась ему в тягость. К тому же, возможно, у него возникла надежда, что израильтяне после стольких неудач отступятся, и он сможет вести нормальную жизнь.

Но «Моссад» не забыл о нем...

28 июня 1978 г. Али Хасан Саяме женился на красивой ливанке Джорджине Ризк, которая в 1971 г. завоевала в Майами-Бич на конкурсе красоты титул «Мисс Вселенная». Через семь месяцев выяснится, что этим браком он подписал себе смертный приговор...

Джорджина — брюнетка с зелеными глазами и длинными ресницами — училась в Бейруте в женском католическом колледже, была примерной ученицей. Она любила кино, занималась спортом, увлекалась танцами и рок-музыкой. Когда ей исполнилось 15 лет, она бросила колледж, освоила профессию манекенщицы и стала работать в представительстве австрийской туристической фирмы. Некоторое время провела в Кувейте, Германии, Ливии и Бельгии.

В 1969 г. в возрасте 16 лет Джорджина стала «Мисс Ливан». Два года спустя приняла участие в конкурсе красоты в Майами-Бич и одержала победу. Вернувшись в Ливан, она начала сниматься в кино, петь на радио и телевидении. Открыла собственный магазин модной одежды.

Саяме купил для нее квартиру в Бейруте на улице Верден и стал все чаще бывать там. С первой женой и двумя сыновьями он сохранил тесные контакты. Его жизнь стала более упорядоченной, что дало возможность «Моссаду» покончить с ним.

После женитьбе на Джорджине Али Хасан Саяме стал часто говорить о смерти.

— Рано или поздно я умру. Я буду убит. Впрочем, смерть в любой форме — это профессия палестинцев.

Говоря о смерти, он подчеркивал, что его дети продолжат борьбу, как он в свое время продолжил дело отца.

В «Моссаде» знали, что Саяме редко покидает Бейрут, что он всегда в окружении многочисленных телохранителей. Один из ветеранов разведки вспомнил, что Саяме увлекается каратэ, и предложил организовать заса-

ду в спортивном клубе или, наконец, в бассейне, сауне. Но выяснить, в каком бассейне Саяме плавает, в какой бане парится, агентам «Моссада» не удалось...

В конце 1978 г. Эрика Мэри Чамберс — женщина средних лет, у которой был британский паспорт, сняла квартиру на восьмом этаже в доме на углу улиц Верден и Маддам Кюри. Как раз напротив дома Джорджины Ризк. Она перезнакомилась со всеми соседями и просила называть ее Пенелопой. Большую часть времени она проводила у окна, занимаясь живописью. Ее городские пейзажи были безыскусны, но точны.

17 января 1979 г. некий Питер Скрайвер, человек с паспортом № 260896, выданным в Лондоне 15 января 1975 г., прибыл в бейрутский международный аэропорт. Он сообщил о себе как о техническом консультанте и соответствовал во всех отношениях идеальной модели британского бизнесмена. Скрайвер поселился в отеле «Медитеранэ» и взял напрокат «фольксваген».

Еще через день в Бейруте появился канадец с паспортом № ДС 104277, выданным на имя Рональда Кольберга. Он отправился в отель «Рояль Гарден» и взял напрокат машину марки «симка-крайслер» серого цвета.

22 января 1979 г. в столице Сирии Дамаске должна была открыться ежегодная конференция Палестинского национального совета. Арафат просил Саяме приехать на открытие. В тот же день был день рождения младшей сестры Джихад, и Саяме обещал заехать поздравить ее, перед тем как отправиться в Сирию.

Джорджина была на пятом месяце беременности. За утренним кофе Саяме сказал ей:

— Я хочу девочку.

— А я — мальчика. Хочу, чтобы он был похож на тебя. Хочу второго Али.

— А я хочу, чтобы девочка была такая же красивая, как ты...

Поцеловав жену, Саяме покинул квартиру и в сопровождении четырех телохранителей направился к машине. Водитель Джамиль открыл дверь «шевроле», и Саяме устроился на заднем сиденье между двумя телохранителями. Двое других сели в «лэнд-ровер», стоявший сзади. Обе машины поехали в сторону дома, где жили мать и сестра Саяме, чтобы оттуда отправиться в Дамаск.

Эрика Чамберс, она же Пенелопа, закрыла свое окно и, стоя за портьерой, внимательно смотрела на дорогу и на «фольксваген», припаркованный внизу. Вскоре она увидела «шевроле», который медленно въехал на улицу Верден. Машин почти не было. До «фольксвагена» осталось десять метров... Восемь... Шесть... Четыре... Два... Глядя на улицу, Пенелопа нажала на кнопку дистанционного управления. Мгновение спустя раздался оглушительный взрыв, в небо взметнулся столб огня.

Мать Али в своей квартире услышала взрыв. Повернувшись к дочери, она сказала:

— Позвони брату.

Джихад набрала телефон Али. Никто не снял трубку. Мать Саяме тотчас бросилась на улицу. Десять минут спустя она уже была перед домом своего сына. Бойцы «Фатх» стояли у подъезда. Они плакали. Мать Саяме поняла все...

В суматохе никто не заметил, как Эрика Чамберс вышла из своего подъезда, села в машину «датсун» и уехала в неизвестном направлении. Пятнадцать минут спустя она уже была на шоссе, ведущим в Джунию.

А в это время в американском госпитале хирурги боролись за жизнь Саяме. Спасти его не удалось. Он умер на операционном столе, не приходя в сознание. Почти в том же возрасте (около 38 лет), что и его отец.

Когда Арафат произносил речь на открытии конференции, ему передали телеграмму. Сначала он не поверил и потребовал подтверждения. Когда ему вручили вторую телеграмму, он заплакал. Стоя на трибуне.

Ночью того же дня в районе порта Джуния от берега отплыла резиновая лодка. В ней находились Кольберг и Чамберс. На следующее утро полиция обнаружила на берегу две брошенные машины — «датсун» и «симка-крайслер».

На следующий день шеф «Моссада» отправил премьер-министру достаточно выразительную телеграмму: «Мы отомстили за Мюнхен!»

В похоронах Али Хасана Саяме участвовало около 50 тыс. палестинцев. Первая жена и два сына шли за его гробом. Джорджине не разрешили подойти к телу мужа.

Нет никакого сомнения, что именно Эрика Мэри Чамберс (Пенелопа), которая ни у кого не вызывала никаких подозрений, подложила под бампер «шевроле», принадлежавшего Саяме, крохотный радиопередатчик, способный давать коротковолновые сигналы. Для этого ей понадобилось не более двух-трех секунд. Может быть, она это сделала в тот момент, когда наклонилась, чтобы завязать шнурок на своем ботинке.

Скрайвер, судя по всему, начинил «фольксваген» взрывчаткой, оставил ключи Кольбергу, который припарковал машину в непосредственной близости от дома Саяме...

Утром 15 мая 1979 г., в день, когда Израиль отмечал 31-ю годовщину своего провозглашения, Джорджина родила сына. У него были черные, как у отца, волосы и зеленые, как у матери, глаза. Весил он 4 килограмма.

В своей госпитальной палате, окруженная бойцами «Фатх», она сказала:

— Сегодня я вновь королева... Али вернулся...

Помолчав, она добавила:

— Али был сыном Арафата. Оба они были сыновьями революции. Сыновья Али — Хасан, Усама и наш — они тоже сыновья революции. Они продолжают дело отца. И сделают меня счастливой.

Она решила назвать сына Али — Али Хасан Саяме. Старшие поклялись отомстить за отца...

Операция «Вавилон»

Впервые о налете израильской авиации на иракский ядерный центр я услышал 7 июня 1981 г. по каирскому радио. Тогда я работал собственным корреспондентом газеты «Труд» в Египте.

Три года спустя я вновь услышал об этой операции. Произошло это уже в Ливане, где я находился в качестве собственного корреспондента «Литературной газеты». А рассказали мне о ней два ливанских журналиста, имевшие тесные контакты с израильянами. Больше того, некоторое время спустя мои коллеги, выполняя обещание, передали мне толстое досье, содержащее подробную информацию о ходе подготовки и проведении операции «Вавилон».

Бегин (7 июня 1981 г.)

Премьер-министр Израиля Менахем Бегин находился в своей иерусалимской квартире по улице Бальфура. Он ждал звонка начальника Генерального штаба. Разговор по телефону был кратким.

— Операция «Вавилон» началась, — доложил Рафаэль Эйтан. — Ребята в дороге.

— Я верю в них, Рафуль, — ответил Бегин.

— О результатах сообщу, — закончил начальник Генштаба. Стрелки часов показывали 16 часов 3 минуты.

«Куница» (лето и осень 1975 г.)

Настоящее имя этого коренастого подвижного мужчины лет пятидесяти, в массивных очках с затемненными стеклами, неизвестно до сих пор. Зато известно, что он — высокопоставленный чиновник израильской спецслужбы «Моссад», носивший кличку «Куница». Еще известно его кредо — всегда ищи простое решение.

Именно он сыграл решающую роль в операции «Вавилон». Это он — задолго до подписания в Багдаде 18 но-

ября 1975 г. соглашения между Францией и Ираком о сотрудничестве в использовании «ядерной энергетики в мирных целях» — был первым, кто затеял шум вокруг ядерного реактора. В секретном докладе, направленном в единственном экземпляре летом 1975 г. премьер-министру Ицхаку Рабину и министру обороны Шимону Пересу, «Куница» писал: «Саддам Хусейн не остановится ни перед чем, чтобы осуществить свою мечту: сделать Ирак первой арабской страной, обладающей атомной бомбой, которой он затем будет угрожать Израилю».

Доклад взволновал Рабина и Переса. Они согласились доверить автору продолжать это дело и, более того, дали указание другим секретным службам оказать ему содействие. «Куница» сразу же создал небольшую группу специалистов, в которую вошли преданные ему агенты.

Обосновавшись с лета 1975 г. в Париже, они активно собирали информацию для своего патрона о предстоящем визите во Францию Саддама Хусейна. Во время визита, начавшегося 5 сентября 1975 г., иракский гость посетил французский ядерный центр. Накануне отъезда Хусейна премьер-министр Жак Ширак заявил:

— Ирак намерен начать программу ядерных исследований. Франция готова присоединиться к этим усилиям.

20 октября того же года журнал «Нувель обсерватер» опубликовал статью, в которой говорилось о будущем заказе Ираком ядерного реактора во Франции. Вскоре агенты «Куницы» доложили, что реактор, который хотят иметь иракцы, помимо мирных целей, может быть использован и для создания атомной бомбы.

Нееман (ноябрь 1975 г.)

Тех небольших знаний в области ядерных исследований, которые имел в то время «Куница», было для него вполне достаточно. Тем не менее, прежде чем приступить к делу, он решил как следует освоить ядерную тематику,

чтобы лучше понимать поступавшую к нему информацию.

В 1975 г. профессор ядерной физики Ювал Нееман занимал должность научного консультанта министра обороны Шимона Переса. «Куница» и Нееман были давние приятели и понимали друг друга с полуслова.

— Я подозреваю, — усмехнулся Нееман, увидев «Куницу» в дверях своего кабинета, — что ты пришел ко мне по багдадскому вопросу.

«Куница» открыл портфель и вытащил папку.

— Прочти и объясни, о чем идет речь.

Нееман раскрыл папку и начал читать страницу за страницей. Наконец, произнес:

— Досье великолепно. Но мне не хватает еще нескольких «ингредиентов», чтобы безошибочно сказать, способен ли Багдад с помощью Парижа создать свою атомную бомбу

— Какого характера нужна информация?

— Мне нужно знать, какой материал и в каком количестве поставит Франция Ираку. — Затем, пристально посмотрев в глаза «Кунице», добавил: — Обрати внимание на итальянцев...

Нира (осень 1979 г.)

За свою долгую работу в «Моссаде» «Кунице» не раз приходилось посещать бары — от шикарных в Париже до шумных и грязных в портах Фамагусты. На сей раз он уже третий вечер подряд сидел в знаменитом баре «Хемингуэй», расположенном в центре итальянской столицы, и ждал сигнала от Ниры.

Будучи еще студенткой медицинского факультета в Париже в 60-х годах, она работала на него, выполняя задания деликатного свойства. «Куница» вспомнил о ней, когда формировал свою группу для работы в Италии. Требовалось лишь сменить имя. Она стала «Габриэлкой»...

Уже несколько дней иракский офицер высокого ранга находился в Риме. Он жил под вымышленным именем в «Гранд-Отеле» на улице Виа-Венетто. Его настоящее имя и должность, которую он занимал в правительственной комиссии Ирака по проекту «Таммуз» (кодовое название ядерного центра), заставили «Куницу» бросить все дела и отправиться в итальянскую столицу.

Он остановился в том же отеле, что и иракский офицер. Вскоре ему удалось установить, что того постоянно сопровождает молодой иракец, значившийся в отеле под именем «Саид». Он носил атташе-кейс офицера, открывал перед ним двери и одновременно выполнял функции телохранителя.

«Куница» тоже был не один. С ним прибыл бывший десантник израильской армии по имени Сами. В течение нескольких дней он следил за иракцами и установил их распорядок дня. К обеду и ужину они возвращались в отель. «Саид» нес в правой руке атташе-кейс из рыжей кожи. Ночью офицер покидал свой номер, а «Саид» оставался. Офицер возвращался только к утру.

— Теперь твоя очередь, — сказал «Куница» Нире. — Используй свои возможности и очаруй этого «Саида». Я на тебя рассчитываю.

На следующий день Нира-Габриэлла пила кофе в ресторане, где завтракали иракцы. Время от времени она поглядывала на «Саида» и посылала ему улыбки. Офицер читал газету.

На третье утро официант пригласил офицера к телефону.

— Вас вызывает Багдад, — чуть наклонившись, сказал он.

«Саид», который уже отвечал многозначительными взглядами на улыбки красавицы-незнакомки, тотчас воспользовался отсутствием шефа, быстро встал и подошел к ней. Очевидно, он принял Ниру-Габриэлла за девицу из гостиницы.

— Позвоните в девять вечера, — шепнул он, назвав номер своей комнаты.

Ни «Саид», ни Нира не знали, что звонок из Багдада организовал... «Куница».

Нира позвонила «Саиду», но иракский Дон-Жуан, как оказалось, в чине капитана, признался, что не может покинуть номер, пока отсутствует его начальник. Он также объяснил, что не может пригласить Габриэлла и к себе. «Куница» сразу понял, что «Саид» должен охранять атташе-кейс, в котором, судя по всему, лежали важные документы.

И вот он сидит третий вечер в баре «Хэмингуэй», пьет «Кампари» и ждет сигнала от Ниры.

В 22.00 бармен подозвал «Куницу» к телефону. На проворе был Сами.

— Нира с нашим другом. Приезжай.

— Начинай, не дожидаясь меня.

Габриэлла и «Саид» находились в это время в дискотеке рядом с «Гранд-Отелем». Когда «Куница» вошел в номер «Саида», он сразу же увидел Сами, который держал в руках документы.

— На мой взгляд, это настоящее сокровище.

— Работай! — приказал «Куница». — У нас мало времени.

Сами достал фотоаппаратуру и начал фотографировать. В полночь раздался пронзительный телефонный звонок, заставивший их буквально подпрыгнуть.

— Мы уже в баре отеля, — взволнованно сообщила Нира. — Он рвется в номер. Я не могу его удержать...

— Еще десять минут, — взмолился «Куница».

Сами сфотографировал последние документы, затем сложил все в атташе-кейс и, закрывая его на ходу, бросился к лифту. Когда он спустился вниз, «Саид» и Габриэлла выходили из бара. В руках иракца был... атташе-кейс из рыжей кожи. Точная копия того, который только что вскры-

вал Сами в номере, а теперь держал в своей правой руке. Когда Габриэлла подставила «Саиду» пухлые губы для поцелуя, он опустил атташе-кейс на мраморный пол и порывисто обнял «итальянку». Сами быстро и незаметно подменил элегантный чемоданчик. Так же ловко, как он сделал это несколько часов назад, когда Габриэлла и «Саид», забыв все на свете, страстно целовались перед лифтом, направляясь в дискотеку.

Когда «Куница» показал Нееману документы, добытые в Риме, тот сказал:

— После создания ядерного центра Ирак сможет производить одну-две ядерные бомбы в год.

Вейцман (июль 1980 г.)

— Я пришел поговорить об Ираке, — входя в кабинет министра обороны Эзера Вейцмана, сказал «Куница». — Ты ознакомился с моими докладными записками?

— Нет, я занят другими делами, — с раздражением ответил Вейцман. — Я устал от ваших шпионских историй.

— Тем не менее Ирак продолжает осуществлять свою ядерную программу, — напомнил «Куница», усаживаясь в кресло. — Через год реактор будет готов. Мы должны вмешаться и вывести его из строя.

— Ты и твоя банда можете продолжать свою работу, — с непонятной брезгливостью произнес Вейцман. — Я не твой шеф. Но армия — это другое дело. Пока я сижу в этом кресле, я не допущу, чтобы армия участвовала в вашей авантюре.

— Я понял, Эзер, — спокойно ответил «Куница». — Но и ты должен понять: если мы не вмешаемся, у Ирака будет атомная бомба.

— Пойми! — возразил Вейцман. — Скоро все арабские страны будут иметь атомную бомбу. Значит, по-твоему, мы должны наносить воздушные удары?

— Что касается Багдада, то здесь мы имеем дело с фанатиком, — парировал «Куница». — Саддам не остановится ни перед чем, чтобы уничтожить Израиль.

— Нет, я никогда не отдам приказ бомбить иракский ядерный центр, — упорствовал Вейцман.

«Куница» понял, что с Вейцманом и его командой осуществить налет на иракский ядерный центр не удастся. Оставалось только ждать, когда тот покинет пост министра обороны.

28 мая 1980 г. Вейцман ушел в отставку. Министром обороны (по совместительству) стал премьер-министр Бегин.

Иври (осень 1980 г.)

План разработки налета израильской авиации на иракский ядерный центр был поручен командующему ВВС генерал-майору Давиду Иври. Ирак находился более чем за тысячу километров от Израиля. Чтобы сбросить бомбы, летчикам предстояло пролететь над несколькими арабскими странами, которые имели ракетные установки.

После того как план рейда был одобрен штабом ВВС, а затем и начальником Генерального штаба, он был представлен премьер-министру. Летчики, не дожидаясь окончательного решения Бегина, начали тренировки на модели ядерного центра, специально построенной в пустыне Негев.

Хофи (январь 1981 г.)

Шеф «Моссада» генерал Хофи не сомневался в том, что Ирак создаст атомную бомбу. Он к тому времени уже располагал достоверной информацией. Однако был категорически против рейда, ибо считал, что иракский центр вступит в строй не раньше сентября и поэтому не следует торопиться с проведением операции.

«Куница», министр сельского хозяйства Ариэль Шарон, которого (за активную поддержку операции) прозвали «ми-

нистр рейда», а также другие сторонники налета были весьма удивлены позицией Хофи. Глава «Моссада» продолжал настаивать на дипломатических акциях, не переставал повторять, что рейд на иракский ядерный центр вызовет ответные меры со стороны Багдада и его арабских братьев.

Бегин оказался перед дилеммой: чью сторону занять?

Бегин (февраль 1981 г.)

Премьер-министр все еще колебался в принятии решения об уничтожении ядерного центра. Именно в этот момент посол США Самюэль Льюис по поручению госдепартамента передал Бегину письмо. В нем подчеркивалось, что иракский ядерный центр является «военным объектом».

— Но это крайне опасно! — воскликнул премьер-министр.

Он не знал, что это письмо было подготовлено «Моссадом» совместно с ЦРУ, чтобы подтолкнуть израильского премьера к принятию решения.

«Куница» — Бегин (апрель 1981 г.)

«Куница» уже знал, что кабинет министров склонялся в пользу проведения рейда. Но ему хотелось, чтобы дата операции была определена как можно быстрее. Поэтому в начале апреля он встретился с премьер-министром.

Бегин принял его в своей иерусалимской резиденции. Поднявшись навстречу, он пожал ему руку. Потом они сели в старые кресла, что стояли в углу кабинета. Здесь хозяин резиденции обычно разговаривал с друзьями.

— Чем обязан твоему визиту?

— Шеф «Моссада» категорически против операции «Вавилон», — приступил «Куница» к делу.

— Но мы уже в принципе приняли решение, — заметил Бегин.

— Великолепно! — воскликнул «Куница» и, облегченно вздохнув, добавил: — Я только опасаюсь реакции США.

Бегин рассмеялся:

— Разумеется, сначала они нас осудят... Но потом поздравят...

— Мне просто хотелось знать твое мнение на этот счет, — пояснил «Куница». — Я не перестаю думать о том, что будет после рейда.

— Не волнуйся! С божьей помощью мы взорвем этот проклятый центр. А там посмотрим...

А. Шарон (апрель 1981 г.)

В конце апреля министр сельского хозяйства Шарон попросил свою секретаршу Сару пригласить «Куницу». Встреча состоялась в министерстве, расположенном в Кирие — административном квартале Тель-Авива.

Пропустив «Куницу» в кабинет, Шарон предупредил секретаршу, чтобы она соединяла его только с премьер-министром и женой Лией.

— Сегодня вечером я увижу премьер-министра, — сообщил он «Кунице».

— Я хотел бы обсудить вопрос о ядерном центре...

— Именно для этого я тебя и пригласил, — перебил Шарон и прямо спросил: — А если ты ошибаешься относительно степени опасности ядерного центра?

— Я могу ошибаться, — согласился «Куница». — Но я не смешиваю информацию и оценку. Мои агенты утверждают, что атомный реактор будет пущен этим летом. Иракцы уже установили вокруг него пояс противовоздушной обороны. Каждый прошедший день может дорого обойтись нашим летчикам. Попробуй объяснить это Бегину.

Бегин (май 1981 г.)

В пятницу, 8 мая, премьер-министр надолго заперся в своем кабинете. Он вдруг засомневался в правильности выбора даты начала операции, намеченной на 10 мая.

После долгих раздумий он решил перенести рейд на 24 мая. Однако на следующий день Бегин перенес дату, назначив проведение рейда на 31 мая. Еще через день он вновь изменил сроки налета. В конце концов он принял решение осуществить рейд 7 июня...

Из дневника летчика Гидеона:

Воскресенье, 31 мая. Утром микроавтобус доставил нас в столовую на завтрак. Затем в эскадрилью. Начальник Генерального штаба и командующий ВВС пригласили нас в небольшую комнату на последний инструктаж. Я почти не слушал. Все было у меня в памяти. План полета, ориентиры, кодовые наименования. Я помнил, где и когда надо включить свой радар, чтобы вызвать помехи. Затем нас повели на второй завтрак. Я уже сидел в кабине, когда услышал голос командира операции полковника Рана:

— Рейд отменяется...

Среда, 3 июня. Утром полковник Ран собрал нас и объявил:

— Операция назначена на 7 июня. Всем находиться в состоянии боевой готовности.

Четверг, 4 июня. Весь день продолжались бесконечные инструктажи. Сначала отдельно в каждой эскадрилье, потом вместе.

Пятница, 5 июня. Нет сил делать записи. Целый день тренировались. Все валятся с ног.

Суббота, 6 июня. Только сегодня наземные команды приведены в состояние полной боевой готовности. В течение нескольких недель они каждое утро готовили боевые самолеты к вылету, но так и не знали цели. Впрочем, догадывались. Мой техник шепнул мне однажды:

— Когда полетишь, передай им привет от жителей Рамат-Гана (предместье Тель-Авива, где проживают евреи, выходцы из Ирака. — Авт.)

Эйтан (7 июня 1981 г.)

Последний инструктаж с пилотами начальник Генерального штаба Рафаэль Эйтан и командующий ВВС Давид Иври провели рано утром за чашкой кофе.

— Вам поручена задача огромного национального значения, — сказал Иври. — Не каждому летчику выпадает такая честь.

На этом же инструктаже выступил и начальник Генерального штаба. Все сразу почувствовали, насколько он озабочен опасностями, которые могут предостерегать пилотов.

— Я верю в каждого из вас, — сказал он. — Но будьте осторожны и внимательны. Вы знаете не хуже меня, что ожидает того, кто попадет в руки иракцев. Впрочем, если вам даже не удастся разбомбить цель, мы и тогда не будем в претензии. Сам факт, что вы пытались это сделать, послужит серьезным предупреждением Ираку.

Летчики поняли, что Эйтан простит им все, даже провал операции, лишь бы они благополучно вернулись на базу.

В это время офицер-интендант принес пайки: финики — этот традиционный ассортимент иракской кухни.

— Привыкайте к иракской пище, на случай если попадете в плен, — сказал Иври, улыбкой лишая свои слова их жестокого смысла.

Кто-то из летчиков поддержал шутку.

Эйтан не прореагировал. Он был печален: несколько недель назад во время тренировки погиб его сын-летчик Йорам. Он тоже должен был участвовать в операции «Вавилон».

Иври (7 июня 1981 г.)

Командующий ВВС стоял под палящим солнцем на краю основной взлетной полосы. Он наблюдал, как самолеты медленно выползали из подземных ангаров. Первым на взлетную полосу подкатил самолет командира операции полковника Рана. За ним — молодой пилот Гидеон.

Вдруг Иври увидел, что Ран подрулил к обочине. Полковник вылез из кабины и быстрым шагом направился в ангар. Через некоторое время, показавшееся Иври вечностью, Ран вывел новый самолет.

Иври прыгнул в «джип» и устремился к самолету командира операции.

— Что произошло? — спросил он.

— Какие-то перебои в моторе, — спокойно ответил Ран.

Пилоты заняли свои места. Взрвели двигатели. В 16 часов 01 минуту командующий ВВС дал сигнал на взлет.

Король Хусейн (7 июня 1981 г.)

Король Иордании Хусейн увидел эти самолеты через минуту после их взлета с базы Эцион. Он был летчиком и поэтому без труда определил тип самолетов. Он также понял, что шесть «Ф-15» и восемь «Ф-16» полетели на выполнение боевого задания.

Иорданский монарх, не колеблясь ни секунды, позвонил в ближайшую воинскую часть и вызвал к себе командира. Хусейн приказал ему поднять по тревоге высшее командование ВВС, чтобы привести в состояние боевой готовности авиацию на всей территории Иордании. Затем он приказал полковнику срочно связаться по телефону с королем Саудовской Аравии.

Первый приказ был выполнен немедленно. Второй остался невыполненным. Трубку поднял шеф королевской канцелярии и сообщил, что король Саудовской Аравии в настоящее время «обедает с иностранной делегацией и просил не беспокоить».

«Изумруд» — «Дар» (7 июня 1981 г.)

Две эскадрильи самолетов шли боевым строем. Первая носила кодовое название «Изумруд», вторая — «Дар». Самолеты не были камуфлированы и сохранили традиционную раскраску израильских ВВС. Их радиостанции молчали.

ли. Но летчики знали, что система связи и радары на базе Эцион оповестят их в случае опасности. Впереди несколько часов полета. Все рассчитано до долей секунды. Курс выверен по лучшим в мире электронно-вычислительным приборам.

В это время в воздухе находились приобретенные Саудовской Аравией американские самолеты АВАКС, оснащенные системой раннего предупреждения и контроля. Но и они ничего не обнаружили. Вероятно потому, что их радары были направлены на ирано-иракский фронт.

Бегин (7 июня 1981)

В 16 часов 30 минут машины «вольво» с занавешенными окнами съезжались в квартал Тальбие. Гостей встречали сотрудники службы безопасности и провожали к двухэтажному особняку, где находилась квартира Бегина.

Министры рассаживались на стульях, расставленных полумесяцем напротив дивана в центре гостиной. Здесь обычно проходили заседания правительства, когда оно собиралось на квартире премьер-министра.

Бегин находился в библиотеке, служившей ему кабинетом. Некоторое время назад он закончил разговор с начальником Генерального штаба.

Из дневника Гидеона:

«...Пересекли границу. Идем точно по графику. Внизу большой военный лагерь. Вот он уже позади. Все в порядке. Мы в стране бандитов. Я посмотрел на экран радара и сказал про себя: "Умоляю, останься пустым. Пусть не появится ни один иракский самолет. Позволь мне приблизиться к цели без проблем". Я снова посмотрел вниз. Какая безжизненная и сухая земля. Мелькают развалины каких-то древних городов. А вот и люди. Они машут нам руками. Я приветствую их в ответ, покачивая крыльями. Пустыня кончилась. Внизу пляжи, автобусы.

Арабы смотрят вверх. Они не понимают, что происходит. Летим над Евфратом. Справа должно быть поле. Вот оно. А вот и то, что нам нужно...»

Бегин (7 июня 1981 г.)

Одетый по-домашнему, премьер-министр вошел в гостиную, где его ждали члены кабинета. Пробило 5 часов. Через 31 минуту первый истребитель-бомбардировщик должен сбросить две бомбы на купол иракского реактора.

— Друзья! — начал премьер-министр. — В эти минуты наши боевые самолеты приближаются к Багдаду. Первые из них очень скоро окажутся над ядерным центром.

«Изумруд» — «Дар» (7 июня 1981 г.)

Полковник Ран — ведущий звена «Изумруд» и командир операции — увидел наметанным глазом возможную опасность и предупредил:

— Внимание! Справа высокие столбы и антенны.

Ведущий звена «Дар» полковник Малахи посмотрел в указанном направлении и увидел то, о чем предупредил Ран.

Пилот второго самолета звена «Дар» Мальром передал по радио:

— Вижу стены вокруг реактора.

Но это были не стены, а земляные насыпи, не уступавшие по высоте реактору. Сооруженные на случай иранской атаки, они составляли часть оборонительных укреплений вокруг реактора. На них были размещены ракеты класса «земля-воздух».

Бегин (7 июня 1981 г.)

Сообщение премьер-министра вызвало некоторое замешательство. Бегин пояснил, что, согласно разведанным, иракский реактор должен вступить в строй в июле или сентябре. Тогда вообще пришлось бы отказаться от

операции, поскольку разрушение действующего реактора могло бы вызвать радиоактивный распад.

— Я знал, — подчеркнул премьер-министр, — что если приказ нашим летчикам не будет отдан сегодня, то в руках безумца Саддама, претендующего на роль вождя арабского мира, окажутся две или три атомные бомбы.

«Изумруд» — «Дар» (7 июня 1981 г.)

У реки Евфрат самолеты набрали высоту. Чтобы не мешать «Ф-16» атаковать цель, «Ф-15» поднялись еще выше. Внезапно ведущий эскадрильи «Изумруд» услышал разрывы и понял, что по самолетам ведется зенитный огонь. Он сообщил об этом остальным. Ему ответил майор Адив:

— Мы видим цель. Порядок!

Прямо под самолетом возвышался купол реактора. Он не был покрыт защитной краской и сиял в лучах заходящего солнца. Ракетные батареи молчали.

Бегин (7 июня 1981 г.)

Премьер-министр сделал паузу и взглянул на присутствовавших. Все слушали с напряженным вниманием.

— Ясно, что ядерное оружие в руках Саддама представляло бы реальную угрозу существованию Израиля, — взволнованно продолжал Бегин. — Наша святая обязанность заключалась в том, чтобы своевременно принять меры по предотвращению угрозы уничтожения всего, что было создано огромным трудом.

Он замолчал, сел на диван и уже спокойно сказал:

— Операция наших ВВС должна продолжаться две минуты. Если пилоты выполняют поставленную перед ними задачу, то Ираку потребуется четыре года для того, чтобы восстановить реактор и привести его в нынешнее состояние.

«Изумруд» — «Дар» (7 июня 1981 г.)

Рев двигателей перешел в вой. Самолеты спикировали на цель и, достигнув нужной высоты, освободили бомбодержатели. Первая бомба, как и планировалось, обрушилась на купол ядерного центра в 17 часов 31 минуту.

Из дневника Гидеона:

«...Все происходило стремительно. Первым бомбы сбросил Ран. За ним я. Как это было? Сначала я увидел купол. Потом он оказался в моем прицеле. Напряжение усилилось. Я даже услышал, как бьется сердце. Окружающий мир исчез. Осталась только цель, которую я должен поразить любой ценой. Пикируя, я заметил вокруг себя вспышки и тотчас услышал голос Рана: "Осторожно! Зенитки!" Еще секунда, я нажал кнопку, освободив бомбодержатель. Я откинулся назад и стремительно набрал высоту. Вдруг я увидел ракету. Она пронеслась подо мной и скрылась из виду. Вспыхнула тревожная мысль: "Где товарищи? Все ли у них в порядке?"»

«Чарли» (7 июня 1981 г.)

Самолеты пикировали на цель один за другим с интервалом в несколько секунд. Не прошло и двух минут, как все они отбомбились и затерялись в бескрайней голубизне неба. Только после этого, словно очнувшись от шока, иракские ракетные батареи открыли беспорядочный огонь и вели его пять минут, обстреливая тот небесный квадрат, где уже никого не было.

Полковник Ран приказал каждому пилоту доложить о выполнении задания, сообщить свой код и порядковый номер в эскадрилье. Он с нетерпением ждал слова «Чарли» в конце каждого рапорта, что на языке израильских летчиков означало: «У меня все в порядке».

Прошло немного времени, и Ран доложил командующему ВВС:

— Задание выполнено! «Изумруд» и «Дар» возвращаются. У всех — «Чарли».

Иври (7 июня 1981 г.)

Сразу же после рапорта полковника Рана командующий ВВС связался с начальником Генерального штаба.

— Задание выполнено! — не скрывая восторга, почти крикнул Иври. — Реактор уничтожен.

Бегин (7 июня 1981 г.)

В 7 часов вечера Бегина позвали к телефону. Начальник Генерального штаба доложил:

— Господин премьер-министр! Операция выполнена!

— Поздравляю тебя, Рафуль! — взволнованно ответил Бегин и добавил: — И всех твоих парней. Таких, как вы, больше нет.

Он вернулся в гостиную с бутылкой вина, которую хранил для особо торжественных случаев. Министры подняли бокалы за народ Израиля, за его армию и военно-воздушные силы.

После их ухода Бегин вызвал пресс-секретаря Ури Пората и продиктовал ему текст правительственного заявления. Он предупредил, что оно должно быть обнародовано только после того, как арабы сообщат об уничтожении иракского ядерного центра и обвинят Израиль.

Из дневника Гидеона:

«...Возвращение было легким. Напряжение спало. Горючее было на исходе, но и это не беспокоило. В сущности, все самое трудное уже позади, хотя мы еще летели над территорией врага. Единственное, что беспокоило меня, как перенести два часа полета с полным мочевым пузырем.»

Иври (7 июня 1981 г.)

Израильская граница стремительно приближалась. Командующий ВВС Иври связался с летчиками и поздравил их с выполненной задачей. Он не забыл добавить:

— Будьте внимательны при посадке.

Иври опасался, что кто-то из пилотов, ослабив контроль над собой после сильного напряжения, может совершить при посадке ошибку.

Бегин (8 июня 1981 г.)

Утром Бегину сообщили, что Иордания передала информацию об израильском рейде. Этого премьер-министр и ждал. Он тотчас позвонил пресс-секретарю Порату и дал указание обнародовать по радио правительственное заявление. В 15.00 Бегин, как обычно, включил приемник, но был весьма удивлен, не услышав сообщения. Он еще не знал, что директор израильского радио отказался передать эту новость, заявив Порату: «Я не верю. Это плод воображения».

Тогда премьер-министр решил вызвать пресс-секретаря. Но в это время зазвонил телефон. На проводе был племянник Бегина — директор израильского радио Эммануил Гальперин.

— Это правда? — спросил он.

— Да. Можете передавать сообщение.

В 15.30 радио Израиля передало: «В воскресенье, 7 июня 1981 г., израильская авиация атаковала ядерный центр под Багдадом. Наша авиация полностью выполнила возложенную на нее миссию. Ядерный центр уничтожен. Все самолеты вернулись на базу».

«Куница» (январь 1982)

— Настало время уступить место более молодому, — сказал «Куница» Бегину, объявив ему, что решил уйти в

отставку. — Почти тридцать лет я занимаюсь этой работой. Достаточно...

Бегин устало вздохнул, положил руку на плечо «Кунице» и признался:

— С той должности, которую занимаю я, уходят в двух случаях. Или после провала, или на коне. Я предпочитаю последнее.

Подчиненные, прощаясь с «Куницей», преподнесли ему символический подарок — школьный глобус. При нажатии кнопки он раскрывался на два полушария. В одном была фотография ядерного центра до рейда, в другом — после операции «Вавилон»...

Находясь в ноябре 1990 г. в Багдаде, я встретился с одним высокопоставленным иракским чиновником, имевшим отношение к ядерному центру. Он уверял меня, что в июне 1981 г. израильтяне бомбили... ложную цель. Настоящий реактор находился в другом месте...

Операция «Мир Галилее»

Утром 6 июня 1982 г. Израиль напал на Ливан...

Поводом для вторжения послужило покушение на израильского посла в Лондоне, совершенное палестинским террористом. Но в действительности вторжение в Ливан — это была заранее подготовленная широкомасштабная военная операция.

Находясь в те дни в осажденном Бейруте в качестве собственного корреспондента «Литературной газеты», часто встречаясь с западными, ливанскими и израильскими журналистами, я получил многочисленные подтверждения того, что операция планировалась давно. Позднее в мои руки попали документы, свидетельствующие о том, что ни одна война в истории Израиля не была так тщательно подготовлена.

Впрочем, вернемся к событиям 25-летней давности...

Операция «Ораним»

Иерусалим, август 1981 г.

Премьер-министр Израиля Менахем Бегин назначил отставного генерала Ариэля Шарона министром обороны. Шарон сразу же поручил Генеральному штабу подготовить доклад о возможных акциях в Ливане.

Через несколько дней начальник Генштаба генерал-лейтенант Рафаэль Эйтан представил новому министру подробнейший отчет и положил на стол несколько «сценариев» будущей операции. Ни один из них не удовлетворил Шарона. У него имелись свои, далеко идущие планы.

Что же задумал генерал?

Надо сказать, что план вторжения в Ливан Шарон начал вынашивать еще задолго до того, как стал министром обороны в правительстве Бегина. В телевизионных и газетных интервью он постоянно повторял, что узел ливанских проблем возник по трем основным причинам: религиозно-общинной розни, вмешательства Сирии и военного присутствия палестинцев.

Он открыто призывал подвергнуть ливанский кризис «серьезному лечению». Причем самыми радикальными методами. Не так, как пытались делать его предшественники на посту главы оборонного ведомства, которые ограничивались акциями возмездия или превентивными ударами по позициям палестинцев в Ливане. Шарон считал эти меры половинчатыми.

Операция «Литани» (израильское вторжение в Ливан в марте 1978 г.) была, по его мнению, попыткой отбросить вооруженные формирования палестинцев на несколько километров от северной границы Израиля. К чему это привело? Те только увеличили свои силы и создали свое мини-государство на ливанской территории.

Так что же задумал Шарон?

Прежде всего, изгнать из Ливана палестинцев, одновременно покончив в ходе операции с присутствием сирийцев.

В этом он рассчитывал на поддержку вооруженных формирований «Ливанского фронта» (блок право-христианских партий). Затем он планировал установить в Ливане «сильное» правительство из представителей христиан, которое подписало бы с Израилем мирный договор.

Для достижения этих целей министр обороны собирался бросить на Ливан 1200 танков и, по меньшей мере, четыре дивизии. Причем одна должна была нанести удар на севере, чтобы блокировать сирийские войска в долине Бекаа, а другие — продвигаться к лагерям палестинских беженцев в Тире и Сайде под прикрытием авиации и военно-морского флота.

Свои замыслы Шарон изложил Эйтану. Вдвоем они сумели убедить кабинет министров, что израильская военная политика должна основываться не на «превентивных ударах», как это было прежде, а на проведении «широкомасштабной операции».

Иерусалим, сентябрь 1981 г.

Кабинет министров одобрил предложения Шарона и Эйтана и принял на сей счет соответствующее секретное решение.

После этого Генштаб приступил к детальной разработке плана нападения, которому министр обороны сам придумал кодовое название — операция «Ораним» (в переводе с иврита — «Кедры»). Впрочем, в Генштабе эту операцию чаще называли «Большой проект».

Вашингтон, сентябрь 1981 г.

Шарон понимал, что для проведения операции в Ливане необходима не только поддержка США, но и гарантия того, что они не будут мешать вторжению. Поэтому он и премьер-министр Бегин отправились за океан.

Там они встретились с госсекретарем США Александром Хейгом и изложили в общих чертах свои замыслы о возможном военном вмешательстве в Ливане. Это был не просто предварительный зондаж, а попытка израильско-

го руководства сделать США своим партнером в случае нападения на северного соседа.

Как и следовало ожидать, реакция оказалась положительной. Хейг предложил Бегину заключить соглашение о «стратегическом сотрудничестве». Премьер-министр сразу же сообразил, что этот документ обеспечит «политическое прикрытие» в случае вторжения в Ливан.

Иерусалим, 4 ноября 1981 г.

Став министром обороны, Шарон часто встречался с послом США в Израиле Самюэлем Льюисом, с которым у него сложились доверительные отношения. В этот день на встрече за стаканчиком виски Шарон, как бы между прочим, сообщил:

— Ситуация в Ливане опасная... Террористы постоянно нарушают соглашение о прекращении огня. Мы больше не можем этого терпеть...

Иерусалим, 15 ноября 1981 г.

В Израиль прибыл специальный посланник президента США на Ближнем Востоке Филип Хабиб. Во время беседы израильский министр иностранных дел Ицхак Шамир пожаловался:

— Нам трудно не реагировать на вылазки палестинских террористов. Сколько времени мы можем не отвечать?

— До тех пор, пока над вашей безопасностью не нависнет прямая угроза, — ответил американский дипломат. — Надо выждать, чтобы потом уничтожить врагов.

Шарон же, принимая Хабиба, был прям:

— Необходима крупномасштабная операция. Только так можно обеспечить безопасность наших границ и покончить с террористами.

— Вы собираетесь осуществить акцию лишь против палестинцев?

— Не только... — ответил Шарон.

Вернувшись в США, Хабиб доложил об этом своему шефу.

Иерусалим, 20 декабря 1981 г.

В конце ноября Бегин должен был вылететь в Вашингтон для подписания меморандума о «стратегическом сотрудничестве». Но произошло непредвиденное: принимая душ, он поскользнулся и сломал бедро. За океан отправился Шарон.

14 декабря премьер-министр покинул госпиталь. Утром 15-го он пригласил к себе домой министра обороны и министра иностранных дел. Он принял их в спальне, лежа в постели.

— Я решил аннексировать Голанские высоты, — объявил он. — Свое решение я намерен вынести на обсуждение кнессета.

Парламент большинством голосов одобрил предложение премьера.

США в ответ приостановили действие меморандума о «стратегическом сотрудничестве». Судя по всему, Белый дом решил показать мировой общественности, что администрация недовольна действиями израильских политиков.

20 декабря Бегин пригласил к себе американского посла Льюиса. Он встретил его в пижаме и домашнем халате, сидя в кресле-каталке. Подле него находились Шарон и Шамир. Премьер-министр выразил послу свое недовольство решением Белого дома. Льюис молча выслушал и пообещал довести до сведения Госдепартамента содержание беседы.

Когда посол ушел, Бегин произнес, глядя на закрывшуюся массивную дверь:

— Пусть не думают, что Израиль — банановая республика. Мы не вассалы США.

После ухода посла Шарон разложил перед премьер-министром оперативные карты и посвятил его в план операции «Ораним». Тот, к удивлению Шарона, вдруг заявил, что сейчас самый благоприятный момент для вторжения.

— В качестве предложения, — сказал он, — можно использовать активность сирийских войск в районе Голанских высот.

Иерусалим, 12 января 1982 г.

Ни в этот день, ни на следующий средства массовой информации стран Ближнего Востока не передали никаких сообщений об одном весьма знаменательном визите в Ливан.

Для израильтян все казалось вполне обыденным: на заседании кнессета продолжалось обсуждение вопроса о передаче Египту населенных пунктов Ямит и Шарм аш-Шейх, которые Израиль, в соответствии с договором, должен был освободить к концу апреля 1982 г. Премьер-министр Бегин сидел не на своем обычном месте, а в кресле-каталке. Он все еще испытывал боль после недавнего падения в ванной комнате. Одной рукой он подпирал подбородок, другой поглаживал плохо сраставшееся бедро. Казалось, он внимательно слушал ораторов. Но в действительности его мысли были далеки от зала заседаний, и думал он о... Шароне, кресло которого пустовало.

Весь этот день Шарон провел, запершись в своем кабинете, расположенном на третьем этаже кнессета. Он сидел за письменным столом, заваленным бумагами, и задумчиво смотрел в окно. Когда опустились сумерки, и на улицах Иерусалима зажглись огни, Шарон позвонил по телефону домой в Тель-Авив и предупредил жену Лили — единственного человека, которого он посвящал в свои самые сокровенные тайны, — что будет отсутствовать два-три дня. Затем отдал указание секретарше отвечать всем, кто будет его спрашивать, что министр обороны уехал инспектировать войска.

Окрестности Тель-Авива, 12 января 1982 г.

В тот же час на военном аэродроме вблизи Тель-Авива собралась группа людей, одетых в штатское. Заместитель начальника Генерального штаба Моше Леви, дивизи-

сионный генерал Абрахам Тамир, командующий десантной бригадой Амос Ярон, начальник оперативного отдела Генштаба Ури Саги, его однофамилец — шеф военной разведки, представители секретной службы «Моссад» и сил внутренней безопасности.

Вскоре приземлился военный вертолет, доставивший из Иерусалима министра обороны и его адъютанта Одеда Шамира. Бодрой походкой Шарон направился к ожидавшей его группе. Затем, соблюдая субординацию, собравшиеся один за другим поднялись на борт огромного вертолета «Ясур-4». Пассажиры поудобнее устроились в креслах и застегнули пристежные ремни. Вертолет медленно, словно нехотя, поднялся и взял курс на... Ливан.

Во время полета Шарон, не отрываясь, смотрел в иллюминатор. Он думал о том, что все складывается как нельзя лучше. Месяц назад они решили с премьер-министром, что настало время посвятить в планы операции «Ораним» своих давних союзников — христиан. Они хотели определить, каким будет их участие в намечавшейся военной операции, которая должна разрубить ливанский узел проблем. Сотрудники «Моссад» сообщили командующему «Ливанскими силами» (вооруженные формирования «Ливанского фронта») Баширу Жмайелю, что вскоре придет «важная персона»...

Джунья, 12 января 1982 г.

Вертолет повернул на Восток и вскоре приземлился на специальной площадке в Джунии неподалеку от электростанции.

— Я знал, что придете именно вы, — приветствуя Шарона, сказал Башир Жмайел, надевший по случаю прибытия «важной персоны» парадную униформу фалангистов. — Мы ждали вас с нетерпением.

Министр обороны и командующий «Ливанскими силами» горячо обнялись. Жмайел представил израильтянам своих соратников: начальника штаба вооруженных

формирований партии «Катаиб» («Ливанские фаланги» — ведущая партия «Ливанского фронта», основанная в 1936 г.) Фади Фрема, начальника службы безопасности Заки Бустани, политического советника Жана Надера. После обмена рукопожатиями встречавшие и прибывшие направились к ожидавшим их машинам.

Кортеж тронулся. Башир сам вел «БМВ-734», в котором сидел Шарон, окруженный телохранителями. Вскоре машины остановились около кирпичного строения, где уже несколько лет осуществлялись тайные контакты между израильянами и фалангистами.

Башир пригласил гостей поужинать. Стол был изысканным: обилие восточных блюд, множество салатов, шашлыки, сладости и различные сорта сыра, специально доставленные из Парижа и Амстердама. Словом, на приготовления не пожалели ни сил, ни денег.

Поднимая первый тост, Башир поблагодарил министра обороны за визит и передал привет от своего отца — Пьера Жмайеля (основатель партии «Катаиб», умер осенью 1984 г.), а также от другого правохристианского лидера, бывшего президента Камиля Шамуна. Он восторгался генералом Шароном, восхищался его талантом как военного, так и политического деятеля, а также его позицией в отношении сотрудничества между ливанскими христианами и Израилем.

— Наступил решающий час, — патетически закончил Жмайел. — Поэтому мы должны бороться вместе. Ваша страна — это наша последняя надежда. Мы надеемся, что ваш визит послужит укреплению взаимопонимания и дальнейшему продуктивному сотрудничеству.

Шарон поблагодарил за гостеприимство и тут же перешел к делу. Тонем, не терпящим возражений, он изложил некоторые свои мысли, касающиеся стратегии Израиля в Ливане. Он говорил о том, что предпочитает политическое решение проблем, с которыми столкнулись ли-

ванские христиане. Однако тут же намекнул, что ситуация может сложиться так, что в ближайшем будущем, например, в начале лета, Израиль изменит положение, уничтожив инфраструктуру террористических организаций.

— Когда израильская армия двинется вперед, — говорил он, — террористы получат куда более сильный удар, чем во время операции «Литани». Мы вырвем их с корнем, как больной зуб. Они больше никогда не появятся в Ливане.

Шарон подчеркнул, что прибыл не для того, чтобы «поставить последнюю точку в совместной операции», а для того, «чтобы точно знать, каковы цели христиан и как они намерены их добиваться, если израильская армия начнет вторжение и приблизится к Бейруту». Он предупредил, что израильские войска не войдут в город, поскольку в Иерусалиме понимают возможные последствия захвата арабской столицы.

— Цель моего визита, — закончил Шарон, — определить формы сотрудничества, которое мы хотели бы расширить в самое короткое время, так как рассматриваем его составной частью наших тактических планов. Мы — братья по оружию и у нас общие интересы. Мы окажем вам широкую поддержку, обучим ваших людей, поможем оружием и деньгами.

— Впервые представители вашей страны столь откровенно высказали свое мнение, — произнес Жмайел.

Время близилось к полуночи, но израильскую делегацию ждала насыщенная программа. Жмайел пригласил Шарона и его спутников сесть в машины, и колонна отправилась из Джунии в Восточный Бейрут.

Вскоре колонна миновала мост, разделявший район Джунии и ливанскую столицу, повернула направо и остановилась на несколько минут у контрольно-пропускного пункта фалангистов. После короткого объяснения, данного Жмайелем начальнику патруля, машины двинулись

дальше по шоссе вдоль бейрутского порта и остановились у «зеленой линии», разделявшей ливанскую столицу на восточную и западную части.

Министр обороны с любопытством рассматривал полуразрушенные жилые кварталы, которые в скором времени должны были стать районами боевых действий. Под утро, изможденные переездами, израильтяне вернулись в Джунию. Все буквально валились с ног от усталости.

Джунья, 13 января 1982 г.

После короткого отдыха вся группа в сопровождении Жмайеля отправилась в Бейрут во второй раз. Шарон объехал наблюдательные пункты фалангистов. Сначала он поднялся на крышу самого высокого здания в Ашрафии. Отсюда, как на ладони, была видна сеть главных и второстепенных транспортных артерий.

Западная часть Бейрута находилась в руках сирийцев, вооруженных формирований левых организаций и палестинцев. Восточная — в руках христиан. На окраинах закрепились мусульманские вооруженные отряды. Ливанская армия удерживала очень небольшую часть города — район президентского дворца в Баабде, символ суверенитета государства.

Рассматривая в бинокль ливанскую столицу, Шарон все больше убеждался в необходимости войти сюда, вмешаться в ситуацию и установить в стране новый порядок.

На другом наблюдательном пункте, глядя через окуляры на окутанный утренним туманом бейрутский аэропорт, Шарон неожиданно повернулся к Жмайелю, и откровенно сказал ему:

— Я не хочу вдаваться в подробности моих планов, потому что они еще полностью не готовы и говорить о них пока рано. Но в одном я уверен твердо: мы не остановимся у Литани. Мы пойдем дальше на север, к Бейруту. Город будет блокирован, и вы сможете освободить столицу от террористов и их союзников.

Он задумался на мгновение, затем, уточняя свою мысль, добавил:

— У нас пока нет каких-либо точно определенных намерений в отношении Сирии. Однако если палестинцам будет нанесено поражение, и вы воспользуетесь этим историческим моментом, чтобы занять Западный Бейрут, то тем самым будет создана почва для проведения свободных выборов. Результатом этого может стать вывод сирийских войск из Ливана, в чем, кстати, весьма заинтересован Вашингтон. В любом случае после ухода сирийцев вы сможете создать собственное свободное государство. Оно станет вашим!

Жмайел кивнул головой в знак согласия, однако заметил:

— Вы правы, Ариэль, мы действительно нуждаемся в подобной операции. Но я уверен, что мы не сможем осуществить ее без вмешательства израильской армии.

Реакция Шарона на его слова была уклончивой:

— Это ваша проблема. Мы поможем вам с воздуха, моря и суши. Что же касается Бейрута, то мы войдем в него только в том случае, если вам будет грозить опасность...

Министр обороны многозначительно посмотрел на собеседника. Башир понял все и без слов и не стал настаивать на конкретизации. Достаточно того, что Шарон в принципе готов войти в Бейрут.

В тот же день Жмайел повез израильтян в горный район Санин, который господствовал над международным шоссе Бейрут — Дамаск. Позднее Шарон скажет одному из своих спутников, что там, на горе Санин, у него окончательно исчезли сомнения относительно проведения операции «Ораним».

Визит к фалангистам закончился ужином в доме Башира Жмайеля в Ашрафии. Когда гости вошли, они увидели в гостиной двух лидеров «Ливанского фронта» — Пьера Жмайеля и Камиля Шамуна.

Провозглашая тост, Жмайел-отец поблагодарил Шарона за визит и усилия, которые он прилагает для спасения христиан.

— Мы никогда не забудем этого, — сказал он. — Положение стало критическим. Мы видим спасение только в сотрудничестве с Израилем.

Наступила очередь говорить Шарону. Передав привет от премьер-министра Бегина, он коротко изложил содержание бесед со Жмайелем-младшим. Он повторил, что у христиан вскоре появится возможность овладеть Бейрутом, изгнать палестинцев и сирийцев, а затем провести свободные выборы. Шарон снова намекнул, что положение может измениться уже летом этого года.

После ужина израильтян отвезли в Джунию. Они сели в вертолет и тут же погрузились в сон.

Поздно ночью Шарон позвонил одному из своих друзей:

— Я связал христиан по рукам и ногам. Теперь можно начинать. Я заставлю Башира работать на нас...

Накура (Южный Ливан), 20 января 1982 г.

Командование силами ООН в Ливане зафиксировало, что Израиль сосредоточил на ливанской границе большое количество танков. Это было вопиющим нарушением соглашения о прекращении огня, заключенного между израильтянами и палестинцами 25 июля 1981 г.

Вскоре израильские части, как указывалось в докладе командования «голубых касок», начали маневры явно провокационного характера, стремясь вызвать огонь по населенным пунктам Израиля. Отряды Организации освобождения Палестины (ООП) не ответили...

Иерусалим, 12 февраля 1982 г.

Подготовка к вторжению в Ливан шла полным ходом...

Между тем в Вашингтоне вдруг решили сделать финт, рассчитанный на общественное мнение. Там решили продемонстрировать «нажим» на Израиль, чтобы отговорить

его от вторжения в Ливан, о котором в Иерусалиме говорили уже открыто.

Посол Льюис встретился с заместителем генерального директора израильского МИДа Ханааном Бароном и сообщил ему, что, по имеющимся у американцев данным, Израиль намерен осуществить военную операцию против Ливана. Он выразил надежду, что эти сведения «не имеют под собой оснований», но если он ошибается, то «в американо-израильских отношениях может возникнуть кризис».

Барон доложил премьер-министру о беседе с Льюисом. Ответ Бегина американскому послу был краток:

— Мы просим не угрожать нам.

Через некоторое время в Израиль прибыла американская делегация во главе с первым астронавтом Джоном Гленном, ставшим сенатором, чтобы изучить ситуацию на месте.

Во время беседы с министром обороны он прямо спросил:

— Не намеревается ли Израиль вторгнуться в Ливан?

— У нас никогда не было подобной мысли, — не моргнув глазом, солгал Шарон, но на всякий случай добавил: — Конечно, у нас есть некоторые проекты... Мы уже говорили о них с Хейгом, Хабибом и Льюисом.

— Вступите ли вы в Ливан в случае террористической акции палестинцев в Европе? — поинтересовался бывший астронавт.

— В Европе уже случались подобные акции. Однако мы не реагировали, — ушел от прямого ответа Шарон.

В Израиле не придали значения американскому «нажиму». Во всяком случае Шарон расценил его лишь как дипломатический маневр, призванный выгородить США в глазах общественного мнения.

Вашингтон, 25 февраля 1982 г.

Новый посол Израиля в США Моше Аренс заявил журналистам, что вторжение в Ливан в ответ на провока-

ционные действия со стороны ООП становится все более вероятным.

— Я почти готов сказать, — подчеркнул он, — что это лишь вопрос времени...

Иерусалим, 4 апреля 1982 г.

В Париже совершено покушение на сотрудника израильского посольства Якова Бар-Симантова.

Премьер-министр срочно созвал кабинет. Министры одобрили резолюцию, в которой говорилось, что «в случае повторения подобных акций будут приняты ответные меры».

Война приближалась...

Иерусалим, 21 апреля 1982 г.

На юге Ливана на mine подорвался израильский военный джип. Офицер и шофер погибли. Бегин отдал приказ совершить воздушный рейд. Авиация нанесла ракетно-бомбовый удар по трем лагерям палестинских беженцев.

Американцы не прореагировали...

Иерусалим, 14 мая 1982 г.

Израильская газета «Едиот ахронот» опубликовала заявление начальника Генштаба Рафаэля Эйтана.

— Раз уж я создал военную машину стоимостью в миллиарды долларов, я должен ее использовать. Вполне возможно, что завтра я буду в Бейруте...

Иерусалим, 16 мая 1982 г.

На заседании кабинета министров обсуждается единственный вопрос: претворение в жизнь операции «Ораним». Бегин выглядит уставшим, лицо страдальческое, поскольку дает знать о себе плохо сросшееся бедро.

Министры молчат. Говорит только Шарон. Он требует принятия решения и добивается своего.

Отныне в случае нарушения соглашения о прекращении огня, заключенного между израильтянами и палестинцами, Израиль приступает к осуществлению операции «Ораним».

В тот же день это решение было доведено до сведения американской администрации. В письме к президенту Рональду Рейгану Бегин подчеркнул, что «если в результате террористического акта будет убит или ранен хотя бы один еврей, ЦАХАЛ (Армия обороны Израиля) войдет в Ливан, чтобы раз и навсегда уничтожить палестинские базы».

Вашингтон, 19 мая 1982 г.

Шарон считает, что настало время действовать и вылетает в США. Официально он отправился за океан для участия в конференции Ассоциации американских евреев. В действительности он получил письмо от госсекретаря Хейга. Тот писал, что «вместе с министром обороны Каспаром Уайнбергером хотели бы видеть г-на Шарона в Вашингтоне, чтобы обсудить дальнейшее претворение в жизнь меморандума о «стратегическом сотрудничестве» и решить вопрос о будущих поставках оружия».

Между Уайнбергером и Шароном не было дружеских отношений, поэтому их встреча была короткой. Шарон проинформировал американского коллегу о решении кабинета начать вторжение в Ливан и объяснил причины.

Выслушав, министр обороны США дал вполне определенный ответ:

— Вопрос о вторжении вы должны обсудить с государственным секретарем. Мы с вами можем рассмотреть практическую сторону. Например, какую военную помощь мы можем вам оказать...

Вашингтон, 25 мая 1982 г.

Шарон снова в Вашингтоне. Он прибыл туда для встречи с госсекретарем Хейгом.

С американской стороны присутствовали: посол США в Израиле Льюис, специальный посланник президента на Ближнем Востоке Хабиб, высокопоставленные чиновники Пентагона и ЦРУ.

Израильскую сторону представляли: посол в США Моше Аренс, дивизионный генерал Тамир, начальник во-

енной разведки Егошуа Саги и адъютант Шарона майор Оded Шамир.

Окна кабинета Хейга, где проходила встреча, были плотно прикрыты тяжелыми шторами. В углу громоздился огромный двухтумбовый стол с массивным письменным прибором из серого мрамора. Рядом, на специальной подставке, возвышался развернутый звездно-полосатый флаг. Высокая настольная лампа с темно-зеленым абажуром излучала неяркий свет, создавая атмосферу интимности и доверия. Со стены на собеседников смотрел президент Рейган. Он улыбался натренированной голливудской улыбкой и махал ковбойской широкополой шляпой.

Одетый в серый двубортный костюм, Хейг прохаживался по кабинету, изредка поглядывая на Шарона. Они уже давно испытывали симпатию друг к другу. Оба были генералы в отставке, которых судьба поставила на ключевые посты в правительствах. Правда, Шарон считал, что американские генералы, с которыми он встречался, равным счетом ничего не смыслят.

— Когда в последний раз они участвовали в боевых действиях? — любил задавать он риторический вопрос и добавлял: — У каждого нашего командира батальона опыта больше, чем у пентагоновского генерала...

С трудом втиснув в мягкое кожаное кресло свое грузное тело, Шарон подробно рассказал шефу американской дипломатии о напряженном положении на израильско-ливанской границе и намерении правительства очистить Ливан от палестинских террористов. Чтобы упредить возможную негативную реакцию Хейга, он сообщил, что на одном из последних заседаний кабинета министров уже принято решение о вторжении в Ливан.

— Таким образом, наши войска уничтожат военную и политическую инфраструктуру ООП, и мы избавимся от нее на долгие годы, — последние слова Шарон подчеркнул энергичным взмахом руки.

— Нам понятны ваши цели, — живо отозвался Хейг. — Мы не раз говорили об этом с премьер-министром Бегином. Как ваши союзники мы не можем заставить вас отказаться от защиты своих интересов, но...

— Ни одна страна не вправе рекомендовать другой, как наилучшим образом обеспечить защиту своих граждан, — резко перебил Шарон, которого насторожило это «но».

Хабиб, желая сгладить неловкость, поспешно вставил:

— Я вскоре прибуду в Израиль. Так что в случае необходимости можно будет продолжить обмен мнениями.

Он поправил тяжелые затемненные очки, оседлавшие крупный нос, и с улыбкой посмотрел на Шарона.

— Когда вы намерены прибыть? — поинтересовался тот, глядя в упор на специального посланника, и тут же добавил: — Торопитесь! Военные действия могут начаться в любой момент, даже сейчас, во время нашей беседы...

— Каковы масштабы будущей операции? — с непроницаемым лицом спросил Хейг.

— Мы понимаем ваше беспокойство, — усмехнулся Шарон. — Я не думаю, что речь идет о крупной военной операции. Мы попытаемся, по возможности, ограничить ее. Разумеется, не в ущерб эффективности.

— Но при этом следует помнить об одной вещи... — Хейг все же решил высказать свою мысль до конца: — Как оправдать вторжение?

— То есть, каким должен быть предлог? — прямо спросил Шарон.

Хейг на мгновение задумался, потом, словно размышляя вслух, ответил:

— Я думаю, что наилучшим предложением для вашей операции могла бы стать смерть какого-нибудь израильтянина...

При этих словах Шарон едва не подпрыгнул вместе с креслом: ему стало ясно, что американцы дали «зеленый свет» вторжению. А Хейг между тем продолжал:

— Без подобного инцидента ваше нападение не будет ни понято, ни принято на международной арене. Короче, нужно найти достаточно веские основания, чтобы стало понятно, что ваши действия спровоцированы. — Он помолчал, потом заключил: — Как и вы, мы хотим видеть в Бейруте правительство, которое станет союзником Израиля. Мы также желаем, чтобы ООП покинула Ливан...

После этих слов Шарон окончательно убедился, что администрация США откровенно рекомендует израильскому правительству позаботиться о предлоге для развязывания новой войны.

Хейг после ухода израильской делегации сказал своим приближенным:

— Нельзя приготовить омлет, не разбив яйца...

Лондон, 3 июня 1982 г.

В Британской столице совершено покушение на израильского посла Шломо Аргова. Выходя после банкета из лондонского отеля «Дорчестер», он был ранен в голову выстрелом террориста.

Бегин узнал о покушении утром 4 июня. Он тотчас созвал экстренное заседание кабинета. Начальник Генштаба Эйтан предложил министрам подвергнуть бомбардировке девять объектов в Бейруте и семь — в Южном Ливане.

Мнения разделились...

В конце концов было принято решение нанести удар по трем объектам на юге и двум в ливанской столице.

Шарон с женой и детьми находился в это время с частным визитом Румынии.

Иерусалим, 5 июня 1982 г.

Проведенные накануне кровавые бомбардировки Бейрута и Южного Ливана вызвали (чего и добивались Бегин с Шароном) ответный обстрел палестинцами северных территорий Израиля.

Бегин вновь созвал кабинет. Превозмогая боль в бедре, он встал с кресла-каталки и, опираясь на трость, произнес с надрывом:

— Я сделал все, что мог, для предотвращения войны. Но, видно, наша судьба — постоянная борьба за выживание. — Он помолчал, оглядел министров лихорадочно блестящими глазами, и почти прокричал: — Настал час борьбы! Весь мир должен знать и помнить, что еврейский народ, как никакая другая нация, имеет право на самооборону!

Министры поняли, что возражать бесполезно и зааплодировали в знак одобрения операции в Ливане.

Поздно вечером премьер-министр потребовал от начальника Генштаба все карты и документы, относящиеся к операции «Ораним». Он зачеркнул черным фломастером старое кодовое название и написал новое — «Мир Галилее». Он приказал довести до каждого солдата и офицера это название, чтобы они поняли, за что сражаются...

Вторжение

6 июня 1982 г. в 11.00 подразделения ЦАХАЛа перешли ливанскую границу, протянувшуюся на 98 км. Операция «Мир Галилее» началась...

К моменту нападения на Ливан численность израильской армии была доведена до 400 тыс. человек. В распоряжении Ариэля Шарона и Рафаэля Эйтана — 3,5 тыс. танков, 4 тыс. бронетранспортеров, около 1 тыс. артиллерийских орудий и свыше 600 новейших боевых самолетов. Непосредственно в операции предполагалось задействовать более 100 тыс. солдат и офицеров.

Против кого сосредоточивалась столь внушительная армада?

Против 6 тыс. бойцов Палестинского движения сопротивления (ПДС) в южных районах Ливана, 8 тыс. палестинцев и 3 тыс. бойцов из ливанских Национально-патриотических сил (НПС), защищавших подступы к Бейруту. И, наконец, против полутора тысяч сирийских военнослужащих, размещенных в Бейруте и вокруг него.

Вторжение шло на западном и восточном участках фронта. На западном участке фронта — вдоль приморского шоссе. Здесь израильским войскам была поставлена задача захватить город Тир, а затем — второй по величине ливанский город Сайду. На центральном участке израильтяне наступали на город Набатия с целью захватить крепость Шато де Бофор. На восточном участке — в предгорьях горы Хермон; атака развивалась в направлении города Хасбайя.

С первых часов вторжения израильское командование придерживалось тактики «выжженной земли». Прежде чем атаковать тот или иной рубеж, израильтяне подвергали его массированному артиллерийскому обстрелу, бомбардировке с воздуха. Только затем вступала в бой моторизованная пехота.

6 июня. Спустя два часа после начала военных действий передовые части, которыми командует бригадный генерал Ицхак Мордехай, обогнув Тир, преодолевают реку Литани и устремляются на север в направлении Сайды.

7 июня. На рассвете десантные корабли израильских ВМС высаживают с моря танковый и пехотный десант к северу от Сайды. Эти силы под командованием бригадного генерала Амоса Ярона отрезают палестинцев с севера и, блокировав пути отступления к Бейруту, продолжают атаковать вдоль приморского шоссе в направлении населенного пункта Даммур.

В тот же день группировка под командованием бригадного генерала Авигдора Кахалани, действующая на центральном участке фронта, овладевают крепостью Шато де Бофор. Повернув затем на запад, они захватывают город Набатию и выходят к морю. В результате все силы палестинцев на западном участке фронта оказываются в окружении.

8 июня. В то время как на западном и центральном участках фронта идет «зачистка» захваченных террито-

рий, продолжается наступление на восточном направлении. Здесь продвижение израильских войск пытаются остановить бойцы ПДС и подразделения сирийской армии, дислоцированные к северу от города Хасбайя. Одновременно сирийцы, занимающие позиции на центральном участке фронта в районе города Джебзин, атакуют израильтян, пытаясь отбросить их назад.

Вступление сирийского экспедиционного корпуса в боевые действия приводит к незамедлительной реакции.

9 июня. На рассвете израильская авиация наносит удар по сирийской системе противовоздушной обороны в Ливане. Все их зенитно-ракетные комплексы (САМ-6) уничтожены.

Когда стало ясно, что израильские войска обретают полную свободу действий в воздухе, сирийцы поднимают свою авиацию. Однако несут ощутимые потери — около 100 боевых самолетов. Но боевой дух сирийцев не сломен, и они продолжают сражаться против бронетанковых частей.

11–12 июня. Сирия заключает с Израилем соглашение о прекращении огня.

К этому времени войска под командованием Ярона занимают Даммур. Затем они прорывают последнюю линию обороны палестинцев на пути к Бейруту и, подойдя к окрестностям ливанской столицы, перерезают в районе Баабда, где расположен президентский дворец, шоссе Бейрут — Дамаск. Соединившись с вооруженными формированиями христиан, израильтяне окружили столицу. Первый этап войны завершен. Началась трехмесячная блокада и осада Бейрута...

24 июня. Государственный секретарь США Александр Хейг принял в Вашингтоне израильского посла Моше Аренса. Едва началась беседа, секретарь Хейга сообщил, что звонит министр иностранных дел Франции Клод Шейсон. Хейг вышел и через некоторое время вернулся.

— Шейсон в панике, — сообщил он. — Если Израиль войдет в Бейрут, это будет конец всему.

Он помолчал немного и добавил:

— Моя последняя встреча с президентом прошла плохо. Вы должны понять, что если ваша армия войдет в Бейрут, я должен буду подать в отставку.

Аренс поклялся, что он ничего не знает о планах министра обороны.

— Информировать меня прежде, чем начать операцию.

Несколько часов спустя Хейг ушел в отставку. Рейган принял ее с «глубоким сожалением». Госсекретарем был назначен Джордж Шульц...

Со дня вторжения прошел месяц. В Израиле начали понимать, что шестая война против арабов затягивается.

8 июля. Израиль провел дополнительную мобилизацию резервистов. Пять кораблей 6-го флота США, включая вертолетоносец с 1800 морскими пехотинцами на борту, сосредоточились у побережья Ливана. Они готовы в течение нескольких часов после приказа начать высадку десанта и боевой техники.

Израильская артиллерия продолжает массированный обстрел Западного Бейрута, где находятся укрепленные позиции палестинцев. Израильтяне применяют фосфорные, шариковые и кассетные бомбы, которые сеют смерть среди гражданского населения.

10 июля. Ариель Шарон встретился с Баширом Жмайелем. Он предложил ему проникнуть в Западный Бейрут, поскольку в Израиле решили, что для христиан настало время сыграть свою роль в операции «Мир Галилее». Башир от прямого ответа уклонился.

— Решение проблемы Бейрута назрело, — сказал он. — Мы имеем опыт заключения с палестинцами соглашений о прекращении огня. Но это не решение...

Он выдвинул еще ряд аргументов, почему ЦАХАЛ должен захватить Западный Бейрут.

— Если взорвать и разрушить лагерь палестинских беженцев в Западном Бейруте, — подчеркнул он, — то мусульмане, проживающие на северо-востоке города, не будут огорчены этим. А некоторые будут сотрудничать с нами.

Присутствовавший на встрече Рафаэл Эйтан гарантировал Баширу, что Израиль не оставит его. Он пообещал прислать ему триста своих солдат, обеспечить воздушной и артиллерийской поддержкой.

Жмайел попросил у Эйтана две тысячи автоматов. Генерал согласился, сказав:

— Рассчитаемся после войны.

11 июля. Бомбардировка и обстрелы Бейрута продолжались 18 часов подряд. Израильтяне снова предпринимали попытки продвинуться вперед.

Особенно сильно обстреливались улицы, прилегающие к аэропорту. Несколько снарядов попало в здание, рвались они и на взлетно-посадочных полосах. Повреждены многие самолеты ливанской авиакомпании «Мидл ист».

Когда израильтяне заняли здание аэропорта, началось разграбление имущества. Солдаты брали все, что нравилось. Офицеры организовали вывоз самого современного компьютерного оборудования. Двое из них сели в стоявший на поле легкий самолет и угнали его в Израиль.

За день по городу было выпущено около 100 тыс. снарядов и ракет. Лишь поздно вечером было объявлено об очередном соглашении о прекращении огня.

Бейрутские газеты назвали этот день «адам». Но ни слова, ни фотографии не в силах передать того, что видели и пережили жители города.

19 июля. Прибывший в Ливан специальный посланник американского президента Филип Хабиб встретился с Ариелем Шароном. Министр обороны приехал в плохом настроении, поскольку израильская общественность начала выражать недовольство затянувшейся войной и во всем обвиняла главу военного ведомства.

27 июля. Весь день авиация и военные корабли вели методичный обстрел различных районов Западного Бейрута. По предварительным данным, погибли 203 и получили ранения 297 человек.

Премьер-министр Израиля Менахем Бегин пригрозил: — Мы готовы убить 10 ливанцев, если при этом будет уничтожен хотя бы один вооруженный палестинец.

Из репортажа для «Литературной газеты»:

«...Утром решил проехать по городу. Улица Мазраа вся в воронках и выбоинах. Через каждые 100–200 метров — песчаные насыпи. Приходится часто тормозить, иногда останавливаться, чтобы пропустить встречную автомашину.

Такая же картина на Рауше, на Мар-Ильяс. То там, то здесь замечаю врытые в землю минометы, замаскированные зенитные установки. Повсюду следы израильских налетов: разрушенные дома, мертвые глазницы окон, испещренные осколками стены с рваными проломами в них.

Вспомнились передачи израильского радио, которое изо дня в день трезвонит о том, что-де западный Бейрут доживает последние дни, а среди Палестинского движения сопротивления и ливанских национально-патриотических сил разброд и хаос. Как всегда, Тель-Авив выдает желаемое за действительное.

Да, в городе ощущаются трудности, вызванные войной. Но жители не пасуют перед ними. Так, после очередного артобстрела появилась бригада электромонтеров и быстро восстановила линию. Такие восстановительные работы ведутся во многих районах западной части столицы.

Еще я заметил, что люди перестали бояться. Это проявляется хотя бы в том, что при появлении израильских самолетов они не торопятся спуститься в подвалы, чтобы переждать бомбежку, а стоят в подъездах и наблюдают

за действиями зенитчиков. Никакой суеты, никакой паники.

Я ехал по улице патриарха Барсума, когда услышал отдаленные взрывы. По привычке посмотрел на часы: 16.15. Со стороны улицы Мазраа и набережной доносились зенитные очереди. Вдруг на фоне голубого неба появились четыре белых треугольника. Это израильские самолеты выходили из пике, оставляя позади тепловые шары — ловушки против ракет. Затем раздались взрывы.

Возвратившись в корпункт, начал писать репортаж. Стемнело... Попробовал включить настольную лампу — увы, израильцы отключили линию.

Впрочем, в этот вечер можно было обойтись без света. Израильские самолеты забросали западный Бейрут светящимися снарядами, которые медленно опускаются на парашютах и в течение 5–7 минут излучают яркий свет.

Ночью вновь возобновилась артиллерийская дуэль...»

28 июля. С раннего утра возобновились бомбардировки и артиллерийские налеты. Они продолжались 13 часов. «Вакханалия огня и смерти бушует в Бейруте», — констатировала местная газета «Орьян-Жур».

В 22.45 вступило в действие седьмое за время войны соглашение о прекращении огня.

29 июля. В Израиле разразился громкий скандал. 32-летний полковник Эли Геза, которого называли «будущей звездой Генерального штаба», потребовал освободить его от командования танковой бригадой, осаждавшей Западный Бейрут. Он написал в рапорте, что «его совесть и убеждения не позволяют ему выполнять миссию, в которую он не верит».

Специальный посланник американского президента Хабиб пытается добиться от палестинцев обязательства покинуть Ливан. Бегин угрожает:

— В случае провала миссии Хабиба, мы сами позаботимся о том, чтобы вопрос о присутствии палестинцев в Бейруте и Ливане был снят с повестки дня.

30 июля. В 17.20, нарушив соглашение о прекращении огня, артиллерия и корабли Израиля начали интенсивный обстрел южных окраин столицы.

В 19.45 в небе появились израильские бомбардировщики, которые нанесли первый ракетно-бомбовый удар по жилым кварталам Западного Бейрута.

Четыре часа продолжался обстрел с моря и суши. 150 человек убиты и ранены.

В 21.30 достигнуто восьмое соглашение о прекращении огня.

31 июля. С утра наблюдалось относительное затишье. Министр обороны Шарон заявил, что его войска «наносят удары только по позициям противника».

Из репортажа для «Литературной газеты»:

«Первый день месяца и 59-й день войны для жителей Западного Бейрута, стиснутого кольцом блокады, начался с канонады. В 3 часа 20 минут, нарушив 8-е соглашение о прекращении огня, дальнобойная артиллерия Израиля и его военные корабли обрушили крупнокалиберные снаряды на южные и юго-восточные окраины ливанской столицы, где находились позиции защитников.

Разбуженный взрывами, я выбежал на балкон своей временной квартиры, расположенной на 7-м этаже советского культурного центра. Снаряды ложились почти в линию, образуя огненный вал, который, как волна, накатывался на позиции бойцов Палестинского движения сопротивления и ливанских Национально-патриотических сил.

Обстрел продолжался минут 30, после чего артиллерия изменила направление огня, и гроздь снарядов посыпалась на жилые кварталы Западного Бейрута. Там же, где прокатился огненный вал, начался жестокий бой.

Позднее стало известно, что на этом направлении израильские танки и пехота несколько раз пробовали атаковать. Одновременно израильтяне пытались высадить морской десант в районе отеля «Саммерленд». Атаки агрессора захлебнулись...

Около 6.00 в небе появились «фантомы». Почти час они бомбили позиции защитников Бейрута. Затем авиацию сменила артиллерия, а самолеты принялись «обработывать» жилые кварталы.

Вскоре пришлось спуститься в подвальное помещение, где мы обычно пережидаем особенно свирепые арт-обстрелы и налеты израильской авиации.

Я добежал до второго этажа, когда неподалеку разорвались три или четыре ракеты. Взрыв был такой силы, что здание содрогнулось, на этажах со звоном посыпались выбитые взрывной волной стекла, кое-где сорвало с петель двери. Послышался рев низко летящих самолетов, сухой треск зениток. И снова взрывы...

На мгновение заложило уши, и я бросился вниз. Следом бежали еще несколько моих коллег. А летчики продолжали свою грязную работу.

Кто-то включил радио. Диктор перечислял названия районов и улиц, которые бомбили. Рамлет-аль-Бейда, Узаи, Бир-Хасан, Факхани, Сабра, Мазраа... Почти два месяца эти наименования не сходят со страниц ливанских газет, постоянно упоминаются в сообщениях телеграфных агентств. Похоже, что израильтяне намереваются стереть эти кварталы с лица земли.

В восемь утра неожиданно все стихло. Воспользовавшись паузой, я поднялся к себе в комнату. По улицам стелился смешанный с пылью дым. Если бы не его черный цвет и не горько-кислый запах гари, то можно было подумать, что над городом стелится утренний туман. На перекрестке улиц Верден и Мазраа, примерно в пятидесяти метрах от культурного центра, еще дымилась све-

жая воронка. Напротив — поваленный фонарный столб подмял букашку-“фольксваген”.

Снова раздались оглушительные разрывы, длинные очереди зениток, гул приближающихся самолетов. Пришлось спуститься вниз...

Шесть часов длится воздушный налет. Кажется, захватчики решили обрушить на израненный город, вернее — его западную часть, всю военную мощь. Время от времени включаю радио. Сообщения тревожные: израильские войска пытаются наступать, вводят новые подразделения, технику, но бойцы ПДС-НПС дают отпор агрессору. По данным бейрутского радио, в ходе боя они подбили 12 танков.

Только в 17.30, когда в силу вступило 9-е соглашение о прекращении огня, израильские самолеты и артиллерия прекратили обстрел жилых кварталов. Газета «Ас-Сафир» сообщила, что в 59-й день вторжения авиация Израиля совершила 210 налетов. На город было сброшено 185 тысяч ракет, бомб, мин и снарядов...»

3 августа. К ливанской столице переброшены подкрепления тяжелой артиллерии. На особых грузовиках подвезены контейнеры с зелеными этикетками боевых отравляющих газов.

4 августа. Командующий израильскими войсками, сосредоточенными в районе Бейрута, Амир Дрори пригрозил: если население не покинет столицу, то ему придется вынести на себе все связанные с этим последствия. То есть, расплачиваться своими жизнями.

Видя, что угрозы не действуют, израильцы начали штурм города...

Из репортажа для «Литературной газеты»:

«— Как прошла ночь? — спросил меня знакомый английский корреспондент, с которым мы встретились в оте-

ле «Комодор», где нашли пристанище многие представители западной прессы.

— Бомбили, — ответил я. — Сначала авиация, затем израильские военные корабли, а под утро за дело принялась тяжелая артиллерия. Спать пришлось в подвальном помещении. Как у вас?

— Всю ночь просидели в подвале. Израильцы обстреливали центр города. Несколько снарядов попало в «Комодор». А ведь этот отель считается безопасным местом.

Израильский налет, о котором мы говорили, начался ночью на 62-й день войны и продолжался 22 часа. Авиация, артиллерия и корабли обрушили огонь не только на позиции защитников западного Бейрута, но и на жилые кварталы ливанской столицы. В результате этого налета, как сообщили местные газеты, было убито и ранено свыше 300 человек, разрушено 9 госпиталей, превращены в руины сотни зданий. Во многих районах города всю ночь полыхали пожары...

Одновременно израильские войска попытались прорвать оборону на ряде участков фронта. Защитники города отбили все атаки противника, который потерял в ту ночь 21 танк, 18 бронетранспортеров и 100 человек убитыми и ранеными. Израильское военное командование поспешило заявить, что «эта атака на Бейрут была не последней...»

Действительно, 6 августа, нарушив 10-е соглашение о прекращении огня, израильские войска снова атаковали. Но опять понесли значительные потери: 165 убитых и раненных.

«Бейрут горел... — писали местные газеты. — Однако не вывесил белого флага перед израильскими захватчиками».

В тот же день самолеты нанесли три ракетно-бомбовых удара по центральным районам города. Сброшен-

ная ими новая вакуумная бомба американского производства попала в 7-этажный дом по улице Джорджа Асси. По официальным данным, количество жертв, погребенных под развалинами дома № 16, исчислялось сотнями.

Я побывал на этой улице. Еще издали услышал рев бульдозеров, растаскивающих куски бетона. И вот перед глазами то, что осталось от дома. Груды развалин, из-под которых торчат какие-то тряпки, обломки мебели, валяются детские игрушки. Чуть в стороне нелепо возвышается балкон, на котором до сих пор висит выстиранное белье. Но снять его некому...

Спасатели в красных касках кирками и ломачами пытаются разъединить скрученную арматуру. Вдруг бульдозер поддевает бетонную глыбу и наблюдавшие за работой люди видят изуродованные тела женщины и ребенка. Они мертвы. Из толпы вырывается крик:

— Бегин и Шарон! Будьте вы прокляты!

Я смотрел на стоявших рядом людей, на их скорбные лица и словно заново пережил то, что довелось испытать в последние дни. Даже 22-часовая бомбежка казалась мне сейчас ничем по сравнению с разрушенным 7-этажным домом. И совсем пустяком считал я теперь прямое попадание фосфорной бомбы в мою временную квартиру в советском культурном центре, в результате чего сгорела мебель и моя пишущая машинка.

А Израиль все сжимает кольцо блокады. С 24 июля город живет практически без воды и электричества. Остро ощущается нехватка продуктов питания и медикаментов.

Но город продолжает жить. Как вызов израильским агрессорам в одной из школ западной части столицы была организована выставка детского рисунка.

Вчера, в период относительного затишья, удалось побывать на боевых позициях в районах Харат-Хрейк и Метны. Командир участка Салех — по образованию учи-

тель географии. Но большую часть жизни он не снимает военную форму бойца Палестинского движения сопротивления.

— Помимо военных операций, — рассказал он, — израильские войска ведут против нас пропагандистскую войну. Они разбрасывают листовки, в которых предлагают сложить оружие. Через громкоговорители призывают сдаться, обещают сохранить жизнь. Мы тоже установили громкоговорители и объясняем израильским солдатам, что они ведут несправедливую войну, что дома их ждут жены и дети.

— Мы не потерпим палестинцев в Ливане, — угрожает Бегин.

— Я применю к Бейруту тактику "салями", — вторит премьеру Шарон.

На его солдатском жаргоне это означает — захват ливанской столицы по частям.

Однако Бейрут не склонил головы. "Он стойко держится, — пишет газета "Ас-Сафир", — как когда-то держался Сталинград..."»

8 августа. Состоялось заседание израильского кабинета министров. Шарон потребовал одобрить дополнительные меры, чтобы усилить давление на Бейрут. Большинство министров решило, что время настало.

9 августа. Специальный посланник Хабиб завершил разработку плана вывода вооруженных формирований Палестинского движения сопротивления из Бейрута. Он вручил свой план премьер-министру Ливана Шафику Ваззану для последующей передачи лидеру Организации освобождения Палестины Ясиру Арафату.

Из репортажа для «Литературной газеты»:

«...Налет израильской авиации начался на рассвете. Первые бомбы еще не успели упасть на забывшийся в

тревожном сне город, как подала свой голос тяжелая артиллерия, а вслед за ней ударили корабельные орудия.

Мы находились в подвале здания Советского культурного центра и прислушивались к тому, что происходило наверху. Израильские самолеты то удалялись, то приближались с нарастающим гулом, неся под крыльями смерть с клеймом "сделано в США".

Мощные разрывы следовали один за другим. Иногда ракеты ложились так близко, что 7-этажный дом не только содрогался, но, словно раненый, стонал и скрипел зубами, чтобы подавить рвущуюся наружу боль.

И все-таки нам было легче, чем бойцам, которые в эти минуты сидели у прицелов зенитных установок и пытались поймать в перекрестие сверхзвуковой стервятник, до онемения в пальцах давили на гашетки, не давая израильским летчикам вести прицельный огонь.

Лишь спустя одиннадцать часов методичных бомбардировок с воздуха и безжалостных обстрелов с моря и суши удалось достигнуть 11-го соглашения о прекращении огня. В тот же вечер израильское радио поспешило заявить, что "самолеты бомбили только боевые позиции и нанесли противнику ощутимые потери".

Наглая ложь! Вышедшие утром 13 августа газеты опровергли заявление израильского радио. "64 израильского бомбардировщика, — сообщила газета "Ас-Сафир", — совершили 220 налетов и сбросили 44 тысячи бомб и ракет на 18 жилых районов осажденной столицы".

"Основной удар, — указывает газета ливанских фалангистов "Ревей", — был нанесен по лагерям палестинских беженцев Бурдж аль-Бараджна, Сабра и Шатила, кварталам Факхани, Мар-Ильяс, Бир-Хасан, Рамлет аль-Бейда. Свыше 200 человек убито и 400 ранено».

Утверждения израильского радио, не желая того, опроверг и Ариель Шарон.

— Последние бомбардировки Бейрута преследовали несколько целей, — заявил он. — Главная — физическое уничтожение палестинских лидеров и их бойцов. Вторая — оказание давления на палестинцев, чтобы они безоговорочно приняли наши условия политического урегулирования. Впрочем, вопрос об урегулировании можно отбросить в сторону...

Цинично, но зато предельно откровенно.

...Израильская агрессия продолжается 74-й день. 4-й день действует соглашение о прекращении огня. Выдавшееся затишье жители осажденной части столицы используют по-разному. Одни спешат запастись водой и продуктами, другие, опасаясь новых израильских налетов, упаковывают чемоданы и покидают город. Владельцы магазинов стараются быстрее сбыть товар, зная, что агрессор в любое время может нарушить соглашение о прекращении огня.

— Все, что творит Израиль в Ливане, — сказал мне палестинский поэт Муин Бсису, — еще раз подтверждает, что Тель-Авив развязал и ведет войну на истребление. Своими варварскими бомбардировками жилых кварталов он хотел бы вызвать ненависть ливанцев к палестинцам. Но Бегин и Шарон добились обратного результата.

В справедливости последних слов Муина Бсису я убедился, когда шел по улице Баальбек. Я заметил множество плакатов, которые написали ливанцы и вывесили их на нижних этажах домов.

“Мы никогда не забудем израильские самолеты американского производства, которые убивали наших граждан и разрушали наши дома”.

“Все граждане Бейрута своей кровью пишут страшную главу в книге истории арабов”.

“Бегин и Шарон! Вы — убийцы!”

“Журналисты! Расскажите миру правду об израильском нацизме”.

Таких плакатов в городе тысячи. Практически на всех центральных улицах.»

19 августа. Израильские солдаты совместно с фалангистами не пропускают в Западный Бейрут грузы с медикаментами и продовольствием. Они демонстративно уничтожают их или разворовывают. На глазах у представителей Международного Красного Креста они методично и хладнокровно разбивали бутылки с донорской кровью, высыпали на землю сухое молоко, предназначенное для голодающих детей Бейрута.

Из репортажа для «Литературной газеты»:

«И все-таки израильтяне не вошли в Западный Бейрут, сказал мне на прощанье поэт Муин Бсису, который покидал осажденную часть ливанской столицы с первой партией бойцов. — Защитники города выстояли. Агрессор так и не смог поставить их на колени... И не поставит!

Он крепко пожал мне руку и смешался с теми, кто находился на небольшом стадионе, расположенном неподалеку от Арабского университета. Отсюда эвакуирующиеся палестинцы должны были выехать в бейрутский морской порт, чтобы сесть там на кипрское торговое судно "Сол Георгиос" и поплыть к берегам острова, правительство которого предоставило этот корабль. А затем, на самолетах, направиться к месту нового временного пристанища — в семь арабских стран, согласившихся принять их.

С раннего утра к стадиону шли люди. Палестинцы и ливанцы. Женщины, старики, дети. Их было так много, что уезжавших в этот день 397 защитников города можно было узнать лишь по новому обмундированию, выданному накануне, да по свежим повязкам на ранах, полученным в жестоких сражениях. Они прощались с родными и близкими, с любимыми, с товарищами по ору-

жую. Плакали матери, жены, невесты. Блестели слезы и на глазах бойцов...

Но были не только слезы... Были улыбки, звучал смех. И еще была радость. От того, что выстояли и не сложили оружия, выжили, а главное — не дали врагу осуществить задуманное...

Звучит команда: "По ма-ши-на-а-ам!" Из толпы несутся ввысь лозунги:

- Наши тела и души с тобой, Палестина!
- Ас-саура хатта наср! Революция до победы!

Колонна машин трогается. Провожающие бойцы поднимают автоматы и до боли в пальцах давят на спусковые крючки. В ответ слова:

- Мы никогда не забудем тебя, Бейрут!

Этого забыть нельзя. 79 дней и ночей защитники столицы сдерживали натиск превосходящих сил противника. Они уезжают. Но это не капитуляция. Они уходят непобежденными с оружием в руках.

Вечером того же дня по израильскому телевидению выступил министр обороны Шарон.

— Мы покончили с ними, — заявил он. — Народ Израиля и его правительство могут гордиться этой победой.

Всю ночь в ливанской столице звучал салют...»

22 августа. В Восточный Бейрут пожаловал Шарон и встретился с Пьером и Баширом Жмайелями.

— Мы подготовили почву, как договаривались об этом в январе, — сказал Шарон. — Наступило время расплачиваться по счетам. И чем быстрее, тем лучше.

— Ситуация сложная, — заметил Жмайел-отец. — Вы должны нас понять...

— Надо и нас понять, — возразил Шарон. — Мы рассчитываем на ваше участие. Два месяца назад мы думали, что вы освободите вашу столицу.

— Как мы могли это сделать? — вставил Жмайел-сын.

— Вы должны понять, что Израиль — это демократическое государство, — повысил голос Шарон. — Солдаты находятся в Ливане два с лишним месяца. От вас мы слышим лишь одни заявления. Объявите официально, что вы готовы подписать с нами мирный договор.

Христиане пообещали, что после избрания Башира президентом все изменится...

23 августа. 34-летний Башир Жмаейл избран 13-м президентом Ливана.

Бегин направил ему поздравительную телеграмму: «Примите мои самые горячие поздравления по случаю вашего избрания. Пусть Бог будет с вами, дорогой друг, и пусть он поможет вам в осуществлении вашей исторической миссии за свободу Ливана и его независимость. Ваш друг Бегин».

Избрание Башира Жмайеля президентом явилось венцом израильской политики в Ливане. Начиная с 1976 г., израильтяне оказывали военную помощь фалангистам, тренировали их в специальных лагерях в Израиле, координировали с ними свои действия, обменивались секретной информацией.

Бегин и Шарон рассматривали Башира как человека, который подпишет с Израилем мирный договор. Однако после его избрания многие израильские политики почувствовали, что новый ливанский лидер не торопится подписывать договор о мире.

1 сентября. Палестинцы закончили эвакуацию. Всего из города выехало 12 500 бойцов.

2 сентября. На севере Израиля, в Нахариин, состоялась встреча Башира Жмайеля с Менахемом Бегиним и Ариелем Шароном. Нового президента Ливана доставили туда на военном вертолете.

Встреча началась в 23.00. Бегин вошел в комнату со строгим недовольным лицом. При его появлении все вста-

ли. Премьер-министр и президент пожали друг другу руки, обнялись и обменялись любезностями. Затем сели за стол, на котором стояли вина, ликеры, фрукты, пирожные, чай и кофе.

Бегин заметно волновался. Он встал, повернулся к Баширу и сказал по-английски:

— Дорогой президент Жмайел! Дорогие гости! Позвольте мне сказать вам, как я обычно говорю: сын мой, я разговариваю с вами как отец. Я всегда был уверен, что вы станете президентом Ливана и что вы приведете вашу страну к независимости и суверенитету, к демократии и миру с ее соседями.

Далее Бегин долго распространялся об «особых отношениях», которые связывают Ливан и Израиль. В конце своей речи он коснулся будущего:

— Теперь, когда дорога определена и устранены все препятствия для создания независимого суверенного Ливана, наступил момент борьбы за будущее двух наших народов, основанного на мире и добрососедских отношениях.

Премьер-министр оглядел сидевших за столом пристальным взглядом и объявил тост:

— Долгая жизнь президенту Баширу Жмайелю!

В ответной речи, полной эмоций, Башир назвал Бегина «выдающимся лидером». Он поблагодарил его за помощь христианам, за создание условий, которые позволили ему стать президентом.

— Христиане никогда не забудут того, что вы сделали для нас.

Башир предложил тост за здоровье премьер-министра и государство Израиль.

Затем Бегин пригласил Башира и Шарона в другую комнату.

— Наше сотрудничество с вами основывалось на том, что сразу же после войны мы подпишем мирный договор, — сказал Бегин.

Башир побледнел и объяснил израильскому премьеру свои проблемы:

— Подписать мирный договор сегодня — значит заложить динамит в сердце Ближнего Востока. Дайте мне время использовать новые условия в Ливане. У меня появилась единственная возможность объединить Ливан и создать правительство, основанное на всех элементах, которые должны быть заложены в фундамент будущего независимого государства. Дайте мне от шести до девяти месяцев, чтобы установить и укрепить национальную гордость, и мы подпишем с вами мирный договор.

Премьер-министр попытался убедить Башира изменить позицию.

— Надо ковать железо, пока оно горячее, — сказал он. — Со временем неудачи и осложнения могут угрожать позитивным отношениям, которые мы обрели в результате войны.

Заметное нетерпение проявил Шарон:

— Я человек, который привык быстро улаживать дела. Я думаю, что вы не вырветесь из наших рук.

Башир показал когти:

— Не забывайте, что вы говорите с президентом Ливана, а не с вассалом Израиля. У нас свои порядки...

3 сентября. Рано утром радиостанция «Кол Исраэль» («Голос Израиля») одной из первых сообщила подробности этой встречи. Башир был вне себя от ярости. Он понимал, что эта утечка информации допущена умышленно.

Из репортажа для «Литературной газеты»:

«6-е сентября... Идет 95-й день израильской агрессии в Ливане и 26-й со времени вступления в силу 11-го по счету соглашения о прекращении огня. Пушки смолкли, и город живет послевоенной жизнью.

Уже подсчитаны потери. Материальные убытки исчисляются миллиардами долларов, а время, которое по-

требуется для восстановления, — годами. Данные о людских потерях потрясают. Как сообщила газета "Орфейн-Жур", в ходе израильского вторжения в Ливане было убито и ранено 47 928 человек. Большая часть — 25 тысяч палестинцев и 15 тысяч ливанцев — мирные жители. Только в осажденном Бейруте под ракетами и бомбами агрессора погибли 5515 и получили ранения 11 139 человек.

Жизнь в городе постепенно налаживается. Возобновили работу государственные учреждения, банки, конторы. Почти без перебоев подается вода и электроэнергия. Жители западной части столицы, выехавшие в безопасные районы, возвращаются к своим очагам.

Но не у всех сохранилась крыша над головой. По данным газеты "Ас-Сафир", 60 тысяч жителей осажденного Бейрута остались без крова.

Утром проехал по городу. На улицах множество автомашин, постоянно образуются заторы из-за песчаных насыпей, которые воздвигнуты на случай израильского штурма Бейрута. На перекрестках появились полицейские-регулирующие в бежевой униформе, с белыми касками на головах и пистолетами на боку.

Еще одна примета нормализации обстановки — посты сил внутренней безопасности («красные береты») и ливанской армии в различных районах западной части столицы. Они заняли их в соответствии с принятым планом по обеспечению безопасности, получившим название "Операция Бейрут".

Как сообщают местные газеты, когда солдаты занимали позиции, жители откровенно иронизировали, выкрикивая лозунги:

- С благополучным прибытием!
- Мы так долго ждали вас!

Удивляться не приходится: и силы внутренней безопасности, и ливанская армия не сделали ни одного выстрела по врагу и всю войну отсиживались в казармах.

Израильтяне по-прежнему на подступах к Бейруту. Они оккупируют значительную часть ливанской земли. Их пушки нацелены на западную часть столицы. Война еще не закончена...»

9 сентября. Башир Жмайел дал интервью ливанской газете «Орьян-Жур». Он подтвердил, что посетил Нахарию, где встречался с Бегином и Шароном. Он открыто пожаловался на давление, которое Израиль оказывает на него, чтобы заставить подписать мирный договор.

Неожиданно лед между новым президентом и мусульманами был растоплен. Но его отношения с израильтянами еще больше охладели.

12 сентября. Шарон пытается исправить положение. Прибыв в Бикфайю в поместье Жмайелей, он предложил Баширу сделку: как только международные войска покинут Бейрут, город сразу займут израильские части. Они «прочистят» его, а палестинскими лагерями займутся отряды фалангистской милиции.

Башир настаивает на том, что это можно сделать после 23 сентября, когда он вступит в полномочия президента. Так он не нарушит договор с Хабибом и не вызовет гнева американцев.

Но по сути собеседники единодушны: им следует избавиться от палестинцев, изгнать беженцев подальше к Сирии и Иордании. Даже уничтожить лагеря, эти вечные источники подрывных действий.

Шарон преследует ту же цель. Оба договариваются о способах выполнения плана. Срок установлен на конец сентября или начало октября.

13 сентября. Башир Жмайел дал интервью американскому еженедельнику «Тайм». Он снова подтвердил, что мирный договор с Израилем «будет заключен в свое время». Он подчеркнул, что его главная цель как президента обеспечить безопасность «на всей территории Ливана».

В Израиле не скрывали своего недовольства позицией нового ливанского президента.

— Мы привели его к власти, а он хочет сделать карьеру за наш счет?

14 сентября. 16.30. Шарон в бронированной машине направляется на свое ранчо. Зазвонил телефон. Ему сообщили, что надо срочно связаться с шефом «Моссада». От него Шарон узнал, что менее часа назад взлетела на воздух штаб-квартира партии «Катаиб» в Ашрафии. Башир Жмайел находился там же.

19.00. Шарон возвратился в Тель-Авив в свой офис, немедленно связался с шефом «Моссада» и начальником Генштаба. Последнему он отдал приказ готовиться к захвату Западного Бейрута.

Во время телефонных переговоров вошел шеф военной разведки и сообщил, что Башир жив и только что выступал по ливанскому телевидению. Шарон отправился ужинать в один из своих любимых ресторанов.

20.00. Из Бейрута продолжают поступать противоречивые сведения. Неизвестно, жив Башир или мертв?

21.00. Командующий северным фронтом Амир Дрори лично опознал тело. Он позвонил Шарону:

— Башир умер.

— Наверняка?

— Да, в кармане его костюма я нашел поздравительную телеграмму Бегина.

22.00. Шарон звонит премьер-министру. Они обсуждают новую ситуацию. Министр напоминает, что Башир был согласен на то, чтобы уничтожить палестинцев. Но кто теперь займет его место? Если старший брат Амин, то он никогда не даст согласия на их ликвидацию. Следовательно, нужно действовать немедленно. Этой же ночью нужно войти в Западный Бейрут и поручить фалангистам, наиболее близким Баширу, очистить лагерь до того, как политическое положение в Ливане изменится.

Бегин соглашается...

23.00. Шарон прибыл на свое ранчо. Его заместитель Ави Дудаи сообщил по телефону о последних событиях в Бейруте. Шарон немедленно связался с начальником Генерального штаба и рассказал о разговоре с Бегинем.

— Мы найдем всех террористов, — воодушевился Эйтан. — Мы арестуем всех, кого нужно, взорвем все, что можно. Мы покинем Бейрут лишь после того, как заключим мирное соглашение и убедимся, что наши цели в Ливане достигнуты.

24.00. Шарон достал из сейфа синюю папку с надписью «Стальной мозг». В ней находился подробный план захвата ливанской столицы...

«Стальной мозг»

Смерть Башира Жмайеля создала новую ситуацию для израильских правящих кругов. Министр обороны Ариель Шарон решил воспользоваться ею и войти в Бейрут. Захват западной части ливанской столицы — это то, чего он желал с начала вторжения.

В одном из интервью Шарон заявил: «Если я приду к выводу о необходимости захватить Бейрут, то никто в мире меня не остановит, даже если мое правительство не будет с этим согласно...» Короче говоря, к полуночи 14 сентября было принято решение захватить ливанскую столицу...

15 сентября. 0.30. Командующий северным округом израильской армии генерал Амир Дрори получил приказ захватить все наиболее важные пункты Западного Бейрута.

Созданный накануне воздушный мост продолжает действовать. Один за другим в бейрутском международном аэропорту приземляются транспортные самолеты «геркулес». Тонны техники, а также подразделения парашютистов перевозятся на грузовиках к окраинам столицы. Позднее начальник Генерального штаба Рафаэль Эйтан

заявит: «Никогда в истории Израиля подобная операция не проводилась столь стремительно».

3.30. В восточном секторе Бейрута в штабе фалангистов началось совещание руководителей «Ливанских сил». С израильской стороны присутствовали Рафаэль Эйтан и Амир Дрори. Их принимали командующий «Ливанскими силами» Фади Фрем и шеф разведки Элиас Хобейка.

— Ситуация критическая, — сказал Эйтан. — Какое несчастье, что мы потеряли Башира... Мы должны немедленно принять решение.

— Желательно, чтобы вы взяли под контроль весь Бейрут, — заметил Фрем.

— Мы это сделаем, — пообещал Дрори. — Но мы нуждаемся и в вашей помощи. Мы захватим некоторые стратегические пункты, но ваши формирования должны сделать то же самое.

5.00. Израильское вторжение в Западный Бейрут началось.

Истребители начали полеты над городом. На низкой высоте они преодолевали звуковой барьер с целью продемонстрировать силу и оказать психологическое давление.

Подразделения ЦАХАЛа двигались в пяти направлениях. Им противостояли немногочисленные силы из ливанских Национально-патриотических сил.

Ливанская армия вернулась в свои казармы и спокойно наблюдала за захватом города.

Вскоре израильтянам удалось окружить некоторые ключевые пункты и захватить недавние позиции подразделений «международных многонациональных сил». Чтобы подавить сопротивление, на защитников города были брошены танки, одновременно их позиции обстреливали корабли.

9.00. Ариель Шарон прибыл лично руководить операцией «Стальной мозг». Он оборудовал наблюдательный пункт на крыше самого высокого дома, расположенного

неподалеку от посольства Кувейта. Оттуда он мог свободно видеть город, лагеря палестинских беженцев — Сабру и Шатилу. Рядом с ним находились генералы Эйтан и Дрори.

Связавшись с премьер-министром Менахемом Бегинном, министр обороны доложил:

— Наши войска успешно наступают. Я вижу это собственными глазами...

В течение дня новые силы подтягивались к Бейруту. Несколько подразделений из бригады «Голани» были переброшены к ливанской столице. Подступы к Бейруту были уже разминированы и танки шли не опасаясь.

9.30. Специальный представитель президента США Рональда Рейгана Морис Дрейпер прибыл в Иерусалим и встретился с премьер-министром.

— Господин посол! — сказал Бегин. — Я имею честь сообщить вам, что с пяти часов утра наши войска продвигаются и уже захватили многие пункты в Западном Бейруте. Наша цель — установление порядка в городе. После гибели Башира Жмайеля в столице могли начаться беспорядки.

— Я надеюсь, что эта операция носит ограниченный характер? — поинтересовался Дрейпер.

Бегин кивнул головой...

11.00. Шарон прибыл в Бикфайю, где проходили похороны Башира Жмайеля. Выражая соболезнования, он заявил:

— История не кончается на том или другом человеке...

Принят министр обороны был весьма холодно.

11.30. Палестинское руководство, узнав о захвате израильянами Западного Бейрута, напомнило, что оно получило гарантии, подписанные американским специальным посланником Филипом Хабибом, что после ухода защитников из ливанской столицы их семьи будут в безопасности.

— Нам дали честное слово, что израильтяне не войдут в Западный Бейрут, — заявил руководитель политического отдела Организации освобождения Палестины Фарук Каддуми.

Но американцы и не собирались его выполнять. Больше того, в Белом доме не только с пониманием отнеслись к вторжению, но и отказались осудить захват израильтянами Западного Бейрута. В Вашингтоне считали, что это вторжение «направлено на установление спокойствия и стабильности в городе».

12.00. Израильские танки окружили лагерь палестинских беженцев Сабра и Шатила. Вскоре их окружили и подразделения израильских солдат. В лагерях находились в основном старики, женщины и дети.

16 сентября. 12.00. Состоялось совещание между командованием фалангистов и бригадным генералом Амсом Яроном, на котором были распределены задачи. Израильтянам — город и окружение лагерей. Фалангистам — «зачистка» лагерей беженцев. Ярон пообещал, что израильтяне окажут фалангистам «всестороннюю поддержку по очистке лагерей от террористов».

14.00. К полудню весь Западный Бейрут уже находился под контролем израильтян. Впервые за свою историю Израиль захватил арабскую столицу.

В полдень генерал Дрори снова встретился с Фади Фремом и спросил:

— Готовы ли ваши люди вступить в лагерь?

— Да, в любое время.

После ухода Фрема он связался с Шароном и доложил:

— Наши друзья двигаются в сторону лагерей. Мы скоординировали наши действия.

— Поздравляю! — ответил Шарон. — Операция наших друзей одобрена...

17.00. Министр обороны принял американского посланника Мориса Дрейпера. Тот потребовал от Шарона вывести израильские войска из Бейрута.

Шарон отказался и пояснил:

— Войска должны остаться, чтобы спасти ситуацию в Бейруте.

Дрейпер возразил:

— Ливанская армия может справиться с этой задачей.

Встреча закончилась безрезультатно...

18.00. Подразделения фалангистов проникают в лагерь палестинских беженцев Сабра и Шатила и находят там вооруженных палестинцев. Их оставили для защиты обитателей этих лагерей.

Кровавая бойня началась...

Убивали ножами, топорами, закалывали штыками. Убивали без разбору мужчин и женщин, детей и престарелых. Убивали не только палестинцев, но и ливанцев, живших в лагерях.

Фалангисты убивали всех, кто появлялся на улице. Врывались в дома и убивали спавших. Женщин и их дочерей насиловали. Иногда выгоняли людей группами на улицу, ставили к стене и расстреливали.

19.00. Израильский лейтенант услышал по радиации разговор между фалангистским офицером и начальником разведслужбы фалангистов Эли Хобейкой. Офицер захватил 50 детей и женщин и спрашивал, что с ними делать.

— Подобные вопросы ты задаешь мне в последний раз, — ответил Хобейка. — Ты прекрасно знаешь, что надо делать.

19.30. Правительство Израиля собралось на экстренное заседание. В первый раз министры слышали о том, что подразделения ЦАХАЛа захватили Бейрут. Многие из них выразили сомнения относительно необходимости вхождения в ливанскую столицу, а также недовольство, что предварительно не проконсультировались с ними. В конце концов была принята резолюция, одобрявшая эту операцию.

Начальник Генштаба Эйтан и другие генералы, участвовавшие в совещании, представили доклады, касавши-

еся ситуации в Бейруте. Все говорили об «ограниченных столкновениях», о том, что фалангисты вошли в лагерь палестинских беженцев, чтобы «очистить их от террористов». Подводя итог, Эйтан заявил, что «контакт с фалангистами постоянен и что их действия координируются с действиями израильской армии».

17 сентября. Рано утром израильские солдаты и офицеры наблюдали в бинокли со своих позиций за тем, что происходило в лагерях.

Лейтенант Ави Грабовски, заместитель командира танковой роты, позднее расскажет:

— Я видел фалангистов, которые убивали гражданских. Один из них заявил мне: «Беременные женщины рожают террористов...»

Сержант-парашютист слышал приказ: «Это нам не нравится, но мы не должны вмешиваться...»

Все выходы из Сабры и Шатилы продолжали оставаться заблокированными. С утра туда прибыли новые банды на джипах и грузовиках.

Стало известно, что жителей лагерей вывозят в неизвестном направлении. Нигде потом этих людей найти не удалось...

Между 11 и 12 часами дня вооруженные бандиты ворвались в госпиталь «Акка». Они убили многих раненых и больных, медсестер, а потом тех жителей, которые нашли убежище в госпитале.

В течение дня с помощью бульдозеров были вырыты общие могилы, чтобы свалить туда трупы.

18 сентября. Лишь к 10.00 в опустевших лагерях наступила тишина. Трупы, которые еще не были засыпаны, лежали грудями. Стены уцелевших зданий были усеяны выбоинами от пуль, свидетельствовавшими о том, что здесь расстреливали.

К полудню ливанская армия смогла войти в лагерь и установить там свой контроль...

Из архивов арабской прессы:

«Операцией в лагерях палестинских беженцев руководил начальник разведки фалангистов 28-летний Элиас Хобейка. С 1976 года он являлся связным "Ливанских сил" с израильской секретной службой "Моссад", а также с ЦРУ. Уже в то время на его руках была кровь палестинцев и ливанцев. Даже приближенные Хобейки считали его "очень крутым и совершенно безжалостным человеком".

В массовых убийствах в лагерях Сабра и Шатила также участвовали начальник фалангистской полиции Диб Анастас, командир "черных беретов" (спецназ) Жозеф Эдде, комендант Восточного Бейрута Марван Мишлани и офицер по связи с ЦАХАЛом по кличке «Джесси». Последний еще задолго до израильского вторжения в Ливан не раз заявлял, что "нет другого решения, как истребить палестинцев в лагерях"».

21 сентября старший брат Башира Жмайеля — Амин был избран президентом Ливана.

Сколько же было убито в ходе операции «Стальной мозг»?

По общим подсчетам, из 20 тыс. обитателей Сабры и Шатилы погибли от 3 до 3,5 тыс. человек. Примерно четверть из них — ливанцы, остальные — палестинцы. А сколько было увезено на грузовиках и не вернулось?

26 сентября израильцы покинули ливанскую столицу и окопались в четырех километрах от города. В Бейруте расположились части так называемых многонациональных сил по поддержанию мира в Ливане...

Маркус Клинберг — шпион за идею

Спецслужбы Израиля раскрыли подробности самого громкого шпионского скандала 80-х годов. Он связан с ведущим израильским ученым, заместителем директора сек-

ретного Биологического института Маркусом Клинбергом. Он двадцать с лишним лет работал на советскую разведку, передавая в Москву информацию о химической и биологической программах еврейского государства. О его провале стало известно в 1991 г., когда он уже 8 лет томился в израильской тюрьме...

Маркус-Авраам Клинберг родился в Варшаве в 1918 г. в ультрарелигиозной семье. Как и все еврейские мальчики, он получил начальное образование в «иешиве» (религиозная школа). Однако впоследствии оставил веру своих отцов и дедов, поступил в обычную школу, которую с блеском закончил.

В 1935 г. он стал студентом медицинского факультета Варшавского университета. В 1939-м был вынужден прервать учебу — началась Вторая мировая война. Клинберг, как и десятки тысяч евреев, бежит на Восток, спасаясь от нацистов на территории СССР. Его мать не могла бросить своих престарелых родителей, осталась и погибла вместе со всей семьей.

Оказавшись в СССР, Клинберг пытается закончить медицинское образование в Минске, но в 1941 г. начинается война, и он уходит добровольцем в Красную армию. Какое-то время он находился на передовой, но вскоре был тяжело ранен. Наверное, при желании он мог бы получить «белый билет». Но он потребовал, чтобы его вернули в строй, и напомнил о своем незаконченном медицинском образовании.

Некоторое время капитан Клинберг служит в медицинских частях. Затем его переводят в Москву, где он возобновляет учебу в медицинском институте и одновременно продолжает работать в военной медицине. На талантливого врача обращают внимание, его все чаще посылают в освобожденные от немцев города и села, где то и дело вспыхивают различные эпидемии. Вскоре за ним прочно закрепилась репутация блестящего эпидемиолога.

По словам его близких, участие в войне и пребывание в Советском Союзе не сделали из Клинберга коммуниста. Однако, как и у многих людей его поколения, промывание мозгов при сталинском режиме оказалось достаточно эффективным, чтобы наложить свою печать на формирование его личности. Уже тогда завязались его контакты с армейской службой безопасности и армейской разведкой.

В 1945 г., после окончания войны, Клинберг едет в родную Варшаву, чтобы узнать, что произошло с его семьей. Но он мог бы и не ехать: все его близкие были сожжены в Трешлинке.

Зато в столице Польши он познакомился с Вандой, сумевшей чудом убежать из гетто и укрыться в одном из монастырей. Как и у Клинберга, Катастрофа отобрала у нее всю семью. Как и Клинберг, она в свое время училась на медицинском факультете.

Вскоре Маркус и Ванда отпраздновали свадьбу. Затем, решив, что им нечего делать в Польше, переехали в Швецию. Там, в 1947 г., родилась их дочь Сильвия. Там же их застала весть о возрождении еврейского государства...

Несмотря на протесты жены, мечтавшей поселиться в США, Клинберг принимает решение переехать в Израиль. По словам его дочери, «отец никогда не был сионистом, но ощущал свою принадлежность к еврейству и хотел помочь молодому государству в войне за освобождение».

В 1948 г. Клинберг вместе с женой иммигрирует в Израиль. Его опыт и военное прошлое произвело впечатление на тогдашнее армейское командование и особенно на медицинский корпус. Тем более что среди руководителей было немало эмигрантов из Польши, прошедших, как и Клинберг, через войну в Европе. В 1952 г. он уволился из армии в чине подполковника.

Клинберги поселяются в Яффо — в доме, специально предназначенном для врачей, в котором царит совершенно особая атмосфера профессионального братства. Впро-

чем, атмосфера всеобщего братства вообще была необычайно характерна для Израиля 50-х годов.

Так как Клинберг прекрасно зарекомендовал себя с профессиональной точки зрения, его знакомят с профессором Давидом Эрнстом Бергманом. Он как раз приступил к созданию Института в Нес-Ционе.

Будучи близким другом первого премьер-министра Израиля Бен-Гуриона, Бергман сумел убедить его, что в будущей глобальной войне преимущество окажется на той стороне, которая будет располагать всеми видами оружия массового поражения и средствами защиты от него. Глава правительства поддержал идею превращения химико-биологического центра, созданного еще первым президентом еврейского государства Хаимом Вейманом, в мощный научно-исследовательский институт.

По замыслу, в нем, наряду с открытыми исследованиями, будут вестись разработки, которые помогут Израилю обрести свое ядерное, химическое и биологическое оружие. И если еще до 1956 г. институт находился под попечительством Тель-Авивского университета и его бюджет публиковался в открытой прессе, то вскоре он перешел в непосредственное ведение Бен-Гуриона, и суммы его бюджета стали тайной.

Известно лишь, что в институте шла напряженная работа в области вирусологии, токсикологии и эпидемиологии. Главой эпидемиологического отделения был Маркус Клинберг. Постепенно институт превратился в небольшой научный городок, где разрабатывались десятки собственных проектов и выполнялись специальные заказы Пентагона.

Очень скоро Клинберг выдвинулся и был назначен заместителем директора института с широкими полномочиями (в частности, руководил исследованиями, связанными с эпидемиологией). Эти исследования приобрели особую важность в 60-е годы, в период гражданской вой-

ны в Йемене. Именно тогда египтяне впервые после Первой мировой войны применили в военных действиях боевые отравляющие вещества.

Некоторые полагали, что Египет находится на пороге оснащения армии оружием массового уничтожения, в том числе биологическим. «Институту биологии» было поручено найти пути противодействия и нейтрализации этих планов.

Клинберг также возглавлял исследования по контракту с американской армией, касающейся борьбы с определенными инфекционными заболеваниями. Очень скоро он завоевал репутацию ученого с мировым именем. Благо, что в Израиле в то время была широкая возможность применения его знаний в области эпидемиологии, поскольку массовая репатриация из Африки, Азии, а также Европы требовала серьезного противодействия таким болезням, как туберкулез, малярия, тиф и др.

Клинберг был введен в состав одной из комиссий Всемирной организации здравоохранения в Женеве. Читал также лекции в Тель-Авивском университете как ведущий специалист по профилактической медицине. На пике своей карьеры Клинберг, имеющий 23-летний опыт работы в институте, занимал посты начальника Управления эпидемиологии, административного директора и заместителя генерального директора института...

О том, что советская разведка в курсе всех новых разработок института в Нес-Ционе, ШАБАК начал подозревать еще в 60-е годы. В 70-е это стало ясно окончательно, и израильские спецслужбы решили во что бы то ни стало вычислить агента.

Тогда один из коллег Клинберга указал на него как на потенциального шпиона. Более того, выразил уверенность, что утечка информации идет через него и только через него.

Клинберг был вызван в ШАБАК, прошел проверку на детекторе лжи, которую выдержал с редкостным хладно-

кровием — проверка показала, что подозрения против него беспочвенны. Спустя несколько лет он снова был вызван на такую проверку. Однако он с видом оскорбленной невинности обвел всех, в том числе и детектор.

Во время одной из поездок в Женеву за Клинбергом установили слежку. Безрезультатно. Перед ним извинились.

Но в 1982 г., когда утечка информации стала нетерпимой, ШАБАК вновь решил заняться Клинбергом, подключив к этому делу сотрудников внешней разведки «Моссад». За ним установили круглосуточное наблюдение и выяснили, что он выехал на очередную научную конференцию в Швейцарию раньше, чем следовало. По всей видимости для того, чтобы встретиться там с советским резидентом. Наблюдение за рубежом подтвердило это предположение. Тем не менее спецслужбы не торопились с его арестом.

Теперь ШАБАК снял специальную квартиру, из которой круглосуточно следил за Клинбергом и прослушивал все его разговоры. Наконец, когда необходимые доказательства его вины были получены, прокуратура дала ордер на арест. Но только на 48 часов. Все попытки тогдашнего министра обороны Ариэля Шарона продлить этот срок закончились безрезультатно. И значит, нужно было придумать некий ход, чтобы «расколоть» предателя.

В начале 1983 г. начальник советского отдела «Моссада» пришел к Клинбергу по очень важному, как он сказал, делу.

— Доктор Клинберг, — приступил он к делу, — вы, конечно, помните экологическую катастрофу в Милане, когда произошла утечка отравляющих веществ. Нечто подобное случилось в Малайзии. У нас нет с этой страной дипломатических отношений, но в некоторых областях мы сотрудничаем. У вас есть возможность на месте понаблюдать за последствиями аналогичной катастрофы. Вы готовы туда поехать?

— Конечно! — откликнулся Клинберг.

А спустя день информация о несуществующей катастрофе в Малайзии была передана в Москву. Теперь никаких сомнений не оставалось: Клинберг — советский агент...

17 января он простился с женой, взял чемодан и вышел во двор своего дома на тель-авивской улице Ласков, где его ждала машина.

— Нам нужно еще раз заехать для последнего инструктажа, — сказал сидевший за рулем сотрудник ШАБАКа, и ничего не подозревавший Клинберг благодушно кивнул.

Но на квартире, куда они приехали, его ждал отнюдь не инструктаж.

— Предатель! Дерьмо! Подлец! — закричал полковник Хаим Бен-Ами, швыряя чемодан Клинберга на пол. — Подонок! — продолжал он, вываливая и швыряя в сторону лежавшие в чемодане вещи.

— Мы опаздываем на самолет! — тихо заметил Клинберг.

— Твой самолет пойдет только в одну сторону, — продолжал психологическое давление Бен-Ами. — Я жду от тебя признания. Доказательства у нас есть...

— Мы опаздываем на самолет! — продолжал твердить Клинберг и потом прервал возгласы полковника одним замечанием: — Меня уже дважды проверяли на верность, и оба раза потом извинялись...

— Ну что ж, извинимся и в третий раз, если ошиблись, — уже спокойнее сказал Бен-Ами. — Хотя, думаю, что извиняться нам все-таки не придется...

Пришлось через суд дважды продлевать сроки задержания. «Хороший» следователь сменял «плохого». Допросы длились по 18 часов в сутки. Применялись все известные психологические методы давления. Однако его не лишали сна и не применяли к нему физического воздействия.

Клинберг все отрицал... Но на десятые сутки, когда уже почти истек назначенный судьей второй срок, — сломался...

Поняв, что с наскока его не расколешь, Бен-Ами прибежал к старой, как мир, игре в доброго и злого следователя. Он сам играл «злого».

— Ты предатель! — кричал он Клинбергу на допросе. — Причем не просто предатель, а дважды предатель. Ты предал свою страну и память своих покойных родителей...

«Добрый» следователь по имени Йоси, естественно, всячески сочувствовал Клинбергу и говорил, что в его ситуации так поступил бы каждый, а теперь надо просто покаяться...

В конце концов Клинберг признал, что был завербован еще во время войны, но в то время задействован не был. Были попытки войти в контакт с ним и со стороны польской разведки, но он на это не пошел...

Что же в конце концов побудило Маркуса Клинберга передавать секретную информацию СССР?

По версии Клинберга, которую впоследствии он сам и опроверг, в 1957 г. руководство института потребовало документально подтвердить его медицинское образование, чтобы продвинуть по служебной лестнице и увеличить оклад. Вначале он утверждал, что все документы пропали во время войны. Но начальство настаивало...

В этой ситуации ему не оставалось ничего другого, как обратиться в советское посольство в Тель-Авиве с просьбой запросить его документы в Москве и Минске. Для сотрудников посольства визит Клинберга был подарком: они давно уже получили задание добыть информацию о деятельности института в Нес-Ционе и все оттягивали его выполнение. А тут к ним собственной персоной пожаловал один из самых видных сотрудников этого института! Вот только как его завербовать?

Ответ на этот вопрос подсказали пришедшие из Москвы документы. Оказывается, Клинберг так и не закончил последний курс медицинского института. Следовательно, не имел права на звание врача...

— Ну что, Марк Абрамович, — сказал ему во время следующего визита один из сотрудников посольства. — Либо мы будем дружить, и тогда вы получите все необходимые документы, либо... Оставим все так, как есть, и тогда вы — никто, врач-недочка, самозванец! А ведь вам прочат должность профессора...

И Клинберг согласился «дружить». Почему? Только ли боязнь разоблачения в глазах коллег и крах карьеры подтолкнули его к согласию на подобное сотрудничество? Те, кто знал его, утверждают, что это совсем не так. Да, он любил свою работу, но не стал бы цепляться за карьеру. Даже если бы ему грозило разоблачение, всеми годами своей предыдущей работы он доказал, что является прекрасным, высокопрофессиональным врачом и ученым...

Все, видимо, было гораздо сложнее. Клинберг, с одной стороны, не мог не чувствовать благодарности к Советскому Союзу за то, что эта страна спасла его жизнь, дала возможность продолжить образование и в принципе способствовала его карьере. С другой стороны, часто выезжая на научные конференции, он сблизился с тем кругом американских ученых, которые считали, что у США не должно быть монополии ни на один вид оружия массового поражения, что СССР играет важную роль в стабилизации политической ситуации в мире и т. д. То есть, стояли на откровенно просоветских позициях.

И, видимо, именно эти соображения и взяли в конце концов верх в Клинберге. Во всяком случае за свою работу в качестве шпиона он не получил ни копейки. А работу проделал поистине огромную...

После того как он согласился на «сотрудничество», его обучили переснимать секретные документы при помощи микрокамеры на микропленку, прятать в тайниках, выходить на связь, пользоваться тайнописью и т. д. Кроме того, он обладал феноменальной памятью и мог зазубривать наизусть целые страницы. И в течение многих лет он пе-

редавал в СССР сверхсекретную информацию обо всем, что происходило в стенах его института. А там, между прочим, работало к тому времени более 300 ученых.

До 1967 г., пока сохранялись дипломатические отношения между Израилем и Советским Союзом, Клинберг передавал сведения работникам посольства, с которыми встречался в общественных местах. После разрыва отношений — во время частых поездок в Европу, главным образом в Швейцарию, он встречался с советскими специалистами по химическому и биологическому оружию, которые объясняли, что именно интересует советскую сторону.

В общей сложности Клинберг встречался со своими «партнерами» около 20 раз. Перед каждой поездкой в Европу он посылал сигнальное письмо на некий адрес, сообщая им свой маршрут. По прибытии на место звонил — всегда с общественного телефона — советскому резиденту, и они договаривались о точном времени и месте встречи. Это могли быть рестораны, кафе или другие общественные места.

Согласно иностранным источникам, которые никогда не подтверждались, но и не опровергались официально, в Израиле проводились работы по созданию химического и биологического оружия и его размещению в авиабомбах и ракетных боеголовках. Проводились работы по защите населения страны от химического и биологического нападения.

СССР, а значит, и арабские страны были в курсе того, каким химическим и биологическим оружием обладает Израиль и от каких видов аналогичного оружия он разработал эффективную защиту. Это означало, что в течение десятилетий институт в Нес-Ционе работал зря.

Предательство Клинберга и выдача сверхсекретных материалов врагу поставили под угрозу безопасность еврейского государства, уничтожили плоды многолетних

исследований большого коллектива ученых, инженеров и техников. Материальный ущерб, нанесенный им обороноспособности страны, был оценен в миллионы и миллионы долларов. Вот почему Клинберга назвали самым опасным шпионом за всю историю Израиля...

В 1983 г. Маркус Клинберг был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Потом пожизненное заключение было заменено на 20 лет тюрьмы.

Арест и суд над ним держались в секрете. А его жена, по указанию спецслужб, говорила всем, что он находится на лечении в Европе в лечебнице для душевнобольных.

Клинберга содержали в одиночке. Кроме самых близких родственников никто не имел права его посещать, и вскоре он впал в глубокую депрессию.

Однажды его жена Ванда во время свидания незаметно вложила в руку мужа горсть таблеток «комадина» (средство для разжижения крови), и он тут же проглотил их. Откачивать Клинберга пришлось в больнице. Ванда была арестована за попытку убийства и решила покончить собой, перерезав вены. Ее спасли. В 1990 г. она скончалась в Париже, где навещала свою дочь.

Между тем дочь Сильвия не оставляла попыток освободить отца путем заключения сделки по обмену шпионами. В 1988 г. ей удалось через своего французского адвоката выйти на восточногерманского адвоката Фогеля, который был связан с нужными инстанциями. Он и его израильский коллега адвокат Зихрони попытались предложить сторонам тройной обмен. Израиль освобождает Клинберга и передает Советскому Союзу. Взамен Москва освобождает одного или двух западных шпионов и передают их США. Вашингтон освобождает Джонатана Полларда и передает его Израилю.

Однако затем Зихрони объявил, что Израиль требует освобождения штурмана Рони Арада и еще двух израильских солдат, попавших в плен в Ливане. Москва должна

была оказать давление на экстремистскую организацию «Хезболла», в руках которой находился тогда Арад.

Фогель даже встретился с Клинбергом в тюрьме, чтобы выяснить его физическое состояние. Его родственники получили извещение о предстоящем обмене, но в последний момент «Хезболла» передумала. Может быть, потому, что Рони Арада и двух израильских солдат уже не было в живых.

Однако Сильвия рук не опускала. Семья наняла нового адвоката — Авигдора Фельдмана. Ему удалось добиться улучшения условий заключения, а в израильской печати появились первые сообщения об аресте внезапно исчезнувшего профессора. Но все апелляции с просьбой освободить Клинберга по состоянию здоровья наталкивались на отказ в связи с позицией уполномоченного по вопросам безопасности секретных учреждений.

Но, в конце концов, по гуманитарным соображениям и учитывая позицию бывшего начальника ШАБАКа Якова Пэри, который даже пожал руку Клинбергу, суд в 1998 г. освободил его. Правда, со множеством строгих ограничений...

Клинберг покинул Израиль и обосновался в Париже. Там проживают его дочь и внучка. В одном из интервью он заявил: «Я не считаю себя шпионом. Я лишь передал кое-какую информацию...»

Дело Джонатана Полларда

В США уже много лет сидит в тюрьме Джонатан Поллард, служивший аналитиком в американской морской разведке. В середине 1985 г. он был арестован по подозрению в шпионаже в пользу... Израиля. Суд был скор и суров: пожизненное тюремное заключение...

Кто же он — узник тюрьмы Винтер, штат Северная Каролина?

Вот какие сведения о нем приводит Иосиф Дайчман в своей книге «Моссад». История лучшей в мире разведки».

Джон Джей Поллард родился 7 августа 1954 г. в еврейской семье, проживавшей в Галвестоуне, штат Техас. Но большую часть своего детства провел в городе Саус Бенд, в штате Индиана.

В престижном Стэнфордском университете, одном из лучших американских учебных заведений, где он обучался, преподаватели отмечали его чрезмерно богатое воображение. Например, он рассказывал, что якобы убил араба в тот непродолжительный период, когда был в Палестине и служил в охране киббуца. У соучеников даже сложилось мнение, что учеба Полларда в университете оплачивалась «Моссадом». Израильская сторона это не подтверждает и не опровергает.

В 1976 г., получив степень бакалавра, Поллард поступил во Флетчеровскую школу права и дипломатии Университета Тафта. Осенью 1979-го ВМС США приняли его на работу в разведку в качестве аналитика. Он работал в Вашингтоне в Оперативном центре наблюдения и разведки, Вспомогательном центре разведки ВМС и Военно-морской службе расследований. Затем попал в новый Антитеррористический оперативный центр ВМС в Сьютленде, штат Мэриленд, созданный в июне 1984 г. как реакция на взрыв исламскими террористами-самоубийцами американской казармы морских пехотинцев в Бейруте. Тогда, напомним, погибли 241 человек.

Серьезная работа по обобщению всех имеющихся фактов, наводок и слухов в сложнейшей сфере борьбы с международным терроризмом требует постоянного доступа к широкому кругу источников и сообщений. Вряд ли есть какая-то другая сфера в области обороны, столь же комплексная и междисциплинарная. Поллард получил выход на большинство банков данных в рамках федеральной разведывательной системы. «Курьерский пропуск» позво-

лял ему посещать особо режимные объекты и брать с собой документы для анализа.

В 1983–1984 гг. Поллард, через руки которого проходило большое количество информации, получаемой с кораблей и спутников, вдруг обнаружил, что информация, предназначенная для передачи израильской разведке, по непонятным причинам задерживается некоторыми деятелями в руководстве национальной системы безопасности США. Израиль легально должен был получать жизненно важную информацию оборонного значения в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании между двумя странами, подписанном в 1983 г. Информация, которая постоянно не передавалась Израилю, касалась работ в области ядерного, химического и бактериологического оружия в Сирии, Ираке, Ливии и Иране, которое разрабатывалось с целью уничтожения еврейского государства.

Убедившись в систематических фактах блокирования информации, предназначенной для передачи Израилю, Поллард обратился за разъяснениями к своему начальству. Ответ был краток и категоричен:

— Думай о своих собственных обязанностях.

Правда, затем последовало краткое объяснение:

— Евреи начинают очень нервничать, когда разговор идет об отравляющих газах, им не нужна информация об этом...

Однако Поллард понял, что истинной причиной заслонов на пути передачи информации Израилю было желание несколько ограничить возможность последнего действовать независимо в вопросах защиты собственных интересов. Он был болезненно обеспокоен тем, что жизни многих израильтян подвергаются риску в результате этого необъявленного разведывательного эмбарго. Он сделал все от него зависящее, чтобы прекратить эту политику и возобновить легальную передачу информации Израилю.

Когда усилия Полларда не увенчались успехом, он лично начал передавать информацию непосредственно Израилю. Он решил это делать только исходя из идеологических интересов. Но ни в коем случае — из меркантильных...

В мае 1984 г. бизнесмен из Нью-Йорка Стивен Штерн познакомил Полларда с полковником израильских ВВС Авиамом Селлой. В первом же разговоре Поллард заявил полковнику, что у него есть доказательства того, что США не делятся с Израилем необходимой разведывательной информацией и ему это не нравится.

Очень скоро об этом знали в Тель-Авиве. Ветеран «Моссада» Рафи Эйтан был заинтригован и одновременно обеспокоен. Это могла быть «подстава» американцев, имеющая целью заманить израильтян в ловушку. Вместе с тем он понимал, что агент может быть очень ценным. Несмотря на существование официальных соглашений, израильская разведка всегда исходила из того, что американцы не делились с ней всем, что у них было. Можно заполнить эти пробелы.

Сопротивляться искушению получить информацию, которую мог дать Поллард, было просто невозможно. Эйтан решил действовать.

«Моссад», связанный секретным соглашением 1951 г. с ЦРУ, избегал прямо шпионить против американцев. Обе разведки поддерживали между собой повседневные контакты, в том числе по компьютерным каналам связи. Дважды в год проходили официальные рабочие встречи, исследовались возможности проведения совместных операций.

Эйтан поручил Селле дать понять Полларду, что Израиль готов к сотрудничеству, и летом 1984 г. офицер, который в это время заканчивал курс обучения в Нью-Йорке, несколько раз летал в Вашингтон для встреч с Поллардом и получения документов. Селле помогали сотрудники «Моссада», которые работали под дипломатическим прикрытием.

Первые полученные документы касались военных проектов арабов. Их срочно отправили в Тель-Авив дипломатической почтой, и они превзошли все ожидания Эйтана. Там были интригующие детали — не полная информация, но важные фрагменты, заполняющие пробелы в той картине, которую имел Израиль: о создании в Сирии химического оружия и возрождении иракской ядерной программы. Там же была информация о некоторых новейших системах оружия, полученных арабскими соседями Израиля. Были также получены списки и описания вооружений, имеющихся в Египте, Иордании и Саудовской Аравии.

В октябре 1984 г. Поллард получил еще более высокий уровень допуска к секретам. Ему стал доступен практически любой документ американского разведсообщества. Он даже мог получать снимки со спутников-шпионов. Директор ЦРУ Уильям Кейси лишь в отдельных случаях делился этими сокровищами с израильянами в рамках стратегического сотрудничества. Опасаясь утечки сведений о методах и технических возможностях американской космической разведки, американцы обычно отклоняли израильские запросы о предоставлении спутниковых фотографий или же рассматривали эти запросы так долго, что вопрос утрачивал актуальность.

США также отложили на неопределенное время рассмотрение просьбы Израиля о предоставлении наземной приемной станции, позволяющей принимать и расшифровывать сигналы с американских спутников. В конце концов Израиль пошел на большие затраты, осуществив в 90-х годах собственный космический прорыв, — запуск спутников, в том числе и разведывательных.

В это же время разведывательные сообщества обеих стран проявили взаимную подозрительность. ФБР было особенно обеспокоено масштабами израильской деятельности в США, полагая, что большая часть этой активности была так или иначе связана со шпионажем.

В 1985 г. ФБР обнаружило незаконную деятельность Полларда. Его израильские партнеры — те, кто получал от него информацию, — предложили ему укрыться в израильском посольстве в Вашингтоне. 21 ноября он попытался проникнуть в дипломатическое представительство Израиля, но был схвачен агентами ФБР прямо на пороге посольства.

Открытого суда над Поллардом не было. По просьбе правительств США и Израиля он подписал специальное соглашение, которое избавило оба правительства от длинного, трудного и дорогого судебного процесса. Согласно этому соглашению, Поллард должен был получить не более четырех лет тюремного заключения, а Израиль — вернуть все переданные Поллардом документы при условии, что прокуратура не будет пользоваться ими как доказательством его вины.

Этим соглашением и полным сотрудничеством со следствием он фактически сам подписал себе приговор. 4 марта 1987 г. он признал себя виновным и был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Причем с рекомендацией никогда не быть помилованным.

В ноябре 1995 г. Поллард получил израильское гражданство. Через год на официальной церемонии, проходившей в тюрьме, ему был вручен израильский паспорт.

Все его апелляции по-прежнему отклоняются...

Наблюдатель по фамилии Смит

За два года до разоблачения американцами Джонатана Полларда Израиль попал в аналогичную «шпионскую историю». В Голландии был арестован наблюдатель ООН Айсбранд Смит, завербованный «Моссадом». Однако дело это, в отличие от поллардовского, удалось замять...

На почтовом ящике под номером 65 в жилом доме, расположенном в одном из фешенебельных предместий Се-

верного Тель-Авива, значится фамилия Шамир-Смит. Хозяин этого почтового ящика, этого дома и этой фамилии, мужчина 72 лет, подтянутый и элегантный, — пенсионер и бизнесмен. Его аскетическая внешность обманчива: все факты, связанные с биографией Шамира-Смита, на протяжении многих лет были строго засекречены военной цензурой Израиля. И только книга, вышедшая в начале 1998 г. в Нидерландах, приоткрывает завесу тайны, которой эта биография была окутана.

Айсбранд Смит, в прошлом майор нидерландской разведки, эмигрировал в Израиль и сменил имя на Авнер Шамир. Вернее было бы сказать, Смиту пришлось эмигрировать после того, как власти Нидерландов раскрыли его связь с «Моссадом», в пользу которого он шпионил несколько лет.

Айсбранд Смит, христианин, бывший гражданин Нидерландов, 1931 г. рождения. После Второй мировой войны он пошел добровольцем в военный флот, отслужил несколько лет, демобилизовался в чине офицера саперного подразделения. Затем поступил в страховую компанию, перебрался в Швецию и в 1956 г. женился.

Через несколько лет Смит возвратился на родину и вновь пошел служить во флот. В начале 60-х энергичного офицера перевели в королевские военно-воздушные силы и направили на курсы разведки. В 1968 г. лейтенант Айсбранд Смит вошел в нидерландский контингент группы наблюдателей ООН, которая контролировала соблюдение соглашения о прекращении огня, заключенного Израилем и его арабскими соседями после «шестидневной войны».

Возвратившись в Голландию, Смит продолжал службу в ВВС и успешно продвигался по служебной лестнице. В 1976 г., уже в чине майора, он вновь был направлен на Ближний Восток, на этот раз в составе контингента ООН на Голанских высотах.

Именно тогда иерусалимский зубной врач, к услугам которого обращался Смит, познакомил его с Далией Юманер. Роман оказался не только бурным, но и продолжительным: завершив службу в составе контингента ООН на Голанах, Айсбранд Смит возвратился в Нидерланды, немедленно развелся с женой, и они с Далией создали свою семью.

И вновь Смит в королевских ВВС Нидерландов. Но вскоре его перевели в аналитический отдел внешней разведки. В декабре 83-го Смита неожиданно арестовали сотрудники Службы национальной безопасности (нидерландская контрразведка). Через месяц также неожиданно освободили, и он уехал в Израиль, где его ждала Далия.

Сначала супруги Смит-Шамир поселились в Кфар-Сабе. Затем перебрались в предместье Тель-Авива...

Впервые скудная информация о шпионской деятельности Айсбранда Смита появилась в конце 90-х годов в амстердамской газете «Телеграф». И вот теперь издана книга под названием «Вилла Мархайзе». Именно там, в густых лесах под Гаагой, находилась штаб-квартира нидерландской внешней разведки с момента ее создания в 1846 г. и до расформирования — в 1992 г. Решение упразднить это ведомство (вернее, объединить его со службой внутренней безопасности) было продиктовано вскрытыми фактами коррупции среди руководства и скандалом, связанным с прослушиванием телефонных разговоров политических деятелей.

«Вилла Мархайзе» — это, по сути, летопись деятельности внешней разведки, несколько страниц которой посвящены «делу Смита-Шамира». Точно неизвестно, как и когда агентам «Моссада» удалось завербовать его и уговорить работать на эту организацию.

Существует несколько версий.

По одной из них, вербовка была проведена еще в начале 60-х. Причем к этой операции имел отношение бывший

израильский премьер Ицхак Шамир, возглавлявший в то время небольшую группу в европейской резидентуре «Моссада», базировавшейся в Париже. Шамир, пишут авторы, частенько наведывался в Нидерланды. В частности, для того, чтобы завербовать Смита.

Эта версия вполне логично объясняет интерес Шамира к «делу Смита». В бытность премьер-министром он предпринял активные шаги для освобождения агента «Моссада» — премьер даже обращался по этому поводу к своему нидерландскому коллеге. Правда, эта версия достаточно хрупка, поскольку трудно предположить, что «Моссад» стал бы вербовать никому не известного морского офицера, к тому же никак не связанного с ближневосточным регионом.

По другой версии, вербовка Смита состоялась в 1968г., когда он работал в группе наблюдателей ООН. Впрочем, авторы не исключают возможности того, что Смит согласился сотрудничать с «Моссадом» только в 1976-м, во время его вторичного пребывания на Ближнем Востоке.

Авторы также предполагают, что Смита завербовала Далия Юманер, а арестован он был и вовсе случайно: чтобы избежать опасности, он пользовался телефонным аппаратом своего коллеги по службе, не зная, что тот как раз находится под наблюдением. Домашний и служебный телефоны Смита тоже стали прослушивать. Это было в 1982г.

Если верить авторам книги, после ареста Смит признался, что работал на Израиль, но категорически отрицал факты оплаты своей деятельности. По их мнению, расследование его дела было достаточно поверхностным. Он никогда не отличался особой лояльностью к Израилу и тем более сионизму. На допросах он выдвинул примерно те же доводы, что и Поллард двумя годами позже.

Он заявил, что информация, передаваемая им Израилу, не касалась Нидерландов. Следовательно, он не нанес ущерба интересам безопасности своей страны. Более того,

эта информация так или иначе была передана израильтянам нидерландской разведкой в рамках ее сотрудничества с «Моссадом».

Расследование было завершено достаточно быстро. Смигу предъявили обвинительное заключение, состоялся закрытый судебный процесс (его дело было строго засекречено). Но спустя две недели его неожиданно освободили...

Авторы предполагают, что власти Нидерландов предложили Смигу альтернативу — покинуть страну или дожидаться приговора суда. Тот выбрал меньшее из зол: присоединился к жене, которая возвратилась в Израиль незадолго до его ареста.

В книге нет объяснения столь странному факту, что шпион, изменивший своей стране, своей армии и своему работодателю (службе внешней разведки), получил возможность самостоятельно решить собственную дальнейшую судьбу. Не говорят авторы и о том, какой характер, какое содержание носила информация, переданная им связным «Моссада».

Впрочем, в книге отмечается, что в начале сотрудничества с «Моссадом» Смит передавал данные о расположении сирийских войск на Голанских высотах и в окрестностях Дамаска, а позже, уже из Амстердама, — информацию, касающуюся стран — членов НАТО. Однажды он даже передал попавшие в его руки крайне важные для Израиля сведения, которыми поделилась с Нидерландами одна из стран. Речь шла об участии ряда европейских компаний, в первую очередь, итальянских, в попытках Ирака создать собственный ядерный потенциал. Данные указывали на то, что программа реализуется на базе реактора, расположенного в окрестностях Багдада, и западные наблюдатели утверждают, что именно эта информация была использована при планировании и проведении воздушного налета на иракский ядерный центр.

В книге «Вилла Мархайзе» говорится и о том, что в руки Смита попали документы, касавшиеся приобретения арабскими армиями различных видов вооружений и деятельности террористических организаций. Бумаги были на арабском языке, и Смит использовал этот факт, чтобы убедить свое руководство передать документы на перевод специалистам из независимой фирмы. Этой фирмой случайно оказалась «Хазит», работавшая под эгидой «Моссада».

Журналисты газеты «Ха-Арец» еще в 1995 г. сумели «вычислить» Смита-Шамира (он тогда жил в Кфар-Сабе), но все обращения к нему и к членам его семьи натолкнулись на вежливый, но решительный отказ. Заговор молчания, окружающий «дело Смита», не нарушается и сегодня. Ицхак Шамир, который, как уже было сказано, возглавлял правительство в период разоблачения шпиона, посетовал на то, что журналисты интересуются темой, ставшей почти «археологической».

— Я не помню, что тогда произошло, и не сожалею о том, что у меня короткая память, — отрезал экс-премьер.

Яков Нехуштан, посол Израиля в Гааге в то время, когда была раскрыта деятельность Смита, признался, что нидерландская служба внешней разведки поддерживала тесные рабочие связи с «Моссадом». Но на вопрос о «деле Смита» отвечать отказался под тем предлогом, что не уполномочен раскрывать государственную тайну.

Еще два человека, чьи имена упоминаются в связи с «делом Смита», — бывшие сотрудники «Моссада» Нахик Навот и Рафи Эйтан. Именно они, если верить авторам книги, завербовали и «вели» Смита. Навот заявил, что ничего не слышал об этом «деле», а имя «Смит-Шамир» ему ни о чем не говорит. Эйтан это имя слышал, но не помнит, в связи с чем.

А Айсбранд Смит, он же — Авнер Шамир, живет себе в Северном Тель-Авиве, частенько ездит на родину (благо

виз не надо) и получает две государственные пенсии — нидерландскую и израильскую. Он по-прежнему решительно отказывается отвечать на любые вопросы, так или иначе связанные с той давней историей...

В Лондоне, как дома

Израильский техник Мордехай Вануну, предоставивший в октябре 1986 г. английской газете «Санди таймс» секретные сведения о ядерном арсенале Израиля, был тайно похищен в Лондоне и доставлен в закрытую тюрьму «Шикма» к югу от Тель-Авива. Тогда же израильское правительство опубликовало лаконичное заявление: «Мордехай Вануну находится в тюрьме на законном основании. Решение о его аресте принято судебной инстанцией в присутствии избранного им адвоката. В соответствии с юридическими нормами никаких подробностей по этому делу в дальнейшем публиковаться не будет».

Тем не менее, подробности вскоре появились...

Мордехай (Мотти) Вануну родился в Марокко в 1954 г. в еврейской семье, где было семеро детей. В начале 1960-х годов семья выехала в Израиль и поселилась в трущобном районе города Беэр-Шева.

Он служил в армии в инженерных частях. Демобилизовался в звании капрала. Какое-то время обучался на физическом факультете Тель-Авивского университета, но был отчислен за неуспеваемость.

В 1975 г. он прочел в газете объявление о наборе «учеников техника» в КАМАГ, как на иврите сокращенно называется Центр ядерных исследований в Димоне. В ноябре 1976-го он был принят туда на работу и направлен на ускоренные курсы физики, химии, математики и английского языка. Через два месяца он успешно сдал экзамены, и 7 августа 1977-го Вануну впервые официально заступил на смену.

В ноябре 1985 г. его уволили по сокращению штатов. Вскоре он продал свою квартиру и автомашину и отправился в длительное путешествие. Сначала — в Катманду (Непал), затем — в Австралию.

В Сиднее Вануну познакомился с журналистом-стрингером Оскаром Герреро. Он рассказал ему о том, что вывез из Израиля две фотопленки, которые тайно отснял в Димоне во время ночных смен. Новый друг стал горячо убеждать Вануну продать эту информацию и обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь.

5 октября 1986 г. в английской газете «Санди таймс» появилось сенсационное сообщение о том, что в израильской пустыне Негев, за «текстильной фабрикой» в Димоне, в действительности скрывается совершенно секретный завод по производству атомных бомб, уходящий в глубь земли на шесть этажей. Автором этой статьи, проиллюстрированной фотографиями, подтверждающими ее правдивость, был Мордехай Вануну. По его сведениям, Израиль располагал ядерными боеголовками в количестве от 100 до 200 единиц.

Тогдашний израильский премьер Шимон Перес потребовал от спецслужб любой ценой доставить Вануну из Англии в Израиль. «Человек, разгласивший главный секрет государства, должен быть непременно найден, предан суду и понести заслуженную кару», — подчеркнул глава правительства.

После интенсивных поисков агенты «Моссада» обнаружили Вануну в одном из лондонских отелей, где он проживал под чужим именем. Он почти не покидал отеля, а если и выбирался на волю, то только в сопровождении большой группы репортеров, готовых оказать ему физическую защиту и уберечь от похищения. В конечном счете израильтяне разработали тонкую комбинацию, в результате которой Вануну был схвачен и вывезен в Израиль.

Руководители «Моссада» всегда считали, что красивая и умная женщина — это профессия, которая должна служить на благо Израиля. Разработчики операции учли то обстоятельство, что Вануну уже несколько месяцев находился на вынужденном «сексуальном карантине». Поэтому он, презрев все предостережения охранявших его репортеров и утратив чувство бдительности, должен был «запасть» на подставленную ему агентессу-обольстительницу.

В роли обольстительницы выступала неотразимо красивая, коварная и вероломная, известная в «Моссаде» агентесса под псевдонимом «Юдифь». В отель, где проживал Вануну, она поселилась под именем Синди Ханин, которая в действительности была Шерил Бентов.

Она родилась в США в семье миллионера еврейского происхождения Стенли Ханина. После окончания школы в начале 80-х годов Шерил приехала в Израиль, в киббуц, чтобы изучать иврит. Она решила остаться, отслужила в армии и вышла замуж за ираильянина Офера Бентова. Вскоре ее завербовал «Моссад»...

Операция по захвату Вануну стала первым серьезным заданием «Юдифь». В ее задачу входило познакомиться с ним, соблазнить и побудить поехать из Лондона в Рим.

Когда однажды они «случайно» столкнулись у лифта, ей было достаточно лишь бросить взгляд на Вануну, чтобы тот поинтересовался, в каком номере проживает мисс и не откажется ли она поужинать вместе с ним? При этих словах в огромных голубых глазах Синди полыхнул огонь страсти и чувственности.

Их физическая близость началась задолго до ужина, в номере Синди, куда в итоге перебрался Вануну и где провел пять незабываемых дней и ночей.

За очередным ужином Синди предложила Мордехаю отдохнуть в Риме, якобы в квартире сестры. Он согласился. В итальянском аэропорту их встретила женщина, пред-

ставившаяся подругой сестры Синди, и отвезла на квартиру. Там Вануну уже ждали агенты «Моссада»...

На многочисленные вопросы израильских журналистов был ли Вануну похищен на британской территории, Израиль дал ответ в официальном сообщении. В нем говорилось: «Г-н Вануну покинул территорию Великобритании по своей доброй воле, используя обычные способы выезда. Его отъезд осуществлен без нарушения законов этой страны».

Как бы то ни было, факт остается фактом — вскоре Вануну предстал перед израильским судом, который признал его виновным в шпионаже и государственной измене, и приговорил к длительному сроку заключения.

И вот 21 апреля 2004 г., после 18 лет лет заключения, 12 из которых Мордехай Вануну провел в одиночной камере, за ним захлопнулись двери тюрьмы «Шикма». Сейчас ему — 50 лет.

Перед выходом из тюрьмы он заявил: «Я страдал здесь только из-за того, что принял христианство. Если бы я остался иудеем, то ко мне относились бы совсем по-другому. Израильским спецслужбам не удалось сломить меня. Я — символ свободы и того, что никто не может сломить волю человека. Я обращаюсь к президенту США Джорджу Бушу, к премьер-министру Великобритании Тони Блэру, к президенту России Владимиру Путину и к канцлеру Германии Герхарду Шредеру сделать все возможное, чтобы меня выпустили из Израиля. Я хочу жить в США. У меня не осталось никаких секретов. Все, что я знал, я уже рассказал».

Однако представители израильских спецслужб считают, что Вануну по-прежнему представляет опасность, ибо обладает еще многими секретами. В его камере было конфисковано большое количество документов, содержащих подробное описание производственных процессов на атомном реакторе в Димоне.

Речь идет о дневниках, которые вел Вануну и в которых он до малейших деталей воспроизвел всю информацию о комплексе в Димоне, строении атомного реактора и всех процессах. Эти дневники и другие документы находились в 87 коробках, которые Вануну попросил вынести из его камеры по случаю освобождения.

В связи с этим Министерство обороны Израиля опубликовало перечень возложенных на него ограничений, включая запрет на выезд из страны в течение года после освобождения. Все остальные ограничения будут действовать лишь полгода.

Что же представляют собой эти ограничения?

Вануну будет обязан сообщать о всех своих перемещениях, если, например, захочет провести ночь за пределами своей квартиры. Кстати, она находится в шикарном комплексе «Андромеда» в старом Яффо. Ежемесячная арендная плата за апартаменты, в которых он будет проживать, превышает 4,5 тыс. долларов.

Он не имеет права приближаться к воздушным и морским портам, а также к территориям Палестинской автономии. С учетом прогресса в сфере коммуникаций Вануну запрещено участвовать в Интернет-чатах и, очевидно, вообще пользоваться Интернетом без специального разрешения. Для общения с иностранцами и посещения представителей зарубежных государств он также обязан получить специальное разрешение у израильских спецслужб. В этой связи ему было предложено заранее представить список иностранных граждан.

Продлят ли действие ограничений после истечения года, зависит, по словам руководства МВД, от поведения Вануну в течение первого года после освобождения.

Что любопытно: ограничения, наложенные на «атомного шпиона», вытекают из закона о чрезвычайном военном положении времен британского мандата...

Многие израильтяне считают Вануну предателем. Однако есть у него и сторонники. В день освобождения у здания тюрьмы собрались около 200 активистов международного антиядерного движения, которые встретили его как героя¹.

Миллионы, политика и... шпионаж

Шабтай Калманович, плотный, всегда хорошо одетый еврей с сильным взглядом голубых глаз, пережил несколько катаклизмов в своей непростой и наполненной страстями жизни.

Например, он приехал в Израиль больше четверти века назад. Стал миллионером. Хорошо жил. Потом его осудили на 9 лет тюремного заключения за... шпионаж в пользу СССР. Потом освободили по состоянию здоровья. Потом он отправился в Россию заниматься бизнесом. Там еще раз стал миллионером. И вот пришло сообщение, что он женился (во второй раз) на 25-летней девушке по имени Анастасия.

— Она еврейка, моя Настя, — сообщил Калманович. — Если бы она не была таковой, то мои родители не разрешили бы мне этого брака. Настя — близкая подруга моей дочери Лиат.

В Израиле о Шабтае заговорили 10 января 1988 г. Именно в тот день в телевизионной программе новостей было передано сообщение о его аресте.

По словам ведущего, израильский бизнесмен Шабтай Калманович «...был задержан сотрудниками службы без-

¹ М. Вануну до сих пор не разрешен выезд за границу. В июле 2007 г. он был приговорен судом на 6 месяцев тюремного заключения за нарушение условий освобождения: контакты с журналистами, попытки выехать из Израиля в палестинский город Вифлеем, на западный берег реки Иордан. В декабре 2005 г., перед Рождеством, принял христианское имя — Иоанн Карсон. (Ред.).

опасности в декабре прошлого года по подозрению в сотрудничестве с КГБ сразу же после того, как вернулся из СССР, который он посетил в составе правительственной делегации африканской республики Сьерра-Леоне». Диктор также объявил, что «указом окружного суда Тель-Авива средствам информации запрещено освещать какие-либо подробности следствия и предстоящего судебного процесса».

Израильские СМИ проигнорировали указ. Некоторое время спустя газеты запестрили заголовками: «Алия¹ в Израиль — благодатная почва для советского шпионажа» («Хадашот»), «В Израиле арестовано и осуждено множество советских шпионов» («Маарив»), «Репатриация советских евреев — средство для засылки к нам советских шпионов. Вот почему Советы никогда полностью не перекрывали алию» («Джерузалем пост»).

В многочисленных публикациях тех дней о Калмановиче, занимавших целые полосы, приводились различные высказывания знавших его людей. И надо сказать, что перед читателями возникал образ весьма незаурядного человека.

«Обаятельный человек, умевший работать с репатриантами и много сделавший для их абсорбции» (Матильда Гез, возглавлявшая отдел абсорбции новых репатриантов в Партии Труда — «Авода»).

«Калманович всегда производил на меня отталкивающее впечатление. Скользкая личность» (Узи Наркис, бывший начальник отдела репатриации и абсорбции Сохнута).

«После того, как я понял этого человека и узнал, что он одновременно сотрудничает с несколькими партиями, я обходил его стороной» (Игал Гурвиц, бывший министр).

¹ Алия — новый репатриант. (Ред.)

«Блестящая личность. Человек большого ума и кипучей энергии. Он был моим советником в кнессете и многое сделал на благо евреев. Не верю слухам о его сотрудничестве с КГБ» (Флатто-Шарон, бывший депутат кнессета).

«Самозванство этого человека, хвастливое “представительство” им южноафриканского государства причинили огромный политический ущерб нашей стране, особенно в отношениях с ЮАР» (Давид Кимхи, один из руководителей Министерства иностранных дел).

Итак, Шабтай Калманович... Кто он и что делал до сих пор? Впрочем, легче задать вопрос: что он не делал?

Шабтай Генрихович Калманович родился 18 декабря 1947 г. в городе Каунас (Литва) в семье сионистов, которые много лет были «отказниками» и боролись за выезд в Израиль. В 1965 г., закончив среднюю школу, он поступил в Каунасский политехнический институт. В 1971-м получил диплом инженера по автоматизации химического производства.

Если верить израильскому еженедельнику «Секрет», на последнем курсе института молодой Калманович оказался втянутым в довольно неприятную историю, угрожавшую ему следствием, судом и тюремным заключением. Но вместо этого недавний выпускник был призван в Советскую армию. Но самое удивительное произошло после его увольнения в запас — семейству Калманович было разрешено покинуть пределы СССР.

Много позже, во время допроса в Израиле, Шабтай признался: в армии его вызвали в особый отдел и без обвиняков предложили ему сделку — КГБ выпускает всю его семью из страны, а он станет агентом этой секретной службы. Согласно другой версии, изложенной тем же «Секретом», еще на последнем курсе института, когда его обвиняли в совершении тяжкого преступления, юношу поставили перед суровым выбором: или суд за изнасилование, или негласная работа «стукачом». Трудно сказать, какой из

вариантов ближе к истине, но, судя по всему, Шабтай принял правила игры.

Калмановичи прибыли в Израиль в декабре 1971 г. и поселились в Крвят-Яме. Как всякий репатриант, учился в «ульпане», где, кстати, показал немалые способности в изучении языка. Затем получил стипендию и был принят на специальные курсы иврита в Иерусалиме.

После этого Калманович избрал нетипичный для репатрианта путь: не стал искать работу по специальности, а начал подвизаться в партиях как активист по поощрению алии и абсорбции (вживание, обустройство) репатриантов из Советского Союза. Многопартийная система в Израиле была ему непонятна: он начал почти одновременно работать в двух партиях. Когда в одной об этом узнали, ему сказали, что так не делают, и уволили его. Он остался работать в Партии труда («Авода»), в Центре информации, под руководством Иегуды Эйлана. А центр входил в состав канцелярии главы правительства...

Эйлан представил Шабтая премьер-министру Голде Меир, а та — Матильде Гез, руководившей отделом алии (репатриация) в Центральном комитете партии. Ему поручили проводить агитацию среди новых репатриантов.

Подобный взлет «парня из Каунаса» насторожил руководство Службы безопасности, тем более что некоторые данные о его советской жизни настораживали. Но на предостережение контрразведчиков не обратили внимания. Круг знакомств Шабтая продолжал расширяться. Среди них были и идеолог «Аводы» Бени Магаршак, и действующие министры в правительстве Голды Меир — Израэль Галили и Игал Алон.

Тогда же Калманович попытался поступить в «Натив» («Бюро по связям»), целью которого было налаживание контактов с евреями СССР и Восточной Европы и провоцирование эмиграции в Израиль. Фактически «Натив» входил в состав разведывательных органов еврейского

государства, а его старшие сотрудники участвовали в заседаниях комитета секретных служб.

Но контрразведка воспротивилась и ему вежливо отказали. Начали осложняться дела и в «любимой партии». К началу 1975 г. назрел окончательный разрыв между ним и Матильдой Гез. Он был уволен со своей партийной должности и решил целиком посвятить себя бизнесу.

Его бывшая коллега Тина Крихели, работавшая с ним в одном отделе, свидетельствует, что Калманович «не проявлял никаких странностей в поведении, кроме особого отношения к репатриантам — деятелям искусства».

— Он начал заниматься организацией выступлений для них, чтобы облегчить их устройство, — вспоминает она. — Но ему сказали, что партия — не контора импрессарио. Он же утверждал, что это на пользу партии и на пользу репатриантов. Во время войны Судного дня он даже выезжал с артистами каждый день на фронт для выступления перед солдатами.

Когда эта его деятельность приняла, по мнению руководства Партии Труда, слишком широкие масштабы, ему деликатно предложили уволиться и заняться этой деятельностью частным образом. И действительно, работа импрессарио была той областью, где Каламанович прошел первую «проверку огнем» как частный предприниматель.

Он занимался ангажементом зарубежных артистов, организацией выставок и культурных мероприятий, пробовал себя напрямую в коммерческой деятельности. И тут в судьбе Шабтая возник человек, сыгравший в ней не последнюю роль и сумевший обучить многому все еще сравнительно молодого «искателя приключений». Звали этого «учителя» Шмуэль Флатто-Шарон. Человек, которого часто награждали эпитетами «блистательный», «великолепный», «потрясающий»...

Флатто-Шарон (он же — Шаевич) родился в польском городе Лодзи. В 1937 г. его семья переехала в Париж.

Начав с продажи дешевого металлолома в одну из африканских стран, только что получивших независимость, Флатто-Шарон быстро разбогател, вошел в окружение французского министра строительства, ловко скупая и продавая земельные участки. Но затем разразился большой скандал, и министр оказался под следствием. А Флатто-Шарон решил спрятаться в Израиле, спешно репатрировавшись в 1972 г. Вскоре ему под руку и подвернулся Шабтай Калманович, продолжавший упорно искать свое место под израильским солнцем.

Флатто-Шарон нашел в его лице отличного ученика. А Шабтаю было чему поучиться у своего новоявленного босса. Особенно деловой хватке, искусству совершать сделки, многим «африканским секретам», позволявшим беспрепятственно проникать в казалось бы самые заповедные места «черного континента» и возвращаться оттуда со сказочной прибылью.

Когда босс решил попробовать себя на политическом поприще, Калманович возглавил предвыборный штаб и вскоре стал у израильско-французского миллионера не мелким служащим, а другом и доверенным лицом. Это уже была не партийная деятельность, а скорее — синтез политиканства с бизнесом. Как известно, избирательная кампания Флатто-Шарона велась, мягко говоря, не совсем чисто, и «одинокий депутат» даже отбыл наказание за подкуп избирателей...

До этого момента у Калмановича еще не видно заметных достижений. Но каждый этап закладывал часть фундамента для будущего взлета. Он оказался непревзойденным мастером завоевывать сердца. Как сказала уже упоминавшаяся Матильда Гез, «перед ним открывались все двери».

Работая в партиях, он завязал связи в политическом мире, и эти связи затем оченьгодились. Как импрессиарио он учился плавать в мире бизнеса. У Флатто-Шаро-

на он углубил это умение и завязал новые связи. Больше того, он оказался не только хорошим учеником, но даже «переплюнул» своего учителя и наставника. Кстати сказать, в стиле обоих много сходства. Пути бизнеса Флатто-Шарона весьма запутаны и «неисповедимы», как, впрочем, и Калмановича, бизнес которого был тесно переплетен с политикой.

В Израиле над Флатто-Шароном нередко посмеивались, когда он заявлял о своем вкладе в государственные дела. Власти не раз опровергали его рассказы о причастности к освобождению «известных узников Сиона в обмен на шпионов из восточного блока». Калманович же, действуя как эмиссар Флатто-Шарона, действительно добился освобождения израильтянина Мирона Маркуса из тюрьмы в Мозамбике в рамках сложной международной сделки, к которой был причастен также посредник из ГДР — адвокат Вольфганг Фогель.

Напомню, что Маркус, летевший в сентябре 1976 г. на частном самолете над Африкой, из-за неполадок в моторе и плохой погоды совершил вынужденную посадку на территории Мозамбика. Местные власти арестовали его по подозрению в шпионаже.

В апреле 1978 г. на захолустной пограничной заставе между Мозамбиком и Свазилендом восемь полицейских подвели Маркуса к ожидавшему там молодому человеку. Тот обратился к Маркусу на иврите:

— Являетесь ли вы Мироном Маркусом из Хайфы?

— Да, это я.

Нетрудно догадаться, что вопрос задал никто иной, как Шабтай Калманович. Он расписался на документе в «получении» Маркуса, и тем самым сделка была закончена.

Освобождение Маркуса было началом африканского этапа карьеры Калмановича. Этапа, который принес ему миллионы и в котором фантастику трудно отделить от действительности.

В конце 70-х он был назначен полномочным торговым представителем южно-африканского бантустана (формально — независимой республики) Бопутатсваны в Израиле. Это произошло после того, как ему удалось (до сих пор не ясно каким образом) завязать исключительно тесные личные связи с президентом этого марионеточного государства Лукасом Мангофой.

Согласно одной из версий, знакомство состоялось при посредничестве американского конгрессмена Бенджамна Гильмана, с которым Калманович встретился в рамках его активной деятельности в помощь «отказникам» в СССР. Как раз в то время был создан ряд марионеточных «государств для черных», якобы получивших независимость от ЮАР. Делегация Бопутатсваны выехала в Вашингтон просить признания и помощи. США не собирались оказывать прямую поддержку этому государству, не признанному Западом, но и отказывать в помощи не хотели. Стали искать людей, которые, не будучи американскими гражданами, могли бы служить связующими звеньями. Гельман рекомендовал для этой роли Калмановича.

Так это было или нет, одно не подлежит сомнению: Калманович быстро завоевал в Бопутатсване такое положение, что его стали называть «белым президентом» и даже «африканским Распутиным».

В 1980–1981 гг. он развернул там колоссальные проекты строительства. Причем без всяких конкурсов, что в том государстве считается совершенно нормальным. Он строил стадионы, торговые центры, знаменитую гостиницу «Сан-Сити» с единственным на материке казино. В самой Южно-Африканской Республике игорный бизнес был тогда запрещен, и многие приезжали в Бопутатсвану (всего 75 км от Йоханнесбурга). Но, пожалуй, главное — он давал президенту советы по использованию богатств этой страны.

Как это обычно бывает в Африке, чем беднее страна, тем богаче ее правители и их приближенные. Во всяком случае Бопутатсвана, несомненно, была источником той сказочной роскоши, которой окружил свою семью Калманович в последующие годы, и тех миллионов, которые стали движущей силой его мировой империи бизнеса. Он купил замок в Каннах (Франция), большой дом в Тель-Авиве, собственный самолет...

Калманович произвел сенсацию в Израиле, когда прибыл с верительными грамотами от президента Лукаса Мангофы и с претензией стать послом или, по меньшей мере, уполномоченным дипломатическим представителем Бопутатсваны. Дипломатический статус он, однако, не получил, поскольку Израиль не признавал это государство самостоятельным. Впрочем, это не помешало ему построить в Тель-Авиве великолепное здание, прозванное «стеклянным дворцом» и ставшее неофициальным представительством Бопутатсваны и личной резиденцией удачливого бизнесмена. Не один израильтянин, в частности — не один офицер в отставке, завязал деловые связи с Африкой при посредничестве Калмановича в его «стеклянном дворце».

В бедной и маленькой Бопутатсване Калмановичу с его размахом вскоре стало тесно. Поэтому он перенес центр тяжести своей деятельности в соседнее государство — Сьерра-Леоне. До его «вторжения» эта страна фактически была в руках группы богатых ливанских бизнесменов, которую возглавлял Джамиль Саид Мохаммед, человек, тесно связанный с ООП и с шиитами Ливана, приятель лидера организации «Амаль» Набби Берри (сегодня председатель ливанского парламента).

Как рассказал в одном из интервью сам Калманович, все началось (с ним это бывало не раз) со знакомства с женой главнокомандующего армией Сьерра-Леоне Джозефа Момо. Он познакомился с ней в самолете и пригласил

сил ее посетить Израиль. Это был год, когда в Сьерра-Леоне должны были состояться выборы.

Калманович фактически совершил в этой стране «произраильский переворот». Он убедил генерала Момо выдвинуть свою кандидатуру в президенты и руководил его избирательной кампанией.

Генерал победил. Кто же присутствовал на церемонии принесения им присяги? Разумеется Шабтай Калманович.

Став президентом, генерал Момо отнял у Джамии Саида Мохаммеда лицензию на право добывать алмазы в Сьерра-Леоне и лишил влияния ливанских бизнесменов, собиравшихся превратить страну в оплот ООП.

Кому досталась лицензия? Калмановичу, который основал в этой стране самую большую компанию и назвал ее именем своей дочери — «Лиат».

Как предполагают, позднее Джамиль отомстил Калмановичу, посеяв в деловом мире сомнения в его порядочности.

Тем не менее в Сьерра-Леоне его влияние было еще больше, чем в Бопутатсване. Наряду с разветвленным бизнесом он занимался и дипломатией, входил в состав делегаций, выезжавших за рубеж с различными миссиями. Он ездил в Советский Союз в составе свиты президента и среди прочего участвовал в переговорах о предоставлении СССР прав рыболовства у западного побережья Африки.

С началом перестройки перед Шабтаем открыла свои двери и «старая добрая Родина». Калманович проводил международные обменные сделки со странами Африки, главным образом по заказу советского Внешторга, получая отменные комиссионные. Его партнером по бизнесу стал известный певец Иосиф Кобзон.

Шабтай приобрел здание на тель-авивской улице Яркон, где оборудовал свой офис, отделанный куда богаче иных посольских приемных самых влиятельных стран.

В Африке он приобрел виллу с джакузи, сауной и бассейном, завез мебель из Италии.

С апреля 1986 г. израильские спецслужбы начали регулярно приглашать его для «дружеских бесед». Подобная игра в «собеседования» могла бы длиться нескончаемо долго и закончиться ничем, если бы не вмешались американцы.

В мае 1987 г. Калманович был арестован в Лондоне вместе со своим партнером Владимиром Давидсоном, бывшим репатриантом-израильянином, перебравшимся в США. Банк «Нейшнл» из Северной Каролины подал против них иск за подделку подписей под чеками и кражу чеков с попыткой их сбыта брокерской компании «Мерил-Линч» в Монако. Истцы добились международного розыска, после чего и последовал лондонский арест. Школа сомнительных операций Флатто-Шарона в конце концов подвела преуспевающего бизнесмена.

Калманович просидел почти полгода под домашним арестом в Англии, после чего был выпущен под залог в полмиллиона фунтов стерлингов. Исходя из принципа «лучшая защита — нападение», Шабтай добивается въезда в США и проходит там проверку на детекторе лжи, чтобы доказать свою невиновность в предполагаемых аферах.

А тем временем Пентагон и Госдепартамент обращаются в Министерство обороны Израиля. Согласно их данным, Калманович и его партнеры поставляют секретную технологию для СССР. Американцы дают и требуют «разобраться» с Калмановичем, а иначе...

Сигнал из Вашингтона был принят и понят. Тогдашний министр обороны Ицхак Рабин, удивленный сообщением из США, потребовал разъяснений от руководства спецслужб. Но ситуация сложилась весьма деликатная. Ведь в «ближний круг» Калмановича входили множество высокопоставленных особ, да и сами секретные службы, очевидно, не брезговали пользоваться его услугами. По

крайней мере так считал один из бывших руководителей «Моссада» Исер Харэль, полагавший, что Калманович беззаботно бы процветал в Израиле до наших дней, не попытайся он прикоснуться к американским военным секретам.

Был составлен план операции «Содом и Гоморра» для разоблачения и ареста Калмановича. В Берлине и Москве за передвижениями бизнесмена наблюдали сотрудники «Моссада», а по прибытии в Израиль его, несмотря на возражения ряда «ответственных товарищей» (уж слишком американцы нажимали), арестовали.

Суд приговорил его к 9 годам с известной оговоркой: если Шабтай станет образцовым заключенным, то сможет выйти на свободу, отсидев две трети положенного срока. Первые четырнадцать месяцев он провел в одиночной камере. В 1991-м серьезно заболел и ему сделали операцию по шунтированию сосудистых узлов. В первой половине 1993-го его помиловали и освободили.

После освобождения он улетел в Москву, «собрав» воедино принадлежавшие ему капиталы в разных странах мира. Он активно занялся бизнесом, снова женился, сохранил израильское гражданство и иногда навещает Израиль.

В Москве у него шикарный офис, расположенный на Кутузовском проспекте, отменно отреставрированном турецкими подрядчиками. Независимые источники утверждают, что его личное состояние оценивается в 20 млн. долларов.

Какого же рода информацию Калманович мог передавать КГБ, если он на самом деле был агентом?

По мнению израильских экспертов, это могла быть информация, во-первых, об армии, где он служил в артиллерийских частях (оснащение, подготовка, передвижение, коды, мораль солдат). Во-вторых, он мог сообщать о тайных связях Израиля с африканскими странами после официального разрыва дипломатических отношений в 1973 г.,

о закулисных торговых связях с ними, торговле бриллиантами и золотом, приобретении сырья, необходимого для оборонной промышленности Израиля. В-третьих, он мог информировать о деятельности израильского правительства и «Сохнута» в борьбе за выезд советских евреев, о связях Израиля с правительствами других стран по этому же вопросу и, наконец, о тайных связях Израиля и советского еврейства.

А вот что заявил тогда по поводу ареста Калмановича бывший руководитель «Моссада» Меир Амит:

— На протяжении ряда лет Советский Союз сумел заслать к нам нескольких шпионов. Они приехали к нам под видом новых репатриантов. Однако их число мизерно по сравнению с общим числом репатрирующихся в Израиль евреев.

— Восемь лет вы руководили разведкой. Был ли за это время случай раскрытия советского шпиона? — последовал вопрос журналиста.

— При мне этого не было...

Шабтай Калманович любит повторять:

— Я очень верю в дружбу. Верю в свою судьбу и живу по принципу: нельзя обижать людей...

Операция «Берег»

Летом в Сиди-Бу-Саиде день и ночь царит атмосфера праздника. В этом городке близ столицы Туниса многочисленные группы иностранных туристов заполняют узкие улочки, снуют вдоль белых стен домиков и утопающих в зелени вилл, проходят мимо массивных богато украшенных дверей то черного, то голубого цвета.

Но в другие времена года городок кажется вымершим. Особенно ночью. Ни души, ни звука. Едва-едва, и то если прислушаться, можно уловить шум прибоя. Там, внизу холма, на котором стоит Сиди-Бу-Саид, пенятся волны,

разбиваясь о причудливо изрезанный морем берег. Так выглядел городок и 16 апреля 1988 г...

Шел второй час ночи. Ни единого огонька, нет и лунного света. Под покровом темноты два микроавтобуса «фольксваген» бесшумно скользят вдоль стен и останавливаются чуть ниже одной виллы, которая мало чем отличается от других. Над входной дверью арка, украшенная резным деревом. Из автобуса выходят восемь мужчин. Все они в форменной одежде специального тунисского подразделения по борьбе с терроризмом.

Охранник у входа в дом спокойно дремал. Но вдруг он очнулся. Что-то заставило его насторожиться и подняться со стула. Он хотел что-то крикнуть, но тут же рухнул наземь, сраженный очередью из автомата, оснащенного глушителем. Дальнейшие события развивались с невероятной быстротой...

В конце февраля — начале марта 1988 г. «Моссад» располагал точной информацией о передвижениях Абу-Джихада (он же — Халиль Аль-Вазир, второй человек в Организации освобождения Палестины, руководитель ее военного крыла) в Тунисе и за его пределами и о его планах на будущее. Начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля генерал-лейтенант Дан Шомрон дал принципиальное согласие на дальнейший сбор информации. Его заместитель, генерал-майор Эхуд Барак, координировал подготовку операции, в которой должны были принять участие «Моссад», военная разведка, авиация, военно-морской флот и спецназ Генштаба.

Сбором наземной информации в Тунисе занимались агенты «Моссада», которые сфотографировали дом намеченной жертвы во всех ракурсах. Поэтому каждый спецназовец первого звена, на которое была возложена непосредственная задача ликвидации Абу-Джихада (в переводе с арабского — отец Джихада), знал наизусть план виллы благодаря трехмерной модели, изготовленной для этой операции.

У агентов «Моссада» была прочная база в Тунисе. С тех пор, как туда перебазировалось из Бейрута командование ООП, сбор информации в этом районе был интенсифицирован. «Моссадовцы», выдававшие себя за туристов и европейских бизнесменов, часто бывали в том районе. В столице открывались филиалы европейских компаний, фактически являвшиеся отделениями «Моссада».

Много сил было вложено в вербовку агентов в самом Тунисе. Часть из них была завербована за пределами страны, некоторые — в ее пределах. Когда основным мотивом вербовки был финансовый, агентам прямо говорилось, что они работают на Израиль. Других — в основном, высших тунисских чиновников, — вводили в заблуждение: якобы их вербует разведка одного из европейских государств.

Такого же рода попытки совершались в отношении членов ООП и других палестинских террористических групп. В этом случае вербовщики выдавали себя за активистов конкурирующих палестинских экстремистских организаций.

Таким образом, к середине 80-х годов Израиль располагал в Тунисе надежной разведывательной сетью. Она включала агентов, способных въезжать в Тунис и выезжать из него под разными личинами и с разными паспортами. В самом Тунисе имелись убежища, где хранилось оружие. «Моссад» постоянно прослушивал телефон Абу-Джихада. Кроме того, морское спецподразделение курсировало вдоль тунисских берегов и картографировало берег в поисках наилучших мест для высадки...

Глава военной разведки Амнон Липкин-Шахак был настроен решительно. Ранним утром, когда он вошел в свой кабинет, явился на доклад руководитель североафриканского отдела и молча положил на стол папку с расшифровками вчерашних телефонных разговоров Абу-Джихада.

— В десять, — сказал генерал, — я буду у Шомрона. Мне нужны две вещи. Первая: дело Абу-Джихада в полном объеме, со всеми выводами и рекомендациями. И вторая: созвонитесь с Ами, он тоже будет на встрече, попросите, чтобы он привез разработки по плану операции «Берег».

В кабинете начальника Генерального штаба Дана Шомрона собралось шестеро. Кроме самого генерала присутствовал Липкин-Шахак, директор «Моссада» Ами Аялон, заместитель Шомрона Эхуд Барак, начальник спецподразделения Генштаба Моше Аялон по прозвищу «Буги» и заместитель директора ШАБАКа Альфред Кастино.

— Дальнейшее промедление смысла не имеет, — сказал Липкин-Шахак. — Информационное поле достигло насыщения, мы сейчас отслеживаем детали, которые никак не влияют на общую картину. Между тем время работает не на нас. Темное время суток сокращается, ограничивая наши возможности.

— Операция очень дорогая, — вмешался Барак. — Стоимость ее возрастает с каждым днем. Еще месяц промедления, и наш бюджет будет исчерпан.

— Операция должна быть проведена не позднее 16 апреля, — подчеркнул Липкин-Шахак. — 17-го Абу-Джихад встречается с Ясиром Арафатом. Могут быть приняты решения, которые лучше предотвратить.

— Итак, — резюмировал Шомрон, время операции — ночь на 16 апреля. Интервал остается тот же: от полуночи до трех часов.

— Согласовано, — подвел итог Липкин-Шахак. — Прощу к карте, проанализируем динамику.

Карта, лежавшая на столе, была гордостью не только «Моссада» и военной разведки, но и всех служб, в той или иной степени причастных к операции. Два года назад это была просто крупномасштабная карта тунисского побережья в 20 км от столицы, южнее Рас-Картаго. Конечно, и тогда это было уникальное издание, поскольку копия была

получена не откуда-нибудь, а из Генштаба армии Туниса. И все же это была лишь заготовка, из которой предстояло создать шедевр. Именно этот шедевр и лежал сейчас на столе генерала Шомрона.

Два года назад обозначенная квадратиком на карте вилла Абу-Джихада в Сиди-Бу-Саиде была, как говорят в таких случаях кибернетики, «черным ящиком». Сначала — на это ушло три месяца — полностью обновили информацию о подъездных путях, садовом участке, о каждом камне и каждом дереве, росшем во дворе. Расположение дверей и окон. Когда и как падает свет луны при разных фазах.

На этом первом этапе подключили американцев, не сообщая, впрочем, истинных целей запроса, посланного от имени Генштаба. Заказали крупномасштабную спутниковую съемку всего поселка, но Шомрон был уверен, что для ЦРУ все это был, конечно, секрет Полишинеля. Розельс, заведовавший тогда аэрокосмической разведкой, несомненно, имел своих информаторов, в том числе и в израильском Генштабе. Доказать, что израильтян интересует именно вилла Абу-Джихада, он не мог, да и не собирался. Причин для отказа в предоставлении информации он не нашел, и именно тогда на карте поселка появились первые изменения. Забор со стороны моря оказался вовсе не таким, каким был изображен на карте. Была ли эта дезинформация намеренной или просто недостаточно тщательной работой тунисских военных картографов?

Это выяснилось месяц спустя, когда впервые агентам «Моссаса» удалось проникнуть на территорию виллы. Правы были тунисцы, но и спутниковые фотокамеры не ошиблись. Попросту оказалось, что забор был по указанию Абу-Джихада передвинут на пять метров к морю. Палестинец отхватил целый «дунам» от чужой территории и полагал, что это сойдет ему с рук. Территория принадлежала Фатхи Шарафу, достаточно важному сотруднику тунисского МИДа.

Что ж, начали с малого: довели до сведения Шарафа о неблагоприятном поступке соседа; хотелось проверить, каков Абу-Джихад в таком склочном деле. Проверили. Палестинец повел себя, как и ожидалось: утверждал, что «все так и было», уступить отказался наотрез, дело дошло до Арафата, которому пришлось выяснять отношения с канцелярией премьер-министра Зина эль-Абдина Бен-Али. Скандал замяли, а забор так и не передвинули.

— Начнем с охраны, — сказал Липкин-Шахак. — При Абу-Джихаде постоянно находятся три личных телохранителя, причем два из них дежурят снаружи, возле дома, когда хозяин находится внутри. Один обычно сидит в машине перед главным подъездом, второй прохаживается вокруг дома. Здесь нет густой растительности, и охраннику, сидящему в машине, прекрасно видна вся дорога почти от начала поселка. Проехать до участка и остаться незамеченным очень трудно.

— Если верна диспозиция, то просто невозможно, — заметил Барак. — Все просматривается, как на ладони.

— Да, — согласился Липкин-Шахак, — начиная от въезда в поселок. Оперативный план предусматривает, что группа проезжает на машинах от берега до въезда в поселок. Машины останавливаются здесь. Потом пятеро «командос» огибают поселок со стороны моря и выходят к вилле Абу-Джихада с ее тыльной стороны. Это наиболее опытные диверсанты, их задача — убрать внешнюю охрану.

— Пятеро — не мало ли? — засомневался Кастино.

— Оптимально. Меньше — стремительно возрастает риск провала. Больше — стремительно возрастает риск обнаружения... После того как устраняют телохранителей, отряд, ожидавший вне поселка, на высокой скорости пересекает открытое пространство, и немедленно начинается штурм дома.

— Эти пятеро хорошо себя проявили, — сказал Шомрон...

Для участия в операции по ликвидации Абу-Джихада были отобраны лучшие солдаты и офицеры спецназа Генштаба. Возник вопрос, кто будет командовать операцией на месте. В принципе это должен быть один из старших офицеров. В 1987–1989 гг. спецподразделение Генштаба возглавлял генерал-майор Моше Аялон. Из-за сложности и деликатности операции он настоял на том, чтобы лично возглавить ее.

Планированием морской переброски занимался военно-морской флот. Маршрут плавания проходил возле греческих островов, южнее Крита. Высадка на берег должна была осуществляться с помощью резиновых лодок...

Барак стремительно вошел в аудиторию вместе с Аялоном. Спецназовцы вскочили, но «Буги» сделал жест, приглашая всех сесть и расслабиться. Полное внимание сознания при полном расслаблении мышц. Барак был в полевой форме без знаков отличия, «Буги» — в гражданском костюме.

— Ребята, — сказал Барак, — я знаю, что вы в полном порядке. Единственное, чего вы пока не знаете, это — кто первым будет стрелять в Абу-Джихада. Это будет майор Шломо Бенизри из второго спецподразделения. В ваших тренировках он не участвовал и на операции будет держаться позади, на виллу пойдет со второй пятеркой. В нужное время и нужном месте он выйдет вперед и произведет выстрел. После этого каждый может, я не говорю должен, это дело добровольное, выстрелить и сам. Отходя, Бенизри произведет контрольный выстрел в голову. Вопросы есть?

Подождав несколько секунд, сказал:

— Ну, ребята, успеха. По машинам...

В среду, 13 апреля 1988 г., отряд особого назначения на четырех плавсредствах и в сопровождении подводной лодки пустился в путь с базы военно-морского флота в Хайфе. На кораблях были расположены оперативный штаб и спасательные службы. На одном из них разместились опе-

рационная — на тот случай, если придется оказывать помощь раненым. Доставить на борт их должны были вертолеты, расположенные на другом корабле. На резервную службу для этой цели были призваны хирурги-профессионалы, участвовавшие также в репетиции на модели.

На кораблях были размещены резиновые лодки «Зодиак», которые должны были высадить бойцов на берег. Непосредственно командовал операцией заместитель начальника Генштаба Эхуд Барак. Он возглавлял оперативный штаб, расположенный на одном из кораблей.

В четверг, 14 апреля 1988 г., израильская разведка перехватила сообщение из французских источников, предназначенное для ООП, где говорилось, что израильтяне что-то замышляют. Несмотря на серьезные опасения, решено было продолжать операцию.

В это же время поздно вечером Абу-Джихад сказал своей жене Интисар, которую все звали Умм-Джихад (мать Джихада):

— Послушай, Умми, я вернусь поздно. Но мне ты будешь нужна. Положи Нидаля в его комнате, хорошо?

— Хорошо, — кивнула она, и голос ее дрогнул.

В последние годы муж не часто говорил ей «ты мне нужна». Она и не помнила, когда он говорил ей это в последний раз. Абу-Джихад жил своим делом, о доме и семье не забывал, нет, но помнил так, будто выполнял обязанность, данную ему Аллахом. Любил, но по-своему. На людях всегда показывал свою привязанность, а наедине (так редко в последнее время!) лишь Нидаля ласкал и лишь ему говорил слова, которые она, Умм-Джихад, жаждала услышать в свой адрес.

Абу-Джихад положил в боковой карман костюма пистолет, пригладил перед зеркалом усы. Обернулся к жене.

— Умми, — сказал он неожиданно, — если меня не станет, имей в виду, Нидаля должен запомнить меня, как Назим помнит своего деда.

Назим был одним из телохранителей Абу-Джихада, и дед его Фарук, убитый евреями еще в конце сороковых, в первой войне, был для молодого человека примером. Фотографию не старого еще мужчины в «куфие» он носил в боковом кармане и каждый раз, когда нужно было давать слово, Назим доставал фотографию и прикладывался к ней губами.

— О чем ты? — нахмурилась Умм-Джихад. — Что происходит в последнее время?

— Я сказал, — отрезал Абу-Джихад. — Ничего не происходит, ничего.

«Не нужно было говорить ей это, — подумал он. — Ничего она не понимает, хотя и знает многое.

— Вернусь поздно, — повторил он, выходя из комнаты. Жена проводила его беспокойным взглядом...

В ночь операции израильский десант на тунисском берегу ожидали три автомобиля — два «фольксвагена» и один «пежо». Автомобили были взяты напрокат за двое суток до того в трех разных агентствах. За прокат машин было уплачено наличными. Их взяли напрокат трое агентов «Моссада», выдававшие себя за ливанцев. Они говорили на прекрасном французском языке.

Когда корабли подошли к тунисскому берегу, было получено сообщение, что не только Абу-Джихад будет ночевать дома в эту ночь, но и большинство лидеров ООП. Информация была передана в оперативный штаб, где находился Барак, в зашифрованном виде. Было внесено предложение расширить операцию.

В это время дом Абу-Джихада находился под наблюдением. Агенты «Моссада» следили за телохранителями, за движением в престижном районе и стремились определить признаки нарушения рутинного порядка вещей, который им хорошо был известен. Они оставались на своих местах вплоть до завершения операции.

15 апреля, с наступлением темноты, корабли встретились в точке, находившейся вне тунисских территориаль-

ных вод и вне досягаемости тунисских радаров. После того как с подводной лодки, наблюдавшей за берегом через перископ, сообщили, что на берегу никого не осталось, на воду были спущены две моторные лодки, в каждой из которой находилось по два человека. Они добрались до берега, где соединились с поджидавшими их агентами «Моссада».

На корабли было передано зашифрованное сообщение, что берег находится под контролем. Тогда в воду было спущено пять резиновых лодок «Зодиак», на которые вошло 20 бойцов из спецподразделения Генштаба.

Бойцы высадились на берегу неподалеку от бывшего финикийского Карфагена. Оттуда недалеко ехать до квартала Сиди-Бу-Саид. На берегу царила тишина, нарушаемая лишь шумом волн.

Агенты «Моссада» непрерывно передавали информацию с наблюдательного пункта — кто въехал, а кто выехал. Выяснилось, что Абу-Джихад задерживается в городе, где у него проходит встреча с Фаруком Каддуми, возглавлявшим политический отдел ООП. На встрече обсуждалось решение администрации закрыть представительство ООП.

Тем временем семья Абу-Джихада готовилась ко сну. Трое старших его детей учились за границей. Дома оставались жена Интисар, 16-летняя Хана, спавшая у себя в комнате, и двухлетний Нидааль, ночевавший в комнате родителей.

После полуночи, когда завершилась встреча с Каддуми, Абу-Джихад направился домой. Вот его машина подъехала к дому. Остановилась. Телохранители занимают свои места. Один — в машине, другой — на подходе к дому, третий — в доме. Телохранитель, сидящий в машине, дремлет. Когда Абу-Джихад вошел в дом, погас свет на первом этаже и зажегся свет в спальне. Квартал вилл погрузился в сон.

По сигналу бойцы группы захвата сели в автомобили, которыми управляли агенты «Моссада». Дорога от берега к дому Абу-Джихада проходит по живописным местам вдоль развали древнего Карфагена. Дом Абу-Джихада стоял на холме над морем километрах в пяти от места высадки командос.

Прошло немногим более часа с момента высадки, и израильтяне въехали в квартал вилл Сиди-Бу-Саид. Здесь проживало еще несколько лидеров ООП, а также многочисленные иностранные дипломаты. На одной улице с Абу-Джихадом, прямо через дорогу, жил руководитель разведки ООП Абу эль-Холи. В соседней вилле обитал Абу-Мазен — ответственный за диалог с израильскими левыми.

Машины остановились возле дома. Десантники вышли и разделились на четыре звена. Первое и второе звено были вооружены автоматами «мини-узи» с глушителями и пистолетами «Берета» — тоже с глушителями. Третье и четвертое звено вооружены винтовками.

Около двух часов ночи был дан приказ начинать операцию. Двое бойцов, один из которых был замаскирован под женщину, подходят к машине, где спит телохранитель Абу-Джихада. Один из них стреляет в него из винтовки с глушителем.

Первое и второе звенья занимают места у входной двери. Третье и четвертое окружают здание. Входная дверь виллы сделана из бронированного дерева. Ее взламывают с помощью особого устройства.

Второе звено спускается в подвал. Там убивают еще одного телохранителя. Садовника убивают в саду виллы.

Бойцы первого звена один за другим вбегают по лестнице, ведущей в спальню Абу-Джихада. Молодой израильский офицер, которому поручено убить «самого», взбегают по ступенькам.

В своей спальне Абу-Джихад слышит голоса, доносящиеся снизу. «Я проснулась от шума, — вспоминает Умм-

Джихад. — Муж вскочил и выхватил револьвер. “Что такое? Что случилось?” — спросила я, услышав крики и шум взламываемой двери. Мне тут же стало ясно, что происходит. Абу-Джихад не успел ответить. Он подошел к двери спальни. Я — за ним. Все произошло в считанные секунды. Я увидела людей в масках. Абу-Джихад затолкал меня в спальню. Один из израильтян приблизился к нему и выстрелил с близкого расстояния».

Тело убитого было изрешечено пулями, но почему-то несколько секунд он продолжал стоять на месте. Когда позднее люди ООП осмотрели труп, они нашли на нем следы от 70 пуль...

16 апреля во второй половине дня премьер-министр Ицхак Шамир вошел в свой кабинет и сразу направился к телефону. Ему сообщили, что связь готова и можно говорить. Шамир поднял трубку.

— Эхуд?

— Да, господин премьер-министр, — ответил Барак.

— Давай без церемоний. Поздравляю, отличная работа!

— Спасибо, — сдержанно ответил он.

— Поздравь всех, кто участвовал в операции. Раненых нет?

Он знал, что нет, но хотел услышать еще раз.

— Нет, все здоровы. Завтра будем в Хайфе.

— Еще раз — поздравляю.

Министр обороны Ицхак Мордехай на вопросы журналистов отвечать отказался. В министерстве работали в обычном режиме; ничего экстраординарного не произошло — о чем говорить с прессой?

Ариэль Шарон своей радости не скрывал.

— Одним убийцей меньше, — сказал он репортерам. — К сожалению, только одним. Не знаю, кто его убил, но это была хорошая работа.

— Израиль участвовал в этой операции? — спросил кто-то из репортеров.

— Израиль? — удивился Шарон и, подумав, добавил: — Не имею такой информации. Вряд ли.

Липкин-Шахак, слушавший интервью Шарона по радио, обернулся к Моше Аялону.

— «Бульдозер» (прозвище Ариэля Шарона. — *Авт.*), — сказал он, — не умеет скрывать своих чувств. Он сказал «вряд ли» с такой гордостью, что даже я расслышал, как его прямо-таки распирает от желания рассказать всем, какие замечательные ребята в нашем спецназе.

— Меня тоже распирает, — усмехнулся Аялон. — Приходится держать давление.

— Барак уже отоспался? — спросил Липкин-Шахак.

— В три часа прибудет с докладом.

В это время он встречался с солдатами спецназа. Отоспался он на корабле: десять часов сна после двух суток бодрствования показалось ему вполне достаточно.

— Ребята, — сказал генерал, — это была хорошая работа. Настолько хорошая, что вы должны о ней забыть. Ничего не было, ясно?

Фиаско в Аммане

В полдень 25 сентября 1997 г. правительственный эскорт подъехал к воротам Главного штаба «Мосслада». По давно установившейся традиции, в канун Рош ха-Шана (еврейский новый года) глава правительства встречается с сотрудниками разведки, чтобы поздравить их с наступающим праздником и поблагодарить за самоотверженную службу на благо родины.

Начальник «Мосслада» Дани Ятом подошел к выходящему из машины премьер-министру Биньямину Нетаньяху и сказал, что обязан переговорить с ним с глазу на глаз до начала торжественной церемонии.

— Мне только что сообщили о провале наших агентов в Иордании, — сказал он. — Двое наших ребят схвачены...

Позднее Нетаньяху скажет, что в тот момент был поражен этим сообщением, так как во время планирования операции никому и в голову не могло прийти, что агентов «Моссада» могут так запросто схватить в центре иорданской столицы Аммане среди бела дня.

Торжественная церемония в штабе «Моссада» все-таки состоялась. Глава правительства выступил с короткой поздравительной речью, но думал он в те минуты совсем о другом.

А в это время Дани Ятом с одним из своих помощников уже летел на вертолете в Амман...

Что же произошло в Иордании?

19 августа 1997 г. в иорданскую столицу прибыли семь агентов «Моссада» из специального подразделения «Мецада». Они имели задание ликвидировать главу политического отдела палестинской экстремистской организации ХАМАС 42-летнего Халеда Машаля.

«Моссад» располагал сведениями, что он был ответственным за подготовку террористических актов, совершенных боевиками ХАМАСа в Израиле, жертвами которых стали сотни мирных жителей. Как евреев, так, кстати говоря, и арабов. По мнению специалистов, устранение Машаля нанесло бы ощутимый удар по организационной структуре ХАМАСа и привело бы к сокращению ее террористической деятельности.

Агенты «Моссада» прибыли в Иорданию под видом канадских туристов и поселились в одном из самых дорогих отелей Аммана — «Интерконтинентале». Утром арендовали легковую машину марки «Хонда» и несколько мобильных телефонов. Все это стоило около 2,5 тыс. долларов, которые были уплачены наличными.

Затем в течение месяца агенты следили за Машалем. Они выяснили маршруты его поездок по городу, места, в которых он бывал наиболее часто, расписание рабочего дня, привычки, пристрастия, круг близких знакомых. Когда

сбор информации завершился, им оставалось только получить приказ из Израиля о проведении заключительного этапа операции. Приказ поступил в конце сентября.

Местом покушения был выбран вход в канцелярию Машаля, расположенную в районе многоквартирных домов, небольших предприятий и различных контор.

25 сентября в 11 часов утра объект ликвидации подъехал к дому, в котором находилась его канцелярия. Вышел из машины и сразу же, как позднее сообщил журналистам, обратил внимание «на двух мужчин европейского типа, которые резко выделялись среди прохожих». Машалю было непонятно, что могут делать туристы в таком районе. Впрочем, его это не очень интересовало, и он спокойно направился к входу в здание.

Именно в этот момент «туристы» напали на него.

— Меня вдруг бросило в дрожь, — признался на пресс-конференции Машаль. — Каким-то непонятным прибором они дважды коснулись моего затылка за левым ухом. Я почувствовал удар электрического тока, в ухе громко зазвенело. Голова сразу же закружилась, и я потерял сознание.

По признанию израильских экспертов (разумеется, пожелавших остаться неизвестными), это была хитроумная попытка покушения, проведенная при помощи прибора, которым Машалю впрыснули яд. Как позднее рассказал «хамасовец», он сразу понял, что его «пытаются убить тихим способом, без помощи огнестрельного оружия». Поэтому перед тем как рухнуть на тротуар он все же успел крикнуть своему телохранителю Мухаммеду Сейфу:

— Меня взорвали! Меня взорвали!

Телохранитель сориентировался мгновенно. И, похоже, что при подготовке операции в «Моссаде» его реакцию не приняли в расчет. Вместо того, чтобы оказать первую помощь своему подопечному или хотя бы проверить его состояние, Сейф (в переводе с арабского — «меч», «саб-

ля») выскочил на проезжую часть, остановил такси и бросился вдогонку за покушавшимися, которые мчались по направлению к центру города.

Спустя несколько минут бешеной гонки двое неизвестных, резко затормозив, выскочили из машины и побежали к другому автомобилю, стоявшему с работающим двигателем и открытой задней дверью. Хорошо тренированному Сейфу удалось догнать преследуемых. Он закричал во весь голос, прыгнул на них, да так удачно, что зацепил обоих.

К несчастью для покушавшихся, неподалеку оказались иорданские полицейские, которые тут же вмешались. Другие агенты «Моссада», поджидавшие своих напарников в машине, увидев полицейских, захлопнули дверь и умчались. По утверждению иорданских служб безопасности, машина скрылась во дворе израильского посольства, которое тут же было блокировано.

Двоих задержанных доставили в полицейский участок. Их поведение сразу же вызвало подозрение, что они вовсе не являются канадскими туристами Барри Бидсомом и Шоном Кендаллем, как следовало из их паспортов. Псевдотуристы категорически отказались от любезного предложения полиции пригласить в участок представителя канадского посольства. Более того, они отказались позвонить домой и сообщить об инциденте семьям. Когда же выяснилось, что паспорта фальшивые, у иорданцев не осталось ни малейшего сомнения, что они имеют дело с агентами «Моссад».

Пока шло следствие, Машаль находился в больнице, принадлежащей исламскому движению. Вскоре иорданский монарх приказал перевести его в госпиталь «Король Хусейн» и пригласил для консультации крупного специалиста из американской клиники «Майо». Состояние жертвы покушения быстро ухудшалось, но противоядие, присланное из Израиля, спасло ему жизнь.

Между тем разгорелся грандиозный скандал. Король Иордании пришел в ярость. Оттава выразила возмущение по поводу использования канадских паспортов в столь неприглядном деле...

Получив 25 сентября известие о фиаско в Аммане, израильский премьер поставил в известность о случившемся министра обороны Ицхака Мордехая, министра национальной инфраструктуры Ариэля Шарона и секретаря правительства Дани Навэ. Нетаньяху также отдал приказ резиденту «Моссада» в Вашингтоне вылететь в Нью-Йорк и рассказать о провале министру иностранных дел Давиду Леви, возглавлявшему делегацию на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Он также позвонил представителю в Европейском сообществе Эфраиму Галеви и попросил его срочно вылететь в Израиль. Галеви, занимавший в прошлом пост заместителя директора «Моссада», был известен тем, что на протяжении последних двадцати лет поддерживал самые тесные контакты с королем Хусейном и его окружением.

26 сентября Нетаньяху встретился с Галеви в Иерусалиме. Тогда же возникла идея о выдаче Иордании духовного лидера ХАМАСа шейха Ахмеда Ясина, отбывавшего с 1989 г. пожизненное заключение в израильской тюрьме.

— Нужно было предложить монарху что-нибудь исключительное, чтобы он пошел на мировую, — говорил Галеви. — Иначе Хусейн не перестанет подозревать нас в том, что мы способствуем свержению его режима.

Главу правительства убедили эти слова, и он разрешил Галеви отправиться в Амман с предложением об освобождении шейха.

Король Хусейн принял своего израильского друга во дворце и без стеснения высказал ему все, что он думает об этой истории и о Нетаньяху. Король не верил в то, что присланное из Израиля противоядие действительно спасет жизнь Машала. В заключение беседы Хусейн в ультиматив-

ной форме потребовал от израильтян выдачи секрета производства смертоносного яда, то есть его химической формулы. В случае невыполнения этого ультиматума монарх пригрозил разрывом дипломатических отношений.

Для усиления давления на Израиль он направил в Вашингтон своего брата, наследного принца Хасана. Тот, если верить иорданским газетам, привез президенту США Биллу Клинтону видеокассету с признанием «канадцев» в том, что они являются агентами «Моссада».

27 сентября в канцелярию Нетаньяху стали прибывать самые высокопоставленные лица государства. Министры Мордехай и Шарон, начальник Генерального штаба Липкин-Шахак, руководители спецслужб и другие. Главная цель совещания — сделать все возможное для того, чтобы информация о провале в Аммане не просочилась в прессу.

В 21.00 того же дня у премьер-министра состоялось одно из трудных и драматичных обсуждений за всю историю израильских правительств. Первым взял слово Эфраим Галеви.

— Король Хусейн требует химическую формулу яда, — сообщил он.

И тут присутствующие заговорили все разом. Какой урон будет нанесен Израилю, если этот секрет будет выдан Иордании? Что скажут в мире, когда узнают, что еврейское государство занимается разработкой химического оружия?

Нужно было дать ответы на все эти вопросы. В конце концов пришли к мнению, что урон не так уж значителен по сравнению с теми последствиями, которые может повлечь за собой ухудшение отношений с королем Хусейном. И потому следует передать королю требуемую формулу.

Снова на Галеви была возложена задача отправиться в Амман вместе со специалистом, который должен был ответить Хусейну на все вопросы, связанные с действием яда. Еще одна цель, поставленная перед Галеви, — обсудить с королем условия освобождения шейха Ясина.

На следующее утро автомобиль, в котором находились Галеви и четверо агентов «Моссада», нашедших убежище в израильском посольстве в Аммане, в сопровождении колонны машин направился в сторону государственной границы Израиля. Король Хусейн благосклонно согласился обменять израильских агентов на формулу яда.

Следующей задачей правительства стало освобождение двух агентов «Моссада», находившихся в иорданской тюрьме. Было решено, что для пользы дела желательна встреча руководителей Израиля с королем. Хусейн, однако, категорически отказался беседовать с Нетаньяху, и потому вместо монарха израильскую делегацию должен был встречать наследный принц Хасан. Было решено также, что Израиль сделает официальное предложение об обмене шейха Ясина на двух агентов.

Около 23.00 на вертолетную площадку кнессета прибыли Биньямин Нетаньяху, Ицхак Мордехай и Ариэль Шарон, Эфраим Галеви, советник министра обороны генерал Яков Амидрор и полковник Шимон Шапира. Обычно полет из Иерусалима до Аммана занимает 12 минут. Но на этот раз произошло нечто невероятное.

Почти 20 минут вертолет израильских ВВС с главой правительства и его свитой на борту пытался найти площадку для приземления в столице Иордании, лавируя между домов. Наконец, иорданцы подняли в воздух свой вертолет, который указал израильским летчикам место посадки. С получасовым опозданием правительственная делегация прибыла в дом военного советника короля Хусейна генерала Али Шукейри, где наследный принц Хасан уже попивал кофе.

Со слов очевидцев и из официальных протоколов встречи можно понять, что она была малоприятной для израильтян. Принц Хасан обвинил израильское правительство в попытке свержения власти хашимитской династии.

— Что мы вам сделали? — вопрошал он. — Ведь всего за несколько дней до покушения на Машаля мой брат, король Хусейн, пригласил на прием израильских офицеров, обедал вместе с ними. А вы устроили ему такое...

Принц недоумевал:

— Что за идиотизм! Четверо агентов «Моссада» среди бела дня скрываются в израильском посольстве...

Хасан был уверен, что операция по уничтожению Машаля имела непосредственное отношение к обсуждавшемуся в Израиле плану ввода войск на территорию автономии в Иудее и Самарии. Это должно было спровоцировать сотни тысяч палестинских беженцев на активные действия против короля Хусейна.

Нетаньяху пытался убедить наследного принца в том, что у Израиля нет и никогда не было никаких дурных намерений в отношении Хашимитского Королевства. Единственная цель покушения на Машаля — уничтожение всех тех, кто причастен к последним актам террора. Тем не менее глава правительства обещал Хасану, что ничего подобного больше не повторится. Встреча закончилась на рассвете предложением Израиля об освобождении Ясина в обмен на двух агентов «Моссада».

В понедельник в Амман вылетели Дани Навэ, Эфраим Галеви и представитель «Моссада». Там они встретились с генералом Шукейри, чтобы через него выяснить у шейха Ясина, согласен ли он на то, чтобы его переправили в Иорданию. Ясин дал положительный ответ.

Тогда было решено, что на следующий день король Хусейн в своем публичном выступлении потребует от Израиля освобождения шейха, и Нетаньяху «удовлетворит просьбу монарха». Однако в отношении израильских агентов никаких обещаний от Иордании в тот момент получено не было. Поэтому Израиль также не гарантировал Ясину возвращения в сектор Газа.

На следующий день, во вторник, история о провале агентов «Моссада» в Аммане стала достоянием журналистов. Но их пока сдерживала военная цензура. В 22.00 Хусейн публично потребовал от Израиля освобождения шейха Ясина.

Нетаньяху сдержал слово: позвонив министру внутренней безопасности Авидгору Кахалани, он сообщил о своем решении освободить шейха и переправить его в Иорданию. Глава правительства не рассказал Кахалани всей подоплеки этого дела. Да это было и ненужно, так как министр уже давно предлагал освободить тяжело больного Ясина, считая, что его пребывание в тюрьме наносит вред интересам Израиля.

Нетаньяху надеялся, что король согласится на освобождение израильских агентов. Однако иорданцы не спешили с выполнением обещаний, стремясь извлечь максимальную выгоду из сделки с Израилем.

Тогда премьер решил послать в Амман своего юридического советника Эльякима Рубинштейна, который, как и Галеви, пользовался особым расположением короля. Но на этот раз израильская миссия провалилась: иорданский монарх не согласился освободить агентов «Моссада».

Положение стало почти безнадежным. Через представителя «Моссада» в Аммане иорданцы передали Израилю список 50 членов ХАМАСа, отбывающих заключение в израильских тюрьмах, предложив обменять их на агентов. Среди заключенных были убийцы израильтян и палестинцев, сотрудничавших с властями Израиля. Ответ Израиля последовал незамедлительно — об освобождении этих людей не может быть речи.

В два часа дня Нетаньяху созвал совещание у себя в новом доме на улице Бальфура в Иерусалиме. Времени было в обрез. Шарон предложил направить его для беседы с королем Хусейном. Премьер согласился. Шарон, долгие годы бывший одним из главных врагов хашимитской

династии, превратился в человека, которому монарх и наследный принц Хасан доверяют больше, чем другим членам израильского правительства.

В это время в Аммане находились Дани Навэ и советник Нетаньяху полковник Шимон Шапира. Они должны были объяснить генералу Шукейри, что обмен агентов «Моссада» на «хамасников»-убийц исключен. Тогда Шукейри вновь поднял вопрос о возвращении шейха Ясина в сектор Газа. Это было последней козырной картой Израиля, представители которого согласились обдумать этот вариант. Но только в том случае, если это ускорит возвращение агентов домой.

Наступила суббота. Все понимали, что терпение журналистов на исходе. Назавтра все газеты вышли бы со статьями, убийственными для главы правительства. В 3 часа дня Нетаньяху созвал очередное совещание у себя дома в Иерусалиме, на котором он сообщил о переговорах Навэ в Аммане и планируемой поездке Шарона к королю.

Вечером машина Шарона пересекла границу Израиля на мосту Алленби. По другую сторону границы он и его помощник пересели в вертолет иорданских ВВС, который доставил их в королевский дворец. В ходе беседы с Хусейном Шарон снова и снова убеждал монарха, что Израиль ничего против него не замышляет. Наоборот, еврейское государство очень заинтересовано в укреплении дружеских отношений с Хашимитским Королевством.

В конце концов Шарон сказал:

— Ваше величество! Вы меня знаете. Я всегда говорю, что думаю... Мы сделали все, что вы просили. Спасли жизнь Машаля, хотя как убийца он заслуживает смерти. Поделились с вами государственной тайной страны. Сейчас вы требуете выдачи пятидесяти убийц. Неужели вы хотите стать пособником ХАМАСа? Пока вы не отдадите нам наших ребят, мы не разрешим Ясину вернуться в Газу. Поймите, чем больше споров будет у нас в Израиле, тем

скорее ситуация может выйти из-под контроля. Или вы и вправду хотите, чтобы мы согласились на переговоры с ХАМАСом? Это же не будет способствовать переговорному процессу с палестинцами.

Шарон напомнил также королю об усилиях, предпринятых Израилем после войны в Персидском заливе для того, чтобы обелить в глазах США Иорданию, поддержавшую Саддама Хусейна.

— Вы ошибаетесь, думая, что этот провал «Моссада» свалит правительство Нетаньяху, — сказал он. — Я готов ждать вашего решения всю ночь, но обязан вернуться в Израиль не один, а вместе с нашими агентами...

Король Хусейн принял доводы Шарона.

— Хорошо, я согласен, — ответил он. — Но сначала вы вернете шейха Ясина в Газу, а через два дня мы отпустим ваших агентов.

Шарон не уступал:

— Ясин и агенты — одновременно.

Тогда иорданцы предложили новый список палестинцев, отбывающих наказание в израильских тюрьмах. Шарон внимательно изучил его и убедился, что в нем нет имен тех, чьи руки запятнаны кровью.

В 2 часа ночи он вернулся в Израиль и по телефону сообщил Нетаньяху о достигнутой договоренности. Глава правительства дал добро: шейху Ясину был разрешен въезд в Газу.

6 октября 1997 г. из Аммана вылетели два вертолета. Один с шейхом Ясином на борту в сторону сектора Газа, второй — с агентами «Моссада» в Израиль...

Скандал в Берне

19 февраля 1998 г. последовал новый провал агентов «Моссада», на этот раз в Швейцарии, приведший к отставке его руководителя Дани Ятома.

Что же произошло?

Вот что рассказала на пресс-конференции в Берне представительница швейцарской федеральной прокуратуры.

17 февраля в Швейцарию рейсом авиакомпании «Эль-Ал» из Тель-Авива прибыли пять сотрудников «Моссада». Ночью 19 февраля они были задержаны местной полицией в подвале дома в одном из пригородов Берна, где проживают иностранные дипломаты.

Двое агентов находились снаружи, а трое прослушивали и записывали телефонные разговоры, которые велись из квартиры, принадлежавшей иранскому представителю. По другой версии в этой квартире проживал швейцарец, тесно связанный с проиранской группировкой «Хезболла». Одна из жительниц, которой в ту ночь не спалось, заметила около дома подозрительных лиц и вызвала полицию.

Из пятерых задержанных четверых после допроса отпустили. По всей вероятности, они тогда же покинули страну. Подслушивающая аппаратура была отправлена в исследовательский отдел полиции в Цюрихе.

Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху прокомментировал ситуацию кратко:

— Израильский гражданин задержан в Швейцарии. Мы занимаемся этим вопросом по дипломатическим каналам. Мы сделаем все, чтобы решить эту проблему.

Разумеется, Нетаньяху умолчал о том, что задержанный израильтянин обвиняется в сборе политических, экономических и военных разведанных.

Однако арестованные агенты «Моссада», как сообщила позднее лондонская газета «Таймс», имели более серьезное задание, чем прослушивание телефонных разговоров. Прежде всего они должны были ликвидировать в Берне двух бизнесменов, которые подозревались в том, что собирались оказать «Хезболла» помощь в приобретении

химического и бактериологического оружия и доставке его на Ближний Восток.

Газета пояснила, что эти сведения ее корреспондент получил от сотрудника резидентуры «Моссада» в Брюсселе, который пошел на это признание из-за разногласий со своим шефом. «Таймс» сообщила также, что один из арестованных агентов участвовал в неудавшемся покушении на Халеда Машаля.

Одним из тех, кого предстояло ликвидировать, был 32-летний Абдулла Зейн, выходец из Южного Ливана, уже несколько лет проживавший в Швейцарии. Агенты намеревались применить тот же яд, который был использован в операции по устранению Машаля.

Офицер брюссельской резидентуры сообщил, что «швейцарскую операцию» утвердил глава «Моссада» Дани Ятом. После провала в Иордании он стремился спасти свою репутацию и... кресло.

Как заявила швейцарская сторона, скандала можно было избежать, если бы израильская пресса не начала трубить о том, что «Моссад» сел в лужу в Швейцарии. По словам представительницы прокуратуры, ее страна «была готова проявить деликатность и не оглашать подробности этого инцидента».

В то же время в самой Швейцарии скандал вокруг пяти агентов израильской спецслужбы вызвал немало эмоций. Причем это далеко не единственный пример, свидетельствующий о привлекательности Швейцарии для иностранных разведок. Нейтральная страна не раз становилась в прошлом ареной войн на «невидимом фронте» и, судя по всему, станет еще не раз. Секретные операции, как и в случае с «Моссадом», чаще направлены не против Конфедерации как таковой, — они касаются интересов либо двух иностранных государств, либо одного государства и его осевших в Швейцарии граждан, настроенных оппозиционно.

Похоже, что Швейцарии «на роду написано» быть в сердцевине таких баталий. Проявляя традиционное великодушие и терпимость к политическим изгнанникам со всего мира, стабильная, демократичная альпийская республика невольно становится объектом пристального внимания со стороны режимов, с критикой которых продолжают выступать нашедшие приют на швейцарской земле беженцы.

Курды, алжирцы, иранцы, палестинцы — эти люди, обосновавшиеся в Швейцарии, причиняют постоянную «головную боль» властям покинутых ими государств. За оппозиционерами нужен «глаз да глаз», и без разведки здесь никак не обойтись. При этом иностранные спецслужбы понимают, что нарушают законы Швейцарии, однако чего ни сделаешь ради «высокой идеи национальной безопасности».

Израильянин Хези Кармель, в прошлом высокопоставленный сотрудник «Моссад», а ныне журналист и писатель, не склонен драматизировать бернский инцидент с израильскими агентами.

— Я не сказал бы, что Швейцария — важное место для деятельности «Моссад», — заявил он. — Весь мир — место деятельности «Моссад». Проблема Израиля — это не Швейцария, не Франция и не Италия, а противники еврейского государства. И там, где находятся эти противники, Израиль должен искать информацию. Обычно сбор этой информации осуществляется через международное сотрудничество, особенно если речь идет о борьбе с терроризмом. Однако время от времени случается, что приходится проводить индивидуальные операции...

Были ли в Швейцарии подобные инциденты с израильской разведкой в прошлом? В федеральной прокуратуре вспоминают только случай 20-летней давности: в 1963 г. в Берне были арестованы два израильских агента. Они намеревались запугать семью немецкого ученого, приглашенного на работу в Египет.

Однако какие бы шпионские скандалы ни потрясли Швейцарию, подлинный расцвет деятельности иностранных разведок остался, увы, в прошлом. Это легендарные операции «рыцарей плаща и кинжала» в годы Второй мировой войны.

Женский профиль израильской разведки

В «Моссаде» работает немало женщин. Причем они служили на оперативных должностях уже на начальном этапе существования этой секретной службы. Как правило, они играли роль жен или невест (смотря по тому, как строилась легенда) агентов или резидентов, работавших за рубежом.

С течением времени женщины в «Моссаде» стали выполнять все более сложные и многообразные функции. По словам бывшего начальника «Моссада» Дани Ятома, женщины в израильской разведке ныне занимают должности, которые еще полтора-два десятка лет назад считались исключительно прерогативой мужчин.

По свидетельству знающих людей, представительницы прекрасного пола составляют сегодня не менее 20 процентов всего личного состава оперативных работников «Моссада». Например, согласно публикациям в израильских СМИ, в подразделении «Радуга», специализирующемся на тайном проникновении в квартиры и офисы с целью фотографирования секретных документов и установки аппаратуры подслушивания, служит немало дам. Точно также, как в подразделении «Ярмарка», занимающемся обеспечением безопасности офицеров разведки в момент встреч с источниками информации.

Женщины работают и в группах, осуществляющих слежку за теми или иными объектами. И в звеньях, которым поручают захват и похищение интересующих «Моссад» лиц, а иногда и ликвидацию.

Но на самый верх иерархии удавалось пробиться лишь единицам...

Самой высокопоставленной женщиной в «Моссаде» была и остается Ализа Маген. Она занимала пост заместителя директора «Моссада». То есть была человеком номер два в одной из самых могущественных разведок мира.

— Для меня все в «Моссаде» началось случайно, — рассказывает она. — Собственно, меня взяли туда простой служащей, делопроизводителем. До этого я успела отслужить в армии. Через несколько месяцев после того, как я поступила на работу, там срочно для выполнения некой миссии потребовался человек, свободно говорящий по-немецки. А немецким я как раз владела практически как родным языком. Мне тут же оформили заграничный паспорт, и я поехала. Это был прорыв. Я стала оперативным работником, не пройдя даже базисной спецподготовки.

В ходе той первой миссии ей предстояло водить машину за рубежом. А она не умела водить и не имела прав. Ее спешно, за несколько интенсивных уроков вроде бы научили, но каждый раз, когда она садилась за руль, ее охватывал страх. Впрочем, то, что ее, неподготовленную, не имевшую водительских прав в Израиле, взяли для выполнения задания за рубеж, было импровизацией.

После первой операции начальник «Моссада» Иссер Харэль обратил внимание на Ализу Маген. Ее стали подключать к разным делам.

— У женщины в разведке есть какие-нибудь преимущества перед мужчинами?

— Я, к примеру, верю, что интуиция у женщин развита сильнее, чем у мужчин, — считает Ализа Маген. — А разведка — это работа, где без интуиции ну никак. Кроме того, есть места, где женщина может спокойно пройти и, не вызвав подозрений, увидеть все, что надо. А пояись там мужчина, да еще один, без дамы, он неизбежно вызовет подозрения.

— Но в разведке женщин часто используют и как приманку, верно? Так было, например, в истории с Мордехаем Вануну. Ту женщину звали Синди.

— Что есть, то есть, не стану отрицать. Но, вопреки расхожим представлениям, такие случаи не столь уж часты. Кстати, при приеме женщин на работу в «Моссад» наша служба гарантирует им, что не станет использовать их в ходе той или иной миссии в сексуальном плане. То есть от женщины не потребуют, чтобы она, вербуя некий источник информации, обязательно переспала с этим мужчиной. К слову, ведь Синди тоже не вступала в сексуальные отношения с Вануну. Она лишь завлекла его...

В 1986 г., после того как Вануну раскрыл британской газете «Санди таймс» секретную информацию об израильской ядерной программе, тогдашний премьер-министр Шимон Перес потребовал от «Моссада» любой ценой доставить предателя из Англии в Израиль. Изучив психологический портрет Вануну, которого описывали как скромного одинокого человека, ищущего интеллигентную подругу, в «Моссаде» приняли решение использовать в операции Синди.

Она прибыла в Лондон в составе целой группы агентов и «подставилась» Вануну как бы случайно, представившись богатой американкой, путешествующей по Европе. Она сказала Мордехаю, что из Лондона летит в Рим. Тот согласился поехать с ней. В аэропорту в Италии их встретила женщина, представившаяся подругой сестры Синди и отвезла на квартиру. Там Вануну уже ждали агенты «Моссада»...

ИЗ АРХИВА:

Синди — настоящее имя Шерил Бентов. Она — американская еврейка — добровольно приехала в Израиль, чтобы помочь своей исторической родине. Работала в одной из школ Кирьят-Шмоны, небольшого городка на севере Израиля у самой границы с Ливаном.

Однажды Шерил получила письмо. В нем ей предлагалось прийти в определенное время по указанному адресу, чтобы обсудить вопрос об интересной работе. Когда удивленная Шерил показала это письмо знакомому коренному израильтянину, тот сразу сообразил, откуда это письмо: «Это из ШАБАКА или “Моссада”. Они, наверное, действительно хотят предложить тебе работу. Завидую».

Встреча состоялась в обычной квартире обычного жилого дома. Шерил встретил молодой человек и провел ее в другую комнату, где сидел пожилой мужчина. Он объявил ей, что содержание их разговора не подлежит разглашению, и предложил подписать соответствующую бумагу-обязательство. Затем сообщил о предлагаемом Шерил большом доверии: работать вместе с ними.

На ее вопрос «Кто вы?», человек уклончиво ответил, что представляет правительственную организацию, обеспечивающую безопасность страны. Затем он сказал, что, насколько ему известно, Шерил скоро должна получить израильское гражданство и быть призвана в армию. Вместо скучной службы в армии собеседник от имени своей организации предложил ей, разумеется, после соответствующей проверки, заключить соглашение на сотрудничество с этой организацией сроком на пять лет и продолжать учебу в университете. Все, что от Шерил потребуется, это время от времени отвечать на вопросы их сотрудника, которые будут касаться обеспечения безопасности в районе, где она живет и учится. Разумеется, не бесплатно. Если эта работа окажется успешной, ее ждет поездка на работу за границу.

Шерил, приехавшая жить в Израиль, ехать за границу на работу как раз и не желала. «Вы предлагаете мне работу стукача?», — прямо спросила она. Собеседник горячо возразил, убежденно разъясняя, что речь идет о престижной работе тайного агента очень важного в Израиле учреждения.

Шерил категорически отказалась. Дальнейшие настойчивые уговоры ни к чему не привели. Знакомый израильтянин, услышав ее рассказ о беседе в ШАБАК (это были представители оттуда), обозвал Шерил сумасшедшей, долго уговаривал ее позвонить туда и согласиться на сотрудничество, но она была тверда в своем решении. Вскоре она получила гражданство и стала ждать призыва в армию.

И вот теперь Шерил получила предложение сотрудничать с «Моссадом». Это предложение ее тоже насторожило. «Что я должна делать?» — спросила она. Сотрудник «Моссада» по имени Мариссель не торопился отвечать, хотя стремительно развивающаяся история с Вану требовала быстрых ответных действий. Он только пояснил, что сегодня Израиль ведет не только открытую, но и тайную войну против своих врагов. Но солдат в Армии обороны Израиля пока хватает, а вот солдаты для тайной войны очень нужны. «Такие, как ты. Ты можешь сделать то, что не могут другие», — заключил Мариссель.

Через несколько дней Шерил снова получила письмо, очень похожее на письмо из ШАБАКа. Встреча состоялась совсем в другом месте, но тоже на квартире. Встретила молодая женщина и провела к человеку, назвавшемуся полковником Коэном. Полковник тоже попросил подписать обязательство о неразглашении, а затем начал рассказывать о предстоящей службе.

Служба должна продолжаться минимум три года. Если не будет никаких претензий у службы безопасности и она сдаст необходимые экзамены, ей предложат служить в течение пяти лет, обеспечат интересной работой и пошлют в офицерскую школу. «Что конкретно мне предстоит делать?» — спросила Шерил. Полковник сказал, что он только может сообщить, что для начала ее хотят использовать в качестве переводчика. Шерил немедленно согласилась.

Уже на следующее утро начались необходимые проверки: нужно было заполнить массу многостраничных

анкет с многочисленными вопросами о прошлой жизни, родственниках, знакомых. Пройти различного типа психологические и другие тесты, призванные выявить сильные и слабые стороны ее характера и склонности. Затем ей сказали, что она должна пройти курс физической и боевой подготовки на базе бригады «Голани». Потом последуют офицерские курсы, а потом она уже приступит к работе.

Хотя ей показалось странной такая подготовка для переводческой работы, она согласилась. В тренировочном лагере она поступила в распоряжение Марисселя. Вечером первого же дня он сказал, что готов объяснить суть ее задания. Он рассказал о Вануну и о международном скандале, который вот-вот может возникнуть из-за его поведения.

Шерил заметила, что никто из израильтян не сомневается, что их страна обладает ядерным оружием. «Но израильское правительство официально отрицает это, — разъяснил Мариссель. — Вануну же дал подписку о неразглашении государственной тайны и нарушил ее. Утверждая, что Израиль, ядерная держава, он наносит большой ущерб нашей стране и за это преступление его нужно судить. У нас есть план, как его доставить в Израиль и предать суду. Тебе в этом плане отводится решающая роль».

Через несколько дней Шерил вместе с Марисселем и его командой прибыла в Лондон. Она внимательно прочитала весь материал, который на основании рассказа Вануну газета «Санди Таймс» представила в израильское посольство. Не задаваясь вопросом, правильные ли там содержатся сведения, Шерил твердо для себя решила, что Вануну не должен был этого делать.

Вскоре он был схвачен и доставлен в Израиль. Когда начался суд над ним, Шерил сказала Марисселю, что хочет поехать в Америку повидать родителей. Он сразу же понял: в Израиль Шерил не вернется. Ее служба в «Моссаде» на этом закончилась...

На протяжении долгих лет курс подготовки офицеров по сбору информации и резидентов внутри «Моссада» был закрыт для женщин. И лишь десять лет назад, когда начальником внешней разведки был Шабтай Шавит, а начальником Управления кадров — Ализа Маген, этот курс открыли для женщин.

— Это правда, что женщин не брали в подразделение «Перекресток», потому что оно работает с арабами, а араб никогда не станет иметь дело с женщиной, даже если женщина просто должна передать ему пакет?

— Правда. «Перекресток» работает с арабами, а араб не считает женщину равноценным партнером во всем, человеком, которому можно доверять. Но есть масса должностей, где сотрудник не имеет непосредственных контактов с информаторами-арабами. Например, в подразделениях, занятых поиском разведывательной информации в открытых источниках (газеты, радио, ТВ). Там женская аккуратность, интуиция, тщательность просто необходимы.

Вот еще одно объяснение тому, что, несмотря на общее довольно солидное количество женщин в «Моссаде», лишь единицы пробились на вершину пирамиды. Объяснение тривиальное. Отслужив несколько лет и получив должность, скажем, офицера по сбору информации (эта категория — основа службы, ибо офицеры работают с местными источниками информации, вербуют информаторов и т. п.), эти женщины покидают «Моссад» просто потому, что хотят создать семью, рожать детей.

Кстати, на собеседовании, которое проходят кандидаты на работу в «Моссаде», молодых женщин предупреждают: если все проверки завершатся успешно, то перед тем, как вы начнете профессиональную подготовку в разведке, мы попросим вас дать устное обязательство в течение ближайших лет, извините, не беременеть. Очень многие дамы отказываются дать такое обязательство. И на работу в «Моссад», само собой, уже не попадают.

ИЗ АРХИВА:

Еще одной наиболее известной и успешной сотрудницей (но только внутри «Моссада») была Иоланда Хармер, в девичестве Габай, этакая израильская Мата Хари. В «Моссаде» она работала под именем Хар-Мор. Впрочем, она начала работать на израильскую разведку еще до создания этой секретной службы и даже до провозглашения Государства Израиль.

В критические дни Войны за независимость в 1948 г. она находилась в Египте. Ее мать — еврейка турецкого происхождения, но в Каире никто не подозревал, что в ней течет еврейская кровь.

Будущий министр иностранных дел Израиля Моше Черток уговорил Иоланду помогать будущему еврейскому государству. Он познакомился с ней на каком-то приеме и сразу увидел в ней человека с сильным характером, настойчивого и упорного. Долго уговаривать ее не пришлось. Возможно, она не совсем понимала степень риска, на который идет, возможно, считала себя неуязвимой.

В Египте Иоланда называла себя журналистской, действительно иногда отправляя статьи в парижские журналы. Она тоже была блондинкой, но, в отличие от Синди, маленького роста и хрупкого телосложения. Была трижды замужем. От последнего мужа, южно-африканского бизнесмена, погибшего в авиакатастрофе, у нее остался ребенок.

У Иоланды было огромное количество любовников — весьма богатые и влиятельные в Каире люди, а также дипломаты, работавшие в Египте. Среди ее поклонников и приятелей были будущий премьер-министр Ливана и шведский посол, главный советник генерального секретаря Лиги арабских стран сын великого муфтия Махмуд Малуф, который рассказывал ей обо всем, что знал, и сотрудники американского посольства, которые иногда снабжали ее копиями донесений в Вашингтон.

Главной проблемой Иоланды была связь с Тель-Авивом. Радиопередатчиком ее не снабдили, и поэтому все сообщения она посылала с письмами в США, а оттуда их уже передавали в Тель-Авив.

Ее деятельность в Каире закончилась довольно грустно. Сам генеральный секретарь Лиги арабских стран Аззам-паша заподозрил в ней израильскую шпионку, и ее арестовали. Но высокопоставленные покровители спасли ее, вытащили из тюрьмы, и она уехала в Париж.

Потом ее хотели включить в состав израильского посольства в США, но в последний момент решили оставить без официальной должности, чтобы в будущем снова послать на работу в Египет. В израильском МИДе думали, что отношения с арабскими соседями в будущем будут улучшаться и понадобятся специалисты по Египту.

Они не ошиблись. Но это случилось намного позднее. Иоланда не дождалась возвращения в Египет. В 50-х годах она работала в Испании, тоже как тайный израильский агент. Умерла в 1959 г.

Деятельность Иоланды Хамер в принципе противоречила существовавшей в те времена в «Моссаде» доктрине. «Женщина не может заниматься сбором информации в арабском мире», — утверждал один из ведущих руководителей «Моссада». По логике вещей, действительно. В силу особого отношения к женщинам в арабском мире использование их в качестве агентов-шпионов почти исключено. Ни один араб с этим не согласится и, увидев женщину-разведчика, может даже покончить жизнь самоубийством.

На практике это было не всегда так. Судя по всему, упомянутый выше сын муфтия Махмуд Малуф, понимал, зачем его приятельница Иоланда проявляла необычный для женщины интерес к делам дипломатическим и военным. Но он отнюдь не пытался свести счеты с жизнью, а наоборот, как бы в обмен на секретную информацию, по-

просил у Иоланды денег на проведение избирательной кампании по выборам его депутатам парламента...

Работала в «Моссаде» Малка Браверман, которая дослужилась до должности начальника Административного управления разведки.

Доктор Яэль Познер также занимала одну из руководящих должностей. Она давно на пенсии, а «Моссад» не соглашается предать гласности данные, связанные с ее работой.

Нельзя не упомянуть Сильвию Рафаэль и ее подругу Марианну Гладникову. Они были арестованы в Норвегии, в Лиллехаммере в 1973 г., после того как там был убит официант Ахмед Бухики. Агенты «Моссада» по ошибке приняли его за Хасана Саляме по кличке «Красный принц», спланировавшего операцию по захвату и уничтожению палестинскими террористами израильских спортсменов на Олимпиаде 1972 г. в Мюнхене.

Хасан Саляме был все же ликвидирован в Бейруте. Агентом «Моссада», нажавшим на кнопку пульта дистанционного подрыва начиненного взрывчаткой автомобиля (машина «Красного принца» проезжала в тот момент мимо), тоже была женщина по имени Эрика Чамберс.

Еще одна легенда «Моссада» — Лили Кастель. Она пришла на работу в эту спецслужбу в 1954 г., имея опыт работы в разведке еще до создания государства. Была весьма привлекательной, хорошо владела ивритом, английским, французским, немецким и русским, говорила на итальянском и арабском. Свою внешность и интеллект она с успехом использовала для выполнения различных спецзаданий в Европе, сущность которых никогда не была известна. Лили умерла в 1970 г., но ветераны до сих пор вспоминают ее дела.

Со временем, особенно с приходом к руководству «Моссадом» Меира Амита в 1963 г., положение женщин в его

ведомстве улучшилось. Их даже стали назначать начальниками отделов — ключевой административной должности в этой организации. Поскольку именно начальники отделов держат оперативную связь с агентами, постоянно работающими за рубежом или выполняющими там отдельные задания.

Но на оперативную работу за границу женщин и сегодня посылают неохотно. Только в случае крайней необходимости, когда нет других вариантов. В «Моссаде» понимают, что есть случаи, когда только женщина, благодаря своей привлекательности и другим качествам, может добиться желаемых результатов. Причем иногда такие женщины могут усыпить бдительность даже опытных агентов.

Иногда женщин посылают для работы в паре с мужчиной. Такая пара, изображающая любовников или супругов, может хорошо прикрыть истинную свою деятельность. Так, к примеру, в составе команды по поимке Адольфа Эйхмана была женщина Дина Рон — агент «Моссада». Она играла роль любовницы агента, снимавшего квартиру, в которой содержали Эйхмана после поимки и до отправки в Израиль.

Наиболее известной из этих женщин была Амина аль-Муфти, которую некоторые источники считают самым ценным агентом израильской разведки в среде палестинцев.

ИЗ АРХИВА:

Амина аль-Муфти родилась в черкесской семье в 1935 г. в Иордании. Черкесы всегда хорошо относились к евреям и были лояльны к Государству Израиль, хорошо зарекомендовали себя на службе в израильской армии и разведке. Они до сих пор бережно сохраняют свою культуру и придерживаются своей религии.

В 1972 г. один из бывших израильских пилотов, судя по всему, занимавшийся вербовкой агентов для «Мосса-

да», находясь в Вене, познакомился с молодой черкешенкой, которая влюбилась в него и оказалась идеальным кандидатом для вербовки. Ее задание, которое она без всяких колебаний согласилась выполнять, состояло в том, что она должна была переехать в Бейрут и завести там как можно больше знакомств среди палестинцев.

У Амины было медицинское образование, и она с помощью израильтян открыла в Бейруте клинику. Эта клиника заработала в полном объеме по выполнению своих явных и тайных задач в 1975 г., когда в Ливане началась гражданская война между христианами и мусульманами, и в клинику начали поступать в большом количестве раненые палестинцы.

Муфти познакомилась со многими высокопоставленными палестинскими деятелями. Всю информацию о виденном и слышанном она записывала в специальных донесениях, которые передавала в «Моссад» через тайники в вестибюлях и туалетных комнатах гостиниц. Она никогда не встречалась с агентами «Моссада» в Ливане. Срочную информацию передавала с помощью миниатюрного радиопередатчика, которым ее снабдили.

Поток информации, посылаемой Аминой аль-Муфти, неожиданно прекратился в 1975 г. Оказалось, что ее арестовали. Ее долго допрашивали и пытали. Продержали под стражей в пещере около ливанского портового города Сайда в течение пяти лет, пока через Красный Крест израильтянам ни удалось ее обменять на двух террористов-палестинцев, приговоренных к пожизненному заключению.

Обмен состоялся на Кипре, после чего Муфти привезли в Израиль. С новым именем и документами она работала врачом на севере Израиля, недалеко от черкесских поселений...

И все-таки женщины в «Моссаде» работают, как правило, на административных должностях и в технических

подразделениях и с большим нежеланием занимаются оперативной работой. Это обстоятельство, конечно, сказывается на карьере женщин, так как главным фактором продвижения по службе остается опыт оперативной работы.

Целенаправленная ликвидация

Уничтожив автомобиль, в котором находился один из лидеров террористической группировки ХАМАС Исмаил Абу Шанаб, Израиль вернулся к практике точечной ликвидации арабских террористов. Первая подобная операция была проведена более 30 лет назад. С тех пор этот метод доказал свою эффективность...

35-летний Нази Абу Сибиаа умер через несколько секунд после того, как открыл багажник своего автомобиля.

33-летний Абдель Рахман Хамад был застрелен снайпером, когда сидел на крыше своего дома и читал Коран.

Мохаммад Абайат, 27-ми лет, погиб в результате взрыва, сняв трубку телефона-автомата около больницы, в которой находилась на лечении его больная мать. Все трое подозревались в причастии к ряду терактов...

В 2001 г. израильские официальные лица заявляли, что «целенаправленная ликвидация», как ее называют в регионе, применяется крайне редко, только в особых случаях. Но в последнее время подобные операции стали проводиться регулярно. В них задействуют ракеты, бомбы, танки и другие виды оружия.

По данным на август 2003 г., с начала «Интифады аль-Акса» в результате «целенаправленных ликвидаций» израильскими военными и сотрудниками секретных подразделений было уничтожено 249 палестинцев. Из них 149 оказались преследуемыми террористами, а 100 были либо мирными жителями, либо телохранителями, либо членами военизированных группировок, не являвшиеся главной целью.

Глава группы тактики и стратегии ЦАХАЛа генерал-майор Гиора Эйланд охарактеризовал эти операции следующим образом:

— Целенаправленные ликвидации являются не просто эффективным методом борьбы. Если бы мы не использовали их, например, в секторе Газа, мы не смогли бы контролировать этот район, не смогли бороться с террористическими группировками.

Израильское правительство не дает никаких официальных сведений о проведении «ликвидаций». В ряде случаев сообщается, что подозреваемые палестинцы убиты в результате огня, открытого с целью обороны. Доказательства причастности того или иного подозреваемого к террористической деятельности, а также факты принятия решения о его ликвидации, как правило, остаются тайной даже после операции.

Постепенно «целенаправленные ликвидации» теряют статус секретных операций и превращаются в регулярные операции, совершаемые израильскими солдатами. Зачастую в операции принимают участие несколько подразделений служб безопасности. Руководит операциями ШАБАК.

Примером такой скоординированной операции явился удар по боевикам «Исламского джихада» в Дженине в октябре 2002 г. В ней были задействованы восемь бойцов спецназа, четыре боевые машины и три вертолета. В результате было ликвидировано двое террористов.

В 16 известных случаях проведения подобных операций взрывные устройства закладывались израильскими оперативниками или палестинскими агентами, сотрудничавшими с израильцами, в телефонные будки, автомобили и управлялись дистанционно, иногда с беспилотного самолета или вертолета. Так как большинство таких операций проводятся службами безопасности и считаются секретными, представители израильских властей обыч-

но отрицают свое причастие к ним и приписывают взрывы к несчастным случаям, произошедшим в результате неосторожного обращения палестинских боевиков со взрывными устройствами...

«Он здесь», — два слова, которые быстро прошептал информатор, укрываясь в тени одного из домов в секторе Газа. Они стали сигналом к операции, о которой мечтали многие годы, но ее выполнение затягивалось.

ШАБАК и АМАН никогда не целились так высоко и так точно за все годы «Интифады аль-Акса». Провала операции допустить было нельзя. Приказ заключался в проведении «чистой» операции без чрезмерного побочного ущерба.

В начале марта 2004 г. появилась идеальная возможность ликвидировать духовного лидера движения ХАМАС шейха Ахмеда Ясина, но сотрудники израильской контрразведки предпочли повременить. Шейх находился в центре толпы, опасность гибели многих людей была слишком велика...

«Он здесь», — прошептал ночью информатор на выходе из мечети. Два слова, ставшие сигналом к началу безукоризненной, по крайней мере с военной точки зрения, операции по ликвидации. Оставалась лишь одна проблема: тишина в этот ранний час и отсутствие движения на улицах.

Но проблему тишины, которую мог нарушить внезапный шум, удалось решить: в ночном небе Газы раздался рев истребителя F-16. Появления вертолетов-киллеров над целью никто не заметил.

Схема ликвидации действует следующим образом. Когда имеются точные данные о цели, местонахождение которой определяется благодаря сети информаторов на территориях, вертолеты поднимаются в небо и на некотором удалении от объекта ожидают окончательного подтверждения от агента.

Для слежения за передвижением цели используются беспилотные самолеты с телекамерами, передающими изображение. Цель берется на прицел и у нее не остается никакой возможности выжить. Самыми часто применяемыми ракетами стали «Хелфайр» американского производства, усовершенствованные в Израиле.

Все схемы операций на этапе нанесения завершающего удара похожи. Очень часто операции отличаются друг от друга процессом подготовки. Необходимо понять противника и принять решение.

Есть вариант — впрыснуть яд в ухо жертвы, как это было в 1997 г. в Аммане. Тогда два агента «Моссада» попытались провести подобную операцию в отношении одного из лидеров ХАМАСа Халеда Машаля, и правительство было вынуждено освободить из тюрьмы шейха Ясина под давлением короля Иордании, чтобы избежать дипломатического кризиса.

Другой вариант — выстрелить в упор с мопеда. Так поступили с Фатхи Шакаки, членом «Исламского джихада», находившимся на Мальте.

Покушение на «инженера» Аввази в той же Рамалле напоминает об использовании мобильного телефона со взрывчаткой.

Порой разрабатываются зловещие сценарии: того, кто послал на теракт «маму-камикадзе», уничтожили при помощи модели Золотой мечети Иерусалима, начиненной пластитом. Другой исламист получил от «друзей» ХАМАСа радиоуправляемую модель самолета, этакую игрушку-ловушку, взорвавшую его и его дом...

ШАБАК и АМАН готовили покушение на шейха Ясина несколько месяцев. Глава контрразведки был против этой операции, как утверждает израильское телевидение, но приказы не обсуждаются, и покушение было тщательно спланировано.

В августе 2003 г. премьер-министр Ариэль Шарон сказал, что настало время привести в действие «систему Голды Меир»: начать охоту на руководителей, членов и подручных ХАМАСа. На протяжении месяцев за шейхом ходили по пятам, чтобы узнать его слабые места, убежища, пути и методы отхода. Информаторам были выданы даже приборы лазерного наведения для указания места, где обычно бывал шейх.

Наконец, досье было представлено премьеру, министру обороны и кабинету безопасности. План обсуждался, корректировался и был принят.

Как только был дан «зеленый свет», началась операция «Шейх». И для Ясина пробили последний час.

Представители командования ЦАХАЛа говорят, что им приходилось проводить «целенаправленные ликвидации» только в случаях, когда не представлялось возможным задержать подозреваемых террористов. Однако правозащитники отмечают, что с начала «Интифады аль-Акса» израильские силовики произвели тысячи арестов в самых тяжелых условиях и при этом заявляли, что большинство задержанных следовало бы уничтожить.

Израильские военные пытаются оправдать политику «целенаправленных ликвидаций», заявляя, что они совершаются с целью самообороны. «Целенаправленные ликвидации» — это средство предотвращения терактов, находящихся в стадии подготовки, направленных на убийство израильских граждан, — говорится в документах, предоставленных израильским правительством в Высший суд справедливости в ответ на иск правозащитников.

В течение трех последних лет ликвидации проводились под наблюдением военных юристов. Как заявляют официальные лица, наиболее важные из них были одобрены Ариэлем Шароном.

«Мухабарат» означает «разведка»

Предисловие

В арабских странах существует два вида секретных служб («мухабарат») — «гражданские» и «военные». Каждая выполняет свои задачи. Единственное, что их «роднит» — плотная завеса тайны.

Службы военной разведки осуществляют сбор информации военного характера за границей.

Службы безопасности («гражданские») занимаются преимущественно защитой существующего в стране режима.

Развитие и становление арабских спецслужб шло разными путями. В Сирии, например, они проявили себя с точностью до наоборот. Военная разведка всегда занимала главенствующие позиции. Это объясняется тем, что после государственного переворота, совершенного Хосни Заимом весной 1949 г., армия стала главной опорой режима. Тем не менее представители военной разведки постоянно участвовали в государственных переворотах, которыми так богата история Сирии.

Ливан, несмотря на либеральный характер режима, пережил подобную эволюцию с приходом к власти осенью 1970 г. президента Сулеймана Франжье. Понимая, что Ливан маленькая и слабая страна, изобилующая многочисленными религиозными конфессиями, новый глава государства и его сторонники решили обеспечивать национальную безопасность, «основываясь на дипломатии и равновесии власти». Исходя из этой идеи, главной зада-

чей ливанской армии стало поддержание порядка и соблюдение законов внутри страны.

В Египте ведущую роль играют «гражданские» спецслужбы. Неудивительно, что в 1967 и 1970 гг. руководители именно этих спецслужб участвовали в заговорах против режима. Их же коллеги из военной разведки не только сохранили лояльность правительству, но и продемонстрировали свою поддержку властям.

Директорат общей разведки (главная — «гражданская» секретная служба) отвечает как за внутреннюю, так и за внешнюю безопасность. Руководители этой спецслужбы «вербуются», как правило, из армейских рядов.

В Иордании «гражданские» спецслужбы главенствуют над военной разведкой. Хотя армия является опорой режима, она тем не менее представляет потенциальную угрозу королевской семье. Во многих заговорах, имевших место в Иордании, военные всегда были главными действующими лицами. В 1957 г., например, именно шеф военной разведки предпринял попытку государственного переворота.

Уместно подчеркнуть, что «гражданские» секретные службы в арабских странах были традиционно сосредоточены на внутренних проблемах. То есть занимались исключительно защитой режимов от оппозиционных сил. Больше того, до провозглашения 15 мая 1948 г. Государства Израиль арабские страны не имели своей внешней разведки.

Данная традиция объясняется отчасти характером арабских спецслужб, которые являются не только инструментом поддержки режимов и обеспечения национальной безопасности, но и орудием влияния на политическую жизнь этих государств. Неудивительно, что, когда бывший руководитель секретной службы начинает заниматься политической деятельностью, ему зачастую трудно четко определить разделительную линию между старой и новой функциями и избежать влияния одной на другую.

Кстати сказать, офицеры арабских спецслужб довольно часто восходят на политический Олимп. Например, в Египте после революции 1952 г. около 20 из них стали министрами, а некоторые, как Мамдух Салем, — премьер-министром.

Опасность, исходящая от внутренней оппозиции и внешних врагов, вынуждает арабские секретные службы тратить значительную часть времени и усилий на контрразведывательную деятельность. Государственные перевороты и революции, которые сотрясали страны Ближнего Востока, заставляют руководителей контрразведки постоянно выявлять элементы, угрожающие режимам.

«Мухабарат» арабских стран противостоит подпольной деятельности внутренней оппозиции и иностранных спецслужб. С этой целью контрразведка выполняет защитные и наступательные функции. Первый аспект — это обеспечение безопасности. Второй — контрразведка.

Главная задача контрразведки — помешать противнику (как внутри страны, так и за ее пределами) нанести ущерб национальным интересам, проникнуть в государственные структуры и получить доступ к секретным документам. Для этого используются самые различные средства — проверка кандидатов на государственные посты, официальная или тайная цензура, надзор за различными кругами и группами, в которых может вестись какая-либо подпольная антиправительственная деятельность. Сотрудники спецслужб или агенты внедряются в эти структуры с целью сбора информации, выявления лиц, представляющих опасность режиму.

Израиль остается главным объектом интересов арабских секретных служб. Их интересуют структуры различных партий, расстановка политических сил в стране, планы правительства, вооруженные силы, военная доктрина, экономика, сотрудничество с иностранными государства-

ми, отношения с еврейской диаспорой, сионистские организации и т. д.

Для арабских спецслужб не меньший интерес, чем «сионистский враг», представляют и... арабские государства. Это является частью того, что называется «арабской холодной войной», которая нередко перерастала в «горячую» — в Йемене, Ливане, Марокко и Алжире. Усилия, прилагаемые некоторыми арабскими секретными службами для свержения режима в «братской» стране, никогда не ослабевали и даже превосходили по активности деятельность, направленную против Израиля.

Заговор реставрации

Смутный мужчина нервно повернулся в тот момент, когда стюардесса попросила пассажиров пристегнуть ремни перед посадкой в римском аэропорту «Фьюмичино». Он подкрутил свои большие усы, глядя через иллюминатор на город, который лежал под крыльями самолета.

Во время полета пассажир все время спрашивал себя: «Как случилось, что он попал в ловушку, расставленную его товарищем Хусейном Хэйри и англичанином Джоном Фармером? Напрасно он ждал 100 тыс. фунтов, обещанных ему во время встречи в Бейруте, которая состоялась перед Суэцким кризисом, разразившемся в 1956 г. Кто-то в чем-то засомневался? И почему этот вызов на новую встречу?»

— Теперь повернуть назад невозможно... — сказал он себе.

Все это произошло, подумал он, из-за его слишком большой преданности дружбе. Может быть, именно это качество было главным в семье, которому следовали шесть сестер и отец-врач. Кажется, что вся его жизнь прошла под влиянием женщин. Его жена до сих пор рожала ему только девочек.

Он немного расслабился, подумав о своих дочках, и вспомнил прошлое...

В военной академии, которую он закончил в 1942 г., 20-летний лейтенант был со всеми в хороших отношениях. Позднее эти хорошие отношения помогли ему в военной карьере. Вне всякого сомнения, именно это явилось причиной, почему его направили в 1952 г. на стажировку в США. По возвращении в апреле 1953-го он был назначен помощником Али Сабри, заместителя начальника военной разведки Военно-воздушных сил Египта.

Через год он, Махмуд Халиль, сменил на этом посту своего шефа.

В это время самолет коснулся взлетно-посадочной полосы.

Все началось здесь, в Риме, шесть месяцев назад, в августе 1956 г. Он находился в Италии в служебной командировке, когда египетский гражданин по имени Хусейн Хэйри установил с ним контакт. Хэйри задал ему тысячу вопросов о ситуации в Египте, а в конце беседы признался, что принадлежит к королевской семье. Он служил заместителем начальника военной разведки в начале 50-х годов. После революции 1952 г. был отправлен в резерв и предпочел покинуть Египет.

Махмуд Халиль проявлял осторожность, отвечая на вопросы, касавшиеся египетского режима. А Хэйри вскоре завел разговор о возможности организации заговора в рядах египетской армии. Халиль не проявлял никакого энтузиазма, лишь молча слушал собеседника.

Через несколько недель Хэйри и Халиль снова встретились в отеле «Ривьера» в Бейруте. Хэйри объяснил Халилю, что один из его друзей хочет с ним познакомиться.

Встреча вскоре произошла в доме Хэйри, который он арендовал в пригороде ливанской столицы. Халиль познакомился с человеком, который говорил по-французски с заметным английским акцентом. Он назвался Джоном

Фармером и не скрывал, что является кадровым офицером британских секретных служб.

По его просьбе Халиль согласился создать подпольную организацию из египетских офицеров с целью подготовки государственного переворота в Египте. Правда, при условии, что он, Махмуд Халиль, возглавит эту организацию.

Фармер и Хэйри не сомневались, что разработанный ими план будет поддержан различными слоями населения Египта. Ибо целью переворота являлось свержение режима и восстановление монархии.

Халиль получил конверт, в котором была тысяча фунтов, и вернулся в Египет.

Во время второй встречи заговорщики сообщили Халилю, что для его оправданного перемещения между Египтом и Ливаном ему будет предоставляться секретная информация об Израиле. Она будет достоверной и поэтому ему не составит труда убедить свое начальство в необходимости поездок в Ливан.

Эту информацию поставляли британские спецслужбы.

В этот период Англия поддерживала с Израилем прекрасные отношения. В конце октября 1956 г. израильские войска оккупировали Синайский полуостров, а франко-британский экспедиционный корпус высадился в Египте.

На новой встрече Халиль получил еще 1500 фунтов. Но он заявил, что для подготовки государственного переворота ему потребуется гораздо больше. Он попросил переправить ему прямо в Египет 100 тысяч, чтобы обменять их на египетскую валюту. Его просьбу удовлетворили, пообещав в ближайшее время переправить деньги. Халиль должен будет встретить автомашину с деньгами на шоссе, связывающем Александрию и Каир. Подробности этой операции ему сообщат позднее.

Прошло четыре месяца, а Халиль так и не получил из Бейрута ни обещанных денег, ни каких-либо новостей.

Затем разразилась война. Израильтяне оккупировали Синайский полуостров. Англичане и французы высадились в Порт-Саиде...

И вот Махмуд Халиль был вызван на встречу в Рим. Несколько часов спустя после прибытия в аэропорт он уже сидел рядом с агентом британской разведки Джоном Фармером и его помощником Хусейном Хэйри. Он упрекнул их за долгое молчание и сообщил, что ситуация в Египте изменилась и если они хотят осуществить свой план, они должны удвоить усилия. Халиль показал им документы, из которых следовало, что он заложил ферму в Египте, чтобы финансировать подготовку государственного переворота. Он был уверен, что ему переправят обещанные деньги.

Фармер и Хэйри пытались успокоить Халиля, пообещав еще несколько тысяч фунтов, но тот отказался. Его собеседники поняли отказ как недоверие и попытались успокоить его тем, что упомянули несколько раз имя «Мармар-Паша», надеясь, что его участие в заговоре воодушевит Халиля. Они сообщили, что «Мармар» это подпольный псевдоним Мустафы аль-Мараджи Паши, который был чиновником Министерства внутренних дел до революции 1952 г.

Аль-Мараджи — член весьма известной египетской семьи, отец которого являлся ректором университета Аль-Азхар, крупнейшего центра подготовки богословов, был маленького роста, упрямый и интеллигентный. До революции он занимал должность начальника Управления общей безопасности в Министерстве внутренних дел, а затем и руководителя этого ведомства.

Вместе со сторонниками монархии и представителями британских секретных служб он стремился создать условия для восстановления монархического режима. Его идея заключалась в том, что необходимо вернуть на трон члена королевской семьи (но не короля Фарука). Сам он

претендовал на пост премьер-министра правительства, которое сменит Гамаль Абдель Насера.

Хэйри сопровождал Халиля в Мюнхен, где представил его человеку по имени Криштон, который назвался одним из руководителей британских спецслужб. Некоторое время спустя Халилю передали письмо, написанное рукой аль-Мараджи, и конверт с 10 тыс. фунтов. Ему было приказано сжечь письмо после прочтения. Но Халиль, закрывшись в туалетной комнате, сжег несколько гигиенических салфеток, а письмо спрятал в ботинок.

Позднее, когда он сличил это письмо с документами, написанными аль-Мараджи, он установил, что это почерк одного и того же человека.

Халиль вернулся в Египет. С заговорщиками он больше не встречался. Контакты осуществлялись через двух курьеров, одного из которых звали Фарид Шариф Шакер. Он был шурином Халиля.

С мая по ноябрь 1957 г. Шакер семь раз выезжал из Каира в Бейрут. Он был связником между Халилем и Хэйри, доставлял деньги в Каир. Всего было получено 62 500 английских фунтов.

В ходе одной из поездок Шакер встретился с Мустафой аль-Мараджи, который заявил ему, что в будущем правительстве сам Мараджи займет пост премьер-министра, Хусейн Хэйри будет назначен министром обороны, а Махмуд Халиль — министром внутренних дел.

В другой раз Шакер получил кожаные пояса, которые должны были служить опознавательным знаком во время переворота.

«Заговор реставрации» был раскрыт 23 декабря 1957 г. во время празднования первой годовщины эвакуации из Порт-Саида англо-французского экспедиционного корпуса. Во время своей речи президент Насер разоблачил заговорщиков и сообщил, что Махмуд Халиль с самого начала действовал с разрешения и под контролем египетских спецслужб.

Халиль был награжден президентом, а история закончилась в апреле 1958 г. заочным осуждением Мустафы аль-Мараджи и Хусейна Хэйри на пожизненное заключение. Трое других заговорщиков были приговорены к 15 годам каторжных работ.

От фараона до Насера

До провала «Заговора реставрации» британские секретные службы пережили другой скандал. В конце августа начале сентября 1956 г. в Египте были арестованы 16 человек: 11 египтян, 3 англичанина, 1 мальтиец и 1 югославский беженец, которые составляли шпионскую сеть британской разведки. Они работали в пользу Англии в течение 14 лет.

Египетская контрразведка узнала об их существовании весной 1953 г. Руководителя сети звали Джеймс Свинборн. Он жил в Египте 25 лет; с 1952 г. работал в агентстве «Араб-Ньюс», которое принадлежало англичанам.

Когда египетские контрразведчики узнали, что Свинборн готовится выехать в Англию, они решили действовать. Шпионскую сеть вместо Свинборна должен был возглавить Чарльз Питтак, являвшийся заместителем директора «Маркони-Радио и Телеграф Компани» в Египте.

Свинборн хотел представить Питтака некоему Саиду Амину Махмуду, директору одной из школ Каира, с которым встречался один раз в неделю и получал от него информацию. Она передавалась, как правило, сыном Амина Махмуда — лейтенантом Ахмедом Амином, который получал ее из окружения первого президента Египта генерала Нагиба.

Встреча между Питтаком и Амином состоялась 27 августа в каирской квартире Свинборна. Именно этот момент египетские контрразведчики выбрали для их ареста

и конфискации документов. Если верить египтянам, то Свинборн признался, что был членом шпионской группы и выдал своих агентов, которые вскоре были арестованы.

Британские спецслужбы получили сильнейший удар, который в значительной мере повлиял на активность разведчиков ее величества в Египте. Их престиж заметно упал в стране, секретные службы которой были созданы по образцу и подобию английских.

По словам ветерана египетской журналистики Хасанейна Хейкала, провал британской сети в Египте не являлся единственным успехом египетских спецслужб. Им удалось внедрить своего агента на высокую должность в правительстве Ирака, который передавал ценную информацию о планах США и Англии.

В 1956 г. президент Египта Гамаль Абдель Насер получил информацию о секретной встрече министров иностранных дел, которая состоялась в середине марта в Тегеране. Как рассказывал позднее Хейкал, агент египетских «мухабарат» передал точные сведения о том, что государственный секретарь США Джон Фостер Даллес предлагал профинансировать строительство Асуанской плотины.

Информатором Насера был один из министров иракского правительства. Он принимал участие в конференции в Тегеране. Ему удалось сфотографировать документы конференции и передать египтянам.

В начале египетский президент засомневался в достоверности документов. Но 19 июля 1956 г. он убедился в их подлинности. Именно в этот день госсекретарь США Даллес вновь заявил об американской программе финансовой помощи на строительство Асуанской плотины.

Последний британский солдат покинул зону Суэцкого канала 13 июля 1956 г. На следующий день после заявления госсекретаря США президент Насер решил национализировать Суэцкий канал.

Информатор египетского президента сообщил также, какое недовольство вызвала новость о национализации канала у премьер-министра Англии Энтони Идена и иракского премьера Нури Саида...

В недавнем прошлом лидеры Египта постоянно заботились о сохранении своего режима. Деятельность спецслужб была сконцентрирована на внутривластных проблемах.

Секретные службы состояли из четырех «групп»: три военных и одна гражданская. Каждая располагала своим управлением — сухопутных войск («Идарат мухабарат аль-джейш»), морской разведки («Идарат мухабарат аль-бахрия»), разведки ВВС («Идарат мухабарат аль-джайя»).

Самое важное управление — разведка сухопутных войск. Ее главной задачей является обеспечение лояльности к режиму со стороны вооруженных сил и в первую очередь — офицеров.

Четвертое подразделение — политическая полиция. Созданная в 1920 г., она имела целью обеспечение безопасности режима от внутренних врагов. Хотя это подразделение и подчинялось Министерству внутренних дел, ее руководство получало приказы непосредственно из королевского дворца.

Во всех этих службах ощущалось влияние Британии. Например, известный Рассел-Паша был первым шефом полиции Каира.

В годы Второй мировой войны отношения между секретными службами Англии и Египта достигли своей вершины. Каир был к тому же базой для английских секретных служб на Ближнем Востоке. Египетские агенты обучались британскими инструкторами.

По словам покойного президента Египта Анвара Садата, египетские стажеры получали «дипломы шпионов, выданных от имени британских секретных служб». Са-

дат не говорит, имел ли он возможность видеть один из этих дипломов или только об этом слышал. Однако факт остается фактом: офицеры Политической полиции находились в распоряжении английских спецслужб, которые обучали их.

Садат рассказал, как в начале весны 1941 г. шеф военной разведки полковник Муса Лютфи предупредил его о том, что англичане знают о существовании группы офицеров, которые заинтересованы в сотрудничестве с немцами. Садат признался, что он был одним из этих египтян, для которых 1941 год явился «годом надежд».

Это был год, когда гитлеровские армии одерживали победу за победой. В мае они следили за восстанием Рашида Али аль-Кейлани в Ираке, глядя, как появляются первые «ростки» освобождения арабов Ближнего Востока. Молодой лейтенант Садат и его друзья уже установили контакт со штаб-квартирой немцев в Ливии. Будущий президент Египта не раскрывает численность группы. Но в нее входил генерал Азиз аль-Масри, который был их лидером. В марте 1941 г. эмиссар вермахта встретился с ним и сообщил, что германские власти заинтересованы в сотрудничестве.

Британские спецслужбы вскоре получили сведения о группе, которая решила, что генерал Азиз аль-Масри должен добиться полной протекции Германии. Они планировали отправить генерала в Бейрут на борту немецкой подводной лодки. В то время ливанская столица была еще под контролем правительства Виши. Когда стало ясно, что этот план реализовать невозможно, они решили отправить аль-Масри по воздуху. Они согласились, что немцы направляют самолет с германскими опознавательными знаками в Джебель-Роза, чтобы доставить генерала в Ливию.

В назначенный день Садат сказался больным и отправился в военный госпиталь, чтобы иметь алиби на случай,

если задуманная операция провалится. Что касается аль-Масри, то он выехал в Джебель-Роза в сопровождении офицера египетских ВВС. Они должны были достигнуть цели к заходу солнца. Но, к сожалению, в дороге их машина сломалась.

Немецкий самолет ждал напрасно, а затем покинул базу.

Генералу аль-Масри было предложено воспользоваться самолетом египетских ВВС, который пилотировал майор Хусейн Зульфикар Сабри. Самолет взлетел 16 марта 1941 г. и взял курс на Ливию. Но пилот задел радиомачту и машина врезалась в землю. Пассажиры чудом остались живы, были арестованы и заключены в тюрьму.

Садат не был раскрыт и продолжил свою подпольную деятельность в пользу германских спецслужб. В июне 1942 г. вместе с майором Хасаном Иззатом он познакомился через танцовщицу Хикмат Фахми с двумя немецкими агентами — Иоганом Эпплером и Петером Монкастером. Последний был радистом, выдававшим себя за американца. Эпплер назвался Хусейном Гаафаром.

Эпплер был немцем, родившимся в Александрии, мать которого после смерти мужа вышла замуж за богатого египетского адвоката по имени Салех Гаафар. От этого союза родился еще один сын, но Иоган-Хусейн считался первым сыном в семье с привилегиями, которые предусматривались в египетском обществе.

Он закончил английскую школу, прекрасно говорил по-немецки, по-арабски и по-английски. Он вел жизнь плейбоя и во время одной из поездок в Бейрут был завербован абвером (германская военная разведка), шефом которой был знаменитый Вильгельм Канарис.

С началом войны Иоганна-Хусейна отозвали из Каира в Германию. В 1942 г. он прибыл в штаб-квартиру генерала Роммеля, находившейся в Ливии. Оттуда он и его друзья пересекли пустыню и добрались до Египта.

В целях прикрытия Гаафар-Эпплер возобновил жизнь плейбоя, которую вел перед войной. Он арендовал роскошную квартиру на берегу Нила, куда приглашал английских офицеров с целью получения от них информации. Он также возобновил контакт с танцовщицей Хикмат Фахми, которая согласилась помогать ему в его шпионской деятельности.

Эпплер не знал, что английские фунты, которые он получал из Германии, были фальшивыми. Во время Второй мировой войны немцам даже удалось приобрести за эти деньги сверхсекретные документы, похищенные у британского посла в Анкаре его слугой — албанцем Илией Басна, больше известным под именем «Цицерон».

Первая встреча между Эпплером, Монкастером и Садатом состоялась ночью в каирской мечети. Позднее Садат описал, как он и его друг Хасан Иззат изучали документы, представленные двумя агентами и убедились, что все в порядке. Четыре человека долго обсуждали возможности египетской армии выступить против англичан. Садат был убежден, что это идеальный момент нанести серьезный удар по англичанам.

Но у немцев было иное мнение относительно возможностей египетской армии. Эпплер предупредил Садата, чтобы без приказа генерала Роммеля не предпринимались никакие действия. Он также поручил Садату подыскать хороший дом для Роммеля, куда он въедет после захвата немцами египетской столицы. Несколько дней спустя Садат доложил Эпплеру, что он нашел дом в районе пирамид.

Садат привлек к сотрудничеству с британской разведкой одного египетского копта-христианина, сестра которого была подругой английского сержанта, служившего в штаб-квартире британских войск. Он попросил этого копта достать план штаба. Копт согласился и решил использовать для этого свою сестру. Та в свою очередь объяснила

британскому сержанту, что она и ее семья будут очень благодарны, если он достанет этот план.

Сержант пообещал сделать как можно лучше. Несколько дней спустя два человека встретились в кафе, чтобы уладить дело. Но в тот момент, когда сержант передавал копту конверт с планом штаб-квартиры, четыре египетских полицейских, одетые в гражданские костюмы, устремились к ним. Копт пытался бежать, но тут же был арестован.

Агент Садата не знал, что жених его сестры был сотрудником британских спецслужб. Этот промах стоил копту пять лет тюрьмы. Он отказался сообщить, на кого работал. В результате британские контрразведчики не узнали о существовании Садата. Однако кольцо вокруг него сжималось все больше и больше.

Садат рассказывал, что два раза его приглашали в квартиру Эпплера, чтобы проверить работу радиопередатчика, который Монкастер не мог использовать. Жизнь, которую вели два человека, удивляла и поражала Садата. Во время второго визита он встретил у них двух молодых евреек, которые, по его словам, тотчас возбудили в нем подозрения.

Так как Садат не нашел никаких неисправностей в радиопередатчике, он сделал вывод, что два человека просто утверждали, что аппарат не работает для того, чтобы прервать связь с немецким штабом и спокойно наслаждаться жизнью. Но на другой день после визита Садата Эпплер и Монкастер были арестованы.

Садат ошибся относительно передатчика. Он не мог знать (также как и германские агенты), что немецкая промежуточная радиостанция, в задачу которой входило передавать послания из пустыни, была захвачена британским патрулем. То, что шпионы приняли за поломку, было просто молчанием радиостанции, которой больше не существовало.

Но Садат не ошибся относительно девиц. Одна из них оказалась секретным агентом, которая была послана Еврейским агентством (Сохнут) из Иерусалима. Работа молодой девушки привела к аресту двух немецких агентов и должна была повлечь за собой арест Садата.

Вскоре Садат был арестован и осужден. Он был изгнан из армии и посажен в тюрьму. В 1944 г. его выпустили на свободу, и он вновь вернулся в армию. Майор Альфред Самсон, который арестовал Садата в 1942 г., заявил, что тот пытался отомстить ему. После революции 1952 г. английский офицер едва избежал автокатастрофы, которую ему подстроили египетские спецслужбы.

К концу 40-х годов политической полицией руководил генерал Ахмед Талаат. Именно в это время был ликвидирован лидер организации «Братья-мусульмане» Хасан аль-Банна (февраль 1949 г). Талаат находился рядом с премьер-министром Абдель Хади в мае того же года, когда испуганный молодой майор был лично допрошен министром на предмет его отношений с «братьями-мусульманами». Этого офицера звали... Гамаль Абдель Насер.

Гора из долларов

Главной задачей египетской революции 1952 г. было заложить прочные основы режима. Прежде всего заменить персонал всех административных служб. Как в армии, так и в гражданской сфере. Гамаль Абдель Насер лично занимался этими переменами.

Сразу же после революции руководителем администрации был назначен генерал Мухаммед Нагиб. Он придавал особое значение очищению армии от лиц, представлявших опасность для нового режима. Он назначал на ключевые посты офицеров, преданность которых не вызвала сомнений.

На первом этапе Насер сосредоточил свои усилия на спецслужбах трех родов войск. Перемены, которые происходили, не стали достоянием общественности. В отличие от других стран власти Египта имели обыкновение хранить в секрете личности руководителей военных секретных служб в большей степени, чем их коллег из гражданских «мухабарат».

1 августа 1952 г. революционное правительство решило судьбу политической полиции свергнутого режима. В тот день премьер-министр Египта Али Махер подписал указ о прекращении деятельности этого ведомства.

Новая власть расставила своих людей на вакантные места. Отбором кадров в структуры безопасности Египта занимался специальный комитет.

Был создан Департамент государственной безопасности, который сначала назывался «Управлением общих расследований» («Аль-Мабахас аль-Амма»). Оно существует и в настоящее время. С момента своего создания это ведомство выполняло (и продолжает выполнять) те же задачи, что и ФБР. Первым шефом этого управления был Рифаат Нахас, которого позднее сменил Абдель Азим Фахми.

В то время отношения между Египтом и США в области разведки не ограничивались лишь подготовкой кадров и обеспечением специальной техникой. Постоянный представитель ЦРУ обосновался в Каире с целью поддержания контактов с египетскими властями. Одним из первых представителей был Джеймс Иглбергер, который поддерживал дружеские отношения с Хасанейном Хейкалом — главным редактором газеты «Аль-Ахрам» и доверенным лицом президента Насера. Хейкал и Майлс Копеленд, работавший на ЦРУ в Египте, написали книги, в которых рассказали об отношениях египетского президента с ЦРУ.

В книге «Игра наций» Копеленд пишет о том, как США в ноябре 1953 г. решили «подарить» Египту 40 млн. долла-

ров, а также «выделить лично для Насера» еще 3 млн. из специального фонда президента США. Американский посол в Египте Джефферсон Кафери считал эту идею абсурдной. Но деньги прибыли в Каир, и он был вынужден выполнить указание Вашингтона.

Копеленд встретился с одним из приближенных президента Насера — Хасаном Тухами. Он объяснил, что американцы не заставляют египтян взять эти деньги, но он обязан сообщить, что они в их полном распоряжении и могут быть истрачены по усмотрению.

Тухами обсудил этот вопрос с Насером и сообщил американцам, что египетский президент согласился принять деньги. Копеленд сам прибыл в дом Тухами и привез с собой два чемодана, наполненных долларами. При пересчете выяснилось, что не хватает 10 долларов. Тухами отправил 3 млн. Насеру, а некоторое время спустя рассказал Копеленду, что президент задал вопрос: «Не стал ли он объектом подкупа?» В конце концов Насер согласился, но решил потратить все деньги на строительство телевизионной Каирской башни, которая сегодня возвышается в центре египетской столицы.

Версия Хейкала иная. По его словам, Насер присутствовал на заседании Революционного совета, который обсуждал вопрос о строительстве телебашни. Президент был ошеломлен, когда узнал, что ЦРУ передало 3 млн. долларов генералу Нагибу через офицера египетской разведки. Обиженный этой американской инициативой, которую Насер считал попыткой подкупа, он решил посмеяться над ЦРУ и передал эти деньги на строительство телебашни.

Управление общих расследований в июле 1954 г. было замешано в инциденте, который имел отзвук за границей. Египетские спецслужбы арестовали группу молодых евреев по подозрению в шпионаже в пользу Израиля. Их обвинили также во взрывах в американских и английских

представительствах с целью вызвать обострение отношений между Египтом и США с Англией.

По некоторым сведениям, египетским спецслужбам удалось арестовать группу благодаря израильскому агенту, организовавшему эту сеть и работавшего на «мухабарат». Этим агентом был Пауль Франк, гражданин Германии, который работал в тесном контакте с заместителем начальника военной разведки подполковником Османом Нури.

Если эта версия верна, то она объясняет обвинения, выдвинутые на процессе против членов группы. Тогда было заявлено, что разоблачение произошло благодаря «супер-секретному источнику».

Судебный процесс начался пять месяцев спустя после ареста группы, поскольку Насер и его сторонники решали другие более важные проблемы. Одна из них — организация «Братья-мусульмане», которая не скрывала своих намерений устранить президента Египта.

Эта проблема получила такой размах, что к середине сентября 1954 г. Насер прекратил появляться на публике, опасаясь угроз со стороны «мусульманских братьев». Тогдашний лидер организации Хасан Ходейби написал открытое письмо президенту, потребовав от него положить конец напряженности и начать дискуссию по насущным проблемам.

19 сентября президент подписал указ об эвакуации британских войск из зоны Суэцкого канала. В соответствии с этим документом, англичанам предоставлялась возможность вернуться в зону канала в случае, если какая-либо страна из Лиги арабских государств или Турция подвергнутся нападению. Указ разрешал размещение в районе канала британских техников, чтобы содержать в боевой готовности покинутые базы.

В тот же день на секретном совещании «братья-мусульмане» приняли решение ликвидировать египетского

президента. Эту акцию поручили выполнить каирскому жестянщику Махмуду Абдель Латифу.

26 октября во время выступления Насера в Александрии он выстрелил в президента восемь раз. Но ни одна пуля не достигла цели. Глава государства даже не прервал свою речь.

Вскоре полиция по приказу Насера арестовала 18 тыс. человек. Все руководители организации, включая Ходейби, оказались в тюрьме. 2 ноября Революционный совет создал Народный трибунал, чтобы судить арестованных. Председателем трибунала был назначен Гамаль Саям, сопредседателями — Хусейн Шафии и Анвар Садат.

4 декабря трибунал приговорил к смерти семь членов «Братьев-мусульман». Шесть из них были руководителями организации, седьмым — Махмуд Абдель Латиф. Хасан Ходейби был также приговорен к высшей мере наказания. Однако приговор был сразу же заменен пожизненными каторжными работами.

Казни состоялись 9 декабря 1954 г.

Эти казни вызвали настоящий шок не только в Египте, но и во всем арабском и мусульманском мире. Однако вскоре внимание египетской общественности было обращено к новому процессу. На этот раз над членами израильской шпионской группы.

Одним из свидетелей обвинения на этом процессе выступал подполковник «мухабарат» Мамдух Салем. Позднее он стал премьер-министром Египта.

Процесс, проходивший при закрытых дверях, завершился 5 января 1955 г., а приговоры были обнародованы лишь 27-го. Два члена группы — Моше Марзук и Самюэль Азар — были приговорены к смертной казни. 31 января приговоры были приведены в исполнение.

Эта дата является началом решительных изменений в истории египетских спецслужб. Их роль «сторожевого пса» режима до сих пор касалась внутренних проблем. Теперь же — зарубежных стран.

К концу 1954 г. режим Насера, устранив практически все внутренние угрозы, начал понемногу укрепляться. Долгий кризис с Британией завершился в октябре 1954 г. подписанием соглашения об эвакуации английских войск из зоны Суэцкого канала.

В своей книге «Философия революции», опубликованной летом 1954 г., египетский президент определил задачу своей страны тремя concentрическими окружностями: арабский мир, африканский и исламский. Впервые в своей современной истории Египет отдал предпочтение активной зарубежной политике.

Эта теория трех окружностей, разработанная Насером, дала одновременно египетским спецслужбам более широкие возможности для выполнения своих задач. Многие западные страны, так же как и некоторые «братские» арабские государства, попали в эту категорию. Разумеется, Израиль возглавил этот список...

Фактически усилия, предпринимаемые египетскими спецслужбами против Израиля, не знали передышки. Интенсивность подрывных операций против еврейского государства возросла. Они проводились с баз, расположенных за пределами Египта или вблизи границ, зафиксированных в договоре о перемирии 1949 г. Именно представительство египетской разведки в секторе Газа было ответственно за операции, проводимые через Газу, в то время как рейды, проводившиеся через Синайский полуостров, контролировались региональным бюро, расположенным в Эль-Арише.

Бюро в секторе Газа действовало вместе с подразделениями палестинских «федаинов» (в переводе с арабского — «жертвующий собой»), командование которых находилось в городе. Представительство в Эль-Арише использовало также бедуинов из Синая. Наконец, евреи и арабы, которые пересекали израильскую границу, составляли третью группу, которой занималось бюро в секторе Газа.

Большая часть людей, которых региональные бюро использовало для сбора информации, были весьма посредственными. Значительная часть из них была неграмотной, поэтому от этих людей ждали лишь результатов визуальной разведки за передвижением войск на территории Израиля.

Эти наблюдатели обычно описывали тип увиденного оружия. Но данная информация была малодостоверной, поскольку «шпионы» не могли увидеть многого, а также не могли точно описать то, что видели.

Чтобы преодолеть эту трудность, египтяне разработали своего рода справочник, в котором содержались все типы военных средств передвижения. «Наблюдатели» должны были просто отметить крестом тот рисунок, который напоминал оригинал.

Профессиональные качества агентов поставили перед региональными спецслужбами серьезную проблему. Они решили привлекать к сотрудничеству бедуинов и даже учащихся средних школ. Последние по крайней мере были грамотными, даже если они не разбирались в военной технике. Чтобы компенсировать этот пробел, египтяне пытались организовать курсы по подготовке кадров, которые были бы способны выполнить поставленные перед ними разведывательные задачи.

Новая политика Революционного совета Египта требовала глубоких изменений спецслужб. Вскоре было создано Управление общей разведки. Перед ним была поставлена задача координации действий «мухабарат» трех родов вооруженных сил.

После долгих «экспериментов» это управление превратилось в настоящий разведывательный центр вооруженных сил. В нем спецслужбы трех родов войск поддерживали тесные профессиональные контакты.

В конце 1955 г. управление было преобразовано в гражданский департамент и получило новое название. Депар-

тамент отвечал за внутреннюю безопасность, контрразведку и внешнюю разведку. На него была также возложена задача активизировать подрывную деятельность за границей.

Этот департамент должен был действовать как координационный центр. Речь идет о координации в проведении различных операций Управлениями военной разведки и общих исследований. Последнее ведомство находилось в прямом подчинении министра внутренних дел Закарии Мохиэддина, который на министерском уровне также отвечал и за Управление общей разведки. Не только потому, что он был министром внутренних дел, но и по своему положению в египетском руководстве.

Руководителем данного управления был его заместитель Али Сабри, которому помогал Камель Рифаат. Этот треугольник, на вершине которого находилось Управление общей разведки, а основание составляли Управление военной разведки и Управление общих исследований, оставался главной организационной структурой «мухабарат». Сюда же был «прикомандирован» Департамент исследований Министерства иностранных дел. Он занимался сбором информации дипломатическим путем.

Вскоре Управление общей разведки перешло под прямой контроль президента, и Закария Мохиэддин потерял свою власть над этим ведомством. Его возглавил Али Сабри, сохранив за собой и пост шефа президентской канцелярии.

В 1957 г. Али Сабри был назначен государственным министром. Этот пост позволил ему сохранить контроль над Управлением общей разведки, которое возглавлял полковник Салах Наср.

Военная разведка Египта за границей была представлена аппаратом военного атташе, который подчинялся Управлению общей разведки. Но должно было пройти какое-то время, прежде чем новая структура смогла рас-

полагать своими собственными представителями. В первые годы некоторые военные атташе продолжали служить двум хозяевам одновременно — военной разведки и общей разведке. Время от времени случалось, что люди из двух управлений работали вместе даже в то время, когда два управления были отделены друг от друга.

Вот, например, как полковник Мухаммед Шукри, египетский военный атташе в Италии с 1954 по 1958 г., работал на Управление общей разведки. Его резиденция находилась в Риме. Но одновременно он был аккредитован и в Греции. Он работал с Мустафой Азизом (или параллельно с ним), который находился в Италии и также работал на общую разведку.

Один из информаторов военного атташе был необычный персонаж. Урлих Шафт — немец, который служил в вермахте и в конце Второй мировой войны решил стать евреем. Он переехал на Землю обетованную под именем Габриэля Зусмана и пошел служить в израильскую армию. Он поступил в школу офицеров, получил звание лейтенанта и вышел в резерв. Затем провел несколько лет в Израиле и в 1954 г. решил выехать в Европу. Прибыв в Геную, он сразу же отправился в египетское консульство, где предложил поставлять за «звонкие монеты» информацию об Израиле.

Шафт правильно выбрал клиента. Как и в большинстве египетских консульств, в Генуе работал сотрудник «мухабарат», который решил немедленно отправить израильянина в Рим к военному атташе. Тот в свою очередь решил отправить Шафта в Каир. Ему выдали фальшивый египетский паспорт, в который вписали новые имя и фамилию.

В Каире Шафт встретился с представителями египетских спецслужб, которые подвергли его серьезному допросу. Он рассказал им все, что знал, и некоторое время оставался в Египте.

В 1957 г. он вернулся в Израиль под именем Давида Вайсберга, стал много выпивать и вскоре привлек внимание израильской контрразведки. Его арестовали, и в ходе допросов он рассказал об истинных причинах своего пребывания в Израиле.

Военный трибунал приговорил Вайсберга к семи годам тюремного заключения. После отбытия наказания он был выслан из Израиля...

В ноябре 1954 г. полковник Шукри познакомился с Иосифом Офиром. Офир родился на Балканах, служил в израильской армии и получил звание лейтенанта. В один из своих приездов в Рим он встретил болгарина по фамилии Боидев, который был агентом египетских секретных служб. Именно он организовал Офиру встречу с военным атташе.

Информация, которую сообщил израильтянин, убедила Шукри в том, что его гость — весьма ценный контакт. Как и Шафту, он предложил Офиру отправиться в Египет для встречи с представителями «мухабарат». Там ему дадут задание, а затем отправят в Израиль.

Чтобы продемонстрировать Офиру свое доверие, Шукри выдал ему аванс в тысячу долларов и забронировал два авиабилета на рейс до Каира. Военный атташе не хотел, чтобы его новый агент путешествовал один. Израильтянин в свою очередь попросил разрешения задержать ся на несколько дней в Риме, и Шукри перенес отъезд.

Ибрагим Абдель Кадер, записанный в качестве атташе в списке дипломатов посольства, должен был сопровождать израильтянина и не терять его из виду до отъезда. Он сразу же продемонстрировал свою активность в роли конвоира. Причем настолько, что привлек внимание израильских спецслужб.

Не исключено, что Офир заметил проявление к себе интереса со стороны израильтян. Поэтому он исчез, не оставив следов. После долгих поисков израильтяне установили, что он выехал в Южную Америку.

Выяснилось, что после службы в армии Офир принял христианство. Священнослужители, крестившие его, снабдили его рекомендательными письмами, чтобы облегчить новоиспеченному православному устройству в Южной Америке.

Исчезновение Офира вызвало большое разочарование у полковника Шукри. Но оно продолжалось недолго. Вскоре он занялся более важным делом...

Полковник Мухиб Абдель Афат, военный атташе египетского посольства в Брюсселе, не поверил своим ушам. Молодой человек, позвонивший ему накануне по телефону, попросил о встрече «по важному вопросу».

— Я не занимаюсь подобными делами, — ответил военный атташе.

— Послушайте! — настаивал молодой человек. — Я понимаю, что вы не верите мне. Но позвольте мне объяснить.

Вскоре встреча состоялась. Визитер вытащил из своего портфеля фотографию, на которой он был изображен в форме лейтенанта десантных войск, и показал также свой израильский паспорт на имя Питера Клейна, родившегося в Бельгии. Он объяснил, что его родители, выходцы из Венгрии, после Первой мировой войны переехали на жительство в Бельгию. Его отец — столяр, достаточно быстро разбогател и вскоре открыл мебельную фабрику. Но Вторая мировая война разрушила все, что он имел...

Его родители, а также старший брат Эмиль были вынуждены прятаться, чтобы спастись от нацистов. Что касается его самого, то его доверили монахам.

Семья воссоединилась в 1949 г. и выехала в Израиль. Эмиль не смог прижиться в этой стране и вернулся в Бельгию, где добился успеха в бизнесе.

Питер стал офицером. Но в армии его постигло разочарование. Именно поэтому он решил отомстить. Он покинул Израиль в 1955 г. и переехал в Брюссель, чтобы

помочь брату. В июле того же года он почувствовал, что момент настал.

После долгой беседы и многочисленных уточняющих вопросов полковник Абдель Афат поверил Петеру Клейну. На следующий день они вылетели в Рим для встречи с полковником Шукри, который курировал Бельгию. Там он получил паспорт на имя Юсефа Салима и в начале сентября 1955 г. отправился в Каир.

В аэропорту его встретили офицеры из Управления общей разведки. Вначале он почувствовал равнодушие и подозрительность с их стороны. Его долго допрашивали, проверяли полученную от него информацию. Одним из офицеров, который вел допрос, был Хасан Бульбуль, — шеф аналитического департамента Управления общей разведки.

Наконец Клейну поверили. Представители «мухабарат» решили отправить его в Италию. Он прибыл в Рим и начал работать под руководством «торгового атташе» Мустафы Азиза — представителя Управления общей разведки.

Работа нового агента заключалась в наблюдении за израильскими офицерами, работавшими в Риме, которых египтяне подозревали в принадлежности к секретным службам. Клейн работал в контакте с болгаринном Бойдевым, который был связником между Иосифом Офиром и Мухаммедом Шукри. Клейн и Бойдев получали от своих кураторов имена, адреса и описание людей, за которыми они должны были наблюдать. Ежедневно они должны были составлять отчеты и передавать их Мустафе Азизу.

Вскоре Клейн стал получать особо важные задания. Одно из них имело целью установить дружеские контакты с сотрудниками посольства Израиля в Риме. Несмотря на все свои усилия, Клейн не добился ощутимых результатов и решил действовать более решительно.

Он посетил посольство Израиля и попросил о встрече с дипломатом высокого ранга. Он сообщил дипломату, который принял его, что работает на египетскую разведку, что он внедрился к ним с целью раскрыть секретные операции, которые спецслужбы Египта ведут против еврейского государства. Его сообщение было тотчас передано в Израиль.

Израильские контрразведчики выяснили, что в детстве Клейн болел полиомиелитом и поэтому прихрамывал на правую ногу. Это не позволило ему сделать карьеру в армии. Он также был известен своим болезненным любопытством.

Клейн сделал все, чтобы его приняли в спецслужбы, но не смог добиться своего. После отъезда из Израиля он еще два раза пытался стать секретным агентом израильского посольства в Брюсселе.

Тем не менее в Риме посол Израиля объявил Клейну благодарность израильских властей за важную информацию о деятельности египетских спецслужб. Ему также объяснили, что он должен вернуться на родину для встречи с представителями израильской контрразведки.

В конце 1955 г. он прибыл в Израиль, был арестован и вскоре предстал перед судом. Его приговорили к 10 годам тюремного заключения.

Идеология подрывной деятельности

Большая часть секретных операций Египта за границей проводилась под руководством Управления общей разведки. Причем они были направлены не только против Израиля, но и против западных и арабских стран.

Египетский президент Гамаль Абдель Насер был яростным противником Багдадского пакта, подписанного в феврале 1955 г. Можно легко понять злобу, которую он испытывал в отношении Ирака, подписавшего пакт, а

также в отношении США и Англии, подтолкнувших его к этому.

В тот период Египет отдалился от западных стран. В апреле 1955 г. во время Бандунгской конференции он присоединился к странам, которые провозгласили принцип «позитивного нейтралитета». Затем Каир стал ориентироваться на «советский блок» и подписал в сентябре того же года контракт на поставки оружия из Чехословакии.

Цели, стоявшие перед египетскими спецслужбами, определялись правительственной политикой. В то время, когда Египет открыто демонстрировал свою оппозицию англо-американской политике на Ближнем Востоке, его секретные службы получали щедрую техническую помощь от США и Великобритании...

В конце августа 1955 г. майор Мустафа Рифаат прибыл в США для изучения американских методов анализа. До него в июле того же года шеф Управления общей разведки генерал Абдель Азиз Фахми посетил Лондон, где прошел курс стажировки в британской секретной службе МИ-5. Египтяне купили также в Англии новейшую технику для прослушивания телефонных разговоров. Больше того, кадровые сотрудники ЦРУ продолжали официально находиться в Каире.

Египетский журналист Хасанейн Хейкал рассказал позднее, что за несколько дней до подписания контракта на поставку оружия из Чехословакии ему позвонил резидент ЦРУ в Каире Джеймс Иглбергер. Он просил передать президенту Насеру, что тот, подписав контракт, может попасть в ловушку, расставленную коммунистами. Хейкал не сообщил, почему Иглбергер обратился именно к нему и, разумеется, не рассказал о своей роли в отношениях между египетским правительством и ЦРУ.

В силу горячей реакции западных стран президент Насер счел необходимым объяснить причины сближения Египта с «советским блоком». В речи, произнесенной 2 ок-

тября 1955 г., он объявил, что египетские спецслужбы располагают двумя секретными документами на французском и английском языках.

Первый содержал детальное описание типов оружия, которое Израиль получил из Англии и США. Второй — досье одного доклада английской военной разведки, распространенного министром обороны в мае 1955 г., в котором содержался анализ ситуации на Ближнем Востоке. В нем, в частности, можно прочитать: «Египетское правительство сделает все от него зависящее, чтобы избежать войны. Усилия египтян не означают агрессивных намерений. Напротив, кажется, что израильское правительство согласится принять ограниченную политику сосуществования на долгое время».

Насер заявил, что он располагает копией этого документа, что он готов предъявить его послу Великобритании и пообещал опубликовать фотокопии обоих документов в египетской прессе. Не уточнив, как эти документы оказались в руках «мухабарат», египетский президент гарантировал их достоверность.

Что касается документа на французском языке, то Анвар Садат, в то время государственный министр, утверждал в статье, опубликованной в египетской газете «Аль-Гумхурия», что этот документ был отправлен французскими властями в одно из египетских посольств за границей. Представитель французского Министерства иностранных дел заявил, что они никогда и ничего не слышали о документе, который процитировал президент Насер.

Реакция Лондона была совершенно другой. Представитель Министерства обороны подтвердил существование отчета о расследовании британских секретных служб и добавил, что правительство хотело бы удостовериться, располагает ли Насер копией или нет.

Впрочем, нетрудно установить, кто был заинтересован в создании впечатления, что Англия и США продают

оружие Израилю, как свидетельствовал французский документ. И это несмотря на мнение британских спецслужб, которые утверждали, что Израиль вполне мог развязать войну против Египта.

Каир не имел достаточных средств для самообороны. Это впечатление было создано двумя документами — подлинным и фальшивым. Самым важным был последний, потому что содержал точные детали об оружии, которое получил Израиль. На первой странице английского документа содержались оценки на 30 апреля, а переговоры о поставках оружия из Чехословакии начались в конце мая 1955 г.

Позднее в истории Египта можно найти характерный пример, когда распространялась дезинформация о концентрации израильских войск вдоль сирийской границы в мае 1967 г. Все понимали, что ее распространяет египетский президент и одновременно накапливает свои силы на Синайском полуострове, что спровоцировало «шестидневную войну».

Все закончилось тем, что Египет решился на соглашение о сотрудничестве, которое было подготовлено Сами Шарафом и Шарауи Гомаа.

Первый — бывший офицер полиции, который стал затем секретарем по информации при президенте в 1956 г. и, наконец, государственным министром. Тогда он отвечал за все, что относилось к деятельности секретных служб. Гомаа некоторое время работал шефом отдела информации в Управлении общей разведки. Затем был назначен министром внутренних дел.

В мае 1971 г. президент Анвар Садат отправил обоих в отставку и посадил в тюрьму. Он обвинил их в подготовке государственного переворота с целью свержения существовавшего режима...

Одновременно Египет активизировал подпольную деятельность за границей. Израиль по-прежнему оставался главной мишенью. Но египтяне не ограничивались по-

лучением информации о еврейском государстве. Региональный центр египетских спецслужб в секторе Газа прилагал одинаковые усилия в организации саботажа на израильской территории. Если неграмотные бедуины были плохими информаторами, то иногда они становились хорошими саботажниками.

Египетские спецслужбы создали специальное подразделение, куда входили хорошо обученные агенты регионального центра в Газе. Речь идет о подразделении «федаинов» наподобие подразделения «командос», которое использовалось до Суэцкого кризиса (1956) как инструмент, несущий смерть и беспорядок в Израиле.

В то время руководителем регионального центра египетских спецслужб в Газе был подполковник Мустафа Хафез, которому подчинялось и подразделение по организации саботажа. Чтобы ограничить насколько возможно риск операций, он договорился с властями Иордании о том, что саботажники не будут обязаны возвращаться в сектор Газа после проведения операций. Им разрешалось вернуться в Иорданию в распоряжение египетского военного атташе полковника Салаха эд-Дина Мустафы, который занимался их возвращением в Египет. Это давало возможность «федаинам» совершать диверсионные рейды в Израиль с иорданской территории.

Египетская пресса повсюду «аплодировала» подвигам «федаинов». Она с гордостью писала, что израильтяне критикуют свое правительство за неспособность предотвратить террористические акты, в результате которых гибнут мирные жители.

Президент Насер лично поддерживал кампанию насилия. Во время визита в Газу в мае 1956 г. он горячо поздравил подразделение «федаинов» и пожал руку их шефа — Мустафы Хафеза.

Однако неожиданное событие положило конец диверсионным вылазкам. 11 июля 1956 г. в штаб-квартире реги-

онального центра египетских спецслужб в секторе Газа прогремел мощный взрыв. Мустафа Хафез, его заместитель майор Шаабан Хариди и агент-бедуин Мухаммед Сулейман ат-Талалка, находившиеся в здании, были тяжело ранены. Через несколько часов Хафез скончался в госпитале.

Египетские власти создали комиссию по расследованию этого происшествия. Вскоре появился отчет, который во время «шестидневной войны» в июне 1967 г. попал в руки израильтян. В нем говорилось, что бедуин Талалка был агентом израильских спецслужб. Но в действительности он был двойным агентом. И израильтяне знали об этом.

Однажды они сообщили Талалке, что ему предстоит выполнить очень важное и секретное задание. Речь шла о передаче инструкций одному «израильскому агенту», работавшему в секторе Газа. Инструкции, находившиеся в книжке на английском языке, надо было передать... шефу полиции Лютфи эль-Акави.

Узнав, кто является израильским агентом, Талалка был шокирован. Он не мог представить себе, что шеф полиции может сотрудничать с израильтянами. Он спрятал пакет в складках «галабеи» (длинная рубаха до пят) и отправился в Газу к подполковнику Мустафе Хафезу. Выслушав Талалку, он вызвал своего заместителя майора Хариди. Они решили ознакомиться с содержимым пакета. В тот момент, когда Хафез раскрыл книгу, раздался мощный взрыв.

В отчете комиссии говорилось: «Покушение на подполковника Хафеза, которое стоило ему жизни, было организовано израильскими секретными службами. Израильтяне воспользовались доверчивостью Талалки и сделали его исполнителем своего плана. Он ничего не подозревал и не торопился избавиться от адской машины. Он верил, что действительно разоблачил опасного шпиона. Но израильские секретные службы действовали изощренно и коварно».

Неделю спустя такой же пакет получил египетский военный атташе в Иордании полковник Салах эд-Дин Мустафа...

Египетские спецслужбы продолжали действовать против Израиля со своих европейских баз. Главным действующим лицом одной из таких операций был Александр Юлин. Уроженец России, эмигрировавший в Израиль во время Войны за независимость (так в Израиле называют Первую арабо-израильскую войну 1948 г.), он много и подробно рассказывал о своей жизни и всегда подчеркивал, что во время Второй мировой войны сражался в рядах Красной армии. Он утверждал, что был капитаном.

Юлин был настолько словоохотлив, что получил прозвище «Саша-политрук». В израильской армии он дослужился до лейтенанта, но за нарушение дисциплины был разжалован и уволен из армии. Его семейная жизнь также не сложилась и закончилась разводом.

В марте 1955 г. Юлин выехал в Европу. Он зашел в советское консульство в Цюрихе и попросил разрешения вернуться в СССР. Его просьба осталась без ответа, но у него вскоре кончились деньги. Он начал искать пути выхода из затруднительного положения.

В Париже он установил контакт с посольством Египта, где встретил радушный прием. Сначала его принял сотрудник аппарата военного атташе. Затем его «передали» заместителю военного атташе майору Иссе Сараг эд-Дину. После этого он встретился с военным атташе полковником Сарватом Окаша. Он был отправлен в Париж в 1954 г. и все свое время и энергию посвящал сбору информации об Израиле и наблюдению за египтянами, проживавшими во Франции.

Военный атташе предложил Юлину отправиться в Афины, чтобы встретиться там с другим офицером египетской разведки. В начале августа он прибыл в греческую столицу.

Там его встретили и долго расспрашивали о службе в израильской армии, о военной ситуации в стране. Потом ему заменили израильский паспорт на французский, в который было вписано имя Альберт-Джозеф Готье. После этого его посадили в самолет, вылетающий в Каир.

По прибытии в Египет Юлина сразу же взяли в оборот сотрудники «мухабарат». Наконец ему сообщили, что он должен вернуться в Израиль и следить за происходящим на юге страны. Он должен был отправлять свои отчеты на почтовый адрес в Афинах.

Его научили способам «маскировки» своих отчетов: при использовании шифра он должен был населенным пунктам и армейским лагерям давать женские имена, а воинским частям — мужские. Батальон превращался в «сына бригады», а цифра, используемая в той же фразе, что и мужское имя, означала номер. Например, фраза «Сын Авраама живет с Рахель, ему 18 лет» означала, что «батальон 18-й бригады находится в Ревивиме». Когда этот способ не использовался, применялись чернила для тайнописи.

К концу своей подготовки Юлин получил тысячу долларов и был переправлен в Грецию. Оттуда в августе 1956 г. он отправился в Израиль.

Его подпольная деятельность продолжалась недолго. Вскоре он был арестован и приговорен к пяти годам тюремного заключения...

Алсибиадес Кокас прибыл из Афин. Он знал Израиль, поскольку находился здесь с армией Свободной Греции во время Второй мировой войны. После ее окончания он стал продавцом подержанных вещей и по делам наезжал в Египет и Израиль.

Один из его друзей по имени Панайотис был секретным агентом египетских спецслужб. В 1956 г. он познакомил его с греком по имени Атанасиос. Тот жил в Египте и занимался вербовкой агентов для «мухабарат». Кокас при-

знался, что хотел бы познакомиться с полковником Шукри, военным атташе Египта в Италии и в Греции, проживавшим в Риме.

Вскоре тот приехал в Афины, чтобы лично познакомиться с будущим агентом. Он думал, что Кокас баз труда найдет источники информации среди греков-ортодоксов, проживавших в Израиле, у которых остались родственники в Греции. Египтяне надеялись, что он сможет добывать информацию и военного характера. Они снабдили его фотоаппаратом, шифром и чернилами для тайнописи.

После того как Кокас был завербован египетскими спецслужбами, в октябре 1956 г. он выехал в Израиль. На этот раз ему было поручено купить карты, прессу на военную тематику и сфотографировать порт Хайфа из окна отеля. Когда в конце месяца разразился Суэцкий кризис, он испугался и решил вернуться на родину. В тот момент, когда он садился на пароход, таможенники конфисковали у него фото пленки.

Когда их проявили, ни у кого не оставалось сомнений, чем Кокас занимался в Израиле. Тем не менее ему возвратили эти пленки, но установили за ним наблюдение.

В начале 1957 г. Кокас снова прибыл в Израиль. Официально — для покупки списанного военного снаряжения. В действительности ему требовалось выяснить, может ли он обосноваться в стране, но он потерпел неудачу. Он выехал, чтобы снова вернуться в Израиль с целью найти партнера, который будет сопровождать его по военным складам, и он сможет изучить «рынок» для будущих покупок. На самом деле Кокас ничего не приобрел, но познакомился с молодым лейтенантом артиллерии, с которым его часто видели.

Кокас покинул Израиль в апреле, а в августе снова вернулся. Две недели спустя он был арестован и приговорен к 6 годам тюремного заключения.

4 октября 1956 г. при переходе линии, разделявшей Иерусалим на израильский и арабский, был арестован

настоятель коптской церкви в Яффо отец Йоахим эль-Антони. Он часто ходил в старый город (восточный Иерусалим), который в то время находился под контролем Иордании, чтобы пообщаться со своими единоверцами из коптского монастыря.

Израильский офицер нашел у него в сумке три экземпляра справочников на иврите. Это вызвало подозрение: зачем святому отцу справочники? Кроме того, офицер нашел в сумке бумаги, также вызвавшие подозрение. В этот момент святой отец схватил часть бумаг, бросился в туалет и попытался избавиться от них.

Несмотря на подозрительное поведение, его отпустили, предварительно изъяв бумаги, оставшиеся в сумке. На них его рукой было написано донесение о расположении израильских войск, военных заводов и аэропортов.

14 ноября 1956 г. святой отец вновь переходил разделительную линию. На этот раз его досматривали гораздо дольше и тщательнее. Этот обыск позволил найти документ, в котором описывались места, где израильтяне содержали египетских солдат, плененных в ходе Суэцкой войны. В документе упоминались имена офицеров египетских спецслужб, которым подчинялся святой отец эль-Антони. Одним из них был капитан Хасан Али Халиль, резиденция которого находилась в Бейруте, и подполковник Хильми эль-Масри, проживавший в Аммане. Оба были известны израильским спецслужбам как организаторы диверсионных вылазок «федайнов» на израильскую территорию.

Эль-Антони не мог отрицать, что документы были написаны его рукой. Он также признался, что получил эту информацию от израильских военных, но заявил, что она была необходима ему для написания книги.

Вскоре святой отец предстал перед трибуналом и был осужден на десять лет лишения свободы...

Тяжелые потери, которые Египет понес во время Суэцкой войны, не повлияли на активность подпольных опе-

раций «мухабарат». Капитан Хасан аль-Халиль, которого мы упоминали в связи с делом отца Йоахима эль-Антони, был выдворен из Ливана в начале 1957 г., где находился в качестве заместителя военного атташе Египта. Поскольку он был аккредитован и в Сирии, то переехал из Бейрута в Дамаск.

В действительности Халиль, приступивший к выполнению своих обязанностей в октябре 1955 г., был резидентом Управления общей разведки в Ливане. Он и его сотрудники работали под дипломатическим прикрытием. Им было поручено вести разведку на израильской территории, организовывать террористические акты против иностранных миссий в Ливане, а также расшатывать ливанский режим. Местные агенты, работавшие в крупных городах, образовали широкую шпионскую сеть, которая способствовала созданию «Союза арабской молодежи» — оппозиционной организации, руководимой египетскими спецслужбами.

Именно эта организация смогла во время и после Суэцкой войны взорвать многие иностранные представительства и часть бейрутского морского порта. Кульминационным моментом этой подпольной деятельности было покушение на президента Ливана Камиля Шамуна. Это был первый случай, когда египетские спецслужбы пытались ликвидировать главу арабского государства.

Ливанские власти арестовали около 30 египетских агентов. Многие из них были осуждены на различные сроки тюремного заключения. Главное действующее лицо Хасан Халиль, как было сказано выше, объявлен «персональной нон-грата». Ему присвоили звание майора и год спустя назначили заместителем военного атташе в Швейцарии.

Другой египетский военный атташе из-за угрозы выдворения из страны пытался перебраться в соседнюю и там обосноваться. Речь идет о полковнике Исмаиле Саде-

ке, направленному в Ливию в качестве военного атташе. В действительности он выполнял там функции резидента Управления общей разведки.

Некоторое время спустя после прибытия он начал активно подстрекать население к мятежу, одновременно распространяя среди ливийских оппозиционеров оружие. По примеру своих коллег из Ирака и Ливана он создал оппозиционную организацию, которую назвал «Фронт борьбы ливийского народа». В ноябре 1956 г. имели место акты саботажа против западных дипломатических миссий в Ливии и против нефтепроводов.

Одновременно он активизировал свою деятельность по агитации населения против властей. Его агенты бросали гранаты в дома политических деятелей, а он сам изготовлял в посольстве Египта взрывчатые устройства. Когда он почувствовал угрозу выдворения, то заперся в посольстве. Но в конце концов был вынужден выехать из страны.

В то время Египет заметно активизировал свою разведывательную деятельность в «братских странах», в результате чего многие военные атташе объявлялись «нежелательными персонами». Так, подполковник Саад эд-Дин Заяд был вынужден покинуть Судан, а подполковник Али Абу Фадель Шахаба — Саудовскую Аравию. Оба обвинялись в организации заговоров с целью свержения правящих режимов.

Главной мишенью операций египетских спецслужб был в то время король Иордании Хусейн. Военный атташе полковник Салах эд-Дин Мустафа активно поддержал призыв к созданию группы «Свободных офицеров» наподобие той, которая совершила революцию в Египте в 1952 г. Полковник Мустафа, занимавшийся организацией диверсионных операций на территории Израиля, вскоре передал свои полномочия подполковнику Ахмеду Фуаду Хилялу.

В то время отношения между королем Хусейном и правительством, возглавляемым с октября 1956 г. Сулейманом Набульси (ярким сторонником президента Насера), были весьма напряженными. В апреле 1957 г., спустя несколько дней после отставки правительства Набульси, король Хусейн предотвратил заговор, организованный с целью его свержения. Он получил сведения, что государственный переворот готовили египетские секретные службы.

Но эта попытка не была последней. Против иорданского короля устраивалось еще много заговоров. Полковник Хиляль и египетский генеральный консул в Иерусалиме Мухаммед Абдель Азиз были объявлены «персонами нон-грата» в Иордании. Первый был обвинен в деятельности, направленной против членов королевской семьи. Второй — в заговоре с целью свержения короля Хусейна.

Египетские власти отрицали все обвинения. В ответ они обязали иорданского посла покинуть Египет и отозвать своего представителя из Высшего египетско-иорданско-сирийского командования. Египтяне, разумеется, скрыли, что иорданский представитель был агентом полковника Хиляля и участвовал в организации заговора. В 1958 г. Хиляль получил назначение в Мадрид на должность советника посольства.

Президент Насер рассматривал подрывную деятельность как легитимное средство для достижения своих целей. В речи перед высшими офицерами, произнесенной в марте 1957 г., он заявил: «Мы сможем сказать, что выполнили нашу задачу, когда сотрем последние следы империализма в арабских странах и когда мы сможем гарантировать, что бразды правления действительно находятся в их руках. Каждая страна должна использовать все средства, которые находятся в ее распоряжении. Открытая война стоит очень дорого. Поэтому мы используем другие средства, которые не менее эффективны».

Не часто можно услышать от руководителя государства столь откровенные слова о необходимости ведения подрывной деятельности против иностранных (и «братских») государств...

Арабское «братство»

Каир, 1 февраля 1958 г.

Участники совместного заседания кабинетов министров Египта и Сирии провозгласили слияние двух стран, получившее название Объединенная Арабская Республика (ОАР). Египет стал Южной зоной, Сирия — Северной. Сирийская армия, переименованная в Первую армию ОАР, была подчинена командованию египетского Генерального штаба. Глубокие изменения коснулись и сирийских секретных служб.

Данные изменения произошли по инициативе Египта, лидеры которого прекрасно понимали, что армия и спецслужбы — эти стратегические орудия власти — должны находиться в одних руках. Также как администрация Северной зоны стала департаментом центральной администрации Каира, сирийские спецслужбы перешли под контроль секретных служб Египта.

До создания ОАР спецслужбы Сирии включали в себя Второе бюро, подчинявшееся армии, Управление общей безопасности, находившееся под контролем Министерства внутренних дел, и Управление общей разведки («Мухабарат аль-Амма»). После объединения двух государств эти спецслужбы, как и египетские, были реорганизованы.

Второе бюро, бывшее до объединения самой важной секретной службой Сирии, потеряло свои прерогативы и перешло под контроль египетской военной разведки. Поле деятельности было ограничено ведением контрразведки в рамках Первой армии, то есть в военной сфере. Новым

шефом стал уроженец сирийского портового города Латакия полковник Мухаммед Реда Истамбули.

Он имел богатый опыт подпольной деятельности, который приобрел во время Второй мировой войны будучи немецким агентом в Турции, где нашел убежище после освобождения Сирии, находившейся под контролем режима Виши. Он имел тесные контакты с Рашидом Али аль-Кейлани, возглавившим в мае 1941 г. пронацистский государственный переворот в Ираке, а также с муфтием Иерусалима Хаджем Амином аль-Хусейни, верно служившим гитлеровцам. Когда в 1944 г. Истамбули был выслан из Турции, он нашел пристанище в Германии, где вступил в Арабский легион в звании капитана.

Управление сирийской службы общей безопасности превратилось в подразделение Директората секретных служб Египта и перешло в подчинение Министерства внутренних дел Северной зоны. Третья спецслужба — «Аль-Мактаб аль-хасс» («Специальное бюро») — представляла Управление общей разведки в Каире и также подчинялась Министерству внутренних дел Сирии.

Это министерство возглавлял подполковник Абд аль-Хамид Сарадж, один из ревностных сторонников Египта. До образования ОАР он был шефом сирийского Второго бюро. Вновь созданное «Специальное бюро» должно было осуществлять наиболее ответственные и деликатные разведывательные операции и заниматься обеспечением безопасности.

Новая спецслужба унаследовала от Второго бюро подразделения палестинских «федаинов», которые оказались весьма полезными в осуществлении многих задач. Эти «федаины» вербовались главным образом среди палестинских беженцев. Они занимались как сбором информации, так и проведением акций саботажа или террористических рейдов на территории еврейского государства.

До создания ОАР спецслужбы Египта и Сирии сотрудничали во многих областях. Так, в мае 1956 г. состоялось совместное совещание представителей разведок этих стран. Его участники пришли к выводу, что «Израиль пытается казаться гораздо сильнее, чем он есть на самом деле, с целью убедить арабов отказаться от военных действий...»

В феврале 1958 г. шеф Второго бюро Сарадж договорился с президентом Египта Гамалем Абдель Насером о проведении акций против усилий короля Саудовской Аравии Ибн Сауда, который пытался помешать объединению Египта и Сирии. Но когда ОАР стала реальностью, подрывная деятельность секретных служб объединившихся государств получила новый импульс.

В мае — июне 1957 г. Египет и Сирия призывали к выступлениям против правительства в Ливане. Корреспондент лондонской «Таймс» в Бейруте писал, что 2 июня он увидел автомашину с сирийскими номерами, которая выгружала оружие вблизи египетского посольства в Ливане. В то время ливанские спецслужбы арестовали около 500 сирийских граждан, нелегально проникших с оружием в Ливан. Среди них были два сотрудника сирийского Второго бюро и офицер, который оказался секретарем шефа этого ведомства. Каир и Дамаск развязали крупномасштабную пропагандистскую кампанию против правительства Ливана, называя его не иначе как «орудием капитализма», и против США — «врага арабских народов».

Главная причина этих атак против Ливана состояла в том, что его правительство одобрило доктрину Эйзенхауэра. Эта доктрина, принятая американским конгрессом 9 марта 1957 г., позволяла президенту США использовать вооруженные силы для защиты любой страны, подвергшейся угрозе со стороны коммунистических режимов.

Египтяне прилагали максимум усилий, чтобы изменить политику ливанского правительства. Политический

обозреватель бейрутской газеты «Ле Суар» Касруан Лябаки приводит конкретный пример, иллюстрирующий приемы, которые использовались для достижения этой цели. Он пишет, что есть ливанцы, которые чувствуют себя гораздо ближе к египтянам, чем к сирийцам или ливанцам. «Но, — добавляет он, — когда они видят египетского посла, бригадного генерала Абдель Хамида Галеба, который ведет себя как наместник Насера в Ливане и действует так, как если бы страна находилась под протекторатом Египта, когда он превратил свое посольство в убежище для оппозиции и выбирал своих друзей исключительно среди оппозиционеров режима, можно утверждать, что он сделал для Ливана гораздо больше плохого, чем хорошего».

Кампания дезинформации, начатая в это время египетскими спецслужбами, заключалась в подготовке и распространении ложной информации о противнике, которым может быть государство, правительство, группа или индивидуум. Дезинформация, как считали в Каире, является лучшим способом подрыва политических идей и государственных основ. Целью кампании по дезинформации, развернутой Египтом, было осудить Ливан не только как «орудие капитализма», но и как «преступника, собиравшего установить дипломатические отношения с Израилем».

Операция (июнь 1957 г.) заключалась в распространении фотокопий трех сфабрикованных писем, которыми якобы обменялись посол Израиля в США и ООН Абба Эбан и министр иностранных дел Ливана Шарль Малик. В одном из писем последний обещал: «Я гарантирую Вам, что враждебность, которая существует между нашими странами, и напряженность, которая царит в этих двухсторонних отношениях, является для меня такой же заботой, как и для Вас. Я полностью согласен с Вашим мнением, когда Вы утверждаете, что самый эффективный способ решения этой проблемы — объективный анализ ее причин и природы».

Эбан в ответ написал: «Ваше желание понять истинные нужды и глубокие стремления моей страны вызвало в Тель-Авиве большое удовлетворение». Одной этой фразы достаточно, чтобы доказать, что документ фальшивый. Любой израильский представитель обязательно напишет, что ливанская позиция вызвала удовлетворение в... Иерусалиме (!), а не в Тель-Авиве. Но эти документы не предназначались для израильской общественности, а для арабской публики дипломатические тонкости непонятны.

Ливанский министр иностранных дел выступил с заявлением, в котором назвал эти «документы» фальшивыми и пригрозил подать в суд на любую газету, которая их опубликует. Но это не помешало египетским СМИ широко их обнародовать. Причем, с соответствующими комментариями...

Кампания дезинформации, проводимая египетскими спецслужбами в Ливане, достигла своего пика в 1958 г., когда в Ливане началась гражданская война, которая повлекла за собой высадку американских войск (в соответствии с доктриной Эйзенхауэра) в этой стране. Но египетские спецслужбы не прекращали своих усилий (читай — проведение кампании дезинформации) в других арабских странах.

Так, в марте 1958 г. спецслужбы Египта участвовали в заговоре с целью устранения президента Туниса Хабиба Бургибы. В ноябре того же года Бургиба объявил, что он раскрыл новый заговор, который готовил Египет. Насер, разумеется, опроверг заявление своего тунисского коллеги.

В начале апреля того же года, незадолго до государственного переворота в Ираке, страну покинул Ахмед Шафия — атташе посольства ОАР в Багдаде. Он распространял враждебные режиму листовки и литературу.

В июле того же года за попытку организации государственного переворота из Судана был выдворен военный атташе посольства ОАР подполковник Али Фадель Ха-

шаба. Позднее он был выслан из Саудовской Аравии, где также участвовал в подготовке заговора с целью свержения королевского режима.

В том же году Мухиб ас-Самара, консул ОАР в восточном Иерусалиме, находившимся под контролем Иордании, был объявлен персоной нон-грата за деятельность, «направленную против иорданского режима»...

Как было сказано выше, Управление общей разведки и его бюро в Дамаске отвечало за операции по дезинформации иностранных государств. Долгое время эти операции проводились исключительно против Ливана и Иордании. Но когда новый лидер Ирака — президент Касем отказался подчиниться «предписаниям» Египта пожертвовать независимостью страны, стало очевидным, что Ирак скоро превратится в очаг националистических амбиций, и будет представлять угрозу режиму Насера.

Подобная возможность рассматривалась настолько серьезно, что руководители ОАР решили использовать «специфические» средства, чтобы устранить эту угрозу в будущем. С этой целью было создано специальное подразделение, одна из задач которого состояла в том, чтобы подорвать режим иракского лидера. Ответственность за деятельность этого подразделения была возложена на государственного министра Али Сабри.

Он был самым подходящим человеком для выполнения данной миссии. В прошлом — шеф Управления общей разведки Египта.

Непосредственное руководство новым «проектом» было возложено на Камалю эд-Дина Рифаата, который имел некоторый опыт в подобного рода деятельности. В 1953 г. он служил в военной разведке, руководил операциями против английских войск, базировавшихся в Египте. В последующие годы он вместе с египетским военным атташе в Сирии отвечал за организацию диверсионных акций «федайнов» против Израиля. Кроме того,

он руководил подпольными операциями против арабских стран.

Значительная часть работы «специального подразделения» проводилась в Северной зоне (Сирия) в силу ее географического положения. Но штаб-квартира находилась в Каире.

Изменение обстановки привело к появлению новых структур, действовавших в сирийской зоне. Они занимались в основном дезинформацией против Ирака. Одна структура получала указания непосредственно из Египта, другая — из Сирии. Чтобы избежать недоразумений и ошибок, эти структуры разделили свои задачи и начали регулярно проводить консультации по тактическим и стратегическим вопросам. Тем не менее окончательные решения о проведении операций принимались в Египте.

База «специального подразделения» находилась в Ираке, вблизи посольства ОАР в Багдаде. Руководил этим подразделением военный атташе полковник египетской армии Абдель Маджид Фарид, у которого был богатый опыт подпольной деятельности. До назначения военным атташе он занимал ответственный пост в Управлении общей разведки. Его заместителем был полковник сирийской армии Талаат Сидки, который также имел опыт подобного рода деятельности.

Фарид, Сидки и их подчиненный Мухаммед Фарес Кабул, работавший третьим секретарем посольства ОАР, использовали дипломатическое прикрытие для сбора разведывательной информации, установления контактов с оппозицией режиму генерала Касема. Они обучали оппозиционеров методам подпольной борьбы и поставляли им соответствующую «экипировку».

Сразу же после прихода к власти в Ираке президента Касема и вице-президента Арефа отношения между ними начали ухудшаться. Ареф, в отличие от Касема, выступал за союз с ОАР. В результате в сентябре 1958 г. он был смещен с

поста вице-президента. В ноябре того же года он был арестован и предстал перед военным трибуналом. В то же время на родину вернулся Рашид Али аль-Кейлани, заговорщик-ветеран, возглавлявший провалившийся мятеж против англичан во время Второй мировой войны и 17 лет находившийся в изгнании. Это был ярый сторонник союза с ОАР.

По возвращении в Ирак Рашид Али был тепло принят президентом. Но ему не предложили никакого поста во властных структурах. Его решительная оппозиция аграрной реформе, принятой правительством, и осуждение независимой политики Касема подтолкнули его к организации государственного переворота. Кроме того, он получил заверения в оказании поддержки со стороны ОАР.

Подготовка к перевороту началась в ноябре 1958 г. Его целью было свержение Касема, физическое устранение (если не будет другого решения), затем формирование нового правительства во главе с Рашидом.

С самого начала он опирался на двух основных сотрудников: своего племянника Мубдира аль-Кайлани и адвоката Абд ар-Рахима ар-Рави. Задача Мубдира заключалась в поддержке контактов с дипломатами ОАР, советником Фуадом Абд аль-Мубди и третьим секретарем Мухаммедом Фаресом Кабулом.

Рашид Али без колебаний попросил помощи на «укрепление» революции, и ОАР выделила ему 25 тыс. иракских динаров. Часть суммы была положена на счет на его имя во французском Национальном банке коммерции и индустрии, ближневосточный филиал которого находился в Бейруте.

Второй помощник, адвокат ар-Рави, отвечал за связь с армейскими офицерами и лидерами племен. Значительная часть денежных средств, поступавших из ОАР, предназначалась для последних и для Абд ар-Риза аль-Хаджа Сикара — вождя племени из района Дивания, который получил 4500 динаров.

Среди офицеров были генеральный директор полиции полковник Тахер Яхья и шеф военной разведки полковник Рифаат аль-Хадж Сирри, участие которого было весьма важным для осуществления переворота. Но последующие события показали, что и тот, и другой оказались не слишком опытными офицерами. Они не сумели нейтрализовать людей, которые шпионили в пользу Касема.

Осуществление государственного переворота планировалось в ночь на 10 декабря 1958 г. Племена должны были спровоцировать в стране беспорядки, проведя различные акты саботажа. В то же время им было поручено раздать оружие, которое им поставляли представители ОАР. Также было предусмотрено, что авиация ОАР в случае необходимости доставит им дополнительное вооружение.

Офицеры, участвовавшие в заговоре, должны были найти Касема и потребовать от него уйти в отставку. В случае отказа они имели приказ физически устранить его.

За неделю до переворота заговорщики получили неожиданную поддержку. Три офицера и двое гражданских установили контакт с Мубдиром аль-Кайлани и адвокатом Абд ар-Рахманом ар-Рави. Один из офицеров был близким другом адвоката.

Они объяснили, что являются членами подпольной организации «Арабское братство», что хотят помочь Рашиду Али свергнуть режим Касема. Но прежде они хотели бы узнать, могут ли организаторы заговора предоставить им оружие и деньги? Помощники Рашида поверили им и рассказали о племенах, которые поднимут бунт, а также о контактах с эмиссарами ОАР. На первой же встрече они вручили им 2,5 тыс. динаров. Новые участники заговора предложили взять на себя арест Касема и даже его устранение.

Итак, все было готово к перевороту, намеченному в ночь на 10 декабря. Однако 7 декабря Рашид Али, двое его помощников и высшие офицеры — участники заговора

были арестованы и брошены в тюрьму. Позднее заговорщики узнали, что организация «Арабское братство» не существовала, а пять ее «членов» принадлежали к спецслужбам Касема. Его агенты даже записали телефонные разговоры между Абд ар-Рахимом ар-Рави и Мубдиром Кайлани.

Рашида Али и его помощников приговорили к смертной казни, но приговор суда не был приведен в исполнение. Офицеров, участвовавших в подготовке переворота, Касем простил и даже не уволил из армии.

Между тем, несмотря на провал Рашида Али, иракская оппозиция, как и внешние враги Касема, решили не сдаваться и приступили к организации нового государственного переворота. На этот раз в иракском городе Мосуле, который был центром деятельности заговорщиков. Ими руководил полковник Абд аль-Ваххаб аш-Шаваф. Большая часть офицеров, участвовавших в первом заговоре, присоединились к заговорщикам. Одним из офицеров был шеф военной разведки Рифаат аль-Хадж Сирри. Среди гражданских участников заговора были лидеры крупнейшего племени Шамар, жившие в районе Мосула, а также в районе Джезира в Сирии.

В январе, феврале и начале марта 1959 г. подготовка нового государственного переворота шла полным ходом. Разумеется, при активной поддержке секретных служб ОАР. В Багдаде заговорщики получали всю необходимую помощь от «специального подразделения», которым руководил полковник Абд аль-Маджид Фарид и третий секретарь посольства Мухаммед Фарес Кабул. Все проводимые операции находились под контролем шефа Управления общей разведки Сирии подполковника Бурхана Аднана.

Неподалеку от иракской границы, в местечке Тель-Кушак, был оборудован склад легкого оружия, чтобы в случае необходимости доставить его в Багдад заговорщикам.

Большая часть этого оружия предназначалась для племени Шамар, а меньшая — 5-й бригаде, которой командовал полковник Шаваф и которому не хватало оружия и боеприпасов. Незадолго до начала путча мятежники получили полностью оборудованную радиостанцию, которая работала лишь в начале восстания 8 марта 1959 г., потому что заговорщики не могли ее настроить.

В день начала восстания президент Египта Гамаль Абдель Насер находился в Дамаске по случаю первой годовщины образования ОАР. Он решил остаться в сирийской столице, чтобы дождаться результатов операции. Однако он был разочарован развитием событий, поскольку попытка государственного переворота снова провалилась. Прежде всего из-за плохой организации и отсутствия координации действий между руководителями заговорщиков. Кроме того, этот заговор не получил ожидаемой поддержки со стороны населения.

Руководители путча были арестованы и казнены, включая шефа военной разведки.

Провал попытки переворота отразился и на посольстве ОАР в Багдаде. Девять сотрудников были объявлены персонами нон-грата и в 24 часа покинули Ирак. Среди них военный атташе Абд аль-Маджид Фарид и его заместитель Талаат Сидки, а также Мухаммед Фарес Кабул.

Несмотря на провал, полковник Фарид был назначен руководителем каирского бюро «специального подразделения», а Сидки стал шефом подобного бюро в Дамаске. Кабула назначили его заместителем.

Эта вторая неудача не привела в уныние организаторов заговоров против Касема. Третья попытка — на этот раз вооруженное нападение на его автомашину — имела место 7 ноября 1959 г. Покушение было подготовлено Партией арабского социалистического возрождения (БААС) совместно с армейскими офицерами и при активном участии представителей «специального подразделе-

ния» в лице второго секретаря посольства ОАР в Багдаде Тауфика Абазы.

На этот раз Касем был ранен в левое плечо. Многие участники покушения были вынуждены бежать из страны. Некоторые были арестованы, приговорены к высшей мере наказания. Тауфик Абаза объявлен персоной нон-грата и выдворен из Ирака.

Кстати сказать, одним из участников покушения был бывший президент Ирака Саддам Хусейн. Во время операции он был ранен, но сумел скрыться и вскоре объявился в Сирии.

В эти же годы внимание секретных служб ОАР было приковано к Иордании. Это направление находилось под контролем Управления общей разведки.

С 1957 г. в Дамаске находился «Иорданский революционный совет». Среди его членов были бывший министр иностранных дел Абдалла Римави и бывшие начальники Генерального штаба Али Абу-Навар и Али Хэйяри. Эти люди, как и другие члены совета, в действительности были агентами сирийских спецслужб. Они работали в тесном контакте со Вторым бюро до создания ОАР, а затем с Управлением общей разведки, главой которого был подполковник Бурхан Адхам. Цель «революционного совета» была простой — свергнуть короля Иордании Хусейна I.

В июле 1958 г., когда генерал Касем пришел к власти в Ираке, в Иордании имела место попытка государственного переворота, которую предпринял полковник Махмуд ар-Рузан. После провала он и одиннадцать других иорданских офицеров были арестованы и осуждены.

В марте 1959 г. был раскрыт еще один заговор. Его возглавил генерал Садек аш-Шараа. В ходе следствия выяснилось, что заговорщикам активно помогали секретные службы ОАР.

После этого провала иорданцы, находившиеся в изгнании, и офицеры сирийских спецслужб решили органи-

зовать убийства иорданских высокопоставленных лиц. Мишенями стали премьер-министр Иордании Хаза аль-Маджали и командующий бригадой королевской гвардии (дядя короля) Шериф Насер.

Для проведения этих операций сирийские спецслужбы завербовали некоего иорданца по имени Насири Мухаммед Саадалла, который работал официантом в одном из ресторанов Дамаска. Ему дали фальшивый ливанский паспорт и отправили в Иорданию.

Прибыв в Амман, он должен был установить контакт с бывшим офицером иорданской армии, который работал в нефтяной компании «Шелл». Тот в свою очередь должен был передать «ливанцу» пистолет. Но по каким-то причинам Саадалла не решился выполнить задание сирийских спецслужб и вернул пистолет бывшему офицеру. Вскоре он был арестован. Оказалось, что его отец, узнав о делах сына, сообщил о нем иорданской контрразведке.

Но руководители сирийских спецслужб не пали духом. Они нашли других людей, готовых выполнить их задания. Салах Фурани, торговец газетами в Аммане, часто приезжал в Дамаск по делам. В 1959 г. он был завербован. Ему поручили вести в Иордании кампанию по дезинформации. В свою очередь он завербовал двух сотрудников пресс-отдела иорданского правительства — Шакера Даббаса и Мухаммеда аш-Шамута.

В феврале 1960 г. Фурани был вызван в Дамаск для встречи с шефом военной разведки полковником Адхамом и одним из его заместителей Бахжатом Масути. Ему сообщили, что наступил решающий момент в его подпольной деятельности, что он должен взорвать здание, в котором находился офис иорданского премьер-министра.

На этой встрече присутствовал Закария Тахер — иорданец-изгнанник, семья которого владела большой транспортной компанией. По заданию сирийских спецслужб он использовал водителей для перевозки оружия и взрывча-

тых веществ. Так у Фурани появились в офисе четыре бомбы и два детонатора замедленного действия.

Даббас и Шамут установили адские машины в здании правительства в ночь на 29 августа 1960 г. Причем одну из них в кабинете премьер-министра. Бомбы взорвались рано утром. Премьер и 10 его сотрудников погибли, 40 человек получили тяжелые ранения. Даббасу и Шамуту удалось бежать в Сирию. Фурани был арестован, предстал перед судом и повешен.

Сирийские спецслужбы не могли постоянно заниматься своими собственными планами по дезинформации. Им приходилось противостоять операциям подобного рода, проводимым против Северной зоны ОАР. Так, в августе 1960 г. они раскрыли заговор, организованный бывшими сирийскими политическими деятелями и офицерами, находившимися в изгнании в Ливане. Этот заговор готовился при активном участии офицеров сирийской армии.

Узнав об этом, руководство Управления военной разведки направило в Ливан одного из своих агентов с заданием внедриться в группу заговорщиков. Вскоре агент узнал имена руководителей и участников заговора. В результате в Сирии были арестованы 75 человек.

Иордания, устав от многочисленных операций, проводимых против нее сирийскими спецслужбами, отвечала тем же, используя сирийцев-изгнанников. Сарадж, назначенный представителем Исполнительного совета Северной зоны, 17 октября 1960 г. осудил иорданские власти за установку взрывчатых устройств в автомобилях, направляемых из Кувейта в Сирию, о чем водители не догадывались. Операция была проведена в ответ на взрыв сирийских грузовиков, проезжавших транзитом через Иорданию. Сарадж заявил, что бомбы замедленного действия, установленные в автомобилях, взорвались на центральной площади Дамаска — Ат-Тахрир, где президент Египета Насер должен был выступать перед народом.

25 октября 1960 г. в Дамаске прогремели три взрыва. Полиция арестовала сирийца по имени Махмуд Бустани и двух иорданцев. Власти ОАР объявили, что у арестованных обнаружены документы, свидетельствующие об их принадлежности к иорданской шпионской сети. Во время пресс-конференции Бустани заявил, что иорданцы пообещали ему выплатить по тысяче сирийских фунтов за каждый взрыв в Северной зоне.

10 сентября 1960 г. в приемной посольства ОАР в Бейруте прогремел взрыв. В конце октября того же года директор службы безопасности Ливана прибыл в Дамаск для встречи со своим сирийским коллегой. В ходе встречи они договорились принять меры, направленные на прекращение антисирийской деятельности с территории Ливана. Несколько дней спустя ливанская полиция произвела обыск в доме Салаха Шешекли (брата бывшего президента Сирии) и нашла там оружие, взрывчатку и документы, указывающие на то, что заговор был направлен против Северной зоны ОАР. Полицейские не могли арестовать хозяина этого арсенала, поскольку он сбежал в Иорданию.

Один из его помощников Мунир Музли все-таки был арестован. Он был сирийцем и заявил, что покинул свою страну много месяцев назад, обосновался в Аммане, где установил контакт с представителями иорданских спецслужб. Затем он выехал в Бейрут, где вместе с Салахом Шешекли вербовал сирийцев-изгнанников и направлял их в иорданские тренировочные лагеря.

В конце октября 1960 г. ливанская полиция арестовала бывшего ливанского министра Мухаммеда Фаделя. Он был связником между сирийцами-изгнанниками и иорданским военным атташе майором Гази Хатыбом. Последний три недели спустя выехал в Иорданию в отпуск, и ливанские власти тотчас объявили его персоной нон-грата. Его обвинили в ведении подпольной деятельности против сирийского режима.

В ответ (а, возможно, за признание заслуг) майор Хаттыб был назначен старшим адъютантом короля Хусейна.

Иорданские спецслужбы проводили операции против Сирии в течение 1961 г. В январе взорвались две бомбы — одна в Дамаске, другая в Хомсе. В феврале того же года два сирийца признались на пресс-конференции в Дамаске, как их пытались вербовать агенты секретных служб Иордании...

Перечень операций арабских спецслужб, проводившихся друг против друга, можно продолжить. Борьба между ними за влияние в арабском мире не прекращается по сей день. Как не прекращаются призывы к укреплению «арабского братства»...

Объединение: кто кого?

В течение всех лет, пока существовала ОАР — Объединенная Арабская Республика (1958–1961), секретные службы Египта и Сирии не прекращали совместной подрывной деятельности против так называемых «братских стран». В этот же период операции против Израиля проводились весьма редко и, как правило, терпели провал. Время от времени осуществлялись операции контрразведывательного характера против зарубежных (не арабских) государств...

Надо признать, что объединение спецслужб Египта и Сирии не принесло заметных результатов. Это был мертворожденный альянс, в рамках которого египтяне хотели подчинить себе сирийцев. Последние в свою очередь стремились сохранить свой специфический характер.

Хотя многие египтяне были назначены на различные посты в сирийских спецслужбах, эти структуры в Северной зоне (Сирия) оставались сирийскими по своей сущности. Во всяком случае настолько долго, пока их возглавлял подполковник Абд аль-Хамид Сарадж.

В августе 1958 г. он стал вице-президентом по вопросам внутренней безопасности центрального правительства ОАР, которое было только что сформировано и находилось в Каире. Президент Египта Гамаль Абдель Насер одним ударом устранил из Дамаска человека, который мешал ему удовлетворить свои амбиции и установить полный контроль над Сирией.

В свою очередь Сарадж поспешил использовать свой высокий пост и громкий титул и вернулся в Дамаск, где у него начался конфликт с вице-президентом Египта Абдель Хакимом Амером, который был назначен представителем центрального правительства в Сирии. Причиной конфликта явился спор о том, кто будет контролировать спецслужбы в Северной зоне.

Амер отстранил от должности руководителя «Специального бюро» (в Дамаске) египетского Управления общей разведки Марвана Сибаи, друга Сараджа. Вместо него он назначил своего человека — полковника Рашида Кутейни. Другие чиновники были также уволены, некоторые арестованы, а 12 из них получили приказ вернуться в Каир. Два человека из этих двенадцати отказались подчиниться. Один из них — Абдель Ваххаб Хатыб, помощник Сараджа.

Одновременно было принято решение ликвидировать «Специальное бюро» и объединить секретные службы двух зон ОАР. Из Каира в Дамаск прибыли офицеры египетского Управления общей разведки, чтобы осуществить это объединение. Но им не удалось довести дело до конца. В Сирии произошел государственный переворот, который восстановил независимость страны.

Новые сирийские лидеры поспешили заключить в тюрьму Абд аль-Хамида Сараджа, а также 30 его сотрудников, включая полковника Бурхана Адхама и лейтенанта Абдель Ваххаба Хатыба. Некоторое время спустя Сарадж сбежал из тюрьмы и обосновался в Каире. В 1967 г.

он был назначен руководителем службы социальной безопасности Египта...

За время существования ОАР Египет строил свои отношения с Сирией по принципу: «То, что твое, — это мое. Но то, что мое, — это тоже мое». Так, подпольные операции, нацеленные против Ирака, Иордании, Ливана и, разумеется, Израиля, египтяне проводили совместно с сирийцами с территории Сирии. И напротив, египетские спецслужбы проводили операции в местах, никак не связанных географически с Северной зоной, и вели себя так, как будто ОАР не существовала.

Сотрудникам спецслужб Северной зоны не разрешалось работать в египетских представительствах за рубежом (в не арабских странах). Это правило распространялось и на ближайших соседей Сирии, в частности, Турцию, где находилась одна из важнейших резидентур египетской разведки.

Турция была объектом пристального внимания спецслужб Египта, поскольку являлась членом НАТО. Кроме того, Турция была связующим звеном между этой организацией и странами — членами Багдадского пакта. Египетскую разведку к тому же интересовали американские базы в Турции, а также британские войска, размещенные на Кипре. С территории Турции египетские спецслужбы проводили операции против Ирака и Иордании, вербовали иракских и иорданских студентов, обучавшихся в турецких университетах. Наконец, дипломатические представительства Багдада и Аммана также представляли источник получения разведывательной информации и вербовки агентуры.

Во всяком случае один из иорданских дипломатов в Анкаре работал на египетского резидента генерала Закарию Адли Имама, который одновременно был резидентом общей и военной разведок. Он приступил к своим обязанностям в турецкой столице в начале 1956 г. и работал в

течение трех лет, пока не произошел серьезный инцидент, «омрачивший» отношения со спецслужбами Турции, из-за чего он должен был покинуть страну. Его люди захватили турецкого полицейского, который следил за ними, и в течение нескольких часов удерживали его в офисе военного атташе.

Подчиненными генерала Имама были его заместитель Мустафа Ильмаз, работавший под дипломатическим прикрытием, и пресс-атташе посольства Абдель Фаттах Ахмад.

В 1953 г. жена Ильмаза Лейла познакомилась с неким Шихапом Таном, майором турецкой армии в отставке. Он прибыл в египетскую столицу, чтобы предложить свои услуги алжирскому Фронту национального освобождения (ФНО). Позднее Лейла встретила Шихапа в Анкаре и познакомилась с мужем. Ильмаз напомнил турку, что они мусульмане, и предложил ему сотрудничать с египетской разведкой против Израиля.

— Речь идет, — пояснил он, — о покупке различных израильских военных журналов, фотосъемке важных объектов страны — портов, заводов и трубопроводов.

Шихап отправился в Израиль и несмотря на короткое пребывание получил для связи почтовый адрес в Турции. Это был адрес Лейлы Ильмаз, и он стал направлять туда свои донесения. Больше того, он сообщил своим египетским кураторам адрес, через который они могли поддерживать с ним контакты во время его пребывания в Израиле.

Эта последняя деталь стала одной из причин, которая привела к провалу. Тан встречался в Стамбуле с одним евреем, жена которого имела сестру в Хайфе. Турок попросил у него ее адрес и передал Абдель Фаттаху Ахмаду, не сказав еврею о предстоящей поездке в Израиль. Прибыв на Землю обетованную, он написал ей письмо, рассказал о жизни ее родственников и предупредил, что на ее адрес придет для него несколько писем.

К несчастью для турка, она получила на следующий день письмо от сестры из Стамбула, которая даже не упомянула о Шихапе Тане. Этот факт вызвал у нее серьезные подозрения. И когда вскоре на имя Шихапа пришли два письма, она сообщила об этом контрразведке.

Тем временем Шихап познакомился с израильянином, говорившим по-турецки. Он согласился помочь приобрести военные журналы и карты Израиля. Шихап объяснил своему знакомому, что эти документы нужны ему для написания книги об армиях мира. Но он не мог объяснить, как он, зная только турецкий, будет читать журналы, написанные на иврите. Шихап думал, что его доводы убедительны. Но он ошибся. Его знакомый отправился в контрразведку. Вскоре Шихап был арестован и осужден на четыре года тюремного заключения.

Шихапа освободили в январе 1962 г., и он вернулся в Турцию. Но это не означало конец его контактов с Израилем. Вскоре он начал работать журналистом и опубликовал в одном турецком журнале, а также в египетской газете «Аль-Гумхурия» серию антиизраильских статей, основанных на вымышленных фактах.

Однако история Шихапа на этом не закончилась, так как его выпады против еврейского государства трансформировались в панегирик. Он написал для газеты ассоциации инвалидов войны турецкой армии серию статей, в которых восхищался победами и достижениями Израиля.

Если попытка использовать турецкого гражданина в качестве секретного агента против Израиля закончилась провалом, то вскоре египетские спецслужбы добились неожиданного успеха в операции против Турции, подписавшей Багдадский пакт. Известный египетский журналист Хасанейн Хейкал рассказал, как после государственного переворота в Ираке, совершенного генералом Касемом 14 июля 1958 г., все секретные документы Багдадского пакта были доставлены в Каир в качестве подарка египетско-

му президенту Насеру. Но Хейкал по обыкновению не раскрыл до конца, что сделали египетские спецслужбы с этим «секретным грузом».

Другая попытка египетских «мухабарат» добыть секретную информацию в Турции закончилась провалом. В 1960 г. сотрудник посольства ОАР в Анкаре Хатам Мухаммед Хейри был объявлен персоной нон-грата за подрывную деятельность против Турции...

История египетской резидентуры в ФРГ является примером разоблачения спецслужбами ОАР нескольких сирийцев, работавших в посольствах за границей.

Полковник сирийской армии Вафик Исмаил в апреле 1959 г. был назначен военным атташе в Бонне. Однако он не успел занять этот пост. Его назначение было аннулировано из-за возражений, выдвинутых спецслужбами Южной зоны (Египет). В качестве «компенсации» он был назначен в сентябре того же года военным атташе в Афинах. Но в греческой столице он находился всего три месяца, поскольку было принято решение перевести его в... ФРГ.

Это новое решение было принято под давлением маршала Абдель Хакима Амера, который решил сделать жест в сторону офицеров Первой (сирийской) армии. Эти офицеры выразили неудовольствие, когда было аннулировано решение о назначении их товарища.

Вскоре полковник Исмаил прибыл в Бонн. Его обязанности в посольстве ОАР были, по-видимому, ограничены официальными и легальными. Египтяне не разрешали ему заниматься разведывательной деятельностью.

Как и все страны, где находились резидентуры египетских секретных служб, ФРГ представляла собой плацдарм, где готовились операции против Израиля, и являлась удобным местом для сбора разведывательной информации. Египет интересовало все, что касалось вооруженных сил НАТО, размещенных в ФРГ, помощь, которую эта страна

предоставляла Израилю и еврейским организациям. Резидентура занималась также наблюдением за египтянами и сирийцами, проживавшими в ФРГ, обеспечением безопасности посольства и консульств.

Сотрудники резидентуры работали под различными официальными прикрытиями. Заместитель военного атташе подполковник Шаабан Хариди, имея дипломатический паспорт, вел активную разведывательную деятельность. Торговый атташе Мухаммед Ахмед был одним из главных персонажей резидентуры. Генеральный консул во Франкфурте Салах Абу Габаль был офицером Управления общей разведки Египта. Представитель Лиги арабских стран в Бонне Хасан Факуса также был офицером «мухабарат».

Другие сотрудники резидентуры не имели дипломатического прикрытия. Например, Ахмед Усфур работал корреспондентом египетской газеты «Аль-Гумхурия». Хейри Рифаи был бизнесменом в Мюнхене и принадлежал к египетскому Управлению общей разведки. В его задачу входил сбыт в Германии фальшивых израильских банковских билетов, сфабрикованных в Египте.

Одна из операций резидентуры имела целью завербовать молодую немку по имени Хельга Отто. У нее были дружеские отношения с корреспондентом «Аль-Гумхурии» Ахмедом Усфуром. Именно он сумел завербовать ее. Он раздобыл для нее фальшивую журналистскую карточку, затем направил в Кёльн выяснить, чем занимается израильский торговый представитель, израильское посольство в Австрии и различные представительства еврейского государства в Швейцарии. Ее главная задача — использовать журналистское прикрытия с целью получения максимума информации об Израиле.

Самое важное задание она получила в 1958 г., когда Усфур отправил ее в Израиль, где она выступала как представитель фиктивного агентства — «Континенталь Пресс

Эйдженси». Но пребывание Хельги Отто в Израиле неожиданно прервалось. Находясь в Эйлате, она случайно пересекла иорданскую границу и была арестована. Несколько месяцев она провела в иорданской тюрьме, потом была выслана в Израиль и вскоре покинула его.

Через год Ахмед Усфукр и Хельга поженились...

Суэцкая война (1956) предоставила египетским спецслужбам совершенно неожиданный источник информации. После вывода израильских войск с Синайского полуострова и из сектора Газа войска ООН («голубые каски») заняли позиции с египетской стороны по линии прекращения огня. Офицеры и солдаты воинских подразделений ООН имели возможность свободно выезжать в Израиль. Было известно, что некоторые из них готовы сотрудничать с египетскими спецслужбами гораздо активнее, чем это необходимо для выполнения их миротворческой миссии. Это объяснялось прежде всего тем, что значительная часть «голубых касок» прибыла из таких стран, как Индия и Югославия, правительства которых никогда не испытывали дружеских чувств к еврейскому государству.

Другие работали на египетские секретные службы из-за денег. Кроме того, офицеры «мухабарат» получали информацию от пилотов авиации ООН, совершавших полеты над израильскими позициями.

Операции против Израиля проводились по инициативе египетских спецслужб. Но их резидентуры за рубежом продолжали принимать все предложения о сотрудничестве, которые могли помочь усилению борьбы против еврейского государства. Так, например, израильский почтовый служащий Хаим Оген из Тель-Авива передавал представителю египетской разведки в Италии информацию об израильских ракетах.

Офицер резидентуры, работавший с Огеном, дал ему почтовый адрес в Риме на имя Розмари Мулен. Эпистолярный «роман» между мадмуазель Мулен и Огеном про-

должался в течение года. Египтяне посоветовали своему израильскому «корреспонденту» посетить Каир и даже предложили ему авиабилет до Рима. Но Оген настаивал на билете в оба конца и компенсации его расходов. Однако по неизвестной причине египетские спецслужбы отказались выполнить последнюю просьбу, и переписка немедленно прекратилась.

В ноябре 1967 г. Оген был арестован. Во время судебного процесса израильские спецслужбы продемонстрировали фотокопии писем, которые он направлял в египетскую резидентуру в Риме. Хотя израильские контрразведчики были в курсе деятельности Огена, они решили не арестовывать его до поры до времени. Почтовый служащий пытался оправдаться, утверждая, что он хотел лишь подзаработать и заинтересовал египтян историей о ракетах. Но его объяснения не убедили судей. Оген получил четыре года тюрьмы...

5 апреля 1960 г. профсоюз докеров Нью-Йорка принял решение приостановить разгрузку египетского судна «Клеопатра» в знак протеста против отказа правительства Египта на провоз через Суэцкий канал израильских товаров. Это разрешение было получено сразу после окончания Суэцкой войны, но в начале 1959 г. отменено. Администрация канала систематически конфисковывала товары, шедшие в Израиль.

В ответ на позицию докеров Нью-Йорка большая часть арабских стран под давлением Египта решила отказать в портовых услугах американским судам. Демонстрация в Нью-Йорке не рассматривалась как удар по престижу египетского режима и успех израильской политики. Каирские СМИ объявили решение докеров «новым сионистским заговором», подчеркнув, что «за отказом разгружать “Клеопатру” просматривается деятельность секретных организаций, цель которой способствовать разорению и коррупции. Эти действия являются частью плана, разрабо-

танного Израилем, чтобы прорвать блокаду, установленную арабскими странами».

Чтобы отвлечь внимание общественности от успехов «разрушительных действий» Израиля, египетские спецслужбы начали разоблачать своих израильских коллег. Появились многочисленные публикации о разгроме израильской шпионской сети в Египте. Полиция арестовала 16 человек, в большинстве своем египтян. Директор бюро информации Саад Ифраха провел пресс-конференцию с целью еще больше драматизировать ситуацию.

— Израиль развязал против нас шпионскую войну, — заявил он. — Эта война продолжается уже три года. Мы сражаемся терпеливо и методично. Нам удалось разоблачить многих израильских шпионов, которые действовали в Риме, Женеве, Мюнхене, Цюрихе и Амстердаме. Но израильтяне не знали, что их агенты находятся под контролем наших спецслужб. В течение трех лет мы передавали им дезинформацию...

Саад Ифраха также заявил, что «израильские шпионы прекратили свою деятельность на берегах Нила». В июле 1961 г. в Каире действительно начался судебный процесс над семью подсудимыми, обвинявшимися в шпионаже в пользу еврейского государства.

Томас и «радистка Кэт»

29-летний Джин Леон Томас начал работать на «Моссад», сам того не подозревая. Вербовка была проведена «под чужим флагом».

Как это произошло?

Томас (он же — Товмасян) родился в Египте в армянской семье. Симпатичный и образованный молодой человек, в совершенстве владевший арабским, французским, английским и немецким языками, вырос в Каире. В 1956 г. переехал в Ливан, а затем в Западную Германию. Он посе-

лился в Кёльне, где в течение двух лет работал в различных коммерческих структурах. Он мечтал об успехе, но не знал, как его добиться.

Осенью 1958 г. Томас познакомился с бизнесменом, молодым ливанцем по имени Эмиль. Вскоре они подружились, много времени проводили вместе. Новый друг был хорошо обеспечен и всегда оплачивал их счета в ресторанах и барах.

Они говорили о женщинах, бизнесе и, наконец, о политике. Томас не скрывал своей ненависти к президенту Египта Гамалю Абдель Насеру. Взаимное доверие возрастало, и, наконец, однажды настал момент, когда Эмиль предложил ему крупную сумму денег и попросил вернуться в Египет, чтобы помочь в свержении египетского диктатора. При этом Томасу было сказано, что он будет работать на одну из стран НАТО. Израиль вообще не упоминался...

Томас, который был настроен прозападно, без долгих колебаний согласился.

На конспиративной квартире в Кёльне специалисты обучили его основам шпионского ремесла. Микросъемке и обработке фотопленки, маскировке негативов в тюбиках зубной пасты, корешках книг или коробках от ботинок, тайнописи, зашифровке сообщений, устройству и использованию тайников. В том же году он возвратился в Каир.

Первый визит Томас нанес своему другу детства Мухаммеду Ахмеду Хасану, который служил на военной базе египетской армии. Хасан любил деньги и вскоре согласился поставлять секретные документы, к которым имел доступ. Томас фотографировал их и переправлял в Европу. Через некоторое время его кураторы сообщили, что направляемая им информация представляет интерес.

С помощью друга Хасана Томасу удалось создать агентурную сеть, опираясь на единомышленников из числа национальных меньшинств. Он завербовал двух армян и одну еврейскую танцовщицу в ночном клубе.

Некоторое время спустя Томасу предложили провести несколько дней в Германии. Там ему вручили премию за оказанные услуги и объяснили, что он переходит в распоряжение другого офицера НАТО.

Во время этой поездки он познакомился с молодой красивой немкой по имени Кэт Бендорф. Через две недели после знакомства они поженились и вернулись в Египет. Молодая пара сразу же активно занялась экспортом сувениров и предметов египетского искусства в европейские страны. В действительности они прятали в них фотопленки, которые отправляли своим кураторам.

Томас привлек к работе и своего отца — Леона Томаса. Ахмед Хасан вскоре приобрел репутацию ценного агента. Иногда он приглашал Томаса и его жену прогуляться вдоль Суэцкого канала, где размещались военные объекты. По возвращении они вместе составляли донесения. Кэт хотела помогать своему мужу в его работе и летом 1959 г., находясь с ним в Германии, научилась работать на радиопередатчике.

Вскоре наступил момент, когда во время очередной встречи с руководством Томасу сообщили, что на самом деле он работает на израильскую разведку. Это не слишком его удивило: по характеру заданий он уже понял, что все, что он должен разведывать, может интересоваться в первую очередь и главным образом Израиль. Кроме того, опыта жизни и общения с представителями самых разных наций и стран ему хватило, чтобы почувствовать, что те, кто доселе представлялся как «хозяева», скорее всего, в Европе тоже «гости».

То, что он узнал правду, несколько его не беспокоило. Он по-прежнему ненавидел Насера и возвратился в Каир едва ли не с еще большим энтузиазмом. Это в свою очередь не удивило руководство «Моссада». Они знали, что имеют дело с умным человеком.

Разведгруппа получала на содержание неплохие, по меркам региона, деньги. Они направлялись ей через бель-

гийский банк под видом помощи от родственников из Германии. Оперативная техника насчитывала пять фотоаппаратов, от миниатюрных до фоторужья, чемодан с двойным дном, электробритву с тайником для хранения документов, зажигалку с тайником для хранения микропленок и рацию, которая была замаскирована в ванной комнате. Все это хранилось в квартире Томаса и Кэт в Гарден-сити, откуда они связывалась с Тель-Авивом, передавая информацию и получая задания.

Между тем Томас завербовал молодого армянина по имени Карапет Танильян. Он был профессиональным фотографом, поэтому помогал ему фотографировать документы и проявлять пленки.

Томас же сосредоточил свои усилия на сборе информации о военной промышленности Египта. Для этого он познакомился с отцом одного из своих агентов. Его звали Жорж Дамалкян. Он был двоюродным братом Хикмата Маскуфа, который работал слесарем на военном заводе.

Все поначалу складывалось успешно. Настолько успешно, что вызвало излишнюю самоуверенность у четы Томасов. Они в какой-то момент почувствовали себя эдакими суперменами, которым подвластны дела и судьбы других. На вот этом «головокружении от успехов», как, к сожалению, часто происходит в агентурной разведке, все и рухнуло.

В мае 1960 г. пара получила задание завербовать офицера египетской армии, желательно летчика. Это задание было предварительным, следовало ожидать детальных инструкций. Но они не стали ждать ни ориентировки на конкретных лиц, ни даже четких методических разработок по вербовке. Исходя из своих представлений, они осуществили плохо подготовленный вербовочный подход к молодому египетскому офицеру-христианину коптского происхождения Адиву Ханна Карлесу.

Томас некоторое время изучал офицера и в конце концов предложил ему поставлять информацию военного ха-

рактера. Карлес согласился. А на следующий день отправился в Управление общей разведки, где ему поручили продолжать контакт. Ему также вручили магнитофон, чтобы записывать беседы с Томасом. Одновременно контрразведчики установили за ним и его помощниками наружное наблюдение. Но оно велось непрофессионально, и Томас вскоре это заметил.

Он также определил, что изменился и характер донесений, которые он стал получать от информаторов. Умный и наблюдательный человек, он почувствовал, что земля стала гореть под ногами, и начал готовить сеть к консервации. Был проработан и путь отхода: им были подготовлены для себя и жены паспорта на чужие имена и проработаны маршруты эвакуации. К сожалению, отход несколько затянулся. 6 января 1961 г. Томас был арестован. Вскоре были арестованы и его агенты. Кэт вместе с еврейской танцовщицей удалось бежать.

Следствие длилось больше года, а затем состоялся суд. Томас заявил, что он шпионил для Израиля «из авантюристических побуждений, ради денег и из чувства ненависти к Насеру». Похоже, что все это было действительно так. На обвинение в предательстве он ответил: «Я не предатель. Я никогда не считал себя египтянином. Армяне в Египте составляют меньшинство, подвергающееся дискриминации».

Военный трибунал приговорил его, Мухаммеда Ахмеда Хасана, и Карапета Танильяна к смертной казни. Отец Томаса был осужден на пожизненное заключение. Кэт была приговорена к смертной казни. Заочно...

Томас и его агенты были повешены 20 декабря 1962 г.

Армянин, работавший под еврея

Арабские секретные службы никогда не прекращали попыток внедрения агентов в израильское общество. Что любопытно: их наиболее дерзкие (как правило, неудачные)

операции были зеркальным отражением действий спецслужб еврейского государства. Агенты «мухабарат» выдавали себя за евреев и под видом туристов направлялись в Израиль. Или под видом новых переселенцев, которые не привлекали особого внимания контрразведчиков Земли обетованной.

Одну из первых попыток египетские спецслужбы предприняли в конце 50-х годов...

Кабурак Якобян, армянин по происхождению, живший в Египте и работавший фотографом, был завербован «мухабарат» в декабре 1959 г. Руководители египетской разведки решили, что он достойный кандидат для работы с нелегальных позиций в Израиле. Кстати сказать, завербовали Якобяна, когда он находился в каирской тюрьме...

В течение года он готовился к выполнению задания. Поскольку ему предстояло отправиться в Израиль под видом еврея, Кабурак изучал иврит, иудаизм, историю еврейского государства, регулярно посещал синагогу в Каире. Больше того, чтобы походить на сто процентов на иудея, он согласился сделать обрезание. Разумеется, его обучили основам ведения разведывательной деятельности, придумали легенду для прикрытия.

Армянин Кабурак Якобян стал евреем Исааком (Заки) Кошуком. По паспорту, он родился в 1935 г. (в действительности Якобян появился на свет в 1938-м) в Салониках в семье евреев, выехавших из Турции. Правда, авторы легенды забыли о том, что Салоники были аннексированы Грецией в 1912 г. и с тех пор являлись частью греческой территории.

Новая легенда жизни Якобяна-Кошука была простой. Отец бросил семью, когда он был ребенком. Мать умерла в Египте, и он до сих пор хранит фотографию ее могилы на еврейском кладбище в Каире. Чтобы закрепить свою «подлинность», он обзавелся различными документами, полученными от руководства еврейской общины.

Осенью 1960 г. Якобян представил в каирское бюро Организации Объединенных Наций удостоверение на имя Исаака (Заки) Кошука. Он попросил выдать ему свидетельство беженца, заявив, что египетские власти отказываются продлить вид на жительство.

Несколько недель спустя он получил это свидетельство и отправился в посольство Бразилии за визой. В марте 1961 г. он получил ее и в апреле на борту теплохода прибыл в Рио-де-Жанейро.

В пути Якобян-Кошук познакомился с молодым израильтянином из киббуца Брур-Хаиль. С женой и двумя детьми он направлялся в Бразилию навестить своих родителей. Новоиспеченный нелегал подробно рассказал о своей прошлой жизни, но слабое знание иудаизма не позволило ему обмануть попутчика. Больше того, уже в Рио, когда они однажды прогуливались по улице, им встретился еврей-ортодокс, из-под одежды которого виднелась бахрома шали для молитвы. Якобян-Кошук не знал, что это означает, и израильтянин обратил на это внимание.

В Бразилии египетский шпион должен был установить контакты с различными людьми, список которых ему дали кураторы из «мухабарат». Одним из этих людей был Салем Азиз ас-Саид — резидент египетской разведки в Бразилии, работавший под прикрытием торгового представителя. Он передал ему разрешение на работу и посоветовал найти место фотографа.

Осенью 1961 г., посчитав, что надежное прикрытие обеспечено, Якобян-Кошук отправился в израильское консульство за визой. Он получил ее в начале декабря и тотчас покинул Бразилию.

Сначала он выехал в Геную, где встретился с представителем египетской разведки и получил последние указания. Якобян-Кошук должен был внедриться в ЦАХАЛ — Армию обороны Израиля. Предпочтительнее в танковые части.

Он прибыл в Израиль 19 декабря 1961 г. и некоторое время спустя нанес визит бразильскому другу из киббуца Брур-Хаиль. Надо сказать, что сомнения, которые одолевали израильтянина в Рио, не только не рассеялись, а наоборот — усилились. В конце концов он обратился в израильские спецслужбы. Его внимательно выслушали и дали задание продолжать контакты с «новым эмигрантом».

По совету бразильского друга Якобян-Кошук усиленно изучал иврит в киббуце Дорот. Но по каким-то своим соображениям решил покинуть это поселение и перебрался в киббуц Негба. Там он провел три месяца, занимаясь ивритом. И там же познакомился с молодой девушкой, в которую влюбился с первого взгляда.

В ноябре 1962 г. Якобян-Кошук поселился в Ашкелоне и вскоре был призван в ЦАХАЛ. Он стремился попасть в танковые войска, но оказался в небольшом транспортном подразделении. Через год он подал рапорт о демобилизации. И хотя служба в армии для людей его возраста является обязательной, просьбу удовлетворили.

Причиной его демобилизации было то, что он не мог добывать информацию, представлявшую разведывательный интерес. Кстати сказать, кураторы Якобяна-Кошука (как, впрочем, и он сам) не догадывались, что их агент находится под «колпаком» израильских спецслужб.

Между тем его связь с девушкой из киббуца Негба становилась все серьезнее. Он даже начал подумывать о женитьбе. Но в это время вмешалась контрразведка.

Доказательств шпионской деятельности Якобяна-Кошука было достаточно, и 19 декабря 1963 г. он был арестован. В его квартире нашли принадлежности для тайнописи и другую шпионскую экипировку.

Якобяну-Кошуку повезло: в Израиле нет смертной казни за шпионаж. Военный трибунал приговорил его к 18 годам тюремного заключения. Но в марте 1966 г. он был освобожден и выслан в Египет. Точнее сказать, его и двух

египтян-заключенных обменяли на трех израильтян, которые «нечаянно» перешли египетскую границу в секторе Газа.

Вот так бесславно (и безрезультатно) закончилась миссия египетского армянина, работавшего в Израиле под еврея. Увы, это был не последний провал «мухабарат»...

Шпион в чемодане № 33

Для секретных служб Египта Италия являлась важнейшей базой в Европе. Летом 1964 г. резидентура египетской разведки достигла внушительных размеров.

В то время ее возглавлял Селим Осман ас-Сейид, который с 1962 г. был первым секретарем египетского посольства. Другой первый секретарь Исмаил Салем Адель, являвшийся экспертом в области «силовых мероприятий», прибыл в резидентуру в июне 1964 г. Третий сотрудник — Монеим ан-Нахляви отвечал за безопасность посольства, контролировал его персонал и следил за египетскими туристами, посещавшими итальянскую столицу.

Нахляви был холостяк и его квартира по улице Виа Тразоне служила пристанищем для египетских секретных агентов, приезжавших в Рим на короткий отдых. Он также выполнял обязанности шифровальщика и имел в качестве заместителя второго секретаря посольства Исмаила Мубарака. У него были европейские черты лица, что позволяло без особых усилий растворяться в итальянской толпе.

Третий секретарь египетского представительства при Ватикане Мустафа Саид ад-Дивани был блондином. Поэтому он часто получал задания наблюдать за секретными встречами между сотрудниками резидентуры и иностранными агентами.

Абдалла Тухами Яхья, также третий секретарь, был человеком резидента. Мухаммед Али Муса, сотрудник еги-

петского представительства по туризму, был одновременно заместителем пресс-атташе и вместе с Юсуфом Ахмедом Натером (сотрудником консульского отдела) занимались наблюдением за встречами с агентами.

Охранник посольства Фадель Шериф эд-Дин всякий раз находился в аэропорту Фьюмичино, когда прибывал самолет израильской компании «Эль-Аль», и следил за прибывающими пассажирами. Мухаммед Ахмед Асад, сотрудник представительства Лиги арабских стран в Риме, как и журналисты Мухаммед аль-Хусейн и Саид Салем Адель, также занимался сбором информации.

Хасан Фахми аль-Исави, работавший в резидентуре под прикрытием экономического советника, и его коллега из консульства в Милане Мухаммед Абдель Ати собирали информацию экономического характера вообще и о коммерческих связях Израиля в частности.

Чтобы закончить список, следует упомянуть о филиале египетской резидентуры в Неаполе, которой руководил Таха Хамуди. Он работал под прикрытием генерального консула в этом городе. Большую часть времени он проводил в порту, наблюдая за всеми, кто прибывал из Израиля.

Ко всем этим персонажам следует добавить студентов, бизнесменов и представителей национализированных компаний. Среди последних — один из интереснейших людей Хусейн Мухаммед Яхья, представитель авиакомпании. До назначения на этот пост он был военным атташе в Риме и работал на военную разведку. На новой должности он также продолжал заниматься сбором разведывательной информации.

Структура египетской военной разведки в Риме была простой. Генерал Хасан Ахмед Абдель Кадер занимал пост военного атташе сухопутных, морских и воздушных сил. У него в подчинении был секретарь Юсуф Али Тиара и несколько источников информации — ведущие итальян-

ские журналисты. Его поле деятельности было весьма ограниченным, а основные «ресурсы» (читай — агенты) работали на резидентуру общей разведки.

Однако эта разведывательная база, оснащенная по последнему слову техники, не добилаь каких-то исключительных результатов. Именно поэтому руководство Управления общей разведки направило в Рим в июне 1964 г. инспектора, поручив ему изучить ситуацию на месте.

Амин Мухаммед Камель, казалось, был способен выполнить поставленную задачу, поскольку хорошо знал Италию. Он три года был вторым секретарем египетского представительства при Ватикане. Но бесполезно искать какие-то следы святости в его деятельности. В то время он выполнял обязанности резидента в Италии.

Летом 1964 г. Камель прибыл в итальянскую столицу с дипломатическим паспортом, в котором было записано, что он является советником Министерства иностранных дел Египта. Он не захотел остановиться в отеле, а предпочел поселиться в квартире первого секретаря Монейма Нахляви в доме № 60 по улице Виа Тразоне. Именно здесь он проводил совещания с резидентами и встречи с агентами. Тем, кто не знал его настоящего имени, он представлялся «Омаром». Больше того, все, кто шел к нему на встречу, могли войти в дом только в том случае, если он стоял в назначенный час у окна. Если его не было на месте, значит, в дом заходить нельзя: там опасно.

Среди лиц, которые приходили к «Омару», был высокий блондин атлетического сложения. Он был одет, что называется, с иголки и всегда носил темные очки. После каждого визита он отправлялся на вокзал и садился в поезд, следовавший на юг.

В первый раз блондин встретился с «Омаром», когда находился в... каирской тюрьме. Он был израильянином марокканского происхождения. В 1961 г. он перешел границу сектора Газа и был задержан египетскими погранич-

никами. Поскольку его семейная жизнь складывалась неудачно, он решил оставить жену и четверых детей. Семейные ссоры вынудили его нарушить закон, и в результате он провел два года в тюрьме. Выйдя на волю, он надеялся через Египет добраться до Канады или Австралии, чтобы там начать новую жизнь.

Но его затея провалилась. Он оказался в тюрьме сектора Газа, а затем был переведен в каирскую тюрьму. Там его навестил представитель египетских спецслужб, назвавшийся Мухаммедом Шамсом.

Израильянин много месяцев провел в египетских тюрьмах. Два раза он пытался покончить собой. Когда он узнал, что австралийские и канадские власти отказали ему в визе, он предложил Мухаммеду Шамсу свои услуги. Именно тогда состоялось его знакомство с «Омаром».

В январе 1963 г. представители «мухабарат» забрали его из тюрьмы и поселили на конспиративной квартире в Каире. Вскоре его перевезли на виллу, расположенную в пригороде египетской столицы. Там он приступил к подготовке для выполнения разведывательной миссии в Италии. Инструкторами были «Омар» и два его помощника — «Фуад» и «Рагиб».

Он должен был обосноваться в Неаполе, установить контакты с проживавшими там израильянами и выяснить, кого из них можно привлечь к сотрудничеству с египетской разведкой. Кроме того, он должен был попытаться получить итальянское гражданство. После этого он должен был выехать в Израиль в качестве резидента-нелегала и открыть там туристическое агентство, которое будет служить ему прикрытием.

Подготовка продолжалась шесть месяцев. В конце июля 1963 г. ему покрасили волосы в черный цвет, и он получил египетский паспорт на имя Ахмеда Хамди аль-Хабалья. Тогда же «Омар» проводил его до Франкфурта.

Там ему заменили египетский паспорт на марокканский, выданный 5 августа 1961 г. на имя Иосифа Дахана. В документе говорилось, что его владелец еврей, родившийся в Агадире.

Согласно легенде, его родители погибли во время землетрясения в феврале 1960 г. Визы, стоявшие в паспорте, свидетельствовали о том, что в 1961 г. он находился в Алжире, когда страна еще была под французским мандатом, а затем перебрался в Сирию. Там он продлил свой паспорт в марокканском консульстве и вскоре отправился в Бейрут. Согласно визе в паспорте, он прибыл во Франкфурт в конце 1962 г.

Кураторы Иосифа Дахана, казалось, нашли настоящего еврея с марокканским паспортом, который свободно посещал арабские страны. Возможно, что они поручили ему проехать через Дамаск, потому что это был единственный «уголок», где марокканское консульство согласилось выдать им паспорт. Получение въездных и выездных виз в Алжир, Сирию и Ливан не создало каких-либо проблем для египетских спецслужб.

Как правило, секретные службы Египта старались не использовать фальшивых документов в стране, где можно добыть подлинные. Поскольку Иосиф Дахан должен был вернуться в Германию, египтяне сумели добыть настоящую германскую визу через третье лицо.

«Омар» и его новый агент провели во Франкфурте одну неделю. Они останавливались в разных отелях и встречались лишь по вечерам, когда Дахан докладывал о проделанной за день работе. Речь идет об изучении города, потому что ему предстояло провести здесь шесть месяцев для «отработки» своего прикрытия.

В начале августа 1963 г. «Омар» и Дахан отправились в Неаполь, где первый представил своего нового агента сотруднику разведки по имени Саид. Дахан еще не знал, что этот человек был первым секретарем египетского по-

сольства. Селим Осман ас-Саид был одновременно резидентом Управления общей разведки в Италии. Они договорились, что будут встречаться один раз в месяц, а в случае необходимости — чаще.

Итак, прошло два года с тех пор, как Дахан покинул египетскую тюрьму и стал полностью свободным человеком. Он любил дорогие костюмы, красивых женщин и злоупотреблял этим. Надежды, что он организует свое агентство, не оправдались. Дахан лишь изредка докладывал об установлении контактов с израильянами или приносил информацию, не представлявшую интереса для египетской разведки.

В результате его месячная зарплата, составлявшая в начале 89 тыс. итальянских лир, сократилась до 50 тыс. Но поскольку он не мог заставить себя изменить образ жизни, он начал искать другие финансовые источники, чтобы покрыть свои расходы, и ввязался в весьма сомнительные затеи. Это, разумеется, не способствовало активизации его деятельности как агента «мухабарат».

Вскоре в Италии объявился «Омар» и пригрозил Дахану убить его, если тот не будет выполнять работу, которую от него ожидают. Увы, желание получить большие деньги было выше страха.

В августе 1964 г. он потребовал от Саида 200 тыс. лир, объяснив, что эта сумма необходима ему для получения постоянного вида на жительство в Италии. Данная просьба еще больше накалила ситуацию. «Наниматели» Дахана горько сожалели о затраченных средствах и силах на его подготовку.

Саид также был взбешен. В середине октября он вызвал Дахана, чтобы объявить ему, что египетские спецслужбы больше не нуждаются в его услугах, что он просил «Омара» отправить агента в другую страну. Затем он отпустил его, сообщив, что решение об этом будет принято в следующем месяце.

16 ноября Дахан встретился с Саидом в небольшом кафе на улице Виа Венето. Оттуда они отправились в египетское посольство и поднялись на третий этаж, где размещалась резидентура. Саид напомнил Дахану о всех его грехах и предложил ему выбор между возвращением в ряды египетских спецслужб и отправкой в Каир. Дахан заявил, что не хочет покидать Италию. Он предложил «заморозить» на время его шпионскую деятельность, чтобы найти более оплачиваемую работу. Когда он заработает достаточно денег, он вернется. Саид ответил, что получил разрешение от «Омара» самому решать, что должен делать Дахан, и что он принял решение арестовать его и отправить в Египет.

Дахан понял, что сделал плохой выбор и попытался исправить ошибку. Он заявил, что готов отправиться в Египет, чтобы встретиться с «Омаром». В ответ Саид предложил ему сделать укол, чтобы успокоить нервы, пока готовят египетский паспорт. Дахан отказался, заявив, что полностью спокоен. Саид вышел из комнаты и, приняв меры предосторожности, закрыл дверь на два поворота ключа. Дахан вновь почувствовал себя в тюрьме.

На следующий день, 17 ноября, в полдень служащий посольства (это был первый секретарь Салем Исмаил Адель) принес Дахану чашку чая. Тот, несмотря на свою подозрительность, выпил содержимое одним залпом. Вскоре он почувствовал легкое опьянение и понял, что в чае был наркотик.

Некоторое время спустя Адель вернулся в комнату со шприцем в руке и воткнул иглу Дахану в ляжку. Он сказал ему, что эта инъекция успокоит нервы. Через мгновение секретный агент почувствовал острую головную боль, в глазах стало двоиться, и он потерял сознание.

Час спустя он уже спал на диване. Человек по имени Муса со шрамом на верхней губе сделал Дахану второй укол. Три других сотрудника сняли с него одежду, затем

посадили его в кресло, оборудованное в большом ящике, похожем на чемодан. Ему связали руки за спинкой кресла, заткнули рот кляпом и завязали глаза старой тряпкой. После того как его накрыли простыней и крепко привязали к креслу, крышку «чемодана» закрыли. Все было готово к его отправке в Каир.

Дахан не слышал, что происходило вокруг него. Он также не видел, что один из людей, который закрывал «чемодан» на ключ, был Юсуф Ахмед Хатер, сотрудник консульского отдела, в обязанности которого входило сопровождение дипломатической почты в аэропорт. Хатер помог погрузить «чемодан» в автомобиль и сел поверх него. Саид устроился рядом с водителем. Первый секретарь Нахляви вручил Саиду все необходимые документы и разрешение на свободный проезд прямо до самолета.

Пока «чемодан» везли в аэропорт Фьюмичино, Дахан начал приходить в себя. Услышав шум двигателей самолета, он понял, что произошло, и приготовился звать на помощь. Он выждал удобный момент и закричал по-итальянски: «Помогите! Убийцы!»

Один из служащих таможни, который следил за погрузкой багажа в самолет, услышал крик и потребовал открыть «чемодан». Саид и Нахляви заявили решительный протест, подчеркнув, что это дипломатическая почта. Таможенник настаивал на своем, а два «дипломата» пытались задвинуть «чемодан» обратно в автомобиль и сбежать. Бдительный таможенник вызвал полицию и египтянам пришлось уступить.

Когда полицейские приблизились к «чемодану», Нахляви выпрыгнул из автомобиля и попытался убежать, но полицейские догнали его. Автомашина и пассажиры были доставлены в полицейский участок.

Там сотрудники полиции сорвали бирку с «чемодана», на которой по-английски и по-итальянски было написано: «Внимание всех ответственных лиц! Посольство ОАР

в Риме удостоверяет, что чемодан № 33 содержит дипломатическую почту, предназначенную для Министерства иностранных дел Египта». На бирке стояли подпись и печать посольства, как того требовал закон.

Итальянские полицейские сначала растерялись. Они опасались, не приведут ли их действия к международному скандалу. Но в этот момент они услышали крик о помощи, доносившийся изнутри «чемодана». Итальянцы облегченно вздохнули и поспешили открыть груз.

Можно представить их реакцию, когда они увидели картину, открывшуюся их глазам. Они освободили узника, и тот, поняв, где находится, поведал свою историю.

Он сообщил, что является марокканцем, что его зовут Иосиф Дахан и что он прибыл в Неаполь, чтобы получить принадлежавшие ему деньги. Затем он признался, что является израильянином, что его настоящее имя Мордехай Лук и что он покинул Израиль два года назад, когда выехал в Египет.

Действия итальянских властей и международная огласка привели к тому, что Мордехай Лук почувствовал себя героем. Но он также понял, что будет в полной безопасности только в Израиле.

24 ноября на борту авиакомпании «Эль-Ал» он приземлился в израильском аэропорту Лод. Лук предстал перед судом и получил 10 лет тюремного заключения. Через шесть лет он был освобожден за примерное поведение и начал новую жизнь.

Итальянские власти направили ноту протеста египетскому посольству. Посол Ахмед Нагиб принес свои извинения, пояснив, что ничего не знал об этом деле. Три дня спустя он изменил свое мнение (очевидно, по указанию из Каира), заявив, что чемодан, задержанный итальянской полицией, содержал дипломатическую почту и что именно полицейские... подменили чемодан. Министерство иностранных дел Италии решительно отвергло подобное за-

явление и объявило персонами нон-грата первых секретарей — Саида и Нахляви, а также Аделя.

Шпионы, потерпевшие крах

Париж, Вашингтон, Брюссель, Бейрут, Тунис, Никосия, Бонн, Анкара, Багдад, Хартум, Рио-де-Жанейро, Аддис-Абеба, Рим, Триполи, Амман, Женева, Неаполь, — все эти города стали ареной для секретных операций, проводимых египетскими спецслужбами. За пределами Ближнего Востока основные усилия «мухабарат» были сосредоточены в Европе. Но Израиль по-прежнему оставался главной мишенью.

Европейские страны представляли собой богатый источник информации, касающейся еврейского государства. В Европе египтяне попытались нейтрализовать разведывательную деятельность Израиля против их страны. Они также надеялись найти среди израильтян, посещавших Европу, возможных кандидатов, готовых работать на египетские секретные службы.

Больше того, Европа представляла собой базу, откуда можно было руководить агентами, работавшими в Израиле. Эти агенты имели почтовые ящики для отправки своих посланий или отчетов о работе. В случае предательства их можно было вызвать на встречу, не привлекая внимания израильских спецслужб. Нет ничего удивительного в том, что три египетских спецслужбы — Управление военной разведки, Управление внешней разведки и Управление общей разведки — имели большое количество сотрудников в странах Западной Европы.

Одной из основных баз египетских спецслужб, которая располагалась ближе всех к Каиру, находилась на Кипре. Египтяне добывали разведывательную информацию об английских войсках, размещавшихся на острове, сотрудничая с подпольными организациями греков-кип-

риотов. Однако английские войска не являлись главным объектом интересов египетских секретных служб. Их больше интересовала информация об Израиле и контроль над своими агентами, действовавшими на острове. Кипр был самым ближайшим неарабским соседом Израиля, находился неподалеку от Каира и поэтому представлял идеальное место, откуда можно было руководить секретными агентами, работавшими на территории Израиля, и где можно было организовать с ними встречи.

Власти Кипра всегда с пониманием относились к арабским правительствам. На острове проживала небольшая арабская община, члены которой прибыли из многих стран Ближнего Востока, включая Израиль. Кроме того, Кипр был излюбленным местом отдыха израильских туристов. Короче, остров был идеальным местом для поиска «рекрутов» для египетских спецслужб. Даже когда агенты вербовались в другой стране, их готовили на Кипре.

Можно напомнить, например, дело Махмуда Масаллаха, молодого араба из деревни Дабурия в Израиле. Он посетил ФРГ в 1962 г., где в городе Кёльне встретил группу египетских студентов, которые, как он узнал позднее, работали на «мухабарат» Египта. Им удалось привлечь молодого араба к сотрудничеству с египетскими спецслужбами, пообещав ему, что он получит возможность закончить учебу в Каире. Ему объяснили, что когда он добудет достаточное количество разведывательной информации, он должен вступить в контакт со своим куратором. Для этого он должен установить условный знак в одном из отелей Никосии и ждать.

Махмуд Масаллаха согласился и сделал все, что требовалось. Познакомившись вскоре со своим куратором, он начал передавать ему информацию о вооруженных силах Израиля, военной израильской администрации на оккупированных территориях. Разумеется, за эту информацию он получал неплохой гонорар.

Махмуд вернулся в свою деревню и приступил к работе. Он отправил в Германию на заранее условленный адрес лишь пять писем. Почти все они оказались в руках израильских контрразведчиков, которые сумели их расшифровать. В одном из этих писем он сообщал, что занимается созданием подпольной молодежной организации, которая будет заниматься сбором информации для египетских спецслужб. Обыск в его доме после ареста позволил найти предметы, которые он использовал для своей шпионской деятельности: фотоаппарат, бинокль и чернила для тайнописи.

Во время первого допроса он пытался все отрицать. Но когда ему предъявили письма, написанные его рукой, нервы агента сдали, и он во всем признался. Трибунал приговорил его к 10 годам тюремного заключения...

Другой подобный случай произошел с Фараджем Абедом из деревни Маилия, расположенной в Галилее. В 1964 г. он отправился во Францию изучать богословие. И тоже встретил в Париже группу студентов-арабов, которые работали на египетские спецслужбы. Его также привлекли к сотрудничеству. Человек, который вербовал его, назвался Юнисом и заявил, что выступает от имени военного атташе посольства Египта. В качестве первого задания он поручил ему собрать информацию об израильских офицерах, находившихся на стажировке во Франции.

После этого «боевого крещения» Фарадж вернулся в Израиль с целью вербовки других агентов среди жителей своей деревни. Но он также вызвал подозрение, когда фотографировал окрестности Хайфы. Но руководители израильской контрразведки позволили ему вернуться во Францию, продолжая наблюдать за ним.

Возвратившись в Париж, Фарадж вступил в Ассоциацию израильских студентов и приложил максимум усилий, чтобы подружиться с евреями, стажировавшимися на заводах французского авиаконструктора Марселя Дассо.

К сожалению, он слишком болезненно воспринимал тот факт, что на предприятиях к студентам-евреям относились лучше, чем к израильским арабам.

В последний раз он приехал в Израиль накануне «шестидневной войны», начавшейся 5 июня 1967 г. На этот раз у него было два задания. Первое заключалось в том, чтобы вести наблюдение за передвижением английских военных кораблей в бухте Хайфы. Для выполнения этого задания его снабдили фотоаппаратом и чернилами для тайнописи. Второе задание заключалось в организации встречи на Кипре одного из завербованных агентов с представителем египетских спецслужб. Но Фарадж не выполнил ни одного из этих заданий. Его агент и он сам были арестованы и осуждены...

Как и многие другие, египетские секретные службы уже давно считали, что Швейцария представляла собой удобное место, где можно создать шпионскую сеть. Несмотря на незначительные размеры своей территории, эта страна давала прекрасные возможности для работы с секретными агентами.

Посольство и военная миссия находились в Берне, генеральное консульство, представительства арабских авиакомпаний и администрации Суэцкого канала размещались в Цюрихе. В Женеве находилось консульство, миссия при ООН, представительство Министерства туризма, а также филиалы авиакомпаний.

В течение многих лет большая часть сотрудников египетских спецслужб работала под прикрытием этих учреждений. Так, полковник Мухаммед Шукри, военный атташе и представитель Управлений военной и общей разведок в Италии и Греции до 1958 г., был назначен генеральным консульством в Цюрихе. Фарид Шариф Шакер, который был одним из связных между Каиром и Бейрутом, в 1959 г. работал в египетском торговом представительстве в Швейцарии.

Задачей египетских спецслужб в этой стране был сбор информации о главных противниках Египта. Такими противниками считались, прежде всего, Израиль, западные державы, в частности, Франция. Из Швейцарии можно было одновременно организовать помощь алжирским повстанцам и противостоять действиям французских спецслужб, направленных против Фронта национального освобождения. Но эта подпольная деятельность была небезопасной. Действия египетских и алжирских агентов в Швейцарии контролировались местными спецслужбами.

В действительности Швейцария была базой контроля египетских агентов, работавших против Израиля, а также местом вербовки новых агентов.

Один из добровольцев появился в Женеве в 1963 г. Это был израильтянин 40 лет по имени Самюэль Барух. В начале Второй мировой войны родители отправили его в Англию для продолжения учебы, где он получил диплом инженера текстильной промышленности. Затем он женился и обосновался в Манчестере.

В 1963 г. Барух возвратился в Израиль вместе с женой и тремя детьми. Он инвестировал все свои сбережения в текстильный завод «Аргадин». К сожалению, дела шли плохо, и в том же году предприятие оказалось на грани банкротства. Барух пытался любым способом решить финансовые проблемы. Поэтому он возобновил контакты со своими родителями, проживавшими в Женеве, с целью получить у них кредит. Но они отказали в помощи, и Барух пошел на контакт с представителем египетских спецслужб в Женеве. Тот обещал выделить необходимую сумму и предложил ему приехать в Каир, чтобы обсудить детали.

Барух согласился. Сотрудник «мухабарат» сопровождал его сначала до Цюриха, где представил своему коллеге, который вручил ему египетский паспорт и отправился вместе с ним в Каир.

В египетской столице Барух провел неделю. Он встретился с руководством Управления общей разведки. Они показали ему Каир и его окрестности. Они также сфотографировали его у пирамид, не скрывая, что эти фотографии (в случае необходимости) будут использованы против него.

Это была неприкрытая угроза, которая означала, что египтяне пойдут даже на то, чтобы уведомить израильтян о деятельности «мухабарат» в еврейском государстве, если Барух откажется от сотрудничества. Они сообщили также, что нашли иностранных инвесторов, готовых вложить деньги в его дело, и что египетские агенты будут работать на его заводе в качестве экспертов.

Барух имел слишком большие долги, чтобы повернуть назад. Он подписал контракт, который ему предложили. В нем уточнялись все детали, оговаривались способы связи с кураторами.

Из Каира Барух отправился в Рим, оттуда в Женеву и, наконец, 20 октября 1963 г. прибыл в Израиль, где тотчас приступил к работе. Письма, которые он отправлял своим хозяевам, имели римский адрес. Он переслал два отчета об экономической ситуации в Израиле и новом танке, появившемся в израильской армии.

Первый отчет был ничем иным, как набором цифр из ежедневных израильских газет. Но эксперты «мухабарат» дали этому докладу высокую оценку. Что касается второго отчета, то Барух просто переписал статью из военного еженедельника «Ба-Махане», посвященную новому итальянскому танку. Он лишь изменил его «национальность». Это был не первый случай, когда инженер-текстильщик действовал подобным образом.

После своего возвращения в Израиль из Англии в 1958 г. он объявил, что привез с собой 130 ткацких станков для будущего завода. Речь шла о старом, изношенном оборудовании. Но он заявил в таможенной декларации, что

это новые станки стоимостью в 300 тыс. израильских фунтов того времени. Это позволило ему добиться одобрения своего проекта правительственной комиссией и получить кредит в размере 600 тыс. фунтов.

Однако кредит не превратил устаревшее оборудование в современное: продукция завода была низкого качества. К тому же Баруху не хватало административного опыта, чтобы управлять таким предприятием, и вскоре у него возникли финансовые проблемы. Именно они привели его к «инвесторам» из египетских спецслужб, которых он также обманул, убедив их в том, что дело можно поправить. Увы, обещания Баруха стоили столько же, сколько ткацкие станки.

Тем не менее Барух по заданию «мухабарат» вступил в движение «Молодой Израиль», целью которого было лоббирование интересов общины сефардов (евреи восточного происхождения) и участие в парламентских выборах 1965 г. Он встретился с президентом движения и представил ему многочисленные документы о своей семье, поездках за границу, зарубежных контактах и т. д. Разумеется, он умолчал о своих финансовых проблемах. Все это было сделано для того, чтобы придать достоверность своей истории и убедить собеседника в том, что он может принести движению существенную помощь. Особенно в решении финансовых проблем, благодаря своим связям в Израиле и за границей.

Через несколько дней Барух был принят в движение «Молодой Израиль». Больше того, он возглавил его финансовый комитет. Он надеялся получить финансовую помощь от египетских спецслужб. Но его надежды не оправдались. Поэтому Барух был вынужден закрыть свой завод и объявить о банкротстве.

Его личная жизнь также была весьма трудной. Жена оставила его, забрала детей и покинула страну. Он имел связь с другой женщиной и собирался вместе с ней поки-

нуть Израиль. Но 25 ноября 1964 г. был арестован в Хайфе. В январе 1965 г. суд приговорил его к 18 годам тюремного заключения...

«Молодой Израиль» было не единственным политическим движением, которое египетские спецслужбы пытались использовать в своих интересах. В конце 50-х годов группа израильских арабов организовала экстремистское движение «Аль-Ард» («Земля»). Его члены считали Палестину «единой и неделимой» территорией. Иными словами, государство Израиль, по их замыслу, должно было исчезнуть.

Верховный суд отказался зарегистрировать эту организацию, объяснив, что это движение может нанести ущерб безопасности государству. Один из судей Верховного суда заявил: «Никакой демократический режим государства не может оказать поддержку движению, которое стремится его уничтожить».

В конце 1964 г. движение было объявлено незаконным, и три его руководителя были арестованы. Это — Мансур Кардох, Хабиб Кахваджи и Сабри Джирьис. Перед этим в Израиле побывали эмиссары египетской разведки, которые установили контакт с этими тремя руководителями.

Один из арестованных эмиссаров — Абдель Разек Зуби, молодой человек 20 лет, родившийся в Назарете. Во время допроса он признал, что работал плотником в Петах-Тикве до сентября 1963 г. Именно тогда он решил перейти границу и поселиться в секторе Газа, который находилась под египетским контролем. Для этого он сел в автобус и доехал до Ашкелона. Потом шесть часов шел пешком. Добравшись до Газы, он сразу отправился в местное отделение полиции и признался, что прибыл из Израиля. Полиция передала его в руки «мухабарат».

Капитан Хильми, который допрашивал его, задавал ему вопросы об израильских военных базах, о воинских частях, расположенных вблизи Газы, и другие вопросы

военного характера. Через несколько дней его допросили снова. На этот раз его допрашивал капитан Мустафа, который предложил ему вернуться в Израиль и работать на египетскую разведку. Абдель Разек отказался от этого предложения, завив, что он не хочет возвращаться в эту страну.

Египетские власти разрешили ему остаться в Газе. Он устроился у одного из своих родственников, который жил в Хан-Юнисе. В течение года работал плотником, а в сентябре 1964 г. получил вызов от капитана Хильми. Когда он прибыл в его офис, офицер сделал ему такое же предложение, что и Мустафа год назад. Правда, при этом капитан пригрозил, что в случае отказа Абдель Разек потеряет работу.

Абдель Разек отказался и действительно остался без работы. Тогда он решил попытать счастья в Иордании, обратившись за помощью к одному из своих родственников, проживавших в иорданском королевстве. Получив визу, он отправился в туристическое агентство, чтобы выяснить возможность выезда в Иорданию. Но служащий агентства, работавший на «мухабарат», потребовал от него въездную визу в Иорданию и... просто порвал ее.

— Потеряв возможность покинуть страну, — заявил позднее Абдель Разек израильским следователям, — я был вынужден согласиться на предложение капитана Хильми.

Хильми тотчас поручил ему два задания. Первое — установить контакт с одним из руководителей организации «Аль-Ард» в Назарете Мансуром Кардохой. Он должен оценить размер финансовой помощи, необходимой этой организации, и попросить у него пропагандистские материалы. Второе задание — приобрести в Израиле ивритско-арабский словарь и несколько израильских газет. Он получил 400 израильских шекелей, которые должен был передать Мансуру Кардохе.

Абдель Разека доставили на джипе к израильской границе, выдали ему пару обуви и нож. Ему приказали на-

деть ботинки, когда он достигнет асфальтированной дороги. Ему объяснили, что два человека, вооруженные автоматами, будут сопровождать его на израильской территории в течение двух часов. Все трое отправились в путь и к ночи достигли населенного пункта Сдерот. Здесь сопровождавшие оставили Абдель Разека одного и вернулись на египетскую территорию. Утром он вышел на шоссе и сел в автобус, ехавший в Тель-Авив. В городе он встретился с Мустафой Зуаби, одним из своих двоюродных братьев, который предложил Абдель Разеку переночевать у него.

На одной из главных тель-авивских улиц Аленби Разек приобрел словарь и газеты. Неизвестно, как он передал деньги Мансуру Кардохе. Очевидно, он поручил это своему двоюродному брату, поскольку на следующий день вернулся в Газу.

Несколько недель спустя он вновь прибыл в Израиль. При нем было 300 израильских шекелей, которые он должен был передать Мансуру Кардохе и выполнить одно задание — завербовать Мустафу Зуаби, чтобы тот работал на египетские спецслужбы. Абдель Разек выполнил задание и вместе с Мустафой Зуаби выехал в Газу.

В последний раз он пересек израильскую границу 30 декабря 1964 г., имея при себе 350 израильских шекелей, которые ему выдали в «мухабарат». Прибыв в Тель-Авив, он встретился с Махмудом, братом Мустафы Зуаби, который пригласил его к себе в дом по улице Эйлат. Полиция арестовала их, когда они готовили ужин. Обыскав Абдель Разека, полицейские нашли при нем нож и другие предметы, по которым можно было определить, что он прибыл из Газы.

Абдель Разек был осужден в марте 1965 г. к шести годам тюрьмы. Его двоюродный брат Мустафа, который был арестован несколькими днями раньше во время «визита» в Израиль, получил восемь лет тюремного заключения...

Сотрудники Управления общей разведки, которые занимались нейтрализацией подпольной деятельности иностранных государств на территории Египта, обычно не испытывали недостатка в работе. Особенно, когда они взяли в свои руки дело Мустафы Амина, которое привело в оцепенение египетское общественное мнение.

В 1944 г. Мустафа Амин и его брат-близнец Али основали агентство печати «Аль-Ахбар» («Новости»), которое издавало три газеты, включая «Ахбар аль-Яум». Братья сами писали статьи, а Мустафа, который получил образование в США, был профессором кафедры журналистики в американском университете в Каире. Их связи с американцами и западными кругами были хорошо известны.

Когда 23 июля 1952 г. в Египте произошла революция, братья с энтузиазмом ее поддержали, передав свои газеты в распоряжение новых руководителей страны. Мустафа стал одним из самых близких друзей и доверенным лицом президента Гамалы Абдель Насера. Вместе с Хасанейном Хейкалом, членом редколлегии газеты «Ахбар аль-Яум», он установил тесные контакты с представителями ЦРУ Кермитом Рузвельтом и резидентом в Египте Джеймсом Иглбергером. Египетские руководители были не только информированы об этом, но они поощряли эти контакты.

Дружба, которая связывала братьев Аминов и президента Насера, не пострадала от решения последнего национализировать в мае 1960 г. всю египетскую прессу и издательства. Ассоциация печати братьев-близнецов попала под общий закон, но Мустафа и Али остались преданными своим газетам, продолжали обеспечивать выпуск «Ахбар аль-Яум» и регулярно писать статьи. Можно только догадываться, насколько глубоки были связи, которые сближали Мустафу Амина с режимом, когда он опубликовал 12 октября 1961 г. в каирском еженедельнике «Аль-Мусавар» статью о выходе Сирии из ОАР.

Статья, в которой была собрана подробная информация о развитии событий, приведших к государственному перевороту в Сирии, могла быть написана только человеком, крайне преданным режиму. Он, в частности, утверждал, что выход Сирии из ОАР стал возможным по той причине, что египтяне от избытка осторожности по отношению к сирийцам забыли сохранить в Сирии их собственные секретные службы.

Его брат Али оставался в хороших отношениях с властями. В мае 1965 г. он отправился в Лондон в качестве корреспондента газеты «Аль-Ахрам». Редактором этой газеты был Хасанейн Хейкал, который раньше работал обозревателем газеты «Аль-Ахбар».

Два месяца спустя после отъезда Али в Великобританию его брат Мустафа был арестован по подозрению в шпионаже. Его обвинили в том, что он передавал секретную информацию советнику посольству США в Египте Брюсу Тэйлору Оделлу. Американский дипломат прибыл в Каир в конце 1964 г., и египетская пресса обвинила его (после ареста Мустафы Амина) в том, что он является сотрудником ЦРУ.

Несколько лет спустя Мустафа Амин заявил, что контакты с некоторыми сотрудниками посольства США в Египте он установил по просьбе президента Насера, который хотел неофициальным путем получать информацию о том, что происходит в американской дипломатической миссии. По сведениям главного редактора газеты «Аль-Анвар» Саида Фарейха, в декабре 1965 г. Мустафа Амин направил египетскому президенту письмо, в котором протестовал против того, что после ареста он подвергался пыткам по приказу шефа Управления общей разведки Салаха Насра. Он сообщил, что палачи доставили в соседнюю камеру его жену и подвергли пыткам. Он слышал ее крики и крики тюремщиков, которые угрожали подвергнуть пыткам их дочерей. Все истязания имели цель до-

биться от него тех признаний, которые Салах Наср хотел получить.

Мустафа Амин рассказал об этом в 1975 г., когда вновь стал главным редактором газеты «Ахбар аль-Яум», и после того, как тот же Салах Наср вышел из тюрьмы, куда он был брошен после «шестидневной войны» 1967 г. Амин подтвердил, что его заключение в тюрьму было результатом политических обстоятельств, «которые были более важными для президента Насера, чем дружба».

Неизвестно, когда и по каким причинам его контакты с американцами вызвали подозрения египетской контрразведки. Разумеется, важным фактором было ухудшение отношений между Каиром и Вашингтоном, которое началось в 1964 г. Одной из демонстраций ухудшения египетско-американских отношений стал судебный процесс над египетским гражданином Виктором Йоахимом, который работал в журнале «Ас-Садака», издаваемом посольством США. Он был обвинен в шпионаже в пользу американцев и казнен в апреле 1964 г.

Как бы то ни было, но когда Мустафа Амин стал вызывать подозрения, он попал под постоянное наблюдение египетских спецслужб. Он встречался с представителем ЦРУ Оделлом каждую среду в 14.00. Этот факт был подтвержден в ходе суда над ним представителем «мухабарат». Этот сотрудник заявил, что американец, идя на встречу с Амином, соблюдал все меры предосторожности: парковал машину вдали от квартиры своего «агента», постоянно «проверялся», пытаясь выявить наружное наблюдение. Хотя квартира Амина находилась на 6-м этаже, он всегда поднимался на 8-й этаж, а затем спускался пешком на нужный этаж.

Незадолго до ареста Амина сотрудники «мухабарат» установили, что ЦРУ пыталось завербовать его брата Али, который находился в Англии. В результате сразу же после ареста Мустафы статьи, которые Али регулярно направлял из Лондона, перестали появляться в «Аль-Ахрам».

Мусатфа Амин был арестован в городе Александрия, когда обедал с Оделлом. По официальному заявлению египетских властей, он был арестован в тот момент, когда передавал американцу конверт, в котором находились его «еженедельные доклады». Оделл также был арестован, но вскоре освобожден, поскольку имел дипломатическую неприкосновенность. Египетские власти заявили, что конфискованный конверт содержал информацию, представлявшую разведывательный интерес.

Мустафа Амин был приговорен к пожизненному заключению. Но в январе 1974 г. в возрасте 59 лет он был освобожден по указанию президента Анвара Садата. Некоторое время спустя в Каир вернулся его брат Али. Вскоре Мустафа Амин занял пост главного редактора газеты «Ахбар аль-Яум».

Государство-шпион

Судебные процессы, проходившие в Египте в середине 60-х годов, имели целью продемонстрировать усилия властей, направленные на защиту безопасности государства. Спецслужбы являлись не только оперативным оружием, но одновременно силой, способной определять или, по меньшей мере, влиять на египетскую политику. Секретные службы были одной из самых мощных поддержек режима и представляли «питомник» по выращиванию высокопоставленных государственных чиновников.

Состав генерального секретариата Арабского социалистического союза (АСС) в январе 1967 г. наглядно иллюстрирует роль этого резерва. Семь из шестнадцати его членов были бывшими кадрами «мухабарат». Среди них можно назвать Али Сабри, генерального секретаря, который был первым директором Управления общей разведки.

Другой член секретариата Абдель Фаттах Абу эль-Фадель был также ответственным за контроль и публи-

кации. Он служил офицером разведки в зоне Суэцкого канала. До этого работал в Судане под прикрытием торгового представителя пивоваренного завода, затем в качестве корреспондента египетской газеты «Аль-Гумхурийя». Возвратившись в Египет, был назначен в один из отделов Управления общей разведки. В 1966 г. под прикрытием секретаря АСС по контролю и публикациям отвечал за надзор за националистическими организациями.

Пять членов генерального секретариата входили в комитет по расследованиям уклонистов в рядах партии. Четверо из них, включая председателя комитета Аббаса Радвана, также были кадровыми сотрудниками спецслужб. Один из членов комитета, министр внутренних дел Шарави Гомаа, бывший руководитель отдела Управления общей разведки, работал в секретариате АСС. Этот аппарат, созданный президентом Гамалем Абдель Насером в 1966 г., был сформирован из людей, преданных главе государства и расставленных им на ключевые посты. Своего рода «гражданская хунта».

По словам руководителя Управления общей разведки Ахмеда Камеля, который входил в состав аппарата, Шарави преобразовал его в организацию, главной задачей которой стал сбор информации. Неудивительно, что опыт главных лиц партии, полученный ими в спецслужбах, использовался в дальнейшей работе.

Утверждают также, что в создании цепочки (партия — разведка — безопасность) египтяне призвали принять участие советских советников. Инициатором сотрудничества в сфере разведки между Египтом и СССР был Шарави Гомаа. Существование этих отношений было подтверждено другим шефом Управления общей разведки Салахом Насром, входившим в состав египетской делегации, отправившейся в Москву в ноябре 1966 г.

Одно из направлений этого сотрудничества — передача Советским Союзом разведывательных данных Егип-

ту — сыграло важную роль в 1967 г. Речь идет об информации, переданной весной того года, в соответствии с которой Израиль активно готовится к войне против Сирии. Опираясь именно на эту информацию, Египет решил перебросить свои войска на Синайский полуостров, что и привело к «шестидневной войне», начавшейся 5 июня 1967г.

Египтяне не забыли урока этого просчета. Семь лет спустя ведущий египетский журналист Ихсан Абдель Куддус писал, что Советский Союз убедил президента Насера в том, что израильтяне сосредоточивают свои дивизии на сирийской границе, готовясь к неожиданному нападению. Прошедшие годы показали, что информация, поступившая от Советского Союза, была ошибочной, что она имела целью подтолкнуть Насера к действиям, которые усилят его зависимость от СССР.

Необходимо подчеркнуть, что египетские спецслужбы ошиблись, полагая, что ВВС и танки Египта лучше, чем у Израиля. Эта ошибка в оценке была сделана отчасти из-за информации, полученной от советских секретных служб.

Ошибки были совершены также и в области внешней политики. Так, в ноябре 1967 г., через несколько недель после окончания «шестидневной войны», президент Насер произнес речь, во время которой он назвал многочисленные незаконные действия, совершенные Управлением общей разведки. Речь шла о попытках создать достаточно сильную группу, чтобы захватить власть. Насер объявил своей аудитории, что эта «незаконность» была устранена, и поэтому то, что называлось «государство-шпион», исчезло.

Выступление происходило два месяца спустя после ареста руководителя Управления общей разведки Салаха Насра. Он был обвинен в участии в подготовке заговора с целью свержения существовавшего режима. Заговор явился результатом разногласий в высшем руководстве стра-

ны относительно того, кто несет ответственность за поражение в войне. Руководителем заговора был командующий вооруженными силами Египта маршал Абдель Халим Амер, который, будучи раскрытым, покончил собой.

Среди участников заговора были также бывший министр внутренних дел Аббас Радван и около 50 высших армейских офицеров. В списках подлежащих аресту фигурировали вице-президент Али Сабри, министр обороны Амин Ховеиди, министр внутренних дел Шарави Гомаа, министр национальной ориентации Мухаммед Фаик, член президентской администрации Сами Шараф и начальник Генерального штаба Мухаммед Фавзи.

Салах Наср был осужден на пожизненное заключение. Были также осуждены его заместитель Хасан Али, его секретарь Али Ахмед Али и руководитель общего отдела Хамди Шами.

Салах Наср вышел из тюрьмы в ноябре 1974 г. по распоряжению президента Анвара Садата. Но после освобождения он стал объектом нападок со стороны его жертв. Среди них — Мустафа Амин, который заявил, что его били и пытали по указанию Насра. Против него также выступила популярная египетская актриса Фатен Хамама. В интервью каирскому еженедельнику «Ахер Саа» она заявила, что была вынуждена покинуть Египет, потому что Наср принуждал ее работать на «мухабарат».

Амин Ховеиди сменил Салаха Насра на посту руководителя Управления общей разведки. В то время он был министром обороны и вскоре стал государственным министром.

Ховеиди родился в 1921 г. и начал свою карьеру в армии, где дослужился до подполковника пехоты. Затем он был переведен в Управление общей разведки в качестве начальника службы исследований и документации. Новые обязанности сделали его одним из приближенных сотрудников президента Насера, наряду с Сами Шарафом,

шефом президентской администрации, и министром внутренних дел Шарави Гомаа, который курировал Управление общих исследований и контролировал секретный аппарат АСС. Они находились в тесном контакте с министром обороны генералом Фавзи.

Несмотря на это, «государство-шпион», об исчезновении которого объявил президент Насер, продолжало существовать. Как и должно было быть, новые руководители, заняв свои высокие посты, становились тем, что называется в Египте «центрами власти». Они усиливали свое господство в стране до тех пор, пока не уходили с политической сцены.

Когда Египет потерпел военную катастрофу в июне 1967 г., он тем не менее возобновил подрывную деятельность. Общая граница с Израилем переместилась на запад, и региональные бюро «мухабарат» сделали то же самое. Базы в секторе Газа и в Эль-Арише (тогда территория Израиля) превратились в мишень для египетских агентов. Теперь филиалы спецслужб размещались на западном берегу Суэцкого канала, а также в городах Порт-Саид, Исмаилия и Суэц. Эти филиалы принадлежали Управлению военной разведки и находились под контролем своего департамента, созданного в 1962 г. Секретные агенты возвращались на Синай и обратно на лодках или по земле со стороны Порт-Фуада, не захваченного израильтянами в ходе «шестидневной войны». Именно в этих новых условиях Египет возобновил подрывную деятельность и акты саботажа.

Например, в октябре 1967 г. группа, специализировавшаяся на организации саботажа и убийствах, была захвачена израильской полицией в районе Эль-Ариш. Это была подпольная группа, носившая название «Организация освобождения Синая».

6 февраля 1968 г. была раскрыта целая шпионская сеть. Она занималась сбором информации об израильских вой-

сках, размещенных на Синайском полуострове. Члены этой группы связывались с Египтом по радио, но проработали лишь несколько месяцев. Руководил этой группой Ахмед Камель Ибрагим Абдель Вахаб, бывший офицер-связист египетской полиции. Он вел передачи из погреба дома, расположенного в центре Эль-Ариша. Но вскоре израильские спецслужбы засекли этот радиопередатчик, захватили радиста и около 200 копий телеграмм.

В конце ноября 1968 г. израильские спецслужбы захватили третью шпионскую группу, в которую входили исключительно бедуины. Израильский патруль арестовал на севере Синайского полуострова 27-летнего бедуина по имени Салах Халед Араби. При обыске у него нашли различные документы и фотографии, на которых были изображены авиационные базы израильских ВВС на Синае, а также месторасположение наземных сил. Бедуин признался, что направлялся в Порт-Саид, чтобы передать документы и фотографии своему руководству. Его шефом был Мухаммед эль-Ямин, офицер египетской разведки на базе в Порт-Саиде. Помимо Салаха Араби были задержаны еще трое бедуинов. Израильский военный трибунал приговорил их к различным срокам заключения.

Эмиль Лабиб Наджар, 26-летний художник из города Хайфа, прибыл на Кипр в сентябре 1968 г. В Никосии он познакомился с одним египетским торговцем по имени Рифаат. Он помог Наджару достать наркотики, в которых тот нуждался. Возвратившись в Израиль, художник продолжал поддерживать контакты с египтянином. Вскоре Рифаат пригласил Наджара в гости, но тот ответил, что в настоящее время не может воспользоваться приглашением. Рифаат понял, что у художника есть финансовые проблемы, и тогда он выслал ему авиационный билет.

Наджар прибыл в Никосию в апреле 1969 г. В аэропорту его встретил Рифаат, который по дороге в гостиницу сообщил художнику, что является агентом египетских

спецслужб, и предложил работать на «мухабарат». Наджар согласился. Перед отъездом из Никосии он получил от Рифаата задание: снять квартиру в Хайфе, в районе Хадар Ха-Кармель, откуда можно вести наблюдение за хайфским портом и направлять телеграммы по специальному адресу.

Чтобы обеспечить себе надежное прикрытие, Наджар сменил профессию. Он стал «бизнесменом», который часто выезжал в Никосию по своим делам. В действительности он передавал информацию своим кураторам.

Вскоре он привлек внимание израильских спецслужб и был арестован. Военный трибунал приговорил его к десяти годам тюремного заключения.

Подобно Наджару Арафат Салим Абу-Дуба, владелец газетного киоска в Акре, прибыл на Кипр в качестве туриста в октябре 1968 г. На острове он познакомился с молодой девушкой по имени Мари, которая пригласила его провести вечер в ночном клубе. Под утро она предложила поехать к ней.

Когда они пили кофе в ее квартире, в комнату ворвался молодой человек и тоном, не обещавшим ничего хорошего, потребовал объяснений. Поскольку Абу-Дуба был испуган, молодой человек, назвавшийся Абдуллой, сообщил ему, что является агентом египетских спецслужб и в конце концов принудил к сотрудничеству. Он снабдил его всем необходимым для ведения разведывательной деятельности, дал несколько адресов на Кипре и в Западной Европе. Абу-Дуба получил псевдоним «Шломо».

Он вернулся в Акру и снова стал продавать газеты и журналы. Он активно собирал информацию, но допустил ошибку: слишком часто пользовался фотоаппаратом. Его арестовали и приговорили к восьми годам тюремного заключения.

Абдель Рахим Караман родился в 1933 г. в одной из известнейших арабских семей города Хайфа. Его дядя,

Тахер Караман, был заместителем мэра и имел самые тесные связи с евреями. После провозглашения государства Израиль семья осталась в городе.

Абдель Рахим рос и воспитывался как гражданин Израиля. Он женился на француженке, которая приняла ислам. Поскольку у них не было детей, они решили усыновить ребенка. С этой целью в 1967 г. они выехали во Францию, чтобы найти сироту среди арабских беженцев. Абдель Рахим обратился за помощью в египетское посольство и там познакомился с Хосни и Аббасом. Они оказались сотрудниками секретных служб и предложили работать на них. Он согласился, и его направили в Брюссель, где он два месяца изучал методы разведывательной работы.

Перед вылетом в Израиль Абделю Рахиму вручили радиопередатчик, инструкцию по его использованию и шифры. Письменные отчеты он должен был отправлять на различные адреса в Бельгии, Великобритании и Канаде. В чрезвычайных случаях, например, при объявлении всеобщей мобилизации в Израиле, он должен отправить телеграмму с заранее оговоренным текстом.

В его задачу входило также наблюдение за передвижением кораблей израильских ВМС в порту Хайфа и изучение шоссе, связывающего Хайфу и Акру, с целью выяснить, можно ли его использовать как взлетно-посадочную полосу. Новый агент должен был также и сам проявлять инициативу, раздобыть израильский паспорт на еврея в возрасте 28–35 лет. И, наконец, ему поручили завербовать израильского араба.

Выполнение этих заданий требовало значительных усилий. Абдель Рахим делал все возможное, чтобы добиться положительных результатов. Он жил на семейной ферме, но также арендовал квартиру в Хайфе в квартале Хадар ха-Кармель, с тем чтобы более эффективно заниматься нелегальной деятельностью.

Весной 1969 г. Абдель Рахиму удалось завербовать 30-летнего израильского араба Тауфика Фуада Батаха, которой работал на таможне в Хайфе. Он также раздобыл израильский паспорт на имя Цви Герцога с помощью сотрудника одной туристической фирмы. Этот паспорт полицейские обнаружили при обыске Абделя Рахима, когда 14 января 1970 г. его арестовали в аэропорту Лидда. Друг Рахима Тауфик Фуад Батах был арестован в тот же день.

25 марта того же года состоялся суд. Абдель Рахим Караман был приговорен к 12 годам, а Батах — к 8 годам тюремного заключения.

13 апреля 1974 г. египетская газета «Ахбар аль-Яум» сообщила, что Караман и Батах с помощью египетских спецслужб бежали из тюрьмы. «Побег стал возможным, — подчеркивала газета, — благодаря применению “специальных средств”, о которых нельзя говорить, ибо участники операции, готовившие побег, еще находятся в Израиле».

Вскоре выяснилось, что никакого побега не было. Караман и Батах прибыли в Каир в составе группы из 65 заключенных, которых Египет обменял на двух израильтян, содержавшихся в египетской тюрьме. Один из них — Барух Мизрахи, арестованный в Йемене в 1972 г. и обвиненный в шпионаже в пользу Израиля. Другой — Ури Леви, находившийся в заключении около 20 лет...

В 1968 г. египетские секретные службы провели две важных операции. Первая касалась разработки программы методов подпольной деятельности для 10 членов организации ФАТХ. Один из участников — Мухаммед Дауд Ода (больше известный как Абу-Дауд) был арестован в Иордании в феврале 1973 г. Он руководил группой, которая намеревалась проникнуть в офис иорданского премьер-министра во время заседания правительства, чтобы взять его членов во главе с премьером в заложники, а затем обменять их на четырех активистов ФАТХа, находившихся в иорданской тюрьме.

Контакты между египетскими властями и ФАТХом начали развиваться за год до этого, когда президент Египта Гамаль Абдель Насер впервые принял главу ФАТХа Ясира Арафата, Салаха Калафа (Абу-Аяд) и Фарука Каддуми, который в то время выполнял функции министра иностранных дел Организации освобождения Палестины. По словам египетского журналиста Хасанейна Хейкала, участвовавшего в переговорах, в самом начале встречи президент заявил своим гостям, что египетская разведка получила сведения от своих агентов в Кувейте, что «визитеры прибыли в Каир с целью убить его». Насер заявил, что убежден в том, что цели гостей другие, и объяснил им, что резолюция Совета Безопасности ООН № 242 не призывает террористические организации к тому, чего она требует от арабских правительств. Президент добавил: «Вы должны быть нашей “безответственной” рукой. Только при этом условии мы окажем вам всю необходимую помощь».

После этой встречи Египет начал поставлять оружие ООП. Когда Насер в июне 1968 г. прибыл в Москву с официальным визитом, Ясир Арафат находился в составе делегации. У него был египетский паспорт, выданный на имя Мохсена Амина. В списке пассажиров будущий палестинский лидер значился как «технический работник» делегации. Президент представил его Косыгину, Брежневу и Подгорному. Это было начало «медового месяца» между СССР и палестинцами.

К концу 1968 г. египетские спецслужбы снова были втянуты в конфронтацию из-за внутренних проблем страны. 20 ноября того же года студенты вышли на улицы Мансуры, Александрии и Каира. Демонстрации продолжались несколько дней, 30 человек погибли, около 200 получили ранения. Египетские власти объявили, что эти выступления были спровоцированы агентами иностранных спецслужб. Президент Насер произнес речь перед членами Арабского социалистического союза, в которой призвал

всех граждан Египта, работавших в пользу иностранных спецслужб, сдать египетским властям.

Если шпионаж в пользу иностранного государства считался в Египте самым серьезным преступлением, которое жестоко наказывалось, то вербовка иностранца, согласившегося сотрудничать с египетскими спецслужбами, только поощрялась. Следующее дело, которое иллюстрирует это различие, началось в Лондоне, затем продолжалось в Каире и Аммане и снова перенеслось в Лондон. Речь идет о сотрудничестве между Египтом и террористическими организациями.

На этот раз в центре событий оказалась египетская военная разведка. Ее структура оставалась прежней, и каждый военный атташе руководил собственным аппаратом, направляя информацию в Каир. Военный атташе в Лондоне полковник Гамаль Эд-Дин Баракат отличался заметной активностью в работе. Именно он с помощью своего заместителя Ахмеда Махмуда эль-Басти начал переговоры с Тревором Вильямсом и Рональдом Ханненом, которые ранее имели проблемы с правосудием. После этой встречи в ноябре 1969 г. англичане отправились в Египет.

Позднее, во время допроса, состоявшегося после возвращения в Лондон, Ханнен объяснил, что перед отъездом в Каир он и его друг три раза побывали в египетском посольстве. Сначала их принял эль-Басти, затем военный атташе. Вильямс предложил египтянам приобрести через него вертолеты и покрышки, но полковник Баракат проявил гораздо больший интерес к политическим оценкам ситуации в Израиле. Он объяснил англичанам, что будет лучше, если они отправятся в Каир и встретятся с его непосредственным начальством.

По словам Ханнена, он и его партнер были приняты в Каире одним из высших руководителей египетских спецслужб. Но он также не проявил интереса к коммерческому предложению англичан. Он долго расспрашивал их о во-

енно-политической ситуации в Израиле. После этой встречи они отправились в Иорданию.

Правда, перед отъездом Вильямс встретился в баре каирской гостиницы «Шепард» с двумя египтянами и английской журналисткой Маргарет Маккартен. Она знала о нем все и предложила ему познакомиться с одним человеком. Этим человеком был представитель организации ФАТХ.

После этого Вильямс и Ханнен вылетели в Амман и остановились в гостинице «Филадельфия». Там они познакомились с человеком, который объяснил им, что мисс Маккартен сообщила ему о них и что он организует встречу с представителями ФАТХа. Встреча действительно состоялась, но не по поводу коммерческого предложения англичан. На ней был затронут единственный вопрос — организация диверсий.

Речь шла о взрывах самолетов израильской авиакомпании Эль-Ал во время техосмотра в аэропорту Хитроу, о похищении англичан еврейского происхождения, а также о взрывах промышленных объектов в Израиле. Все это должны были подготовить и осуществить Вильямс и Ханнен.

Для выполнения первой задачи их снабдили взрывчаткой, детонаторами и другими необходимыми для диверсии инструментами. Люди из ФАТХа не давали никаких указаний, а предложили англичанам действовать по своему усмотрению. Переговоры в Аммане проходили в дружеской обстановке. Произошел лишь небольшой инцидент, когда один из представителей ФАТХа заявил, что он подозревает, что Ханнен — еврей. Правда, соратники по организации убедили его в том, что «это не имеет значения».

Но намеченная программа не была выполнена. После возвращения в Лондон Ханнен сразу же обратился в британскую полицию и рассказал обо всем. Вильямс был осужден на 10 лет, а египетский военный атташе полковник

Баракат продолжал работать в Англии до окончания командировки в мае 1971 г...

Британскому подданному Артуру Петерсону шел 71-й год. Он был фотокорреспондентом и часто приезжал в Израиль по заданию египетской разведки. Египтяне завербовали его на Кипре. В его задачу входил сбор военной и политической информации об Израиле. После каждой поездки он получал 50 фунтов стерлингов.

Но весной 1970 г. он попал в поле зрения израильской контрразведки и в апреле того же года был арестован. Худой, высокий, светловолосый, с очками на носу, Петерсон выглядел очень трогательно, когда предстал перед судом. Он решительно отверг обвинения в том, что занимался сбором секретной информации. Но военный трибунал приговорил его к восьми годам тюремного заключения. Однако в 1972 г. он был амнистирован и депортирован в Великобританию.

Египетским спецслужбам удалось установить «мост» не только через Ла Манш, но и через Атлантический океан. Этот факт наглядно подтверждает история Альберта Мелеха, который начал сотрудничать с «мухабарат» в Нью-Йорке, а затем продолжил в Париже.

Он родился в Египте. В 1949 г. в возрасте шести лет переехал с родителями в Израиль. Отслужив в десантных частях, он перепробовал много профессий и в 1964 г. обосновался в Нью-Йорке. Он поступил в технический колледж, чтобы получить профессию автомеханика, и одновременно работал в представительстве фирмы «Фольксваген».

В этом колледже училось много арабов, и Альберт Мелех поддерживал с ними дружеские отношения. Однажды его представили полковнику Салаху эд-Дину Ахмеду Аюбу, египетскому военно-воздушному атташе в Вашингтоне. Помимо своих официальных обязанностей, он также руководил работой агентов «мухабарат».

Аюб специально приехал в Нью-Йорк, чтобы встретиться с израильянином в ресторане «Рокфеллер-Центра». Он долго расспрашивал Мелеха о его службе в армии, интересовался именами высших офицеров, расположением военных лагерей, где ему приходилось служить, центрами подготовки и т. д.

Довольный ответами собеседника, Аюб предложил Мелеху встретиться через две недели. На этот раз встреча происходила в офисе египетского туристического агентства в Нью-Йорке. Полковник признался израильянину, что ему нужна информация об атомных исследованиях Израиля, о системе защиты на израильских танках и военных кораблях.

Мелех согласился достать такую информацию. Аюб выдал ему аванс — сто долларов и бутылку виски. Это была их последняя встреча. Они договорились, что по возвращении во Францию Мелех будет получать инструкции от египетского военного атташе в Париже.

Мелех оставался в Нью-Йорке до 1968 г. Затем вернулся в Израиль. Он устроился работать на рыболовное судно, часто находился за пределами Израиля. В мае 1970 г. оказался в Париже. Он нуждался в деньгах и поэтому решил встретиться египетском военном атташе полковником Иззатом эд-Дином Мухтаром. Тот задал Мелеху несколько вопросов, касающихся методов мобилизации израильской армии, фортификационных сооружений на Синайском полуострове, новых моделей противогазов, последних типов самолетов и новых военных аэропортов. На этот раз Мелех потребовал за информацию 10 тыс. долларов, и военный атташе согласился заплатить эту сумму.

Мелех вернулся в Израиль в апреле в 1971 г. и был арестован прямо в аэропорту. Он признал, что имел контакты с египетскими спецслужбами, но заявил, что, как и многие до него, хотел оказать услугу своей стране, выявив методы работы врага.

Трибунал приговорил его к шести годам тюремного заключения. Он подал апелляцию, но суд увеличил срок наказания до 12 лет.

Заговор против президента

Спустя несколько месяцев после окончания «шестидневной войны», начавшейся 5 июня 1967 г., президент Египта Гамаль Абдель Насер признал существование «государства-шпиона». Но он не только не добился его упразднения, но даже не принял необходимых мер, чтобы этого достигнуть. В своей книге, озаглавленной «Документы о пути возвращения к сознанию», известный египетский писатель Тауфик эль-Хаким описывает событие, иллюстрирующее, в частности, ситуацию именно в этой сфере...

26 апреля 1970 г. он написал президенту Насеру письмо, в котором выразил свое сожаление по поводу назначения главного редактора газеты «Аль-Ахрам» Хасанейна Хейкала министром информации. Писатель обратил внимание президента на то, что мораль общества находится на низком уровне, и подчеркнул, что страна живет в атмосфере «беспорядка, тревоги и смуты».

Война на истощение против Израиля достигла своей кульминации, и Египет ежедневно несет тяжелые потери. Хаким выразил опасение, что уход Хейкала из «Аль-Ахрам» не оставит обществу других источников информации, кроме радио и телевидения, по которым народ слушает и смотрит только музыкальные программы.

Письмо Насеру Хаким передал через зятя президента, который работал в «Аль-Ахрам».

Два дня спустя четыре человека встретились в Каире. Это были — главный редактор ежемесячного журнала «Ат-Талиа» Лютфи эль-Холи и его жена, а также секретарша Хейкала Наваль эль-Махляви и ее муж Атыя эль-Бандари.

Позднее, 12 мая, все четверо были арестованы из-за письма Хакима. Как выяснилось, документ был направлен генеральному прокурору с комментариями Сами Шарафа, который отвечал за информацию в канцелярии президента. Обе супружеские пары опасались, что их будут допрашивать по поводу письма. Они догадывались, что их разговор в доме эль-Холи был записан.

За восемнадцать месяцев до этого «Аль-Ахрам» опубликовала статью с резкой критикой деятельности египетских спецслужб, сотрудники которых арестовали и допросили одного ученого. Его обвинили в том, что он издал научный труд, представляющий опасность для государства. Газета в деталях описала, как следователи в сопровождении офицера «мухабарат» в 5.30 утра ворвались в его дом и произвели обыск. Затем на ученого надели наручники, отвезли в тюрьму и в течение двух недель подвергали допросам.

В своем ответе на критику, опубликованную в «Аль-Ахрам», шеф директората Общей разведки Амин Ховеиди заявил, что роль секретных служб в этой истории ограничивалась проведением расследования и передачей его результатов генеральному прокурору. Он добавил, что может поклясться в том, что его ведомство «остается преданным своему долгу, в частности по защите революции от происков внутренних и внешних врагов».

Газета «Аль-Ахрам» в свою очередь напомнила, что еще в 1966 г. предупреждала, что если не контролировать спецслужбы, то «они будут расти как раковая опухоль».

28 сентября 1970 г. Гамаль Абдель Насер скончался. Но «государство-шпион» продолжало жить. Преемник на посту президента Анвар Садат уже осенью 1971 г. раскрыл заговор, направленный на его свержение.

Руководителями заговора были высокопоставленные чиновники «мухабарат», включая государственного министра Сами Шарафа, который курировал секретные службы. Министр внутренних дел Шарави Гомаа отве-

чал за полицию. Министр обороны Мухаммед Фавзи — за военную разведку и, разумеется, за все вооруженные силы. И, наконец, одним из заговорщиков был новый шеф директората Общей разведки Ахмед Камель.

В числе заговорщиков были также бывшие чиновники спецслужб — вице-президент Али Сабри, министр информации Мухаммед Фаик и генеральный секретарь Арабского социалистического союза Абдель Мохсен ан-Нур. В заговоре также участвовали Амин Ховеиди, возглавлявший Общую разведку с сентября 1966 по апрель 1970 г., и министр строительства, бывший сотрудник военной разведки Мухаммед Саад эд-Дин Зайед.

Заговорщики располагали таким грозным инструментом, каким был секретный аппарат Арабского социалистического союза. Сами Шараф и Ахмед Камель входили в секретариат этого органа, генеральным секретарем которого со дня его создания в 1966 г. был Шарави Гомаа. В ходе допросов Ахмед Камель утверждал, что Шарави «использовал в этой организации методы секретных служб».

Через шесть лет члены союза превратились в обыкновенные источники информации и слепых исполнителей приказов, поступавших сверху. Эта тенденция усилилась благодаря Сами Шарафу и Али Сабри, которые, как отмечалось, были сотрудниками «мухабарат». Ахмед Камель признался, что через секретный аппарат, в который входили десять человек, заговорщики имели возможность манипулировать всем Арабским социалистическим союзом.

Заговор против Садата провалился главным образом из-за глубокого недоверия участников друг к другу. Показания Камеля — это весьма удивительный документ, восстанавливающий атмосферу интриг, которые имели место среди заговорщиков.

Протоколы допроса свидетельствуют, что Камель по указанию Сами Шарафа прослушивал телефонные разговоры всех участников заговора. А по своей собственной

инициативе он записывал беседы и Шарафа, и Шарави Гомаа. Последний, кстати сказать, прослушивал всех сторонников Садата.

По свидетельству Хасанейна Хейкала, в Египте существовало три телефонные линии. Первая — для обычных граждан. Вторая — для членов правительства и кабинета министров. Третья — замкнутая цепь прямых линий между 25 персонами: президентом, премьер-министром, членами высшего совета Арабского социалистического союза, командующими родами войск, руководителями секретных служб и несколькими приближенными к главе государства лиц. Среди них находились и многие участники заговора против Садата.

Трудно сказать, была ли эта слежка, которую осуществляли Ахмед Камель, Сами Шараф и Шарави Гомаа за своими партнерами по заговору, результатом взаимного недоверия друг к другу или она имела другие причины. Если верен тот факт, что Шараф был секретным агентом, работавшим на Советский Союз, то он должен был докладывать своим кураторам все, что знал о деятельности людей, за которыми следил.

Подобная ситуация, когда одна структура режима проводила слежку за высокопоставленными чиновниками, включая главу государства, считалась в Египте вполне естественной. Ахмед Камель признался позднее: «Директорат общей разведки получил информацию о том, что президент собирается отстранить Али Сабри, и я передал эти сведения Сами Шарафу». По его словам, он не скрывал от Шарафа и Гомаа, что пришел к выводу, что в соответствии с полученными данными глава государства убежден, что все, кто его окружает, слабы духом. «Поэтому, — подчеркнул Камель, — вы должны доказать президенту, что не являетесь таковыми».

Гражданские спецслужбы были не единственными, которые следили за окружением президента. Камель

объяснил, как министр обороны Мухаммед Фавзи связался с ним 13 мая 1971 г. и сказал ему: «Я только что узнал от моей разведки, что Мамдух Салем находится у президента. Они потребовали, чтобы я принес им официальный текст присяги. Сами и фотограф на местах». Информация была точной и Салем был готов заменить на посту министра внутренних дел Шарави Гомаа который ушел в отставку.

Эта чрезмерная бдительность и развертывание системы слежки закончились потерями среди тех, кто отвечал за данное направление. Так, 10 мая 1971 г., на рассвете, молодой офицер полиции оказался перед домом президента Садата и попросил у него аудиенции. После долгих переговоров с охранниками ему наконец позволили войти в дом: президент согласился его принять. Посетитель был сотрудником директората контрразведки и занимался прослушиванием телефонных разговоров. Две магнитофонные кассеты, которые он принес, подтверждали, что заговор был направлен против Садата.

Другие источники «мухабарат» также предупредили президента о готовящемся против него заговоре. Прежде чем занять кресло министра внутренних дел, Мамдух Салем был губернатором Александрии и одним из влиятельных членов секретного аппарата Арабского социалистического союза. Занимая эти должности, он зависел от Шарави Гомаа, и его продвижение по служебной лестнице показывало, что Салем предпочел служить главе государства. Ахмед Камель заявил позднее, что агенты, работавшие в Александрии, информировали его о том, что Салем предпринял все необходимые меры, чтобы помешать секретному аппарату предпринять шаги против президента.

Хафез Исмаил, который был государственным министром в описываемый период, также располагал информацией о готовящемся заговоре, о чем и предупредил Садата.

Хотя министр обороны принял участие в заговоре, начальник Генерального штаба Мухаммед Садек и его высокопоставленные офицеры, включая шефа военной разведки, остались верны президенту. После провала заговора генерал Садек был назначен министром обороны вместо Мухаммеда Фавзи. Все заговорщики были арестованы и преданы суду...

Раскрытие заговора резко изменило отношение президента Садата к своим спецслужбам. Если судить по публикациям в египетских СМИ, то он решил в конце концов, что эти структуры заслуживают «некоторого внимания». К середине июня 1971 г. он нанес визит в штаб-квартиру военной разведки. Руководители спецслужб дали интервью средствам массовой информации с целью улучшить в глазах общественного мнения имидж «мухабарат».

Одновременно СМИ получили разрешение публиковать критические материалы о деятельности секретных служб до прихода к власти президента Садата. Любопытные спектакли начали появляться на сценах театров Каира. Например, пьеса «Демоны нового Египта», поставленная режиссером Али Салемом, рассказывала об отсутствии гражданских свобод при президенте Насере. Главный герой, который борется против демонов, — это офицер полиции. К концу спектакля выясняется, что с приходом к власти Садата ситуация заметно улучшилась.

Именно в этих обстоятельствах спецслужбы Египта решили продемонстрировать свою силу. Это произошло после того, как по стране прокатились бунты рабочих-металлургов в Хелуане в августе 1971 г. и студенческие беспорядки в начале 1972 г. Так же как и в ноябре 1968 г. эти события были вызваны всеобщей эпидемией шпиономании. Пресса и телевидение убеждали, что эти волнения были спровоцированы «израильскими шпионами».

Египетские СМИ изображали спецслужбы Израиля как огромную организацию, которая занимается сбором

информации военного и политического характера. Они подчеркивали, что такие сведения необходимы Израилю, чтобы лучше подготовить акции саботажа египетской экономики.

Спецслужбы Египта в первой половине 70-х годов

В течение 1971 и 1972 гг. египетские спецслужбы прилагали большие усилия для решения внутренних проблем государства с целью укрепления позиций пришедшего к власти Анвара Садата. Но внешние проблемы оставались нерешенными, и поэтому ситуация в Египте была такой же, как после «шестидневной войны».

В арабском мире атмосфера была далека от спокойной. 28 ноября 1971 г. четыре члена группы «Черный сентябрь» убили в Каире премьер-министра Иордании Васфи Таля. В сентябре 1970-го, когда происходили кровопролитные столкновения между королевской армией и палестинцами, он возглавлял иорданское правительство.

Убийцы Таля были арестованы и заключены в тюрьму. Но в конце февраля 1972 г. египетские власти освободили их под поручительство после заседания трибунала.

Главный редактор газеты «Аль-Ахрам» Хасанейн Хейкал возложил ответственность за убийство Таля на него самого, заявив, что его визит в Каир — это провокационный акт. Он утверждал, что в этом деле египетские спецслужбы вели себя не так, как были должны, и что они не предприняли необходимых мер, чтобы предотвратить убийство.

В апреле 1972 г. Египет разорвал дипломатические отношения с Иорданией после публикации плана иордано-палестинской федерации, предложенного королем Хусейном. Но еще до официального разрыва иорданские власти выслали десять сотрудников египетского посольства и одного журналиста, обвинив их в шпионаже.

Вполне возможно, что выдворенные дипломаты были сотрудниками египетских спецслужб. Это лишний раз доказывало, что секретные операции, проводимые Египтом в «братских странах», продолжаются.

В течение трех лет, которые предшествовали войне Судного дня (Йом Кипур, самый важный иудейский праздник, день поста, покаяния и отпущения грехов), начавшейся 6 октября 1973 г., египетские спецслужбы активизировали сбор информации, переправляя своих агентов через линию прекращения огня на Синайский полуостров. Почти все они были задержаны. При обыске у них обнаружили бинокли, фотоаппараты и другие шпионские принадлежности.

Сведения, которые поступали от этих агентов, были недостаточными для того, чтобы подготовить широкомасштабную военную кампанию. Тем не менее, уместно задать вопрос: «Что знали египетские спецслужбы перед началом войны об израильских вооруженных силах?»

Во-первых, египтяне извлекли уроки из «шестидневной войны» 1967 г. Во-вторых, они получили информацию от советских секретных служб, которые помогли улучшить эффективность работы «мухабарат».

Тот же Хейкал незадолго до войны Судного дня писал: «Впервые в истории арабы досконально изучили вооруженные силы врага. Наши прошлые недостатки в этой области сегодня нам кажутся почти невероятными. Поскольку Израиль был страной, которая, по нашему мнению, не должна существовать, мы вели себя так, как будто ее не было. Все упоминания об Израиле в каких-либо справочниках или печатных изданиях, поступивших из-за границы, автоматически изымались египетскими таможенниками. Одному профессору академии Генерального штаба, который до “шестидневной войны” 1967 г. попытался проанализировать израильскую военную машину, запретили продолжать начатое исследование. Только после по-

ражения в этой войне египтяне начали серьезно изучать израильские вооруженные силы, методы ведения боевых действий, традиции и командный состав».

Теперь все издания, в которых упоминался Израиль, стали объектом пристального изучения египетских спецслужб. Они делали все возможное, чтобы достать газеты, журналы и другие труды об Израиле. Все эти материалы рассматривались руководством «мухабарат» как «достаточно важные». Поэтому в директорате Общей разведки был создан специальный отдел, которому было поручено отбирать и квалифицировать публикации, касающиеся еврейского государства.

Больше того, египетские спецслужбы не ограничивались покупкой в европейских странах изданий, в которых публиковались материалы об Израиле. Они направляли своих агентов в различные израильские города, чтобы те покупали там газеты и журналы. Многие из этих агентов были арестованы израильскими спецслужбами.

В период, предшествовавший войне Судного дня, египетские спецслужбы приложили похвальные усилия, чтобы обучить персонал языку иврит. Позднее, во время войны, израильтяне нашли на египетских складах книжки под названием «Ха-Сайяр» («Разведчик»), которые оказались учебниками иврита.

Египетские спецслужбы поставляли (или пытались) руководству страны оценки, основанные на секретных или открытых сведениях. Кстати сказать, в те годы египтяне достигли заметных успехов в добыче оперативной информации. Агенты-бедуины, обитавшие в Синайской пустыне, докладывали обо всем, что видели.

Накануне войны египтяне предприняли ряд мер по дезинформации израильтян. Так, за три дня до нападения, газета «Аль-Ахрам» опубликовала сообщение, что высшее армейское командование приняло решение разрешить офицерам совершить «хадж» (паломничество) в

Мекку. Другое сообщение гласило, что министр обороны должен встретиться 8 октября в Каире со своим румынским коллегой. Еще раньше, 28 сентября, выступая с речью, президент Садат «забыл» призвать египтян «вернуть силой захваченные Израилем земли».

Израильские спецслужбы также располагали достоверной информацией, которую получали от семьи Шахин, чье сотрудничество с израильтянами завершилось 25 ноября 1974 г. В тот день супруги Мухаммед и Иншира Шахин были приговорены к смертной казни египетским трибуналом. Старший сын Набиль получил 5 лет, двое младших Мухаммед и Адель были отправлены на рудники.

Об аресте Шахинов египетские власти сообщили через год после окончания войны Судного дня. На следующий день после этого сообщения газета «Аль-Ахрам» опубликовала интервью руководителя директората Общей разведки Ахмеда Абдель Салима Тауфика. Он заявил, что когда египетская армия начала 6 октября 1973 г. военные действия, она располагала точными данными об израильской армии. Эти сведения были переданы секретными агентами, которые работали за границей. Тауфик добавил, что после «шестидневной войны» в Египте было раскрыто свыше 30 шпионских дел. Поэтому задолго до начала войны «Судного дня» египетские спецслужбы практически полностью парализовали деятельность израильской агентуры.

Тауфик рассказал только о двух раскрытых делах.

Первое касалось ареста офицера инженерных войск и молодой египтянки, которые работали на израильтян. В июне 1973 г. они были приговорены к смертной казни. Через двенадцать месяцев приговор был приведен в исполнение.

Некоторые источники утверждают, что египетский офицер — подполковник Абдель Хамид эль-Фики — был раскрыт из-за ошибки недобросовестного почтового служащего. Он украл марку, которая была приклеена на почтовую

открытку, пришедшую из Франции в адрес эль-Фики. Служащий обнаружил подозрительное черное пятно на обратной стороне марки и доложил своему начальнику.

Лабораторный анализ показал, что на марке зашифровано послание агенту, которое содержало инструкции по добыванию секретной информации о военных базах, на которых размещены ракетные установки. Эль-Фики был немедленно арестован, но его арест сохранялся в секрете до тех пор, пока его подруга Хиба Амар Шариф, находившаяся во Франции, не вернулась в Каир.

Второе дело касалось ареста Набиля Шафика эль-Нахаса. Он был руководителем технических служб Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА), штаб-квартира которой находилась в египетской столице. Во время обыска в его доме были обнаружены чернила для тайнописи, фотоаппарат и книжка Агаты Кристи, содержащая «ключ» для шифровки, которым пользовался Набиль и его израильские кураторы.

Его захват был настоящим успехом египетских спецслужб. Позднее стало известно, что Нахас работал на израильтян почти 15 лет. До сих пор неизвестно, как его разоблачили. Но представители «мухабарат» утверждают, что его «нейтрализовали» за несколько месяцев до ареста.

В течение 1974 г. спецслужбы Египта сообщили об арестах еще 16 египтян, которые работали на Израиль. Почти все они были арестованы в 1973 г.

Одновременно египетские секретные службы прилагали большие усилия, чтобы сократить до минимума информацию, поступавшую в Израиль из Египта. По мнению Хасанейна Хейкала, спецслужбы США используют военных атташе других стран для получения сведений военного характера о стране на Ниле.

Кроме того, египетские спецслужбы активизировали свою деятельность по укреплению внутренней безопасности. Так, 10 мая 1975 г. в Каире завершился судебный про-

цесс по делу 92 египтян, обвиненных в организации заговора с целью свержения режима Садата.

Все началось 18 апреля 1974 г., когда группа молодых людей попыталась взять штурмом Военно-техническую академию в Гелиополисе. Как выяснилось в ходе следствия, нападавшие имели союзников среди слушателей. Потери были тяжелыми: 23 раненных и 13 погибших, среди которых 7 военных и 6 нападавших.

Три месяца спустя после нападения на военную академию премьер-министр Египта Мамдух Салем объявил об аресте 25 членов подпольной организации, именовавшей себя «Партией исламского освобождения», которая поставила своей целью свержение режима Садата. Движение было создано в 50-х годах в Иордании. Оно заставило заговорить о себе в 60-х в Ливане, Кувейте и Ливии. Начиная с 1965 г., движение не проводило никаких операций. Однако, по словам Салема, документы подтверждали, что организация действовала под контролем из-за границы. Все указывало на то, что речь идет о Ливии.

Кризис в отношениях между Египтом и Ливией достиг наивысшей точки в марте 1976 г. Именно тогда в Каире были арестованы 40 ливийских агентов, которым было поручено ликвидировать бывших членов Совета революционного командования Ливии, нашедших политическое убежище в стране на Ниле. Одновременно эти агенты должны были устранить некоторых египетских политиков.

Первая половина 1976 г. была отмечена, как и предыдущий год, кампанией по ликвидации «государства-шпиона» времен покойного президента Насера. Эта кампания была направлена на дискредитацию его памяти. В многочисленных статьях утверждалось, что при бывшем президенте спецслужбы практиковали пытки и насилие. Руководители той эпохи характеризовались как «последователи нацистов, которые превратили египетские тюрьмы в преддверие ада».

Королевский заговорщик

Среда, 12 февраля 1958 г. Гость обвел взглядом помещение, в котором находился. Это был просторный холл, расположенный на втором этаже в небольшом дворце королевского комплекса в столице Саудовской Аравии Эр-Рияде. На стенах, обклеенных яркими обоями, висел портрет саудовского монарха и двое массивных настенных часов, сделанных из чистого золота.

Азиз Абад спросил себя, почему эти часы висят здесь, тем более что одни из них не ходят. Их стрелки показывали 9 часов 20 минут, хотя на самом деле была вторая половина дня. Но больше всего его удивило то, что ходившие часы показывали то же время. Он вдруг подумал, что такие массивные золотые часы должны показывать только точное время...

Азиз Абад был членом сирийского парламента. В аэропорту его встретил шеф королевского протокола и тесть короля Асад Ибрагим Мари. Гость знал последнего давно. Абад и Мари родились в одном городе и были закадычными друзьями. Именно Мари выступил инициатором этого визита. Он же, встретив своего друга в аэропорту, проводил его до отеля «Аль-Ямаза», где для него были зарезервированы роскошные апартаменты под номером 223. Затем Мари отвез его во дворец своей дочери Умм-Халед, которая была одной из жен саудовского монарха.

Разговор, который только начался между супругой короля, ее отцом и сирийским гостем, неожиданно был прерван: в холл вошел чернокожий мужчина. Он приблизился к Умм-Халед и что-то прошептал ей на ухо. Она повернулась к Азизу Абаду и сказала: «Его Величество, да продлит Аллах его жизнь, желает вас видеть». Сириец поднялся и последовал за чернокожим в расположенную неподалеку резиденцию короля.

У входа стояли шесть вооруженных солдат. Вышедший на встречу король был одет в белые одежды, голова покрыта такой же белой «куфией» (традиционный платок). Зал, куда провели сирийского гостя, был наполнен ароматными запахами, и монарх жестом предложил ему сесть на богатые подушки.

В начале беседы король Сауд выразил Азизу Абаду свои сожаления по поводу объединения Египта и Сирии. По его мнению, Сирия, согласившись на этот союз, позволила империалистам одержать большую победу. Монарх говорил с жаром, подчеркнув, что создание на Ближнем Востоке сильного и единого государства представляет угрозу его собственному трону. «Есть несколько высоких сирийских персон, — продолжал Сауд, — которые сотрудничают с Ираком, чтобы свергнуть существующий режим в Сирии и, таким образом, разрушить египетско-сирийское объединение». Король не скрывал, что встречал таких людей в Бейруте, но хотел бы найти других, которым он может довериться.

Азиз Абад был полностью согласен с мнением саудовского монарха. Он увидел улыбку на его лице, когда предложил ему установить контакты с некоторыми офицерами сирийской армии, в частности, с шефом Второго бюро (сирийская контрразведка) полковником Абдель Хамидом Сараджем. Абад объяснил, что вскоре Сарадж должен занять важный пост в структурах египетско-сирийского союза.

Король, в свою очередь, сказал, что он готов согласиться на все предложения Сараджа и рассматривает его как будущего президента Сирии. Он также готов передать в его распоряжение значительные финансовые средства, которые потребуются для разрушения египетско-сирийского объединения. Монарх добавил, что прекрасно знает о том, что в Сирии есть много других людей, выступающих против этого объединения, но он предпочитает Са-

раджа, потому что это интеллигентный человек, имеющий реальное влияние в армии.

Собеседники договорились, что по возвращении в Сирию Азиз Абад свяжется с полковником Сараджем. Если удастся достигнуть его согласия, Абад направит Асаду Ибрагиму телеграмму: «В семье все в порядке».

На следующий день сирийский гость вернулся в Джидду, откуда вылетел в Каир. Только в самолете он почувствовал себя более спокойным...

Все началось месяц назад, когда Азиз Абад случайно встретил в одном из отелей Бейрута своих старых друзей — братьев Асада и Маджида Мари. Тогда они обсудили возможность сотрудничества во время выборов в городской совет Дамаска, но их беседа закончилась безрезультатно. Когда же было объявлено об объединении Египта и Сирии, Маджид позвонил Абаду и предложил встретиться с его братом Асадом в Латакии.

Во время этой встречи последний сообщил Абаду, что есть возможность принять участие в подготовке списков кандидатов. По его словам, король Сауд окажет не только моральную, но и необходимую финансовую поддержку.

Тревога и подозрение овладели Абадом. Асад Мари был известен своими широкими связями в Саудовской Аравии. Поэтому невозможно представить, чтобы визит Абада в Эр-Рияд остался незамеченным агентами Абдель Хамида Сараджа.

С тех пор как этот спокойный человек возглавил в марте 1955 г. Второе бюро, в этом ведомстве многое изменилось. Бюро превратилось в важную составную часть государства не только в сфере контрразведки, но и в области внутренней безопасности. Убежденный националист, Сарадж служил офицером в «Освободительной армии» Каукджи, которая сражалась с Израилем в 1948 г. Через несколько лет он занял важное место в государственных структурах, заметно расширив свои полномочия.

Большой поклонник египетского президента Гамала Абдель Насера, он считал всех его противников врагами Сирии. Абад знал из ходивших слухов, что король Сауд играл главную роль в заговоре, организованном в 1957 г. Муртадой аль-Мараджи и британскими спецслужбами с целью свержения Насера.

Азиз Абад решил, что будет лучше тотчас доложить обо всем до того, как об этом станет известно. Вернувшись из Бейрута в Дамаск, он сразу же отправился во Второе бюро, чтобы встретиться с Сараджем. Тот выслушал его очень внимательно, а затем попросил продолжить встречи с братьями Мари с целью выяснить, каковы их истинные намерения.

Абад согласился. Братья особенно воодушевились, когда узнали, что он знаком с Сараджем и может рекомендовать его саудовскому монарху. Пока же Абад пообещал братьям устроить встречу с Сараджем и в условленный день и час привел одного из них — Асада Ибрагима Мари в штаб-квартиру Второго бюро. Сарадж принял их, потом познакомил с капитаном Бурханом Адхамом, попросив гостей четко сформулировать, что они хотят. «Этот лис прекрасно знает, что делает», — подумал Абад, входя вместе с Асадом в кабинет капитана.

Сарадж и Адхам были одними из немногих молодых офицеров, приближенных к бывшему президенту Сирии Адибу Шешекли. Когда последний был свергнут, Сарадж остался в армии, а Адхам ушел в отставку. Возможно, из-за своего черкесского происхождения. В то время он был шефом отделения Второго бюро в городе Кунейтра, неподалеку от деревни, в которой родился.

Вернувшись в родную деревню, Адхам сменил несколько профессий, чтобы обеспечить жизнь своей жене-палестинке и трем детям. Он работал водителем грузовика и писарем в страховой компании. У него всегда были деньги, и весь Дамаск знал о его страсти к слабому полу. Среди

его многочисленных подруг была молодая вдова летчика сирийских ВВС.

В начале лета 1956 г. Шешекли, проживавший в изгнании в Швейцарии, приехал в Бейрут, чтобы возглавить заговор против сирийского режима. Заговор был подготовлен Сирийской народной партией и получил поддержку со стороны Ирака, Великобритании и США.

По прибытии в Бейрут бывший президент вызвал к себе двух сирийских офицеров, которые в прошлом были его доверенными людьми. Он хотел получить от них полную информацию о ситуации в Сирии и, прежде всего, о настроениях в армии.

Одним из этих офицеров был Бурхан Адхам. Отвечая на вопросы Шешекли, они заявили, что, по их мнению, сейчас самое удобное время для проведения намеченной операции. Бывший президент согласился с ними и, чтобы не терять времени, первым же самолетом вылетел в Швейцарию, увозя с собой 10 тыс. иракских динар, которые ему перечислили (в качестве аванса) из Ирака на подготовку государственного переворота.

Адхам вернулся в Дамаск. Он тотчас рассказал обо всем Сараджу, который отблагодарил его тем, что вернул в армию и назначил шефом секции внутренних дел Второго бюро. Этот пост сделал его правой рукой Сараджа...

В то время, когда все эти события прокручивались в голове Азиза Абада, он пытался заснуть, откинувшись на спинку кресла. Но мешали не только воспоминания, но и гул моторов. Он закрыл глаза и вновь вспомнил беседу в кабинете Бурхана Адхама.

Когда тот узнал от Асада Мари, что король Сауд намерен сотрудничать с сирийскими офицерами, он сразу же выразил готовность, но добавил, что «нуждается в полной информации». Тогда же он предложил отправить Абада в Саудовскую Аравию, и Асад поддержал эту идею.

С этого момента события стали стремительно развиваться. Асад первым же самолетом отправился в Эр-Рияд. А Абад отправился сначала в Каир, чтобы оттуда, через Джидду, вылететь в столицу Саудовской Аравии, куда он прибыл 12 февраля.

И вот он снова в самолете, который вскоре приземлится в Каире. Его страхи постепенно рассеялись. Он сказал себе: первое, что он сделает по прибытии в Дамаск, это представит подробный отчет Сараджу.

В столице Египта Абад провел четыре дня со своей семьей. В Дамаск прибыл 17 февраля и в тот же день подробно рассказал шефу Второго бюро о своей встрече с королем Саудом. Сарадж сказал, что не может дать никакого ответа, пока не обсудит ситуацию со своими коллегами.

Между тем саудовский монарх, который надеялся получить телеграмму от Абада на следующий день после его отъезда, начал проявлять нетерпение. Не дождавшись телеграммы, он послал своего тестя Асада Мари в Дамаск, чтобы ускорить события. Абад объяснил королевскому гонцу, что все идет по намеченному плану и что на днях он организует ему встречу с Сараджем.

В ходе беседы шеф Второго бюро заявил, что прямо сейчас требуются два миллиона фунтов стерлингов и двадцать миллионов после переворота. Он уточнил, что эти деньги нужны для финансирования подготовки операции, а также для «охлаждения» энтузиазма, который некоторые граждане проявляют в отношении египетско-сирийского союза.

Асад принял эти условия и заявил, что король также согласится с ними. Главное — разрушить этот союз. Он отправил телеграмму своему внуку — Халеду Ибн Сауду с просьбой подготовить два миллиона. Собеседники договорились, что Азиз Абад немедленно отправится в Эр-Рияд, чтобы лично рассказать королю о намерениях Сараджа.

20 февраля Абад прибыл в столицу Саудовской Аравии. Выслушав его, король сначала потребовал от гостя дать клятву, что все рассказанное им является чистой правдой, и только после этого выдал ему чек на миллион фунтов стерлингов. Затем монарх приказал своему сыну принести авторучку и бумагу. В верхней части страницы было написано: «От имени Аллаха, милостивого и милосердного. Королевство Саудовской Аравии. Канцелярия короля». Сауд повернулся к Абаду и попросил его написать расписку.

После этого саудовский монарх позвонил начальнику аэропорта в Эр-Рияде и приказал ему подготовить специальный самолет для своего гостя. 21 февраля Абад прибыл в сирийскую столицу. Именно в этот день проходил референдум по египетско-сирийскому союзу, в ходе которого Гамаль Абдель Насер был избран президентом Объединенной Арабской Республики.

Некоторое время спустя Абад встретился с капитаном Бурханом Адхамом в доме Сараджа, где передал им чек короля, который был немедленно положен в Арабский банк на счет некоего «А. С.» (Абдель Сарадж). Они решили затребовать второй миллион, и Абад направил соответствующую телеграмму Ум-Халед. Затем Абад отправил ей еще одно послание с требованием, как можно скорее перевести обещанные деньги.

Между тем Сарадж пришел к выводу, что невозможно убедить других офицеров, участвующих в заговоре, что второй миллион обязательно поступит, как было обещано. Поэтому он решил, что Абад должен снова отправиться в Эр-Рияд вместе с Маджидом, братом Асада, чтобы получить этот чек.

Когда Абад встретил монарха в очередной раз, тот находился в окружении Ум-Халед и своего сына. Сауд вручил ему два чека: один на 700 тыс. фунтов стерлингов, другой — на 200 тыс. Как и в прошлый раз, король попросил Абада написать расписку.

Узнав, что государственный переворот должен произойти во время празднования образования египетско-сирийского союза и что Насер будет находиться в Дамаске, саудовский монарх забеспокоился. Абад успокоил его, заявив, что Насер будет просто выслан из Сирии вместе с послом и военным атташе.

— Нельзя ли от него избавиться окончательно? — спросил король и предложил, чтобы пилот сирийского истребителя сбил самолет президента, когда он будет вылетать из Дамаска.

Монарх был готов заплатить 100 тыс. фунтов стерлингов летчику и перечислить их Сараджу. Он также пообещал, что выделит ему пожизненную пенсию.

Что касается Абада, то Сауд предложил ему годовую пожизненную зарплату и пост министра во всех сирийских правительствах, которые будут формироваться после государственного переворота. Король заявил, что атака против самолета Насера не вызовет подозрений, поскольку каждый подумает, что это дело рук израильтян.

На следующий день Абад вернулся в Дамаск и передал два чека капитану Адхаму, который встретил его в аэропорту. Абад рассказал ему об идее саудовского монарха сбить самолет Насера. Адхам в свою очередь сообщил Сараджу, что ему пообещали хорошие деньги за проведение операции.

Затем Абад вылетел в Бейрут, где встретился с послом Саудовской Аравии. Тот отправил в Эр-Рияд шифровку, в которой попросил инструкций относительно «миссии Абада» и 100 тыс. фунтов стерлингов.

Именно в этот момент братья Асад и Маджид Мари, которые также находились в ливанской столице, начали что-то подозревать. 3 марта Асад отправил Абаду телеграмму, в которой сообщил, что ситуация очень опасная и что «Строение» несовершенно. «Строение» — это кодовое название заговора.

Врач без пациента

Итак, в начале 1958 г. был раскрыт «королевский заговор» Саудовской Аравии, ставивший целью ликвидацию египетско-сирийского союза и физическое устранение президента Гамалы Абдель Насера. 5 марта 1958 г. в Дамаске он произнес речь, в которой сообщил, что знал о заговоре с момента начала его подготовки.

— Как я уже говорил однажды, — напомнил президент, — мы обладаем широкими возможностями, чтобы раскрыть любые заговоры.

Он заявил, что часть денег, полученных от саудовского монарха на подготовку заговора, направлены на реконструкцию города Порт-Саид. Другая часть пошла на разработку пятилетнего плана развития Сирии, которая являлась северной зоной Объединенной Арабской Республики.

— Таким образом, — закончил свою речь Насер, — дурные намерения дали положительные результаты...

Дело закончилось военным трибуналом, заседание которого состоялось 29 марта 1958 г. в Дамаске. На следующий день был обнародован список участников заговора. Двое обвиняемых — братья Асад и Маджид Мари — успели вовремя покинуть Сирию и были осуждены заочно. Король Сауд и его жена не могли быть осуждены, но монарх должен был заплатить цену за свой провал. 22 марта 1958 г. он был отстранен своим братом Фейсалом от управления финансами, внутренними и внешними делами. В 1964 г. он отрекся от престола.

Сауд умер в 1969 г. в Египте, где провел в изгнании свои последние годы. Насер дал ему политическое убежище, несмотря на то что монарх был готов заплатить 200 тыс. фунтов стерлингов за его физическое устранение...

Разумеется, 1958 г. был отмечен не только разоблачениями заговоров. Союз между Египтом и Сирией, приведший к образованию Объединенной Арабской Респуб-

ки, вызвал бурную реакцию не только в арабском мире, но и за его пределами. Этим же странам союз принес глубокие изменения во всех правительственных сферах, включая спецслужбы.

До объединения с Египтом Сирия располагала секретными службами, созданными по образцу французских. В гражданской сфере контрразведка и внутренняя безопасность подчинялись Службе общей безопасности. В военной области они подчинялись Второму бюро. Между этими двумя ведомствами существовало постоянное соперничество как в профессиональном плане, так и в политическом.

Со времени первого военного переворота, удачно осуществленного полковником Заимом в марте 1949 г., гражданские и военные проблемы в Сирии были всегда разделены. Зачастую было трудно определить до какого уровня распространяются prerogatives военных спецслужб по сравнению с гражданскими. Так как после первого государственного переворота армия взяла под контроль все центры власти, никого не удивило, что Второе бюро в конце концов добилось преимущества, особенно после того, как в марте 1955 г. его возглавил Абдель Хамид Сарадж.

Несмотря на то что ему было в то время около тридцати, он решительно взял в свои руки Второе бюро и вскоре подчинил себе Службу общей безопасности.

Сарадж стал одним из приближенных генерала Адиба Шешекли, которой был президентом Сирии с декабря 1949 г. по февраль 1954-го. Многие подчиненные Сараджа утверждали, что он имел склонность к подпольной деятельности.

Когда Шешекли был низложен, Сараджа отправили во Францию на должность помощника военного атташе. Через несколько месяцев его отозвали и назначили главой Второго бюро.

Однажды, когда Сарадж находился во Франции, студент-еврей, проживавший в Швейцарии, прогуливался в

Булонском лесу, а затем вышел на проспект маршала Монури. Неожиданно он заметил небольшое здание и табличку сбоку от главного входа, написанную на французском и арабском языках. Приблизившись, он прочитал: «Посольство Объединенной Арабской Республики».

Студент остановился на мгновение и уже собирался идти дальше, как увидел молодого блондина в очках, который быстро вошел в посольство. Ему показалось, что он уже где-то видел вошедшего, и его посещение арабской дипломатической миссии показалось ему странным.

Вскоре студент снова встретил этого блондина в Швейцарии. Выяснилось, что они оба — студенты в одном и том же университете. Блондин оказался израильтянином по имени Исаак Кремер.

Израильская контрразведка (ШАБАК) вскоре выяснила, кто такой Кремер. Два года назад он перешел иорданскую границу. Иорданцы арестовали его, несколько месяцев продержали в тюрьме, а затем выслали в Израиль.

Его отец долгое время работал в израильской военной промышленности. Брат погиб во время первой арабо-израильской войны. А сам он уже год находился в Швейцарии.

Было трудно объяснить стремление Кремера установить контакт с сирийским посольством. Поэтому ШАБАК решила установить за ним наружное наблюдение. Кроме того, контрразведчики установили, что по окончании учебного года он собирался жениться на израильтянке. Им ничего не оставалось, как ждать приезда Кремера на каникулы в Израиль.

В конце учебного года он прибыл в Израиль. Начались приготовления к свадьбе, а контрразведка продолжала следить за ним. Казалось бы, все шло нормально, как неожиданно сотрудники ШАБАКа столкнулись с проблемой этического характера. У них не было каких-либо доказательств того, что Кремер нанес ущерб безопасности

государства Израиль. С одной стороны, можно ли позволить молодой девушке выйти замуж, не предупредив ее о том, что произойдет, если вдруг выяснится, что ее муж виновен в нанесении ущерба безопасности государству? А с другой стороны, можно ли дискредитировать человека, особенно в глазах его будущей жены, если нет никаких доказательств его вины? Больше того, если предъявить необоснованные обвинения, можно потерять шанс когда-нибудь узнать правду о контактах с сирийцами.

Свадьба состоялась в точно намеченный срок. Молодая чета несколько дней провела в отеле неподалеку от Тель-Авива. Вскоре Кремер вернулся в Швейцарию, чтобы продолжить учебу.

Агенты ШАБАКа, которые следили за Кремером во время его пребывания в Израиле, установили, что он несколько раз встречался с молодым солдатом, с которым давно был знаком. Контрразведчики были весьма удивлены, когда узнали, что солдат украл документы с военной базы, где работал, и передал их своему другу Исааку.

Это произошло накануне отъезда Кремера в Швейцарию. Контрразведчики получили шанс подтвердить свои подозрения относительно него. Они решили арестовать Кремера, хотя были мало уверены в том, что сумеют заставить его сознаться.

В день отъезда Кремера агенты ШАБАКа заняли позиции в здании аэропорта Лидда. В одной из комнат находился врач, которого предупредили, что вскоре, очевидно, понадобится его помощь. Контрразведчики узнали, что у отца Исаака было больное сердце. Поэтому они опасались, что старика хватит удар, когда на его глазах арестовывают сына.

За час до вылета Исаак появился в сопровождении жены, отца и друга-солдата. После завершения всех необходимых формальностей, он попрощался с провожающими и подошел к стойке таможенного контроля. Таможен-

ник, осматривая его багаж, легко нашел документы, переданные ему другом-солдатом.

В то время здание аэропорта было не таким, как сегодня. Провожающие могли свободно наблюдать, что происходило в зале, где размещался таможенный контроль. Поэтому, когда молодая жена увидела, как полицейские арестовывают ее мужа, она зарыдала. Свекор изо всех сил пытался ее успокоить. Друг-солдат был арестован несколько часов спустя.

Что касается врача, то он так и не понял, зачем его пригласили...

Кремер не пытался что-либо отрицать. Он сознался, что передавал сирийскому военному атташе в Париже сведения о военной промышленности Израиля, что этот дипломат дал ему другое секретное задание.

Военный трибунал приговорил его к пяти годам тюремного заключения, а друга-солдата — к трем годам. Когда жена Исаака в первый раз навестила его в тюрьме, он предложил ей подать на развод, но она отказалась. Некоторое время спустя она изменила свое решение и согласилась на развод.

Перечитывая досье

Когда Абдель Хамид Сарадж возглавил сирийское Второе бюро, он, естественно, просмотрел досье Исаака Кремера. Очевидно, он так и не узнал, почему молодой человек не пришел на встречу с военным атташе, назначенную в Париже. Если бы у Сараджа было желание изучить другие досье, возможно, он обнаружил бы, что случай с Кремером был далеко не единственный. Многие из тех, кто начинал сотрудничать с сирийскими спецслужбами, внезапно исчезали без видимых причин.

Один из них — француз Джозеф Менан, который обосновался в Израиле в 1949 г. вместе с женой Полет Бурон.

Три года он работал служащим на строительстве укрепленных пунктов. Затем перешел сирийскую границу и вскоре вызвал к себе жену. Он рассказал сирийцам все, что знал об Израиле и охотно согласился работать в пользу их спецслужб.

Менан вернулся в Израиль и приступил к сбору разведывательной информации о бронетанковых войсках, которые размещались на севере страны и могли пересечь сирийскую границу. Вскоре он получил из Сирии плохие вести: его жена Полет умерла в Дамаске. Когда и отчего, ему не сообщили. Тем не менее он не прекратил своей деятельности в пользу Сирии.

В Израиле у Менана было двое друзей. Он объяснил им, что прибыл из Парижа, что французы заинтересованы в получении разведывательной информации о военном потенциале государства Израиль. Они намерены в скором времени с помощью Израиля захватить Сирию.

Он дружил с одним израильским парашютистом, родившимся во Франции, который решил вернуться и устроиться на своей родине. Менан предложил ему помощь и убедил, что самая короткая и легкая дорога в Париж проходит через Дамаск.

Незадолго до срока, намеченного друзьями для перехода в Сирию, парашютист внезапно почувствовал угрызение совести и отправился в полицию города Хайфы. Там он рассказал все, что знал...

Менан был арестован. У него нашли записную книжку, заполненную разведывательными данными об израильской противовоздушной обороне. Военный трибунал приговорил его к 10 годам тюремного заключения.

Если бы Сарадж внимательно изучил это досье, то он непременно заметил бы, что израильтяне не довольствовались только арестами сирийских агентов. Они направляли собственных шпионов в Сирию...

Летом 1954 г. была раскрыта еще одна группа, действовавшая преимущественно в Ливане и частично в Иордании. Перед этой группой была поставлена задача по сбору информации о вооруженных силах арабских стран, прежде всего о сирийских. Шеф управления общей разведки Ихсан аль-Каваси прибыл в Бейрут, чтобы обсудить со своим ливанским коллегой Фаридом Шехабом эту ситуацию и договориться о сотрудничестве в борьбе против израильского шпионажа.

Один из арестованных, Нагиб Халяби, был членом этой шпионской группы. В декабре 1954 г. его приговорили к смертной казни за шпионаж в пользу Израиля.

Сарадж прекрасно понимал, что Ливан является слабым звеном в системе безопасности Сирии. Причем не только из-за действий израильских спецслужб. В этой маленькой стране, в которой представлено множество конфессий, решительно оберегающих свои позиции, права и традиции, было практически невозможно установить сильный режим.

В Сирии с 1949 г. один переворот следовал за другим. И всякий раз свергнутые правительства находили убежище в Бейруте. Едва устроившись на новом месте, они сразу же начинали готовить новые заговоры с целью вернуть власть. Неудивительно, что Ливан превратился в центр подпольной деятельности и приобрел значительное влияние на внутренние сирийские дела.

22 апреля помощник начальника Генерального штаба сирийской армии подполковник Аднан аль-Малик был застрелен сержантом военной полиции, который сразу же покончил с собой. В ходе следствия выяснилось, что полицейский являлся членом «Национальной партии Сирии». Именно эта организация была обвинена в подготовке убийства подполковника. Многие офицеры и правительственные служащие, принадлежавшие к этой партии, были отправлены в отставку.

Некоторые члены были арестованы, некоторые бежали в Ливан, где получили политическое убежище. Правительство Сирии потребовало, чтобы многие ливанские граждане, являвшиеся членами данной партии, были выданы властям Дамаска, но это требование было отклонено.

По некоторым сведениям, члены этой партии, находившиеся в рядах сирийской армии, были обвинены в шпионаже в пользу США. Они поставляли секретную информацию о деятельности «Братьев-мусульман» и коммунистических партий Сирии и Ливана. Временный поверенный американского посольства в Дамаске Роберт Стронг, естественно, отрицал контакты между дипломатической миссией США и «Национальной партией Сирии»...

Сарадж усовершенствовал методы работы Второго бюро как в области внутренней безопасности и контрразведки, так и в проведении операций за рубежом. Как и в любой арабской стране, сирийские спецслужбы занимались прежде всего внутренними проблемами: следили за инакомыслящими, представителями национальных меньшинств — армянами, греками, турками, евреями. Разумеется, не оставляли без внимания и деятельность секретных агентов иностранных государств.

В распоряжении сотрудников спецслужб было много информаторов. Каждый офицер секретной службы руководил сетью агентов, в которую входило до 20 человек, с которыми встречался на конспиративных квартирах. Агенты, естественно, не знали друг друга.

Конспиративные квартиры Второго бюро функционировали днем и ночью. Если агент добывал важную информацию, он мог позвонить по телефону и вызвать своего куратора.

Информаторы вербовались в различных организациях и учреждениях, которые находились под наблюдением спецслужб. Не редко Второму бюро удавалось внедрять в эти структуры своих кадровых сотрудников.

Операциями против Израиля занимался специальный отдел Второго бюро. Как правило, сирийские спецслужбы переправляли своих агентов с базы в районе Кунейтры, что на сирийско-израильской границы. Они также располагали базой около ливано-израильской границы. В то время Сирия и Ливан весьма активно сотрудничали в борьбе против Израиля в сфере разведки и контрразведки.

Хороший пример данного сотрудничества относится к августу 1955 г. Тогда была обезврежена агентурная сеть, работавшая в Ливане в пользу Израиля. 15 человек, входившие в сеть, были арестованы. В ходе следствия выяснилось, что они передавали Израилю секретную информацию о ливанской и сирийской армиях.

Отношения между Сирией и Ливаном не ограничивались только сотрудничеством в сфере контрразведки. Сирийские спецслужбы действовали против Израиля с ливанской территории совместно с секретными службами Ливана. Военная разведка Сирии также вербовала агентов из числа ливанцев и направляла их в Израиль.

Большинство завербованных были, как правило, бывшими жителями Верхней Галилеи, которые нашли убежище в Сирии или Ливане. Они хорошо знали местность и имели тесные связи с арабами, проживавшими на севере Израиля.

Второе бюро создало из них подразделение федаинов под командованием лейтенанта Бурхана Булоса. Боевики этого подразделения проникали в Израиль, обосновывались в каком-нибудь населенном пункте и пытались вербовать своих друзей. Подразделение Булоса занималось также саботажем и диверсиями.

Операция «Убить фараона»

6 октября 1981 г. во время военного парада был убит президент Египта Анвар Садат. С тех пор расследованием этого убийства занимались очень многие. В большинстве своем — журналисты, среди них и автор этой книги.

Объясню почему. С февраля 1976 г. года по сентябрь 1981-го я работал в Египте собственным корреспондентом газеты «Труд». В течение почти шести лет я наблюдал египетского «раиса» (президента), что называется, воочию. Поэтому я не мог не заняться расследованием обстоятельств убийства Садата.

Мне нетрудно ответить на вопрос: «За что казнили “раиса”, и кто привел приговор в исполнение?» Гораздо труднее (а скорее всего, невозможно) найти ответы на многие другие вопросы. И прежде всего на главный: «Кто стоял за убийством президента?»

Где-то в 1983 г., когда я работал собственным корреспондентом «Литературной газеты» в Ливане, мне попали в руки любопытные документы — записки египетского адвоката Халеда Шоуки, протоколы допросов участников операции, а также материалы расследования, который провел египетский журналист Адель Хамуда. И хотя я нашел в них ответы на многие интересовавшие меня вопросы, однако после прочтения документов возникли новые.

Но прежде чем задать их и, разумеется, попытаться ответить, вспомним, что представлял из себя президент Египта...

Садат оставил после себя две книги, в которых описывает свою жизнь и деятельность. Первая — «Египетская революция» — была опубликована еще при жизни президента Гамалья Абдель Насера, который написал к ней предисловие. Вторая — «В поисках себя. История моей жизни» — в 1978 г., после его визита в Израиль.

Действующие лица и описываемые события в этих книгах в основном те же самые, а вот их оценки расходятся между собой. Прежде всего потому, что в своих воспоминаниях Садат стремился доказать, что именно ему принадлежит заслуга в осуществлении июльской революции 1952г., что именно он стоял во главе организации «Свободные офицеры».

Как же обстояли дела в действительности?

Мухаммед Анвар Садат родился в 1918 г. в деревне Мит Абу эль-Кум, расположенной на берегу Нила. Больше всех маленький Анвар любил свою бабушку, которая, хотя и не умела читать и писать, пользовалась всеобщим уважением.

Ее звали «матерью эфенди», так как ее сыну, отцу Садата, и его двенадцати братьям и сестрам удалось получить свидетельство об окончании светской средней школы. Это позволяло занимать посты на низшей ступени лестницы в английской колониальной администрации, а также прибавлять к своему имени слово «эфенди».

Отец Садата был служащим в одном из военных госпиталей, проживал вдали от дома, и воспитанием детей занималась бабушка. Она мечтала о том, чтобы Анвар — сын эфенди — поступил учиться в каирский университет Аль-Азхар, по окончании которого он мог бы стать шейхом в одной из мечетей.

Вначале Садат посещал местную школу, где научился читать и писать, выучил суры из Корана. Потом его определили в коптскую (христианскую) школу, расположенную неподалеку от монастыря Вади ан-Натрун.

Вскоре отца перевели в Каир, куда он забрал и семью. В столице Садат впервые попал в кино. Он был настолько поражен видом приближающегося на экране поезда, что купил билет на следующий сеанс. С тех пор кино стало его страстью.

В школе Садат отличался от товарищей тем, что живо интересовался политикой. Но, в конце концов, он избрал военную карьеру. Это было то время, когда молодым людям из семей среднего сословия позволили поступать в королевскую военную академию, двери которой ранее были открыты исключительно для аристократов.

Вначале Садату не удалось попасть в академию: шесть мест были оставлены для родственников военного министра. Но поскольку не все родственники стремились к во-

енной карьере, то на 26-й день после начала занятий Садат был принят. В 1938 г. он стал офицером и оказался в Манкабаде.

Единственная достопримечательность этого небольшого селения — бесконечные казармы. Молодые офицеры, прибывшие сюда для прохождения службы после окончания военной академии, отчаянно скучали.

По четвергам специальный автобус отвозил холостых лейтенантов и старших лейтенантов в г. Асьют, где их ждали несколько кафе, кинотеатров и небольшое увеселительное заведение. В остальные дни недели свободные от службы офицеры собирались в своих небольших комнатках, чтобы за чашкой чая обсудить дела гарнизона и всей страны.

Чаще всего, как описывал те события Садат, молодые офицеры собирались в его комнате. Эти сходки они шутливо называли «народным собранием».

В это время в Манкабад перевели новый батальон. Среди его офицеров был Гамаль Абдель Насер. Он сразу же завоевал авторитет и признание офицеров. Может быть потому, что говорил мало, но его слова всегда имели вес, к ним прислушивались.

Именно тогда и зародилась организация «Свободные офицеры»...

Насер подружился с молодыми офицерами Манкабада, в том числе и с Садатом. Когда появилась возможность покинуть Манкабад, они вместе подали рапорт о зачислении в школу связистов в Маади и десять недель провели вместе на курсах. Там они познакомились с некоторыми другими сослуживцами, которые присоединились к «Свободным офицерам», чьи имена страна узнала после 1952 г.

После окончания школы связистов Насер и Садат были вынуждены расстаться. Насер был откомандирован в Судан, который входил тогда в британско-египетский кондоминиум, и оставался там до 1942 г. Садат, покинув про-

винциальный гарнизон, оказался в центре событий столичной жизни.

Надо заметить, что еще в Манкабаде возникли серьезные разногласия между Насером и Садатом. Первый хотел разработать стратегический план завоевания независимости и одновременно проведения социальных преобразований в стране. Второй жаждал молниеносных действий с использованием политического террора...

Началась Вторая мировая война. Вскоре она перекинулась в Северную Африку: войска Роммеля приближались к Египту. Создалась странная ситуация: Египет придерживался нейтралитета, но в стране находились британские войска, одной из задач которых было уничтожение германо-итальянских военных сил, расположенных на африканском континенте. Большинство египетских военачальников и политиков не хотели принимать участия в схватке. Многие верили в поражение англичан и даже желали этого.

Жаждавший быстрых перемен, Садат решил использовать трудности англичан. Он считал, что находившимся в зависимости от английского колониализма египтянам следовало приветствовать продвижение войск вермахта и всячески способствовать победе фашистской армии.

Члены организации «Свободные офицеры» не симпатизировали англичанам, но никто из них не рассчитывал на помощь фашистской Германии столь слепо, как Садат.

На фронте сложилась драматическая ситуация. Немцы приблизились к Эль-Аламейну, расположенному в 100 км от Александрии. В это время германская разведка установила контакт с Садатом. Но ее агент Ганс Эпплер провалился и, чтобы спасти свою жизнь, выдал своих помощников и сообщников, в том числе и капитана египетской армии Анвара Садата.

Вскоре Садата арестовали. В тюрьме он лихорадочно придумывал наиболее достоверно звучащие версии в свое

оправдание. На очной ставке он не отрицал своего знакомства с Эпплером, но утверждал, что знает его под именем майора британских войск Абрахама (немецкий шпион действовал и под этим именем).

По решению военного трибунала Садат был интернирован и направлен в расположенный в 160 км от Каира лагерь. Он пробыл там более двух лет. Когда к концу войны, в ноябре 1944 г., был ослаблен надзор, он вместе с другими шестью заключенными бежал из лагеря, воспользовавшись сменой вечернего караула. Прятаться пришлось недолго: в 1945 г. был издан приказ о прекращении розыска. В тогдашнем Египте военные преступления забывались быстро.

Находясь на нелегальном положении, Садат налаживал связи с Насером и «Свободными офицерами», которых к тому времени насчитывалось уже около тысячи человек.

Недовольство колониальной политикой Великобритании в стране нарастало изо дня в день. Несколько офицеров в союзе с активистами из организации «Братья-мусульмане» устроили заговор против бывшего министра финансов Амина Османа, после того как он начал создавать партию «Лига возрождения» проанглийского направления. Через четыре дня после покушения, 10 января 1946 г., в руках полиции был список заговорщиков, где под седьмым номером фигурировал и Садат.

После 31 месяца, проведенного в ходе следствия и процесса в тюрьме, будущий египетский президент вышел на свободу. Позднее в своих мемуарах он напишет о тяжелых условиях содержания узников, отсутствии элементарной гигиены. Когда же он стал главой государства, то приказал построить новые тюрьмы и позаботился о том, чтобы они не пустовали...

Находясь в тюрьме, Садат получал вести с воли в маленьких записочках, которые находил в карманах выстиранной пижамы. Некоторое время он посещал зубобра-

чебный кабинет. И хотя его сопровождала охрана, поездка в такси через весь город смягчала однообразие будней.

В это же время Садат решил расторгнуть первый брак. Женитьба на родственнице из деревни оказалась преждевременной, хотя в свое время считалась необходимой. Уже во время учебы в академии и прохождения воинской службы Садат пришел к выводу, что его ничего не связывает с простой, далекой от городской жизни и политики девушкой. Жена родила ему троих детей, оставалась верной опорой в те годы, когда Садат был в лагере и тюрьме, но духовно была чужой ему.

Выйдя из тюрьмы, Садат не оформил развод юридически и потому не спешил в дом отца, где находилась его жена и дети. Он снял дешевую комнату в пансионе в Хелуане, близ Каира. Жил одиноко, проводя дни за чтением. Деньги были на исходе, он не знал, что его ждет в будущем. Поводов для размышлений было более чем достаточно.

Однажды нежданный гость нарушил тишину бедноватого жилища. Это был старый знакомый Хасан Иззат.

— Собирайся! — сказал он. — Поедем ко мне в Суэц.

Там Хасан вел различные торговые операции с суданцами. Он решил использовать друга в качестве вывески, как героя в процессе по делу об убийстве Амина Османа. Садат принимал участие в торговых операциях, но львиная доля доходов оказывалась в кармане Хасана.

Садат бросил это занятие, хотя пребывание в Суэце ознаменовалось встречей с кузиной Хасана 19-летней Джихан Рауф — наполовину мальтийкой, наполовину египтянкой. К тому времени он уже официально развелся, а потому не было препятствий для нового брака, который был оформлен в мае 1949 г. Молодая жена подарила Садату четырех детей.

Вскоре Садат стал сотрудником редакции журнала «Аль-Хиляль». Он принес с собой обширную рукопись — дневник, который вел в тюрьме. Рукопись опубликовали.

Однажды срочно понадобилась статья. В распоряжении Садата было всего лишь полтора часа. Но ему удалось за столь короткое время написать приличный материал на заданную тему. Позднее он узнал, что материал был не так уж срочен, просто это было своего рода проверкой. Дело в том, что в редакции многие считали, что дневник принадлежит не ему. Проверка опровергла подозрения, и он получил полные права сотрудника редакции.

Через несколько месяцев редакторская работа Садату надоела. К тому же она плохо оплачивалась. Он снова ищет применение своим силам, и снова на помощь приходит Хасан Иззат. На этот раз он обязался провести водопровод в 52 деревни губернаторства Шаркийя. Выполнение задания возлагалось на Садата, который переселился в провинцию, надеясь на крупный доход. Но и на этот раз компаньон обманул его. Во всяком случае так интерпретирует события в своей автобиографии сам Садат.

Нужен новый покровитель... Им стал доктор Юсуф Рашад. Их связывала военная служба и давняя дружба. С тех пор он продвинулся по служебной лестнице, стал личным врачом короля Фарука. Поговаривали, что он пользуется особым расположением монарха.

В январе 1950 г., после того как суд отвел прокурорское обвинение по делу Садата, тот обратился к Рашиду с просьбой помочь вернуться на военную службу. Спустя несколько дней доктор велел своему другу явиться к главнокомандующему вооруженными силами Египта. Как только Садат вошел в кабинет, на него обрушился поток ругани: «Бунтовщик! Не стыдно? Как вы себя ведете?» Это продолжалось несколько минут. Затем главнокомандующий вызвал секретаря и продиктовал приказ о зачислении на службу капитана Анвара Садата с 15 января 1950 г. То есть со дня аудиенции.

Первое поздравление пришло от Насера. Он коротко обрисовал положение в организации и просил Садата пока

не принимать участия в деятельности «Свободных офицеров», так как некоторое время за ним будут следить. Офицеры, с которыми Садат начинал служить, давно стали майорами или подполковниками. Члены организации пришли ему на помощь, помогли сдать необходимые экзамены для присвоения нового звания. Помог и доктор Рашад. Вскоре Садат стал подполковником.

Он от всего сердца благодарит доктора за содействие. Более того, поддерживает с ним тесные связи. Об этом знает только Насер, который одобряет дружбу, рассматривая ее как возможный канал для получения информации и распространения нужной заговорщикам дезинформации.

Королевский Египет приближался к своему неизбежному концу. В стране все еще находилось 80 тыс. английских солдат, что оскорбляло национальные чувства египтян и постоянно подогревало националистические настроения. Вновь и вновь ставился вопрос о выводе британских войск и передаче Суэцкого канала в руки египтян.

Углублялся экономический и социальный кризис в Египте. «Свободные офицеры» подумывали о практическом осуществлении своих целей. Но Насер требовал тщательной подготовки, ибо не хотел спешить с назначением дня «Х». Переворот планировался на ноябрь 1952 г. Но события, как это бывает в истории, развернулись с необычайной быстротой...

В начале июля 1952 г. «Свободные офицеры» готовы к выступлению, которое по-прежнему планируется на осень. В это время Садат получает информацию от доктора Рашада о том, что король Фарук осознает опасность и готовит контрвыступление.

16 июля комитет организации в составе семи человек под председательством Насера решил предотвратить выступление короля и совершить запланированный переворот. 20 июля офицеры — члены организации получили

приказ: в послеобеденные и ночные часы находиться в назначенных местах.

В эти дни Садат находился на Синайском полуострове, на аэродроме в Эль-Арише. Он получил приказ прибыть в Каир, поскольку переворот должен был произойти в период между 22 июля и 5 августа.

Садат прибыл на каирский вокзал, где его никто не встретил, и поехал домой. В пять часов вечера он отправился с семьей в ближайший кинотеатр. Вернувшись, он узнал, что его дважды спрашивали. Переворот намечен на ночь с 22 на 23 июля. Садату предписывалось в 23.00 быть на квартире Абделя Хакима Амера, будущего маршала и военного министра Египта.

Садат быстро надел военную форму и поспешил к Амеру. Но дома никого не застал. Переворот уже начался. Садат стремился занять свое место. Сначала он пытался пробраться в центральный военный госпиталь, где, как он знал, находился один из секретных пунктов сбора заговорщиков. Но натолкнулся на патруль, который спросил у него пароль, а пароль Садату был неизвестен. Услышав грохот боя у военной академии, он направил свою машину туда, но опять натолкнулся на патруль. Наконец до него донесся голос Амера, и он обратился к нему за помощью.

Садату удалось попасть в ряды товарищей, когда победа уже была очевидной. Тогда он узнал пароль «Наср», что означает «Победа».

Насеровская эпоха Египта характеризовалась положительными, прогрессивными преобразованиями. Но она не была лишена внутренних противоречий, драм, личных конфликтов, отступлений, предательств. Полтора десятилетия были отягчены двумя военными поражениями, ни разу не удавшимися попытками создать арабское единство. В этот период левонастроенные деятели были посажены в тюрьмы и концентрационные лагеря в пустыне.

Садата называли самым незаметным человеком в египетском руководстве во времена Насера. Если снять налет самовосхваления в его автобиографии, то трудно установить, с каких пор в поведении Садата появилось стремление «пройти по трупам» с целью добиться главенствующего положения. Сподвижники недооценивали хитрость и тактический талант будущего президента, его умение вовремя обидеться или казаться безразличным.

В начале 1953 г. старые, проверенные руководители «Свободных офицеров» заняли ведущие посты в государстве. Лишь Садат остался без министерского поста. В ответ на это он затребовал заграничный паспорт, с тем чтобы вместе с семьей поселиться в Ливане. Сначала Амер, потом сам Насер отговаривали Садата от этого шага. Наконец он уступил настоянию друзей. Пожалуй, убедить его было не так уж и трудно.

Садат остался на виду, но на второстепенных ролях. В декабре 1953 г. он начал выпускать газету «Аль-Гумхурия» («Республика»). Эта каирская газета была «второй скрипкой», поскольку официальным органом руководства Насера считалась «Аль-Ахрам». Садат писал иногда передовые статьи, он не жалел красок, если нужно было покритиковать американского госсекретаря Джона Фостера Даллеса — идейного отца «холодной войны», или его брата — директора ЦРУ Аллена Даллеса.

В сентябре 1954 г. Садату было предложено министерское кресло. Правда, он становился «министром без портфеля». А в начале 1955-го его назначили генеральным секретарем Лиги исламского мира. На этом посту ему приходилось выезжать в другие страны, в основном в Ирак и Иорданию, дабы воспрепятствовать созданию Багдадского пакта.

После Суэцкой войны 1956 г. Насер провел выборы в Народное собрание. Сначала президент выдвинул кандидатуру Садата на пост председателя парламента, но через

день на этот пост был утвержден Абдель Латиф аль-Багдади. Садату был предложен пост вице-председателя.

1959 год принес Садату политический успех: его выбрали генеральным секретарем массовой насеристской организации — Национального союза. Случайно или не случайно, это назначение совпало с выступлением Насера на каирской площади Абдин, в котором президент позволил враждебные выпады в адрес Советского Союза. Незадолго до этого Москва выступила с критическими замечаниями в адрес египетского руководства в связи с арестом прогрессивных общественных деятелей Египта. Отношения между СССР и страной на Ниле вскоре наладились, но именно в этот момент разошлись пути Насера и Садата.

Будущий президент оставил пост генерального секретаря и уехал в гвинейскую столицу Конакри на конференцию солидарности стран Азии и Африки во главе египетской делегации. Волнения, связанные со спорами и уходом в отставку, а также непривычный климат привели к тому, что Садат получил микроинфаркт (в то время ему еще не было 42 лет).

Его привезли в Каир. Насер навещал больного, беспокоился: не из-за него ли Садат получил инфаркт. Садат решительно опроверг это, отношения между двумя политиками снова улучшились. Причем настолько, что летом 1960 г. Насер предложил избрать Садата на пост председателя общего парламента Объединенной Арабской Республики, т. е. Египта и Сирии.

В 60-х годах в Египте проводился целый ряд важных экономических и социальных реформ, страна ступила на путь некапиталистического развития. Наряду с положительными, наблюдались и противоречивые явления, не прекращалась борьба различных группировок и течений внутри насеристского движения. В книге «В поисках себя» Садат пытается пролить свет на закулисные события того

времени. По его мнению, Насер оказался слабым руководителем, которому пришлось метаться между правым и левым направлениями в партии, зачастую идя на поводу у плохих советчиков.

Хорошо известно, какую роль сыграл Насер в судьбе Египта. Об этом написано и сказано немало. Но вот берется за перо Садат, и от общеизвестных фактов ничего не остается. Оказывается, основную роль в создании и становлении организации «Свободные офицеры» сыграл не Насер, а... сам автор мемуаров. Да и египетской революцией руководил не кто иной, как тот же Садат, о чем пространно, хотя и совершенно бездоказательно, повествуется в его сочинении.

Как говорится, лиха беда начало. Переписав на удобный ему лад историю египетской революции, Садат преследовал одну цель — выпятить собственную роль и одновременно развенчать деятельность Насера, бросить тень на внешнюю и внутреннюю политику Египта. И уж в совершенно извращенном свете предстает на страницах мемуаров Садата история советско-египетских отношений!

19 декабря 1969 г. стало для Садата одной из знаменательнейших дат. Насер готовился к поездке в Марокко на совещание глав арабских государств. Он пригласил к себе Садата и объявил:

— Не хочу оставлять за собой вакуум... Ведь послезавтра я уезжаю. Я решил назначить тебя вице-президентом.

— Я не хочу быть вице-президентом. Мне достаточно работать с тобой бок о бок. Но если ты хочешь, чтобы у меня был пост, назначь меня советником президента.

Инстинктивная скромность или притворство руководили им — неизвестно. Во всяком случае этот отказ подействовал на Насера. Садат получил назначение на пост вице-президента и принес присягу.

28 сентября 1970 г. послеобеденный сон Садата был нарушен. Его разбудили и попросили немедленно отпра-

виться к Насеру. Врачи сообщили ему, что они сделали все возможное, но не смогли спасти жизнь президента.

Утром 30 сентября, в день похорон Насера, Садат теряет сознание и падает в обморок. Врачи делают ему укол. Вице-президент в полубессознательном состоянии, он засыпает и просыпается лишь в два часа дня. Первый его вопрос:

— Насера похоронили?

Позднее он объяснял свой вопрос тем, что опасался, как бы траурные толпы не вырвали гроб с телом президента и не унесли бы его — аллах знает куда...

К тому времени еще не были восстановлены дипломатические отношения между Вашингтоном и Каиром. Однако американское правительство послало на похороны своего представителя — бывшего министра торговли Эллиота Ричардсона. По возвращении он положил на стол президента США информационно-аналитическую записку, в которой утверждал, что пост главы государства займет Садат, но не больше, чем на шесть-восемь месяцев.

Этого же мнения придерживался и главный советник президента США Генри Киссинджер. Впоследствии среди своих неудач он упомянет и недооценку им Садата. Правда, тогда он еще не знал, что новый египетский лидер вскоре будет звать его «милый Генри»...

Потеряв Насера, Египет жаждал получить нового президента. Военное руководство выражало желание армии иметь главнокомандующего в эти тяжелые дни. Дружественные арабские страны также высказали пожелание как можно быстрее увидеть во главе страны нового президента.

Личный престиж Садата в то время был невысок. В Каире поговаривали, что черная мозоль на его лбу — не знак верности исламу, как он сам утверждал, а свидетельство того, что на заседаниях кабинета министров он первым наклонял голову, соглашаясь с услышанным. Американский журнал «Ньюсуик» назвал Садата «комнатной

собачкой Насера». Сам он писал в автобиографии, что «был тем человеком, который не спорил и не противоречил президенту».

Многие влиятельные и крупные политические деятели видели в Садате компромиссное решение: он был тем человеком, который на время мог заполнить вакуум. Они полагали, что смогут оставаться в тени и управлять новым президентом. Кое-кто, безусловно, учитывал и слабое состояние его здоровья, ранний инфаркт, известный всем неторопливый темп работы, обморок в день похорон Насера. Тогда казалось, что он не переживет кое-кого из своих противников ни в политическом, ни в физическом смысле.

Что любопытно: Садат отказывался стать президентом. Его не просто уговаривали — его умоляли! Наконец он согласился. Был созван высший орган Арабского социалистического союза, который должен был официально выдвинуть кандидатуру главы государства. В ходе дебатов мнения разошлись: большинство поддержало Садата, но многие воздержались или же высказали желание сохранить сложившееся положение, то есть наличие вице-президента с полномочиями временно исполняющего обязанности главы государства.

— Если мы выдвинем твою кандидатуру, а народ не проголосует за тебя, — говорили Садату, — гордости твоей будет нанесен удар. А народ этим шагом отринет идеи 23 июля.

Именно в этот момент Садат отбросил остатки скромности:

— Если народ меня не изберет, то предложим ему вторую, третью кандидатуру, но сохраним верность идеям 23 июля.

Трудно заглянуть в тайники души умершего (да и живого тоже), но несомненно одно: готовясь стать президентом, Садат рассчитал все, до самого последнего шага. 15 ок-

ября 1970 г. — через 17 дней после смерти Насера — Мухаммед Анвар Садат стал президентом Египта.

Простые египтяне не знали нового президента. Даже спустя шесть с лишним лет, когда я приступил к работе в Египте в качестве собственного корреспондента газеты «Труд», в Каире еще ходил забавный анекдот.

Вскоре после смерти Насера к шоферу-таксисту приезжает из деревни родной брат. Таксист показывает родственнику красоты столицы, останавливается перед известной кофейней, на фасаде которой красуется огромный плакат с изображением Насера и Садата, пожимающих друг другу руки. «О, — говорит брат, — наш любимый Насер! Скажи, а кто рядом с ним?» Таксист понятия не имеет, кто изображен рядом с покойным президентом, но, не желая показать себя неосведомленным, отвечает: «Хозяин кофейни»

В высшем руководстве страны вскоре начались первые споры. Садат — теперь уже президент — старался придать новое обличье своему курсу. Во внешнеполитических делах он не мог похвастаться впечатляющими результатами: в то время на Ближнем Востоке наступила полоса «тихой» дипломатии. Да и задачи быстрого улучшения экономического положения страны и повышения жизненного уровня населения были невыполнимыми.

Вскоре новый президент понял, что в сложившихся условиях остается одно заметное всем поле деятельности, где бы он мог себя проявить: арабское единство. Садат начал вести переговоры с сирийским и ливийским коллегами. Они по-разному восприняли инициативу египетского лидера, но призывы к единству в арабском мире никогда не падали на бесплодную почву.

Одновременно президент переносит внимание общенности на другое. Он заявляет, что «с точки зрения войны и мира 1971 год окажется решающим». Многие (в Египте и других странах) начинают верить, что в руках

Садата появился таинственный козырь. Его имя у всех на устах. В «решающий год» он обращается к исполкому Арабского социалистического союза и получает вотум доверия.

Но период компромиссов вскоре закончился. В египетском руководстве началась борьба за власть. Садат перехитрил своих противников. В результате на скамье подсудимых оказался 91 обвиняемый, среди которых бывший вице-президент, восемь министров, бывший председатель Народного собрания, большинство сподвижников Насера.

Ну а что же с «решающим годом»? Ничего. Заверения президента были просто-напросто блефом. Он уже говорит не о «решающем годе», а о «годе решений».

Между тем, приближался 1973 год — год начала очередной арабо-израильской войны. Она началась 6 октября...

Накануне, в пятницу, — у мусульман это выходной день — Садат отправляется в небольшую каирскую мечеть для размышления. На следующий день он едет во дворец Ат-Тахрир, превращенный в главную ставку, облачается в военную форму и предстает перед военачальниками.

Первый вопрос президента к собравшимся: почему они не курят? После этого он раскуривает трубку и просит принести апельсиновый сок.

Это странное вступление объясняется тем, что во время великого мусульманского поста религиозные предписания запрещают курение и принятие пищи, пока пушечный выстрел не возвестит о закате солнца, «когда можно различить черную и белую нитки». Однако пост не распространяется на находящиеся в пути и на войне.

В 13.30 (по каирскому времени) залп 1650 артиллерийских установок на берегу Суэцкого канала возвестил о начале боевых действий.

Здесь уместно заметить, что самым большим желанием Садата всегда было выступать в трех лицах: простого

феллаха, буржуа и... полководца. Находясь в Египте, я убедился, что если он позировал фотокорреспондентам в своем доме в Мит Абу эль-Куме, то всегда облачался в «галабею» — длинную белую рубаху египетских крестьян. В ней же он фотографировался и на берегах Нила. В высших кругах египетской знати Садат представлял в облике элегантного главы государства. Кстати сказать, он вошел в десятку президентов, чьи костюмы были отмечены специальным жюри (в его составе Пьер Карден и Джина Лоллобриджида).

Но предметом особой заботы Садата всегда была военная форма. Он сам, как говорили мне египетские коллеги, набросал силуэт мундира, в котором отражалась его военная карьера, дань уважения «Свободным офицерам» и место египетской армии в жизни страны. Правда, если присмотреться, мундир внешне очень напоминал форму генералитета гитлеровского фермахта. Видимо, сказались его старые симпатии к фашизму.

Садат в очередной раз проиграл Израилю. Правда, в Египте его стали величать «героем войны». Что любопытно: при нем история этой войны неоднократно переписывалась. Разумеется, в его пользу...

В свое время Садат не отрицал огромной роли Советского Союза в укреплении египетской армии. В ходе октябрьской войны, когда был установлен воздушный мост между Москвой и Каиром, по которому шли поставки новейшего оружия, он заявил:

— Этот шаг советского руководства имеет историческое значение. Он сыграет большую роль в налаживании дружественных связей между нашими странами и в будущем.

Спустя три года, в марте 1976-го, Садат в одностороннем порядке денонсировал Договор о дружбе и сотрудничестве с СССР. Больше того, в каждом своем выступлении он говорил об «устаревшем и неэффективном» советском

оружии и пел хвалебные гимны «непобедимому египетскому оружию», которое было... советского производства.

Даже соглашение о прекращении огня, подписанное, кстати сказать, с огромным трудом, он рассматривал как успех египетских вооруженных сил. Он забыл о своем союзнике Сирии, о том важном обстоятельстве, что в это время разразился нефтяной кризис и поднялись цены на нефть. Название Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) за одну ночь стало известным всему миру. Все это укрепило позиции арабов и оказало эффективное воздействие на страны Запада...

После октябрьской войны Садат оказался на распутье. Какой путь избрать во внутренней и внешней политике? Он заявил, что «все козыри ближневосточного урегулирования находятся в руках США». Поэтому он отправился на поклон в Белый дом. Американцы были рады такому обороту, поскольку подобная позиция египетского президента соответствовала уже тогда намеченному Вашингтоном курсу на «сепаратное урегулирование».

Укрепив альянс с США, Садат приступил к проведению намеченных планов по «либерализации экономики», осуществлению политики «открытых дверей». Как известно, основой этой политики было привлечение любыми средствами иностранного капитала с Запада.

Но Садат ошибся. Все это уже было в многострадальной истории египетского народа: и широко раскрытые для иностранного капитала двери, и неумное расширение отношений с западными покровителями. Политика «открытых дверей» и «либерализации экономики» по-садатовски превратила Египет в неоплатного должника Запада.

Во второй половине 70-х страна на Ниле достигла такой степени экономической деградации, что уже все слои общества понимали: так продолжаться не может. С тревогой отмечали это и западные покровители Садата.

...Январь 1977 г. Официальное сообщение о сокращении государственных дотаций, которые давали возможность миллионам египтян жить хотя бы на несколько пиастров в день, вызвало многотысячные демонстрации в Каире, Александрии, Суэце, Асуане, Хелуане и других городах. Я видел своими глазами, как толпы египтян шли по улицам столицы с плакатами «Долой жирных котов!», «Герой переправы, зачем тебе наша лепешка?!», «Джихан, твой народ голодает!»

Демонстранты строили баррикады из автобусов, троллейбусов, автомобилей. Полиция оказалась беспомощной, а солдаты были заперты в казармах. Массы были разогнаны специальными отрядами в военной форме, которые не жалели патронов. Люди на улицах кричали: «Все равно, умрем ли мы от голода или от пуль!»

Целых три дня продолжался народный протест. Более 600 раненных и убитых, 3000 арестованных — и дотации были оставлены.

Среди корреспондентов, работавших в Египте во второй половине 70-х, циркулировала следующая шутка: существует два выхода из ближневосточного кризиса. Более сложный требует выработки решений всеми странами, заинтересованными в урегулировании конфликта, а также достижения такого компромисса, который будет приемлемым для всех. Но есть и более легкий вариант — чудо.

Египетский президент уповал именно на свершение чуда...

9 ноября 1977 г. Садат поднялся на трибуну Народного собрания. Депутаты и гости, среди которых находился и палестинский лидер Ясир Арафат, терпеливо выслушали разглагольствования президента о ситуации на Ближнем Востоке и о возможностях достижения мира в этом регионе.

— Я готов пройти любой путь, — сказал Садат, — чтобы спасти каждого египетского солдата от кровопролития. Я готов идти за миром хоть на край света.

После этих слов он отложил текст заранее написанного выступления и добавил:

— Я готов идти даже в Иерусалим, чтобы там перед депутатами кнессета рассказать о фактах и раскрыть нашу точку зрения.

Некоторым показалось, что президент допустил ошибку в своей речи. И лишь немногие поверили его словам. «Многие люди считают, что политики говорят не то, что думают, но я никогда не мог этого делать...» — скромно отмечает Садат в своих воспоминаниях об этом дне.

19 ноября египетский президент прибыл с трехдневным визитом в Израиль. В 20.30 по местному времени он ступил на землю Израиля.

Официальные бюллетени были полны сообщений о том, сколько раз Садат вытирал пот со лба во время молитвы в мечети. Даян был единственным человеком, к которому он обращался по имени: Моше. Он оказал особые знаки внимания Голде Меир, которая, прервав свое пребывание в Америке, вернулась на родину для встречи с египетским президентом. Садат поначалу называл бывшего премьер-министра «госпожа», но уже на другой день обращался к ней запросто — «бабушка». В Израиле он узнал, что дочь Меир родила ей внучку.

Важнейшим событием визита Садата в Израиль стало его выступление в кнессете. Его речь была полна требований мира. Но все же самым главным оказалось, как и где египетский президент произнес свою речь.

Кстати сказать, у многих журналистов сложилось впечатление, что в Иерусалиме Садат действовал по примеру Цезаря — пришел, увидел, победил. Но тогдашний премьер-министр Менахем Бегин думал не о Цезаре, а об интересах Израиля. Поэтому в ответной речи он, мягко говоря, поставил президента Египта на место.

Во время второй встречи, в декабре 1977 г., которая состоялась в день рождения Садата в городе Исмаилии, он прервал Бегина:

— Довольно! Что это мы называем друг друга «господин президент», «господин премьер-министр». С этой минуты я для тебя Анвар, а ты, если позволишь, для меня Менахем.

Садат был одним из первых, кто поздравил израильского премьера с рождением внука. В ответ Бегин поспешил поздравить супругу президента с успешной сдачей экзамена на звание доцента, что позволило ей занять место преподавателя в Каирском университете.

Надо сказать, что еще во время иерусалимского визита Бегин преподнес Садату в качестве личного подарка... галстук. При следующей встрече глава израильского правительства вручил ему еще один. Но египетский президент, когда появлялся в обществе Бегина, обычно надевал первый, «иерусалимский» галстук.

Велико же было разочарование египетского президента, когда ему пришлось признать:

— Если мы хотели составить какой-либо документ или совместное заявление, то Бегин останавливался на каждом выражении и даже знаке препинания.

Визит в Иерусалим состоялся, но чудо не свершилось. Последовали десять месяцев «динамичного топтания на месте», новые переговоры на самых различных уровнях. Но все было безрезультатно...

В июле — августе 1978 г. стало очевидным, что чуда не будет. Снова начались взаимные упреки, даже оскорбления. Обе стороны заявили, что нет смысла продолжать египетско-израильский диалог. В середине августа Садат и Бегин приняли приглашения президента Джимми Картера прибыть в Кэмп-Дэвид на встречу глав трех государств. Встречу назначили на 5 сентября, а начало переговоров — на следующий день.

Результат — Картер, Садат и Бегин подписывают два документа в присутствии публики в Восточном зале Белого дома.

Что же произошло в Кэмп-Дэвиде? Какие замечания, упреки, обещания и угрозы прозвучали во время велосипедных прогулок президентов или же в удобных креслах резиденции?

Специальный корреспондент агентства «Франс-Пресс» сообщал: «На заключительном этапе американский президент подмял под себя Садата, как бульдозер, чтобы достичь соглашения».

Документы, подписанные в Кэмп-Дэвиде, содержали контуры такого мира, который устраивал только США и Израиль. В Вашингтоне надеялись, что этот мирный договор будет поддержан рядом союзников — от Ирана до Саудовской Аравии. Если бы такая поддержка была оказана, то позиции Садата упрочились бы. Однако арабский мир отверг соглашения в Кэмп-Дэвиде.

В марте 1979 г. мирный договор между Египтом и Израилем был подписан. Но Каир заплатил за мир слишком высокую цену — он вышел из фронта борьбы арабских государств, большинство из которых разорвало дипломатические отношения со страной на Ниле. Постепенно Садат превратил Египет в плацдарм для американских войск, начал оказывать активную дипломатическую поддержку США. Все это, однако, не только не укрепило, а, наоборот, ослабило тыл садатовской политики, власть президента.

Садат — не в первый и не в последний раз — заблуждался. Кэмп-Дэвид не стал компасной стрелкой, указывающей путь к миру.

После возвращения из Кэмп-Дэвида Садат часто оставался наедине с диктофоном, чтобы записать мысли, пришедшие ему в голову во время пеших прогулок или после занятий на велосипеде-тренажере. Он решил оставить детям и внукам «наговоренную» на диктофон книгу. Точнее — своеобразный «коран» нравственных поучений.

Однако суры саатовского «корана» не были завершены. В политике нарастали противоречия, внутренние кризисы, изоляция, маневрирование и импровизация.

Садат был разочарован поведением тех арабских руководителей, на чью помощь и поддержку он рассчитывал. После подписания договора с Израилем египетский президент (в привычной для него патетической манере) обратился к главам консервативных арабских государств:

— Растворите шире окна, впустите свежий воздух. Раздвиньте шторы, чтобы увидеть божественный свет.

Первым ответил король Марокко Хасан II. Причем далеко не в протокольной форме: «Господин президент, вы просто глупы!» Король Саудовской Аравии Халед, президент Туниса Хабиб Бургиба и, прежде всего, иорданский монарх Хусейн не могли присоединиться к Садату из-за длинного списка уступок, сделанных им в Кэмп-Дэвиде.

Что касается самих египтян, то они вскоре убедились, что мир, обещанный президентом, не улучшил их положения, не снял, а, наоборот, усугубил напряженность в регионе. Политика «открытых дверей» резко обострила экономические проблемы страны.

Протест против политики Садата приобретал все новые формы. На сообщение об установлении дипломатических отношений с Израилем египтяне ответили вывешиванием палестинских флагов. Различные мусульманские группировки превратили мечети в трибуны протеста.

По моим наблюдениям, в то время у египетского президента наступило какое-то «внутриполитическое раздвоение». С одной стороны, Садат хотел продемонстрировать США и другим западным странам такой Египет, где обеспечены все буржуазные свободы, где может беспрепятственно действовать оппозиция. А с другой — он хотел иметь такую оппозицию, которая одобряла бы его курс, то есть, чтобы она как бы существовала и одновременно не существовала.

Садат мечтал о таком политическом устройстве Египта, при котором безгранично правила бы его Национал-демократическая партия (НДП). А с обеих сторон — правой и левой — существовали бы оппозиционные группировки, соглашающиеся с его политикой.

Достичь этого египетскому президенту не удалось...

В 1980–1981 гг. Садат использовал любой повод, чтобы продемонстрировать США, что он остается их верным союзником. Вашингтон старался отблагодарить своего верного друга, но египетский президент ждал большего. Однако Белый дом был не в состоянии сорить миллиардами, которые ему были необходимы в первую очередь для поддержки Израиля.

Арабские страны все больше убеждались в том, что во многих случаях садатовский Египет является сообщником США и Израиля в их наступлении на арабский мир.

Обрушиваясь в своих речах на деятелей легальной оппозиции, Садат постоянно подчеркивал выдвинутый им тезис о недопустимости использования религии в политических целях. Эту едва скрываемую обеспокоенность ростом религиозной оппозиции иногда называли «иранским синдромом» Садата. К лету 1981 г. иранский призрак, вызывавший острое беспокойство президента, обрел плоть и кровь.

Пытаясь разрядить обстановку, Садат решил направить религиозные страсти в выгодное для себя русло. В стране стали искусственно разжигаться противоречия между мусульманской и христианской общинами.

Облеченные в религиозные формы волнения должны были насторожить Садата, обратить его внимание на исламских фундаменталистов. Эти группы были хорошо организованы, снабжены оружием. Их шейхи придерживались фанатичных, экстремистских взглядов, превозносили роль террористических методов. Они использовали кафедры мечетей для проповеди своих идей, подчеркивали социальную несправедливость.

Эхо народных волнений доходило до президентского дворца, и в подобные моменты Садат терял голову. Так, в начале сентября 1981 г. он объявил об аресте 1536 человек. 467 из них относились к организации «Ат-Тафкир валь-Хиджра» («Искушение и исход»), 255 — к «Братьям-мусульманам», 100 — к другим организациям исламских фундаменталистов. Кроме того, — 107 христиан-коптов, священников и светских лиц, 259 представителей правозэкстремистских группировок. Были также арестованы 16 коммунистов, 7 руководителей из Социалистической партии труда и 3 из партии «Вафд». И, наконец, были арестованы 31 журналист, 12 политических деятелей за «связи с Советским Союзом».

Одна за другой следуют пресс-конференции. На одной из них мне довелось присутствовать. Когда один из французских журналистов попытался задать вопрос, Садат вдруг вспыхнул и закричал:

— При других обстоятельствах я бы вас застрелил...

В своих последних выступлениях Садат нападал на внутреннюю оппозицию, делал выпады против Советского Союза и других социалистических стран. Он постоянно подчеркивал, что без США невозможен мир на Ближнем Востоке, что участие Москвы в урегулировании необязательно. Он обвинял СССР в том, что тот якобы «рассылает анонимные памфлеты» мусульманам и коптам, «натравливая» эти религиозные общины друг на друга.

Этой выдумки было достаточно, чтобы 17 сентября 1981 г. выслать из страны советского посла, шесть сотрудников посольства, двух журналистов, включая автора этих строк.

6 октября прозвучали выстрелы...

Каир, 6 октября 1981 г. (6.00)

В то утро Джихан Рауф, она же Джихан Садат, которую муж ласково называл «Джиги» и «Джиджи», встала, как обычно, в шесть часов и разбудила свою внучку Ясмин.

— Иди, разбуди дедушку, — сказала она. — Сегодня военный парад.

Внучка побежала в спальню деда. Прыгнула к нему на кровать и начала дергать его за усы.

— Вставай! — кричала она. — Сегодня военный парад! Садат проснулся. Необычно рано для себя. Как правило, он просыпался около десяти.

6 октября он давно считал обычным днем. Хотя именно в этот день 1973 г. в ходе четвертой арабо-израильской войны египтянам удалось пересечь Суэцкий канал и преодолеть «линию Бар-Лева». Для Египта 6 октября стало Днем победы. С тех пор ежегодно на площади в районе Мадинат Наср, расположенном на окраине Каира, парадным маршем проходят войска, демонстрируя мощь египетской армии.

В Египте эту войну называют войной «рамадана», так как наступление арабских войск (египетских и сирийских) совпало с началом мусульманского праздника — праздника Рамадан. В Израиле в это время отмечался «Йом киппур» — День искупления грехов, Божественного суда и самоочищения.

После этой войны Садата стали называть в Египте «герой войны». А после поездки в Иерусалим и подписания кэмп-дэвидских соглашений — «герой войны и мира».

Завтрак «раиса» был скромным: поджаренный кусочек хлеба с маслом и медом и чашка чая без сахара. Больной желудок заставлял его придерживаться строгой диеты. Он быстро пробежал глазами утренние газеты и, отложив их в сторону, отправился в массажную комнату. Сначала он сделал легкую зарядку. Потом его обработал массажист.

Приняв душ и облачившись в махровый халат, он сел за небольшой стол, на котором стоял телефон. Позвонил сначала в Соединенные Штаты своему сыну Гамалю, затем родственнику Осману Ахмеду Осману, вице-президе-

ту Хосни Мубараку, министру внутренних дел Мухаммеду Набави Исмаилу.

В это время к Садату пришел его личный врач Мухаммед Атыя, который осматривал его каждый день с тех пор, как президент перенес второй инфаркт. Но в тот день «раис» чувствовал себя отменно.

После ухода врача к нему вошел личный секретарь Фавзи Абдель Хафез.

— Какие новости? — спросил президент.

— Слава Аллаху! Все хорошо!

— Парад состоится? — поинтересовался Садат с улыбкой.

— Да, господин президент. Утром звонили из Министерства обороны и сообщили, что все готово.

Садат просмотрел телеграммы и бумаги, которые принес Фавзи.

После разговора с секретарем он надел голубой парадный мундир главнокомандующего вооруженными силами. Затем приколот на правую сторону груди орден «Звезда Синая», которым наградил себя сам, а на левую — орденские колодки в восемь рядов. Через правое плечо повязал широкую зеленую ленту.

— Ты оденешь бронезилет? — спросила Джихан.

(Бронезилет изготовили для Садата в США в 1977 г. Впервые он надел его в ноябре того же года, когда отправился в Иерусалим.)

— Зачем? — удивился Садат. — Ведь ты знаешь, куда я иду... К своим детям!

Но Садат отказался надеть бронезилет по другой причине. Его новый парадный мундир, который ему сшили в Лондоне, оказался тесноват, и он едва влез в него. Он также отказался взять и фельдмаршальский жезл, который брал на все парады.

— Он делает меня похожим на фараона, — объяснил президент жене.

Джихан Садат, которая была на 15 лет моложе своего 63-летнего мужа, окинула его быстрым взглядом и отметила, что голубой мундир ему очень идет.

Правда, в тот день первая леди Египта была немного опечалена тем, что Садат заставил ее взять на парад 5-летнего внука Шарифа.

— Он стал мужчиной! — сказал президент.

— А остальных? — спросила Джихан.

— Возьми и их тоже, — ответил Садат.

Оглядев себя в последний раз в зеркало, Садат поцеловал супругу и спустился вниз. Первая леди задерживалась дома, поджидая внуков. Она подошла к окну и увидела, как муж спускается по лестнице. В этот момент она вдруг вспомнила фразу, брошенную Садатом несколько дней назад: «Джиги! Я скоро увижусь с Аллахом... Скорее всего, до конца года...»

Каир, 6 октября 1981 г. (9.45)

Президент в сопровождении восьми телохранителей сел в черный бронированный «кадиллак» и отправился к могиле своего старшего брата — летчика Афифа Садата, сбитого 6 октября 1973 г. над Синайским полуостровом. Затем он встретился с вице-президентом Хосни Мубарак и министром обороны Мухаммедом Абдель Халимом Абу Газзая. Втроем они посетили могилу Неизвестного солдата, расположенную неподалеку от площади, по которой вскоре должны были пройти парадным маршем войска. Как и в предыдущие годы, Садат задержался у мавзолея Гамалья Абдель Насера.

Многие обратили внимание на то, что Садат был необычайно подвижен, суетился, а лицо выражало недовольство.

Затем Садат, Мубарак и Абу Газзая сели в президентский «кадиллак» и направились к месту проведения парада. По обеим сторонам машины на специальных подножках стояли телохранители президента. Почти у всех, на

американский манер, были надеты черные очки от солнца. Машину окружали 15 мотоциклистов.

Ежегодный военный парад, проводившийся в восьмой раз, должен был начаться в 11.20 и завершиться через два часа. Лучшие части египетской армии, насчитывавшей около 400 тыс. человек, не одну неделю готовились к нему. Одиннадцать раз они промаршировали по площади перед пустой трибуной. Военная техника красноречиво отражала зигзаги внешнеполитического курса Садата. Тут были американские танки, советские зенитки, французские самолеты.

Меры безопасности достигли предела жесткости. С раннего утра солдаты полиции блокировали все близлежащие улицы и переулки, ведущие к месту проведения парада.

Пригласительные билеты были желтого цвета, пропуска на машины — красного. Даже министру обороны был выдан пригласительный билет, хотя он сам приглашал и утверждал списки приглашенных.

Органы безопасности тщательно проследили за тем, чтобы в руках военнослужащих, принимавших участие в параде, не было ни одного заряженного боевыми патронами пистолета или автомата. Полковнику войск связи и небольшой группе его офицеров не позволили войти на трибуну в шесть утра, чтобы проверить телефонную связь.

Садат, Мубарак и Абу Газзала прибыли к месту проведения парада в 11.05. Повсюду раздавались возгласы: «Наши души и кровь твои, Садат!» «Да здравствует Анвар Садат — герой войны и мира!»

В 11.10 «раис» медленно поднялся на президентскую трибуну. Огляделся... Вроде бы ничего подозрительного... Он церемонно уселся на пластмассовое кресло в первом ряду, заняв центральное место на трибуне, и снова посмотрел по сторонам.

Справа от него расположился Хосни Мубарак, далее государственный министр султаната Оман Шабиб Бен

Теймур. Оман — единственное арабское государство, не разорвавшее с Египтом отношения после визита Садата в Иерусалим и подписания кэмп-дэвидских соглашений. Слева от президента занял кресло Абу Газзала.

Во втором ряду за Садатом — его личный секретарь Фавзи Абдель Хафез, далее министры, иностранные гости, послы и др.

За несколько минут до начала парада Джихан Садат послала внуков к деду. Он поцеловал их, потрепал по головам, а Шарифа прижал к груди. Затем сказал им, чтобы они шли к бабушке.

Каир, 6 октября 1981 г. (11.20)

Как и в предыдущие годы, парад начался традиционно. Почтенный «Хаттаб» (проповедник) нараспев прочитал текст из Корана и степенно удалился.

Затем к микрофону подошел министр обороны. Он поблагодарил США за предоставление Египту оружия и скомандовал войскам торжественный марш. Грянула музыка. Абу Газзала возвратился на свое место.

Через несколько минут появились первые шеренги солдат и офицеров различных родов войск.

Садат поехал. Ему не хотелось ехать на сегодняшний парад. Еще утром, разговаривая с вице-президентом по телефону, он пожаловался на то, что очень устал и с большим удовольствием остался бы дома. Но, как сам же заметил, долг обязывал. Теперь же на него накатила какая-то неосознанная тревога. Он уже пожалел, что не взял фельдмаршальский жезл. (Позже Джихан Садат истолкует это как знак беды.) Президент достал трубку, раскурил ее и медленно выпустил дым. Но желанное успокоение не пришло.

Все шло по заранее намеченному плану. Дикторы на двух языках — арабском и английском — комментировали ход парада. Несколько мешало то обстоятельство, что многие машины были вынуждены покинуть ряды из-за неис-

правностей, что бывало не раз и раньше. Но зато удался прыжок парашютистов с высоты 2100 метров. Одетые в пестрые песочного оттенка маскировочные комбинезоны, они приземлились в заданном месте: прямо перед трибуной высокопоставленных гостей. Садат поднялся и ответил на их приветствие.

Каир, 6 октября 1981 г. (13.10)

Парад подходил к концу. Стрелки часов отсчитывали второй час пополудни. Из громкоговорителей звучали слова:

— Сейчас вы увидите истребители-бомбардировщики типа «Мираж», пилоты которых продемонстрируют свое мастерство.

В небе появилась пятерка «миражей». Выполнив серию фигур высшего пилотажа, истребители пронеслись над трибуной, оставляя после себя захватывающий по спектру цветной шлейф — желтый, зеленый, синий, оранжевый. Эффектное зрелище. Возможно, поэтому никто не заметил, как появилась колонна грузовиков с прицепленными 130-мм орудиями.

Вдруг одна из машин свернула в сторону трибуны и остановилась. Многие решили, что произошла поломка. Из кабины выпрыгнул офицер, и все подумали, что он попытается устранить неисправность. Но офицер бросил гранату, которая, ударившись о трибуну, взорвалась.

А в это время диктор, приветствуя артиллеристов, говорил:

— Они преданы главе государства...

Офицером, метнувшим гранату, был Халед Исламбули — старший лейтенант 333-й артиллерийской бригады, постоянно участвовавшей в военных парадах. Затем он достал из кабины крупнокалиберный пулемет. В тот же момент из кузова полетела другая граната (ее метнул Ата Таиль), и на асфальт спрыгнули трое из шестерки солдат, сидевших в грузовике. Все с автоматами наизготовку.

— Слава Египту! Вперед! — раздались крики солдат.

А из громкоговорителей уже несло:

— Хавана! Предатели!

Прежде чем у сидевших на трибуне прошел шок, Исламбули бросил третью гранату. Она упала рядом с трибуной, но не взорвалась. Из нее пошел дым.

Когда он рассеялся, разорвалась четвертая граната, которую бросил Абдель Хамид Абдель Аль. Но осколки никому не причинили вреда.

В этот момент «очнулся» министр обороны, сообразив, что происходит нечто необычное. Последним, кто «очнулся», был Садат. Он приподнялся со своего кресла и выпрямился. Он был растерян и все время повторял:

— Не может быть... Не может быть...

Это были последние слова египетского президента. Его настигли пули, выпущенные четвертым участником покушения, который стоял в кузове и стрелял из автомата по трибуне. Поскольку Садат какое-то время стоял неподвижно и превратился в удобную мишень, промахнуться было невозможно. Тем более что человек с автоматом был одним из лучших стрелков, чемпионом египетской армии по стрельбе — снайпер Хусейн Аббас Али.

После того, как Хусейн Аббас дал первую очередь, он спрыгнул с грузовика, чтобы присоединиться к Исламбули и своим товарищам, которые бежали в сторону трибуны.

Впереди бежал Исламбули. Справа Абдель Хамид Али. Слева — Ата Таиль.

Подбежав к трибуне, они снова открыли огонь по Садату. Их очереди ранили многих из тех, кто сидел в первом ряду.

Тяжело раненный Фавзи Абдель Хафез пытался прикрыть Садата креслом. Он думал, что президент еще жив, что кресло спасет ему жизнь.

Абдель Хамид был близко от Хосни Мубарака и крикнул ему:

— Ты нам не нужен! Нам нужен фараон!

Исламбули сделал знак рукой Абу Газзале и крикнул:

— Посторонись!

Сказав это, он продолжал стрелять. Стреляли и его товарищи.

У Исламбули вышел из строя пулемет. Он молча протянул руку к Ата Таилу, который забрал пулемет и передал ему автомат.

Неожиданно раздался выстрел, и пуля попала в Исламбули. Но он нашел в себе силы прыгнуть на трибуну, где обнаружил лежавшего на полу Садата.

— Аллаху Акбар! — крикнул он. — Аллах велик!

В этот момент двумя пулями в живот был ранен и Абдель Хамид. Он увидел стрелявшего, который поднял ребенка и, как щитом, прикрывался им. Хусейн Аббас к этому времени израсходовал все патроны.

Убедившись, что Садат мертв, нападавшие побежали в разные стороны.

Операция продолжалась 40 секунд...

Впрочем, для Садата роковыми оказались всего 19 секунд. На 20-й он уже лежал ничком в луже крови, не подавая признаков жизни.

Едва заговорщики отбежали, как охрана президента и сотрудники службы безопасности открыли по ним огонь.

Трибуна являла собой страшное зрелище. Истекающие кровью раненные. Мечущиеся охранники. Пытающиеся подняться почетные гости. Вице-президент Мубарак был легко ранен. К ногам военного министра упала граната, которая не взорвалась. Другая граната, брошенная в одного из генералов, разорвалась непосредственного у его лица и нанесла ему смертельную рану.

Среди убитых оказались старший камердинер президента Хасан Алям, фотограф Мохаммед Рашван и коптский епископ Самюэль. Получили ранения послы Кубы и Бельгии, первый секретарь австралийской дипломатиче-

ской миссии, доверенный человек президента Сайед Марей и три американских военных советника, которые находились в Египте для переговоров относительно запланированных совместных военных учений.

Когда началась стрельба, Джихан Садат с внуками, женами министров и высокопоставленных гостей находилась в специальной комнате, откуда наблюдала парад. Это помещение было отделено от главной трибуны специальной стеклянной перегородкой. Она видела все, что происходило...

Но она сохраняла завидное спокойствие и пришла в ярость только тогда, когда ее муж упал, обливаясь кровью. Она сказала своей секретарше:

— Какое безумное государство!

Среди миллионов египтян, смотревших парад по телевизору, были Ахмед Шоуки аль-Исламбули и его жена Кадрия — отец и мать Халеда Исламбули.

Каир, 6 октября 1981 г. (13.40)

Бездыханное тело Садата погрузили в бронированный вертолет, стоявший неподалеку от трибуны. За секунды до взлета с криком «Где президент?» в вертолет буквально прыгнула Джихан Садат. Едва тот взмыл в воздух, первая леди (теперь уже бывшая) властным голосом, не терпящим возражений, приказала сделать остановку в Гизе, где находилась резиденция Садата.

Сойдя с вертолета, Джихан распорядилась ожидать ее возвращения. Прошло десять минут, двадцать... Тем временем она поднялась в свою спальню, села у телефона и дважды позвонила в США. Сначала сыну Гамалю, который отдыхал с друзьями во Флориде, затем в Вашингтон. Кому? Неизвестно...

Она появилась спустя полчаса и поднялась в вертолет. Он резко набрал высоту и взял курс на Маади, где размещался военный госпиталь. В нем, кстати сказать, провел свои последние дни друг Садата — экс-шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви.

Это опоздание дало возможность Хосни Мубараку прибыть в госпиталь раньше вертолета. Он добрался туда на машине Министерства обороны, приказав водителю гнать на предельной скорости. Тревожные мысли обуревали вице-президента во время пути. Он не мог понять цели убийства Садата. Что это — военный переворот? У него не было ответа на этот вопрос...

Каир, 6 октября 1981 г. (14.30)

Вертолет приземлился на площадке около военного госпиталя. Садата тотчас отвезли в операционную. Он был в бессознательном состоянии. Пульс не прощупывался. Биение сердца не слышно.

Одиннадцать врачей во главе с генералом Каримом в течении двух часов пытались спасти его. Когда энцефалограмма показала, что мозг президента не подает признаков жизни, медики сдались...

Как показало вскрытие, одна из пуль, угодивших в Садата, задела легочную артерию. Сильнейшую рану он получил и в левую сторону груди. Наконец, еще одна пуля попала в шею, что и обрекло его на смерть.

Когда генерал Карим вышел из операционной, его лицо выражало полную безнадежность.

Мубарак приказал врачам хранить молчание. Он хотел как можно дольше задержать сообщение о смерти президента, чтобы разобраться, что произошло, и привести в состояние боевой готовности армию и силы внутренней безопасности.

Каир, 6 октября 1981 г. (16.50)

Каирское радио передало следующее короткое сообщение:

«Во время парада был открыт огонь по трибуне. Садат, Мубарак и Абу Газзалья покинули опасное место».

Первым, кто узнал о ранении Садата, был американский посол в Египте Альфред Атертон, который связался по телефону с министром обороны.

Абу Газзалья ответил ему:

— Беда постигла Садата. Однако рана незначительная.

Через четыре часа после первого сообщения радио Каира прервало свои передачи и передало следующую информацию: «Сегодня во время военного парада был открыт огонь по трибуне, в результате чего был ранен президент республики и некоторые сопровождавшие его лица. Президент был доставлен в госпиталь и находится под наблюдением врачей».

Когда стало ясно, что Садат умер, Мубарак покинул госпиталь и отправился к себе домой в Мадинат Наср. Там он отдал распоряжение секретарю собрать к 18.00 правительство на чрезвычайное заседание.

Халеда Исламбули, Абдель Хамида и Ата Таиля, несмотря на ранения в живот, стали допрашивать еще в машине, которая везла их в госпиталь Маади (Хусейна Аббаса арестуют лишь через три дня после парада).

Следователи не спрашивали их, почему они решили убить Садата, где достали боеприпасы, как готовилась и осуществлялась операция? Их интересовал только один вопрос: границы заговора, участие в нем армии.

Первые результаты допроса были тот час переданы Мубараку, находившемуся в госпитале, и Абу Газзале, который был в Министерстве обороны.

Каир, 6 октября 1981 г. (18.00)

У вице-президента не было необходимости сообщать членам правительства о смерти Садата. Они уже знали об этом. Поэтому Мубарак предложил обсудить конкретные меры для усиления контроля над положением в стране.

— Трое из четырех заговорщиков арестованы, — сообщил он. — Они доставлены в госпиталь Маади. Первые сведения указывают на то, что за этими событиями стоят религиозные деятели.

Абу Газзалья вставил:

— Нет сомнения в преданности и верности армии.

Совещание закончилось тем, что министры единогласно согласились выдвинуть кандидатуру Мубарака на пост президента республики. По окончании заседания он объявил на весь мир об убийстве президента Садата.

Миллионы египтян вздохнули с облегчением...

Садата похоронили в субботу, 10 октября...

Будничная жизнь Каира не изменилась. Лишь припущенные флаги напоминали о сорокадневном трауре.

Президент сам выбрал себе надгробную надпись. За три года до смерти он предложил начертать на гранитной плите: «Мухаммед Анвар Садат — герой войны и мира». Что и было выполнено...

Судя по-всему, цифра «6» была числом Анвара Садата. Во всяком случае, — важным в его жизни. 6 февраля 1938 г. он закончил военное училище. 6 января 1946 г. участвовал в покушении на египетского министра Амина Османа, за что был изгнан из армии. 6 января 1950 г. вернулся в вооруженные силы. 6 октября 1973 г. начал войну против Израиля. 6 октября 1981 г. убит...

Имена покушавшихся были названы два дня спустя после убийства президента:

Халед Ахмед Шоуки аль-Исламбули — 24-летний старший лейтенант, командир артиллерийской установки;

Абдель Хамид Абдель Аль — 28-летний, бывший офицер войск ПВО;

Ата Таиль — 26-летний старший лейтенант запаса инженерных войск;

Хусейн Аббас Мухаммед — 27-летний сержант сил национальной обороны.

Вскоре на свет выплыла нелегальная экстремистская организация «Ат-Тафкир валь-Хиджра» («Искупление и исход»). Ее идейным вождем считается Сайид Кутб, который был казнен в 1966 г. после неудачной попытки покушения на президента Насера.

Но заговорщики были членами не этой, а другой организации — «Аль-Джихад» («Священная война»). Как выяснилось в ходе следствия, она была создана в 1977 г. после визита президента Египта в Иерусалим. Главная цель — убийство Анвара Садата, свержение существовавшего режима и создание исламского государства.

В 1979 г. организация была разгромлена, ее руководители и члены арестованы. Лишь единицам удалось избежать ареста. Одним из них был 30-летний инженер-электрик Мухаммед Абдель Салям Фарраг, вступивший в «Аль-Джихад» в 1978 г. Он избежал ареста лишь потому, что был молодым членом организации и не входил в руководство. Его почти никто не знал.

После разгрома организации «Аль-Джихад» Фарраг переехал из Александрии в Каир, устроился инженером в столичный университет и стал вынашивать план создания новой организации под тем же названием. Весной 1980г. он познакомился на пятничной молитве в мечети со студентом сельскохозяйственного факультета Тарекком Ибрагимом. Тому было чуть больше двадцати, он читал много религиозной литературы, но не знал, что предпринять.

Через него Фарраг познакомился с подполковником военной разведки Абудом Латифом аз-Зумром, который был мужем сестры Тарека. Они подружились и приняли решение создать организацию «Аль-Джихад», чтобы «осуществить вооруженным путем исламскую революцию во имя Аллаха за освобождение родины от тирана».

Летом 1980 г. был освобожден из под ареста Карам Захди — лидер исламской группировки в провинции Минья. Фарраг много слышал о нем, но не знал лично. Он пришел к нему домой и откровенно сказал:

- Карам! Я хочу посвятить тебя в одно очень важное дело.
- Слушаю.
- Мы хотим создать исламское государство.
- Каким образом?

— Путем народной революции. Я решил создать тайную военную организацию «Аль-Джихад».

Захди понравилась эта идея.

На следствии он заявит:

— Я понял со слов Фаррага, что он намерен начать «священную войну». Мы договорились о создании тайной исламской организации, цель которой — устранить президента Садата и ряд политических деятелей и свергнуть существующий в стране режим. Конечная цель — создать исламское государство.

В конце 1980 г. Фарраг познакомился с Набилем Абдель Магидом аль-Маграби. Тому было 30 лет. Он тоже читал религиозную литературу и воодушевился идеями Фаррага. Ему было поручено заняться подбором молодежи в организацию.

После того как Фарраг закончил подбор руководителей будущей организации, в его доме состоялась конспиративная встреча. В ней участвовали Абуд Зумр, Карам Захди, Фуад Ханафи и Набиль Маграби. Они разработали структуру организации. Высшим руководящим органом стал «маджлис аш-шура», в который вошли 11 человек. Было создано три комитета: военный, экономический и пропагандистский.

Так родилась организация «Аль-Джихад аль-Джадид» («Новый Джихад»), которая вынесла Садату смертный приговор и привела его в исполнение. Фарраг стал ее руководителем.

В марте 1981 г. Абуд Зумр разработал план свершения исламской революции. Главным пунктом плана было убийство Садата.

Из обвинительного заключения:

«Обвиняемые планировали:

Осуществить убийство президента Садата во время военного парада 6 октября 1981 г., когда он будет сидеть

на трибуне. С этой целью они намеревались подготовить летчика-смертника, который во время парада врежется в трибуну. Однако от этой цели они отказались.

Убить Садата во время его отдыха в резиденции Канатир. Это предложение внес Абуд Зумр. Он лично изучил место, где отдыхал президент, систему охраны. Но вскоре от этого предложения пришлось отказаться из-за трудностей, связанных с проникновением в резиденцию.

Открыть огонь по Садату, когда он будет подъезжать на поезде к станции «Аль-Мансура» 25 сентября 1981 г. План был следующий: члены организации смешиваются с толпой, затем ждут благополучного момента и открывают огонь».

Поставив целью убить Садата, Абуд Зумр начал собирать информацию обо всех его передвижениях и местах отдыха. Поскольку он был подполковником военной разведки, то учил членов организации конспирации, тайнописи, выявлению слежки и т. п. Все руководители и члены организации имели подпольные псевдонимы: Зумр — «Мансур», Маграби — «Баракат», Халед Исламбули — «Зафир».

Ата Таиль и Фарраг были из одной деревни. Поэтому Фарраг рекомендовал его в «Джихад». Хусейна Аббаса в организацию рекомендовал Набиль Маграби, который был женат на его сестре. Исламбули познакомился с Фаррагом в апреле 1981 г. в мечети, расположенной в районе Булак ад-Дакрур. Эта первая встреча стала первым шагом на пути осуществления убийства Садата.

Во время встреч Фарраг говорил Исламбули, что страной правит «нечестивец», что положение может измениться только при соблюдении исламских законов.

— Сейчас Египет переживает черные дни, — убеждал Фарраг. — Этот период закончится только тогда, когда будет свергнут режим нечестивца, которого необходимо убить.

Вскоре Исламбули присоединился к организации. Он же привел с собой Абдель Хамида.

В то время, когда Фарраг создавал свой «Джихад», был еще один человек, который занимался тем же — создавал тайную организацию с таким же названием. Этим человеком был Мухаммед Ар-Рахаль, иорданец по происхождению, студент университета «Аль-Азхар». Как и Фарраг, он был членом старого «Джихада» и тоже сумел избежать ареста. Фарраг планировал совершить народную исламскую революцию. Рахаль — военный переворот.

Летом 1981 г. Рахаль попал в поле зрения египетской службы безопасности и был выслан из страны. Камаль Саид — его близкий друг и помощник — продолжил дело. Ему помогал сотрудник каирского международного аэропорта Ахмед Рагиб Салям. Они сосредоточили свои усилия на подборе членов организации в вооруженных силах. Им удалось привлечь многих офицеров и солдат. Затем они начали добывать оружие, боеприпасы, взрывчатку, чтобы использовать в нужный момент.

В конце августа 1981 г. Тарек Ибрагим связался с Камалем Саидом и убедил его присоединиться к организации Фаррага.

2 сентября того же года президент Садат издал указ № 493 об аресте 1036 человек. Многие члены «Джихада», которым руководил Камаль Саид, были арестованы, оружие и боеприпасы — конфискованы. 25 сентября 1981 г. был арестован Набиль Маграби.

За несколько дней до ареста он познакомился в мечети с Сабри Хасаном и попросил помочь приобрести оружие. Тот согласился. Вечером 19 сентября Набиль Маграби зашел к нему и попросил отвезти его и четырех друзей за город в пустыню, где они хотели потренироваться в стрельбе. Когда они приехали на место, Сабри Хасан остался в машине, а Маграби и его спутники отправились в пустыню и скрылись. Через некоторое время раздались

выстрелы. Некоторое время спустя Маграби и его друзья вернулись, сели в машину и поехали в Каир.

Сабри Хасан заявил в полицию. Потом отвез полицейских на то место, где Маграби и его спутники тренировались в стрельбе. Там были найдены пустые гильзы. Полиция поручила Сабри Хасану выполнить обещание: передать оружие, которое здесь же было ему выдано.

25 сентября Маграби снова зашел к Сабри Хасану. Тот вручил ему 2 автомата и 4 «магазина». Гость положил оружие в чемодан и попросил подбросить его до дома. Когда они ехали по улице, полиция задержала машину и арестовала Маграби. Все его встречи с Сабри Хасаном были сняты на видеокассету. Но Маграби все отрицал. Полиции так и не удалось добиться от него нужных показаний.

Тем не менее члены организации предприняли необходимые меры предосторожности. Во время встречи Абу-да Зумра с Фаррагом, который лежал дома со сломанной ногой, последний сказал:

— Мы, безусловно, будем раскрыты...

— Тогда чего же мы ждем? — спросил Зумр. — Пусть все члены организации на время исчезнут.

— Согласен, — ответил Фарраг.

— А что будешь делать ты? Ведь у тебя сломана нога...

— Что-нибудь придумаю...

В это время он думал о Халеде Исламбули, у которого хотел укрыться. Тот был армейский офицер и вряд ли вызывал подозрение.

После ухода Зумра Фарраг связался по телефону с Абдель Хамидом и попросил прислать к нему Исламбули...

В тот день, когда был арестован Маграби, Исламбули проснулся и поднялся в квартиру Абдель Хамида, своего молочного брата, который жил этажом выше. Они позавтракали и отправились в ближайшую мечеть на пятничную молитву.

Во время проповеди Исламбули шепнул Абдель Хамиду:

— Я только что слышал голос, который призвал меня убить Садата.

— Это голос сатаны...

Выйдя из мечети, Исламбули сказал:

— Я буду участвовать в военном параде и освобожу Египет и ислам от тирана.

Абдель Хамид понял, что Исламбули не переубедить, поэтому отправил его к Фаррагу. Когда Исламбули пришел к нему, тот сообщил об аресте Маграби и обратился с просьбой:

— Мне срочно нужна другая квартира.

Исламбули пересказал разговор с Абдель Хамидом и добавил:

— Он сказал, что это голос сатаны.

— Нет, это не голос сатаны, — возразил Фарраг. — Сатана не может войти в мечеть. Это был голос Всевышнего. Садата необходимо убить.

— Я буду участвовать в военном параде, — сообщил Исламбули. — Я готов сделать все, чтобы избавиться от тирана.

— Я думаю, что вероятность успеха операции на параде ничтожная.

Исламбули возразил:

— Ты знаешь, что я участвовал во многих парадах. Я заявляю тебе, что операция пройдет успешно.

— Ты в этом уверен?

— Да! Но мне нужны трое надежных парней. Они заменят на параде моих солдат. Я гарантирую, что включу их в состав участников парада.

— А как вы будете уходить?

— Главное для меня — убить «фараона».

— Именно так и назовем операцию, — сказал Фарраг и добавил: — Операция «Убить фараона».

(Этот диалог зафиксирован в протоколе допроса.)

Через 24 часа Исламбули и Фарраг встретились на квартире Абдель Хамида. Туда же подошли Ата Таиль и Хусейн Аббас.

— Вы готовы пожертвовать собой? — спросил Фарраг.

Собравшиеся молча кивнули головами. После этого Фарраг встретился с Абудом Зумром и рассказал ему о встрече с Исламбули.

— Парад усиленно охраняется, — заметил Зумр. — Садат чувствует, что его жизнь в опасности и предпримет самые суровые меры безопасности. А если Исламбули и его друзья попадут в руки спецслужб? Они раскроют нашу организацию. Я думаю, что надо подождать более благоприятного момента.

Фарраг возразил:

— Операцию осуществит Исламбули и его группа. Мы, как организация, в ней не участвуем. Они не имеют к нам никакого отношения. Наконец, это операция смертников. Они не останутся живыми...

Абуд Зумр согласился. Фарраг не сказал Исламбули и его товарищам о том, что произойдет после убийства Садата. Он не сообщил им и о дальнейших планах организации. Даже не говорил о «народной исламской революции».

В ходе следствия Фарраг отрицал все. Даже заявил, что впервые увидел Исламбули только на фотографии в газете после убийства президента.

Да, он не участвовал в операции. Но он был одним из главных организаторов и участников ее подготовки. Он достал оружие, патроны, гранаты, нашел нужных людей. Причем, сделал это за 24 часа. Фарраг был «мозгом» операции. Исламбули и его товарищи — «мышцами».

На судебном процессе Фарраг заявит, что группе Исламбули до конца не доверяли, опасались, что, попав в руки

службы безопасности, они могут раскрыть цели и планы организации.

Халед Ахмед Шоуки аль-Исламбули — самый младший из четырех детей адвоката Ахмеда аль-Исламбули. Отец в молодости был членом организации «Братья-мусульмане». Однако в октябре 1954 г., после покушения на президента Гамалю Абдель Насера, отошел от них.

Халед родился в 1957 г. в провинции Минья, за двадцать лет до визита Садата в Иерусалим. Он из поколения, родившегося после революции. Это было то время, когда в Египте стали популярны слова «социализм», «социальная справедливость». Когда ему исполнилось 10 лет, страна переживала черные дни: 5 июня 1967 г. началась арабо-израильская война. Халед сказал своей матери:

— Когда я вырасту, стану летчиком и направлю самолет против израильтян.

Но стать летчиком ему не удалось. Он стал армейским офицером. Поскольку с отличием окончил военное училище, он имел право выбирать род войск и место службы. Он выбрал артиллерию. Его направили в 333-ю артиллерийскую бригаду, размещавшуюся под Каиром.

После окончания училища он жил обычной жизнью молодого офицера. Правда, уже тогда он встал на религиозный путь и много читал о мусульманской священной войне.

В октябре 1980 г. Исламбули вызвали в военную разведку. В то время он был командиром роты в 333-й артиллерийской бригаде.

— У тебя есть друзья в бригаде и вне ее? — спросил офицер.

— Да.

— Назови имена.

Исламбули оказался в затруднительном положении. Он понимал, что если назовет имена своих друзей и друзей брата, это может привести к беде.

— Ты знаешь Абдаллу ас-Самави?

— Нет, — ответил Халед, хотя знал этого человека.

Ас-Самави был одним из руководителей организации «Ат-Такфир ва аль-Хиджра». Исламбули знал многих членов этой организации, вместе с которыми молился в мечети.

После того как Исламбули ушел, допрашивавший его подполковник написал на протоколе резолюцию: «Запретить участвовать в военных парадах». Это означало, что в разведке почувствовали, что он представляет опасность, поскольку связан с религиозными группировками.

2 сентября 1981 г. был арестован его старший брат — Мухаммед. 3 сентября Исламбули записал в своей записной книжке: «Самое большое счастье для правоверного — убить или быть убитым во имя Аллаха».

Означало ли это, что он стал думать об убийстве Садата? Повлиял ли на него арест брата? Очевидно, нет, поскольку Исламбули еще не знал, будет ли участвовать в военном параде. Почему же он стал думать об убийстве Садата?

На этот вопрос он ответил сам во время судебного процесса.

— Три причины подтолкнули меня к этому. Первая: законы, которые действуют в нашей стране, не соответствуют учению ислама и требованиям шариата. Вторая: Садат действовал в интересах сионистов. Третья: преследование и арест духовных лиц.

Иными словами, причины были следующие: катастрофическое социально-экономическое положение в стране, кэмп-дэвидские соглашения, кампания арестов и репрессий, развязанная Садатом.

5 сентября Исламбули слушал очередную речь президента. Тогда он спрашивал себя: «Как покончить с Садатом?»

Из-за ареста брата он оказался в трудном положении. Он уже знал, что не будет участвовать в военном параде,

поэтому решил взять очередной отпуск с 25 сентября, который совпадал с праздником жертвоприношения («Ид аль-Адха»). Он решил провести его с родителями и даже заказал себе билет.

Утром 23 сентября Исламбули вызвал командир — майор Макрам Абдель Аль.

— Извини, Халед, но сейчас я не могу согласиться на твой отпуск.

— Вы же знаете мои обстоятельства...

— Знаю... Я не могу отпустить тебя из-за капитана Абдель Рахмана Сулеймана. Его жена в больнице. Состояние крайне тяжелое. Он все время там. Если бы ни это, я отпустил бы тебя немедленно. Я сожалею, Халед, но ты должен заменить его на параде.

— Слушаюсь!

Потом майор спросил Исламбули:

— Какие новости о Мухаммеде?

— Не знаю. Со дня ареста его никто не видел.

— Еще раз извини, Халед.

— Значит так угодно Аллаху...

Именно в этот момент Исламбули почувствовал, что судьба уготовила ему миссию, угодную Аллаху. Идея убить Садата во время парада завладела им с этого мгновения.

— Иди в распоряжение бригады, — сказал майор. — Не забудь проверить готовность солдат и машин. Если хоть одна будет неисправна, не попадайся мне на глаза.

Утром 24 сентября старший лейтенант Исламбули со своим подразделением участвовал в прохождении артиллерийской колонны. Когда он проходил мимо главной трибуны, то снова подумал об убийстве президента. Вечером того же дня Халед один подошел к трибуне и долго ходил вокруг. На суде он заявит, что именно тогда у него начал вырисовываться план убийства Садата.

Он изучил все: скорость движения машин, расстояние между колонной и трибуной. Даже количество людей, ко-

торые будут сидеть на трибуне. Единственное, что он не знал — численность охраны. Но, планируя убийство, он делал ставку на внезапность. А также на то, что Садат будет убит раньше, чем охрана обратит на него (он хотел ликвидировать президента в одиночку) внимание.

Из протокола допроса:

«Халед Исламбули:

— В пятницу 2 октября мы собрались на квартире Абдель Хамида, чтобы «проиграть» операцию убийства Садата. Роль президента играл Ата Таиль.

В воскресенье 4 октября я в последний раз пришел к сестре, которой оставил свое завещание. Я хотел, чтобы все мои сбережения отдали нищим мусульманам. Я также оставил письмо родителям, в котором написал: “Прошу вас быть ко мне снисходительными. Я не совершил преступления. Если из-за меня с вами что-либо случится, прошу простить меня”.

Вечером того же дня я встретился с Абдель Хамидом, который ждал меня в машине. Он был одет в солдатскую форму. При мне был чемодан с оружием и боеприпасами. Ата Таиль и Хусейн Аббас ждали нас в районе Мадинат Наср, на площади Исмаилия в кофейне. Мы заехали за ними и отправились к месту проведения парада.

Трое моих товарищей имели поддельные удостоверения солдат 188-й бригады. Я приказал им идти к палаткам, в которых находились солдаты — участники парада. Они беспрепятственно вошли в одну из палаток. Хусейн Аббас назвался моим посыльным, Абдель Хамид — шофером.

Во второй половине дня 5 октября я собрал своих подчиненных. Трех солдат отправил в увольнение. Остальных распределил по машинам, которые пройдут колонной. Своих людей я определил в машину № 1, которая должна идти в правой шеренге».

Во вторник, 6 октября, в половине третьего утра Исламбули разбудил Ата Таиля, Хусейна Аббаса и Абдель Хамида и поручил им наполнить патронами «магазины» автоматов. В 6.00 разбудил остальных солдат. В 6.30 рассадил их по машинам, за которые отвечал. Абдель Хамид, Ата Таиль и Хусейн Аббас сели в грузовик, которым командовал Исламбули.

Через полчаса после прибытия к месту ожидания Исламбули приказал солдатам вымыть машины и почистить пушки. Пока солдаты приводили в порядок технику, он незаметно передал Абдель Хамиду две ручные гранаты и еще две спрятал под приборной доской. Он также заменил пустой диск пулемета водителя на полный, который спрятал под сиденьем. Шофер в это время отсутствовал — Исламбули отправил его за сэндвичами.

Из протокола допроса:

«Водитель машины:

— На параде, когда грузовик проезжал мимо трибуны, Исламбули приставил мне в бок автомат и сказал, что застрелит меня, если я не остановлю машину. Я подчинился.

Затем он выпрыгнул из кабины. Я увидел у него в руках гранату. Потом услышал взрыв и выстрелы».

Обвинительное заключение в 450 страниц было написано довольно быстро. Можно было начинать суд. Но он откладывался из-за сорокадневного траура.

Поскольку речь шла о национальных интересах, суд заседал при закрытых дверях, публика туда не допускалась. Процесс был полон театральных жестов. Обвиняемые гордо сознавались в убийстве президента. Из-за стальной решетки, которая огораживала скамью подсудимых, то и дело раздавалось: «Аллах Велик!»

Всем был вынесен смертный приговор. На рассвете 15 апреля 1982 г. его привели в исполнение. Абдель Салья-

ма Фаррага, Ата Таиля и Абдель Хамида повесили. Хусейна Аббаса и Халеда Исламбули, поскольку они были военными, растреляли. Причем, неподалеку от могилы Садата. Потом их тайно похоронили.

Сообщение о казни было передано спустя восемь часов после приведения приговора в исполнение.

В марте 1985 г. мать Халеда Исламбули написала письмо президенту Хосни Мубараку с просьбой сообщить, где похоронен ее сын. Ответа не последовало...

До сих пор остался вопрос: кто стоял за группой Исламбули? Вопрос не праздный. Никогда еще за всю историю Египта ни одно политическое убийство в этой стране (а их было немало!) не осуществлялось столь продуманно. Ведь операция, в ходе которой был убит Садат, не только дерзка и оригинальна, но к тому же и трудновыполнима. Не верится, что за группой Исламбули не было никого, кто не помогал претворить задуманное в жизнь.

Резонно задать и другие вопросы.

Например, каким образом группе Исламбули, пройдя многочисленные проверки, удалось пронести оружие, боевые патроны, ручные гранаты и дымовые шашки на площадь, где проходил парад? Как старшему лейтенанту удалось отправить в увольнение трех солдат и заменить их своими людьми? Ведь согласно уставу египетской армии, за день до парада солдаты не имеют права покидать казарму даже в случае внезапной болезни. Больше того: существует приказ министра обороны, который запрещает останавливаться перед трибуной любому транспортному средству. В случае остановки по нему открывается огонь.

Почему же приказ не был выполнен?

Телохранителей было много, и они занимали выгодные позиции (это видно на кадрах кинохроники) вокруг трибуны. Однако, по свидетельству очевидцев, за несколько секунд до выстрелов они покинули свои посты.

Почему?

И, наконец, главное: почему Халеда Исламбули допустили на парад, несмотря на резолюцию военной разведки?

Разумеется, эти вопросы, как и многие другие, легче задать, чем дать на них исчерпывающие ответы. И все-таки попытаемся разобраться...

Садат никогда не пренебрегал личной безопасностью. Скорее наоборот! В последние годы его охрана превратилась в особое, по масштабам Египта, невиданно большое подразделение, стоившее десятки миллионов долларов. В течение нескольких лет ЦРУ формировало эту «гвардию», оснащало специальной техникой, бронированными «кадиллаками», оружием и следило за ее функционированием. Личный состав охраны ежегодно проходил тренировки в США под руководством американских инструкторов.

В тот последний для Садата вторник его безопасность обеспечивали восемь подразделений: служба государственной безопасности; полиция при президенте; специальная президентская охрана; республиканская гвардия; военная разведка; военная полиция; контрразведка; специальные подразделения для разгона демонстраций.

Когда Садат подъезжал к трибуне, он был окружен восемью телохранителями — по три с боков и двое сзади. Когда же он сел в кресло, то между трибуной и проходившими войсками не оказалось ни одного охранника.

Почему?

Очевидно, никто не предполагал, что выстрелы прозвучат со стороны проходивших войск. Тем более что командиров частей, участвовавших в параде, строжайшим образом проинструктировали, чтобы ни один из 10 тысяч солдат и офицеров не проник на парад с боевым оружием, да еще с боеприпасами. Думается, что и офицер, к которому Исламбули обратился с просьбой заменить троих солдат, санкционировал замену только потому, что был лицом заинтересованным.

Любопытное заявление по поводу убийства Садата сделал ныне покойный премьер-министр Израиля Ицхак Рабин:

— Администрация Картера участвовала в подготовке падения шаха Ирана. Администрация Рейгана — в падении Садата.

Интересный пассаж!

Стояли ли США за этой операцией?

Да, Садат сделал для американцев то, что до него не делал ни один другой арабский лидер. Он вернул американцев в Египет после того, как Насер изгнал их. Он перевооружил египетскую армию с помощью американцев. Он изменил экономическую и социальную политику Египта, объявив политику «открытых дверей». Он рассматривал США как основного участника в процессе мирного урегулирования с Израилем.

У США не было причин устранять его. Прежде всего потому, что у США не было замены. Не было верного человека подобного ему.

Сторонники версии, что Садата убили американцы, говорят:

— После победы Рейгана на выборах американцы почувствовали, что Садат израсходовал весь свой «политический арсенал». Он оказался в изоляции как внутри Египта, так и в арабском мире. Стало неизбежным избавиться от него или заменить другим человеком.

Любопытная деталь: президент США Рейган и вице-президент Буш получили информацию о смерти Садата задолго до того, как о ней официально сообщили в Каире. Из какого источника? Вероятно, из первых рук... Больше того, Рейган и Буш не полетели на похороны египетского президента.

Почему?

И все-таки я склоняюсь к тому, что американцы не имеют никакого отношения к устранению Садата. Как

установлено в ходе следствия, решающую роль в подготовке и осуществлении операции играла организация «Новый Джихад». Думаю, что не обошлось без поддержки египетских спецслужб. Но это предстоит еще выяснить...

День сегодняшней

Египетские спецслужбы включают в себя: «Мухабарат аль-Амма» (Служба общей разведки), «Мухабарат аль-Харбия» (Военная разведка), «Мухабарат ад-Дауля» (Главное управление расследований госбезопасности), «Джигаз Амн ад-Дауля» (Служба госбезопасности).

Службой общей разведки (СОР) на протяжении многих лет руководит Омар Сулейман аль-Рифаи.

ИЗ ДОСЬЕ:

Омар Сулейман аль-Рифаи родился в 1938 г. Имеет юридическое образование. Возглавляет СОР с 1991 г. До 2000 г. оглашение любой информации о нем было запрещено государственной цензурой Египта.

Является одной из наиболее влиятельных фигур в окружении президента Хосни Мубарака. Отвечает за внешнюю разведку и контрразведку, а также контролирует обеспечение безопасности президента и первых лиц государства. Израильские и американские эксперты приписывают ему главную заслугу в нейтрализации вооруженной исламской оппозиции.

Курирует важнейшие политические и экономические вопросы, в том числе и в отношениях с другими странами, а также все связи с Ливией и Ираном. Часто выступает в качестве личного представителя президента Мубарака на переговорах с Израилем, США и арабскими странами. Уделяет большое внимание деятельности Службы общей разведки Саудовской Аравии на терри-

тории Египта и за его пределами. Считает Эр-Рияд одним из главных геополитических и региональных соперников Каира.

С середины 90-х гг. курирует израильско-палестинское направление египетской внешней политики. В январе 1997 г. являлся одним из инициаторов создания полугосударственной общественной ассоциации «Каир — за мир», до осени 2000 г. выступавшей за развитие связей с Израилем в экономической и научной областях.

В 2000–2001 гг. неоднократно исполнял роль посредника между Израилем и Палестинской Национальной Автономией (ПНА) с целью положить конец вооруженным столкновениям на палестинских территориях. С декабря 2000 г. является основным каналом связи между Египтом и Израилем. С мая 2002 г. занимается реформированием силовых структур ПНА. Поддерживает отношения с руководителями большинства спецслужб Ближнего Востока, а также тесные связи с главой ЦРУ.

Эксперты АМАНа, специализирующиеся на Египте, характеризуют этого человека как аса шпионажа высшего класса. По их данным, Омар Сулейман обладает прагматичным мышлением, инициативен, но при этом является превосходным исполнителем. Немногословен, отличается эмоциональной устойчивостью, хладнокровием и сдержанностью. Одна из главных его черт — полная преданность президенту.

Практически то же самое можно было услышать и от тех немногих израильских политических деятелей из окружения бывшего премьер-министра Ариэля Шарона, которые лично знакомы с главой египетской СОР и дали согласие хоть что-то рассказать об этом человеке. Отметим, что после одной из встреч с Омаром Сулейманом бывший министр обороны Израиля Биньямин (Фуад) Бен-Элиэзер сказал: «Это один из наиболее серьезных людей, с которыми я когда-либо был знаком».

В последние годы Омар Сулейман сконцентрировал в своих руках гораздо больше полномочий и власти, нежели другие египетские госчиновники, а также его коллеги в соседних арабских странах. Возглавляемая им структура имеет самые широкие полномочия, выходящие далеко за рамки непосредственно разведывательной деятельности.

Сегодня эта спецслужба отвечает не только за внешнюю разведку и контрразведку, но также обеспечивает личную безопасность президента и первых лиц государства и вместе с тем курирует важные политические и экономические вопросы как в самой стране, так и за ее пределами. Поэтому неудивительно, что человек, стоящий во главе столь мощной организации, является одной из фигур, наиболее приближенных к президенту Мубараку.

Кстати, дом, в котором проживает глава СОР со своей многочисленной семьей, расположенный в престижном районе египетской столицы Гелиополисе, находится практически в двух шагах от апартаментов самого президента. По уровню доверия, которое питает к Омару Сулейману египетский лидер, сравниться с шефом СОР могут лишь еще три человека: министр пропаганды Сафуат аш-Шариф, политический советник президента Осам аль-Баз и директор президентской канцелярии Захария Азми.

Лучший период отношений между спецслужбами Египта и СССР приходится на конец 60-х — начало 70-х годов. После смерти Гамаль Абдель Насера президентом Египта стал Анвар Садат, который постепенно стал менять политическую ориентацию с просоветской на проамериканскую.

22 сентября 1994 г. президент РФ Б. Ельцин подписал распоряжение № 492-рп «О заключении Соглашения между Федеральной службой контрразведки Российской Федерации и Службой общей разведки Арабской Республики Египет о сотрудничестве».

В последнее время в египетских СМИ стали все чаще появляться сообщения, содержащие информацию о работе СОР и ее руководителя. По мнению экспертов, идет целенаправленная PR-кампания, цель которой — «раскрутить» наиболее вероятного преемника нынешнего президента Египта. А представители западных и израильских спецслужб уже не раз заявляли, что в настоящее время больше всего шансов занять президентское кресло у могущественного руководителя СОР Омара Сулеймана аль-Рифаи.

Что касается Израиля, то в своем отношении к еврейскому государству, как подчеркивает израильский эксперт по спецслужбам Михаил Фальков, Сулейман Рифаи, как и в других вопросах внешней политики, руководствуется исключительно соображениями практической целесообразности и не разделяет истерично-патриотических взглядов многих египетских политиков, занимающих крайне антиизраильскую позицию. Уже после начала «Интифады Аль-Акса» он приложил максимум усилий для достижения перемирия между конфликтующими сторонами. Именно он был одним из главных инициаторов и участников активного египетского посредничества между Израилем и ПНА во второй половине 2000 г.

С приходом к власти Ариэля Шарона Сулейман Рифаи несколько раз посетил с тайными визитами Израиль, где встречался с премьером, главой МИДа Шимоном Пересом и министром обороны Бен-Элиэзером, а также с руководством израильских спецслужб. Он является практически единственным постоянным каналом связи между лидерами обоих государств. По мнению одного высокопоставленного представителя израильского руководства, «связи с этим человеком имеют первостепенное стратегическое значение для еврейского государства и ситуации во всем ближневосточном регионе».

Сегодня Сулейман Рифаи существенно укрепил контакты с ЦРУ и Службой общей разведки Иордании.

В силу всего вышесказанного ясно, что прогнозы израильских и западных спецслужб, согласно которым Сулейман Рифаи вполне может стать следующим президентом Египта, имеют под собой особо веские основания. Хотя в самом египетском истеблишменте есть немало весьма влиятельных фигур, не приемлющих подобного сценария развития событий. Так, противники шефа СОР имеются как среди ветеранов египетского МИДа, так и в армейском командовании.

Со времен Насера и вплоть до нынешнего лидера Египта во главе этой региональной державы стояли армейские офицеры. Не исключено, что вскоре эта традиция будет нарушена и на смену военной касте придут профессионалы из спецслужб.

* * *

Сирия в столь тонком деле, как спецслужбы, всегда опиралась на помощь более старших коллег. Возглавивший в 2000 г. страну после смерти отца Башар Асад традициям не изменил.

Этой традиции поиска «учителя» уже более полувека. Причем первыми в этой роли побывали специалисты из SS. Считается, что «отцом» спецслужб Сирии был Алоиз Брюннер, три раза приговоренный к смерти французским судом. По некоторым данным, вплоть до октября 1991 г. он жил в сирийской столице и лишь потом его перевезли в портовый город Латакию. По слухам, там он и умер в 1996 г.

Вторым «учителем» для спецслужб Сирии стал Египет. В феврале 1958 г. две страны объединились под названием Объединенной Арабской Республики. В таком качестве Сирия существовала до 1961 г.

В настоящее время политической полицией государства является служба внутренней безопасности. Однако контрразведкой занимается не только эта структура.

Есть сведения, что уже к 1987 г. аппарат внутренней безопасности состоял из огромного числа организаций с перекрывающими друг друга функциями, поскольку в других спецслужбах также были свои отделы внутренней безопасности. При этом каждая организация напрямую подчинялась президенту и его ближайшим советникам. Эти организации действовали совершенно независимо друг от друга и имели не совсем четко очерченные границы своих полномочий.

В начале 2000 г. во главе службы внутренней безопасности встал генерал Асеф Шаукат — муж старшей сестры президента Башара Асада. Сегодня его считают едва ли не самым влиятельным сирийским силовиком.

ИЗ ДОСЬЕ:

Шаукат родился в 1950 г. в городе Тартусе. Происходит из простой семьи алавитов³.

В 1968 г. поступил на юридический факультет госуниверситета, а также стал членом правящей партии БААС.

С 1972 по 1976 г. продолжал учебу в том же университете на историческом факультете. Тема докторской диссертации — великое сирийское восстание 1925 г.

В 1978 г. поступил в высшую военную академию. В 1983-м получил звание офицера.

³ Последователи одноименной шиитской секты. Название «алавиты» получили от имени халифа Али, которого почитают как воплощение бога. Другое название — нусайриты — от имени Ибн Нусайра (IX в.), считающегося основателем секты. Вероучение алавитов близко к исмаилизму, но включает также элементы древневосточных астральных культов и христианства. Алавиты почитают Солнце, Луну, веруют в переселение душ, отмечают ряд христианских праздников, носят христианские имена. В современной Сирии алавиты составляют 10–12% населения и проживают главным образом в окрестностях Латакии (северо-западная часть Сирии). Они составляют также значительную часть населения в турецкой Александрете (пограничная с Сирией область Турции). Алавиты являются ядром правящей в Сирии военной и партийно-государственной элиты. (Ред.)

В середине 80-х Шаукат был простым офицером сухопутных войск сирийской армии. В конце 80-х познакомился с единственной дочерью президента Хафеза Асада — Бушрой, которая была на 10 лет моложе его и в то время заканчивала учебу на факультете фармакологии Дамасского университета.

Семье не понравился выбор дочери. На сторону Шауката встал только Башар, нынешний президент. При его поддержке в 1995 г. Шаукат, разведясь со своей первой женой, официально женился на Бушре.

Единственному зятю было присвоено звание генерал-майора. После этого Башар очень сильно сблизился с Асефом, и тогдашний президент Хафез Асад даже назначил его советником сына по вопросам безопасности. Именно Шаукат был инициатором серии чисток в правительственном, армейском и партийном аппаратах.

Этим возвышением не все были довольны в президентской семье. В 1999 г. третий сын президента Асада — Махер даже стрелял в Шауката прямо во дворце. Но карьере зятя это не помешало.

Сначала он был назначен на пост заместителя директора Службы военной разведки, а в начале 2000 г. возглавил Службу внутренней безопасности.

В Сирии *четыре спецслужбы*. Все они находятся непосредственно под контролем президента и обладают перекрывающими друг друга функциями. Так что режим не зависит ни от одной из них. При этом внутри каждой службы начальники различных отделов часто напрямую подчинены президенту, а не своему номинальному директору.

Управление политической безопасности (УПБ) занимается выявлением признаков и следов организованной политической деятельности, направленной против интересов существующего режима. В его функции входит наблюдение и надзор за диссидентами, а также за деятельно-

стью иностранцев, находящихся в стране, и их контактами с местными жителями.

УПБ также осуществляет контроль за печатными изданиями, аудио- и видеопродукцией.

Главное управление безопасности (ГУБ) — основная гражданская разведывательная служба Сирии. Она делится на три отдела.

Отдел внутренней безопасности занимается надзором за населением страны (обязанность, которая пересекается с УПБ). Глава внутренней безопасности ГУБ является политическим советником Башара Асада.

Другие два отдела ГУБ занимаются осуществлением внешней безопасности (подобно ЦРУ). Это отдел по делам Палестины, который осуществляет контроль за деятельностью групп палестинцев в Сирии и Ливане. И отдел внешней безопасности.

Военная разведка. Формально она отвечает за обычный круг военных операций.

Однако эта служба также занимается предоставлением военной и материально-технической помощи палестинцам, ливанцам и турецким экстремистским группам. По данным западных СМИ, она осуществляет контроль за деятельностью диссидентов, а часто и организует теракты в отношении диссидентов за границей.

Воздушные разведывательные силы (ВРС). Несмотря на название, эта служба занимается не только своими прямыми обязанностями.

Одним из командующих сирийскими воздушными силами был в свое время Хафез Асад. После прихода к власти он сосредоточил внимание на этой спецслужбе. В результате около 30 лет этой службой командовал генерал-майор Мухаммед аль-Хаули, доверенный советник президента.

Внутри страны ВРС часто курировали спецоперации против исламских оппозиционных элементов. Например,

сыграли главную роль в подавлении «Братьев-мусульман» — секты фундаменталистов, восставших в 1970-х — начале 1980-х гг. В декабре 1999 г. ВРС провела общенациональную охоту на членов исламской либеральной партии «Хизб ат-Тахрир».

Считается, что именно ВРС курирует поддержку Сирией международного терроризма. По данным западных СМИ, агенты этой спецслужбы за границей в сирийских посольствах и филиалах компании Сирийских национальных авиалиний координировали десятки терактов. Самый известный, например, — попытка взорвать израильский лайнер в лондонском аэропорту Хитроу в апреле 1986 г.

* * *

В Ливане официальных, государственных *спецслужб три* — «Амн аль-Амн» (*Главное управление общей безопасности*), «Амн ад-Дауля» (*Управление государственной безопасности*) и «Мухабарат арми» (*Военная разведка*). Плюс Министерство внутренних дел, жандармерия и силы внутренней безопасности, выполняющие полицейские функции. Внешне это настолько логичная и простая схема, что напоминает структуру силовых ведомств какой-нибудь европейской страны.

Даже скандалы, в которые оказываются втянуты спецслужбы Ливана, очень похожи на европейские. Например, в 1999 г. министр почт и коммуникаций страны Исам Нуаман признал факт прослушивания спецслужбами телефонов высокопоставленных государственных и политических деятелей.

Расследование, проведенное МВД и соответствующим парламентским комитетом, показало, что практика прослушивания телефонных переговоров началась еще в 1948г. Как только это вскрылось, парламентская комиссия страны тут же направила в правительство для согласо-

вания проект закона о легализации прослушивания телефонных разговоров.

Но это лишь видимость. Даже принцип назначения на пост директора разведки не имеет ничего общего с тем, как это делают в Европе. К примеру, Ливан — многоконфессиональное государство, где живут христиане (причем как католики, так и православные) и мусульмане (шииты, сунниты и друзы). В результате в стране существует принцип конфессионального представительства во властных структурах.

Президент является христианином, премьер-министр — суннитом, а спикер парламента — шиитом. Тот же принцип раздачи должностей распространяется и на спецслужбы.

Однако, кроме вероисповедания, есть еще партийный принцип распределения портфелей. Партия «Амаль», в недалеком прошлом такая же боевая террористическая организация, как и «Хезболла», ныне остепенилась, встроилась в государственную систему власти и распустила собственные спецслужбы. Взамен «Амаль» получила возможность назначать своих людей в руководство спецслужб государственных.

Впрочем, и это еще не все. Ливан слишком долго был полигоном войны арабских стран с Израилем, чтобы полностью избавиться от протектората более сильных соседей. Если Израиль вывел свои войска в 2000 г. с территории Ливана, Сирия, военный контингент которой находился в стране с апреля 1976 г., сделала это совсем недавно.

Южный Ливан существует под властью шиитской радикальной группировки «Хезболла», которая в свою очередь имеет собственную разведку, контрразведку и службу безопасности. Курирует их знаменитый «террорист № 2» Имад Мугние по кличке «Гиена».

ИЗ ДОСЬЕ:

Имад Файез Мугни (Imad Mugniyah) родился в 1962 г. в Ливане. Свою карьеру начал в Объединенном управлении безопасности палестинского ФАТХа под руководством одного из ближайших соратников Ясира Арафата — Салаха Халафа, а в середине 80-х перешел в оперативный отдел «Хезболла». В его обязанности входило проведение разведывательных, диверсионных и террористических операций за пределами Ливана с помощью иранской разведки. Именно он курировал захват в 1985 г. в заложники двоих сотрудников советского посольства — Олега Спирина и Аркадия Каткова, сотрудника торгпредства Валерия Мырикова, а также врача посольства Николая Свирского.

Отношения между государственными спецслужбами и коллегами из «Хезболла» не являются внутренним делом Ливана. «Хезболла» предоставлена свобода действий в Южном Ливане в результате трехсторонних договоренностей Ливана, Ирана и Сирии, так как «Хезболла» несет основную тяжесть войны с Израилем. В результате каждый конфликт, который может возникнуть между властями страны и «Хезболла», будет иметь не внутренний, а международный характер.

Не стоит забывать, что на территории Южного Ливана до сих пор находится контингент КСИР — корпуса стражей исламской революции Ирана. Поэтому в настоящий момент «Хезболла» неприкосновенна.

14 февраля 2005 г. в Ливане был убит бывший премьер-министр Рафик аль-Харири. Оппозиция страны склонна обвинять в этой трагедии ливанские и сирийские спецслужбы.

Вскоре все руководители ливанских спецслужб были сняты со своих постов. Глава военной разведки Раймон Азар вместе с женой и детьми покинул страну и обосновался в Париже.

В Иордании «гражданские» спецслужбы главенствуют над военной разведкой. Хотя армия и является опорой режима, она тем не менее представляет потенциальную угрозу королевской семье. Во многих заговорах, имевших место в Иордании, военные всегда были главными действующими лицами.

Служба общей разведки (СОР) Иордании («Мухабарат аль-Амма») была создана в 1964 г. по решению государственного парламента. Ее первым руководителем был Мохаммед Расул аль-Гейлани. Он происходил из знатной семьи, являлся выпускником юридического факультета Дамасского университета.

По данным еженедельника «Версия», Аль-Гейлани начал карьеру в военной прокуратуре, затем служил в армейской разведке и в 1964 г. был назначен начальником «Мухабарат аль-Амма». На этой должности он проявил особое рвение в борьбе с палестинскими террористическими организациями, за что и был отправлен в отставку в 1968 г. Впоследствии он снова возглавил СОР в период 1973–1974 гг.

«Мухабарат аль-Амма» является наиболее мощной спецслужбой королевства и обеспечивает стабильность хашимитского режима. СОР одновременно исполняет функции внешней разведки и контрразведки. Она отслеживает деятельность иностранных спецслужб, террористических и оппозиционных организаций, а также другие явления антигосударственного характера.

Обычно на пост главы «Мухабарат аль-Амма» назначают высокопоставленного армейского офицера, который подчиняется премьер-министру и является личным советником короля. Отбор новых сотрудников проводится на основании их интеллектуальных показателей, происхождения и преданности режиму.

Помимо высокопрофессионального персонала, СОР обладает современной технической базой. Благодаря этому за годы существования Служба общей разведки зарекомендовала себя как весьма эффективная спецслужба. Она контролирует почти все сферы общественно-политической жизни в стране.

«Мухабарат аль-Амма» также обладает практически неограниченными полномочиями. В пределах Иордании СОР имеет многочисленную агентурную сеть.

В прошлом СОР уделяла первостепенное внимание палестинским организациям. В последнее десятилетие их место заняли исламистские группировки.

Штаб-квартира делится на несколько управлений. Наиболее важным является Управление внутренней безопасности. Оно специализируется на исламистских и палестинских организациях, а также контролирует все религиозные учреждения, оппозицию, студенческое движение и лагеря беженцев.

Важными звеньями СОР являются Управление разведки по арабским странам, исследовательское управление, отдел пропаганды и др.

СОР также обеспечивает безопасность иорданских посольств за рубежом и охраняет важные государственные объекты внутри страны.

Штаб-квартира службы общей разведки находится в Аммане. Ее региональные отделения также действуют в городах Эз-Зарка, Ирбид, Джараш, Эс-Салт, Мадаба, Эль-Мафрак, Акаба, Маан, Тафила и Карах.

С момента вступления на иорданский престол король Абдалла II, как отмечают эксперты сайта «Агентура.ру», утратил то влияние на израильско-палестинские отношения, которое имел его покойный отец. Сегодня на региональном уровне он, бесспорно, уступает египетскому президенту Хосни Мубараку. Позиции на Западном берегу

Иордана и особенно в Восточном Иерусалиме также значительно ослабли.

При короле Хусейне хашимитский престол имел немалое влияние на религиозную жизнь в этом районе и даже считался хранителем мусульманских святынь. Теперь же об этом почти никто не вспоминает. Однако главное испытание Абдалле еще предстоит преодолеть. Наиболее серьезная опасность его режиму кроется в самой Иордании. Недавние террористические акты — тому свидетельство...

Уместно напомнить, что в Иордании организованную оппозицию режиму представляют различные исламистские группировки, которых в королевстве больше десятка. Многие из них тесно связаны со своими единомышленниками в Самарии, Иудее и секторе Газа. Это в первую очередь касается отделения «Аль-Ихван аль-Муслимун» («Ассоциация мусульманских братьев»), ХАМАСа и ряда группировок «Аль-Джихад аль-Ислами» («Исламский джихад»). Основной их костяк составляют палестинцы.

Вместе с тем палестинская община в Иордании (более 60% населения) в большинстве своем традиционно придерживается оппозиционных настроений. Почти все теракты, происшедшие в Хашимитском Королевстве с момента его образования, также были делом рук палестинцев.

В свете вышесказанного, правящая элита с самого начала воспринимала «Интифаду Аль-Акса» как реальную угрозу стабильности режима. В то же время королю Абдалле приходилось постоянно лавировать между «арабским единством», настроениями «своих» палестинцев, с одной стороны, и объективными геополитическими и экономическими интересами монархии — с другой.

Не менее парадоксальным является и отношение Аммана к вопросу о независимом палестинском государстве. На всех официальных конференциях, форумах, встречах и т. п. иорданские представители решительно выступали за его создание. Однако на тайных переговорах с амери-

канцами и израильтянами они высказывали опасения, что «независимая Палестина» окажет дестабилизирующее влияние на Иорданию. Более всего правящую верхушку страны пугает переход Иорданской долины под юрисдикцию Палестины. При подобном сценарии этот район (до 1967 г. находился под контролем Аммана) может превратиться в плацдарм для иорданской оппозиции.

До начала «Интифады аль-Акса» Службой общей разведки руководил Самих аль-Батихи и справлялся со своими обязанностями довольно успешно. Однако новая ситуация в регионе потребовала нового подхода к деятельности иорданской разведки. Поэтому король Абдалла решил заменить Батихи более молодым Саадом Хиром.

Сразу после вступления в должность состоялся визит нового шефа «Мухаббарат аль-Амма» в королевский дворец в Аммане. Там он на протяжении нескольких часов с глазу на глаз беседовал с иорданским монархом. Содержание этого разговора неизвестно. Однако имеется информация, что уже на следующий день в канцелярии Саада Хира был составлен весьма любопытный документ с грифом «совершенно секретно — для служебного пользования».

Он предназначался для глав оперативных отделов Управления внутренней безопасности и Управления разведки по арабским странам в «Мухаббарат аль-Амма». В нем, в частности, обозначались новые приоритетные направления в работе данных управлений с корректировкой на изменившуюся ситуацию в регионе.

Взрывы, прогремевшие 9 ноября 2005 г. в Аммане, являются ни чем иным, как отголоском трагедии американских башен-близнецов. Как отмечают наблюдатели, Хашимитское Королевство вызывало ненависть экстремистов еще во времена короля Хусейна, отца нынешнего монарха. В 1970 г. он выгнал из страны распоясавшихся палестинских боевиков, устроив бойню, которая вошла в историю

как «Черный сентябрь», а в 1994 г. король Хусейн подписал мирный договор с Израилем. И сегодня Иордания по-прежнему продолжает ту же политику. Король Абдалла — один из немногих, кто остался союзником США во время иракской кампании, предоставив американцам 15 аэродромов вместе с личным составом и техникой.

Американские спецслужбы сразу же усмотрели в терактах в гостиницах Аммана «следы» самого разыскиваемого в мире террориста, лидера иракского отделения «Аль-Каиды» — Абу Мусаба аз-Заркауи⁴.

После трагических событий в Аммане Абдалла переживает самый тяжелый период с того момента, как вззошел на престол в 1999 г. Потребуется немало времени, чтобы затянулась рана, оставленная терактами, в которых погибло 57 человек.

* * *

Спецслужбы Саудовской Аравии последние тридцать лет по самым разным причинам оказывались участниками важных мировых событий. Им отводилась важнейшая роль в организации моджахедского движения в Афгани-

⁴ Абу Мусаба аз-Заркауи (20.10.1966—7.06.2006) родился в г. Зарка (Иордания), неподалеку от Аммана. Его настоящее имя, предположительно, — Ахмед Фадыль Халейла. Международный террорист, иорданец по происхождению, руководитель созданной им организации «Единобожие и джихад» («Al-Tawhid Wal-Jihad»). Ветеран Афганской войны, в годы которой воевал против Советской армии. По возвращении в Иорданию был замечен в подрывных действиях против короля, за что был арестован и провел семь лет в тюрьме (1992—1999). С 2003 г. — в Ираке. Подозревался в организации там множества террористических актов, направленных против иностранцев, иракцев, сотрудничающих с оккупационными властями, и иракских шиитов. По данным американских спецслужб, аз-Заркауи был одним из ближайших соратников Осамы бен Ладена в международной террористической организации «Аль-Каида». 7 июня 2006 г. аз-Заркауи и семь его соратников были убиты двумя бомбами, сброшенными американским истребителем-бомбардировщиком F-16. (Ред.)

стане в 80-х годах; в 90-х они очень близко контактировали с движением Талибан. В конце прошлого века *Служба общей разведки* Саудовской Аравии (СОР — по-арабски «Истихбарат аль-Амма») все чаще упоминалась в качестве центрального игрока в организации экспорта арабских наемников, в том числе и в Чечню.

Контролируя исламские святыни в Мекке, Медине и почти четверть мировых запасов нефти, Эр-Рияд настойчиво претендует на лидерство в мусульманском мире. Осуществлению его геополитических амбиций во многом способствует внутренняя стабильность режима королевской семьи.

Она опирается на три основные силы: членов правящего клана, ваххабитское духовенство и мощную систему безопасности. Последняя включает в себя МВД, службы общей разведки и контрразведки, а также Национальную гвардию. К ним примыкает бригада № 1 специального назначения имени Фейсала бин-Турки, занимающая привилегированное положение в составе вооруженных сил.

СОР представляет собой одну из самых засекреченных разведок исламского мира. Она была создана во второй половине 50-х, чуть позже остальных структур безопасности королевства. Важную роль в ее формировании и подготовке кадров сыграли инструкторы ЦРУ.

На начальном этапе главная задача СОР заключалась в нейтрализации подрывной деятельности арабских государств, особенно Ирака и Египта, направленной на свержение монархии и поддержку левой оппозиции. Первостепенное внимание уделялось Каиру — главному противнику Эр-Рияда на внутриарабской арене.

С середины 60-х СОР приступает к оказанию помощи организации «Братья-мусульмане», представлявшей основную оппозицию президенту Насеру. В дальнейшем сотрудничество с этой организацией и отколовшимися от

нее более радикальными группировками стала приоритетным направлением работы саудовской разведки.

Возглавивший ее в 1976 г. Турки аль-Фейсал значительно усовершенствовал механизм взаимодействия с исламистским движением. По его инициативе и с помощью «Братьев-мусульман» служба превратилась в главное средство тайного саудовского влияния на международном уровне.

Кстати, проявившийся в начале 70-х резкий рост цен на мировом нефтяном рынке создал для этого чрезвычайно благоприятные условия, так как существенная часть полученных доходов отчислялась на нужды разведки. Она же финансировала десятки исламистских организаций религиозно-просветительского и военно-политического характера в странах Азии и Африки. Их тайные связи с всемирным руководством организации «Братья-мусульмане», а через него и зависимость от СОР, позволяли Эр-Рияду эффективно воздействовать на обстановку в указанных регионах.

В середине 70-х разведка Саудовской Аравии заметно укрепляет сотрудничество со спецслужбами США и Франции. Совместно с ними СОР разрабатывает глобальную доктрину нейтрализации советского присутствия в мусульманских странах. С этой целью в 1976 г. формируется так называемый «Сафари-клуб», в который вошли разведслужбы Эр-Рияда, Тегерана, Каира и Рабата. Деятельность этого альянса финансируется Саудовской Аравией.

Во многих регионах Азии и Африки она направлена на создание или поддержку исламских организаций, представляющих альтернативу просоветским освободительным движениям или режимам, связанным с СССР. Так, совместно с Египтом Саудовская Аравия поддерживает исламскую оппозицию Южного Йемена, а вместе с Марокко ангольскую группировку УНИТА.

В качестве противовеса советскому влиянию на ряд фракций ООП, руководство Сирии, Ливии и Алжира СОР с помощью других членов «Сафари-клуб» начинает оказывать помощь их внутренним противникам — исламистам. В 1978 г., после революции в Афганистане, аналогичное сотрудничество Турки аль-Фейсал устанавливает с шефом пакистанской разведки (ИСИ) Гейлани Ханом. Оно было направлено не только на поддержку исламской оппозиции Афганистан, но и исламистских группировок Индии — стратегического союзника СССР в Южной Азии.

На рубеже 70-х — 80-х годов СОР меняет свою тактику. Не без участия этнического узбека Ходжи Джамшида, советника Турки аль-Фейсала по мусульманским вопросам в СССР, саудовская разведка переходит к операциям непосредственно против Советского Союза. Первым шагом в этом направлении стало создание в 1978 г. Международной организации свободной печати и информации со штаб-квартирой в Каире.

Несколько лет спустя при участии «Сафари-клуба» (который к тому времени покинула иранская разведка) создается организация «Мактаб аль-Хидмат», ответственная за мобилизацию добровольцев на войну в Афганистане. Главными ее покровителями выступают Турки аль-Фейсал и Уильям Кейси, в январе 1981 г. возглавивший ЦРУ. Они же являлись авторами глобальной диверсии против Москвы, основанной на манипуляции ценами на мировом нефтяном рынке — так планировалось подорвать советскую экономику.

Для дестабилизации внутривосточной обстановки в СССР СОР и ЦРУ разрабатывают план поддержки исламского подполья в Средней Азии и на Кавказе. Для его реализации задействуются самые разные структуры — от «безобидного» Летнего лингвистического института до «Хезб-и Ислами» Хекматияра. Кстати, в то время СОР имела своих агентов даже в советской столице. Ими явля-

лись арабские студенты, обучавшиеся в вузах Москвы и относившиеся к местному отделению «Братьев-мусульман».

В первой половине 90-х СОР наравне с ИСИ выступила одним из создателей движения «Талибан» и вплоть до начала 2002-го поддерживала с ним довольно тесные контакты (в том числе через посла Саудовской Аравии в Исламабаде). Не менее активную деятельность СОР развернула через различные структуры, связанные с организацией «Братья-мусульмане», и при поддержке ИСИ в бывших советских республиках Средней Азии, в Грузии, Азербайджане и мусульманских регионах России. Согласно некоторым источникам, в данном случае также использовались саудовские дипломаты, в частности, глава исламского отдела посольства в Москве Сулейман аль-Могоши и консул Абдалла аль-Хамиди.

В 2001 г. СОР заметно сократила масштабы своей деятельности в России. В августе того же года, ровно за 11 дней до терактов в США, Турки аль-Фейсал покинул свой пост, а в июле 2002-го было объявлено о его новой должности — посла Саудовской Аравии в Лондоне. Вместо него СОР возглавил Наиф ибн Абд аль-Азиз, назначивший своим заместителем по оперативной части генерал-лейтенанта Махмуда бин-Мухаммада Бахша.

ИЗ ДОСЬЕ:

Наиф ибн Абд аль-Азиз — двадцатый сын основателя современного Саудовского Королевства Абд аль-Азиза, брат наследного принца Абдаллы.

Родился в 1934 г. Начал карьеру как губернатор Эр-Рияда. Затем занимал должность главы Министерства финансов. В 1970 г. возглавил МВД. В том же году вошел в состав так называемой «семерки Судайри», определяющей внутреннюю и внешнюю политику королевства.

С начала 90-х уделяет большое внимание развитию связей с мусульманскими странами, в частности с монар-

хиями Персидского залива, Пакистаном, Ираном и Палестиной. Возглавляет «Комиссию гуманитарной помощи интифаде Аль-Акса», оказывающей поддержку палестинскому исламистскому движению.

В марте 2002 г., накануне 14-го саммита Лиги арабских государств с ним, случился инсульт. Он был госпитализирован в больницу Американского университета в Бейруте. Сейчас Наиф ибн Абд аль-Азиз полностью вернулся к активной работе.

Саудовская Аравия создала *Службу финансовой разведки* для борьбы с финансированием терроризма. По словам экспертов, создание такой разведки (она будет собирать, анализировать финансовую информацию и обмениваться ею с зарубежными коллегами для отслеживания и борьбы с отмыванием денег и спонсированием террористов) — важнейший шаг, демонстрирующий приверженность королевства борьбе с отмыванием денег и терроризмом. Пока подобные подразделения имеются только в четырех арабских государствах: Египте, Ливане, Бахрейне и ОАЭ.

Возглавивший ее в 1976 г. Турки аль-Фейсал значительно усовершенствовал механизм взаимодействия с исламистским движением. По его инициативе и с помощью «Братьев-мусульман» служба превратилась в главное средство тайного саудовского влияния на международном уровне.

Кстати, проявившийся в начале 70-х резкий рост цен на мировом нефтяном рынке создал для этого чрезвычайно благоприятные условия, так как существенная часть полученных доходов отчислялась на нужды разведки. Она же финансировала десятки исламистских организаций религиозно-просветительского и военно-политического характера в странах Азии и Африки. Их тайные связи с Всемирным руководством организации «Братья-мусуль-

мане», а через него и зависимость от СОР, позволяли Эр-Рияду эффективно воздействовать на обстановку в указанных регионах.

* * *

Президент Алжира Абдельазиз Бутефлика, избранный в 1999 г., в феврале следующего года произвел ряд перестановок в высшем армейском командовании: заменил командующих четырьмя из шести военных округов и поменял командование в Национальной жандармерии, Военно-морском флоте, Республиканской гвардии и Главном штабе сухопутных сил. На ключевые посты он выдвинул выпускников советских и французских военных вузов.

Та же линия проводилась и в спецслужбах.

Сегодня алжирское разведывательное сообщество включает *Управление разведки и безопасности, Управление внутренней безопасности, Управление документации и безопасности, Службу специальной безопасности, Командование по координации борьбы против повстанцев, спецназ.*

В июне 2002 г. был сформирован новый кабинет министров Алжира. Пост министра МВД занял патриарх алжирских спецслужб — 64-летний Нуриддин Язид Зерхуни. Он начал свою карьеру еще в 1956 г. в рядах Фронта национального освобождения (ФНО) и принимал активное участие в сопротивлении французским колониальным властям. В 60-е — 70-е годы был одной из ключевых фигур в разведывательном сообществе страны. Его активность распространялась как на близлежащие страны Магриба и Арабского Востока, так и отдаленные районы Африканского континента. При этом Зерхуни установил тесные связи с представителями спецслужб Египта, Кубы и ФРГ.

Пришедший к власти в 1979 г. Шадли Бенджедид рассматривал Зерхуни как опасного соперника и поэтому в

1982-м отправил его послом в далекую Мексику. С 1987 по 1992 г. он возглавлял алжирское посольство в США.

Вернувшись на родину, Зерхуни ушел на пенсию. Однако семь лет спустя новый президент Абдельазиз Бутефлика вновь призвал его на службу.

Зерхуни стал одним из трех министров, перешедших из старого правительственного кабинета в новый. Его главной задачей на посту шефа МВД стала борьба с радикальными исламскими группировками и развитие связей со спецслужбами Магриба, Ближнего Востока и Европы.

Последние 20 лет алжирские спецслужбы подвергались неоднократным и часто совершенно бессмысленным реформам. Их постоянно сливали, переименовывали и вновь разделяли. Конечно, на этот процесс в том числе влияла масштабная и, в целом, довольно неудачная борьба с исламскими экстремистами. В 1993 г. она и привела Алжир к гражданской войне, многочисленным терактам, убийствам иностранных туристов и дипломатов.

* * *

Тунис получил независимость в 1956 г. В марте того же года прошли выборы в Национальное собрание. Хабиб Бургиба сформировал свое первое правительство.

25 июля 1957 г. провозглашена республика. Президентом был избран Бургиба.

7 ноября 1987 г. он был свергнут. В этот день, в 7.30 утра, из репродукторов раздался голос премьер-министра Туниса Зина аль-Абидине Бен-Али, объявившего о свержении Бургибы и назначении самого себя президентом Туниса. По официальной версии, этим поступком Бен-Али была сорвана угроза путча, подготовленного фундаменталистами и назначенного на утро 8 ноября.

Бен-Али остается президентом страны и сегодня.

В 2002 г. тунисские спецслужбы активизировали свою деятельность в международных и региональных органи-

зациях в контексте борьбы с международным терроризмом. Президент Бен-Али поставил на первый план задачи по исключению условий для реанимации в Тунисе исламистского движения, способного дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в стране. По оценке тунисского руководства, религиозный фанатизм является основной потенциальной угрозой стабильности и безопасности страны. Тунис присоединился к 11 из 12 универсальных конвенций в области сотрудничества в борьбе с международным терроризмом.

23 июля 2003 г. министр внутренних дел и местного развития Хеди Мхенни заявил на заседании парламента, что за шесть месяцев 2003 г. тунисским спецслужбам удалось предотвратить 66 попыток незаконной эмиграции из Туниса в европейские страны морским путем. При этом, сказал министр, из 1329 задержанных 70% составили граждане из соседних с Тунисом африканских государств и из стран Азии.

Тунисские спецслужбы решают и внутренние задачи. Они направлены на осуществление плотного контроля за исламистской оппозицией внутри страны и за ее пределами, пресечение любых проявлений зарождения каких-либо политических организаций на религиозной основе, недопущение проникновения на территорию страны экстремистских групп, оружия, взрывчатых веществ, фальшивых денежных знаков и наркотиков, задержание и экстрадицию преступников и подозреваемых в совершении опасных преступлений.

С помощью взаимодействия со спецслужбами европейских (Бельгия, Италия) и арабских (Алжир) стран правоохранительным органам Туниса удалось вскрыть принадлежность 34 тунисцев к исламистской террористической группировке «Ахль аль-джамаа ва-с-Сунна», действовавшей на территории Италии в качестве структурного звена сети обеспечения и вербовки наемников для «Аль-Каиды».

Продолжаются контакты между спецслужбами Туниса и Бельгии в плане поиска лиц, входивших в состав связанной с «Аль-Каидой» так называемой «Тунисской исламской боевой группы». По данным представителей спецслужб, двое членов этой группы, выдавая себя за журналистов, в сентябре 2001 г. совершили убийство лидера афганского Северного альянса Ахмеда Шах Масуда.

Сегодня в разведывательное сообщество Туниса входят:

Министерство внутренних дел и местного развития;

Управление госбезопасности;

Жандармерия;

Специальные органы при Министерстве обороны.

* * *

В 1999 г. внезапно скончался король Марокко Хассан II. Освободившийся трон занял его 35-летний сын Сиди Мухамед (Мухамед VI или, как его называют марокканцы, «М-6»).

Первым делом новый король сменил шефа Службы контрразведки, назначив на этот пост полковника Хамиду Лаанигри. Кроме того, он уволил всемогущего при прежнем короле министра внутренних дел Дрисса Бассри, заменив его на Ахмеда Мидауи. Монарх также создал новый пост государственного секретаря по внутренним делам, назначив на него личного друга нового министра МВД Фуада Али эль-Химму.

Несколько лет назад по инициативе короля состоялись две тайные встречи представителей спецслужб и МИД Марокко с их израильскими коллегами. В ходе переговоров обсуждались вопросы возобновления двустороннего сотрудничества в области безопасности, в частности в борьбе с исламистскими организациями, а также перспектива активизации посреднических усилий Рабата в израильско-палестинском конфликте.

Инициатива возобновить диалог с Израилем, прерванный в результате «Интифады Аль-Акса», также принадлежала Мухамеду VI. Одновременно значительно активизировалось сотрудничество марокканских спецслужб с МВД и Службой общей разведки Саудовской Аравии.

* * *

Сегодня в распоряжении лидера Ливии полковника Муамара Каддафи две спецслужбы: Военная разведка («Истихбарат аль-Аскаррия») и *Секретная организация Джамахирии* («Хаят Амн аль-Джамахирия») — ливийский аналог КГБ.

С декабря 2002 г. военной разведкой руководит Абдалла Санусси. Секретную организацию Джамахирии возглавляет Муса Куса в ранге заместителя министра иностранных дел, который отличился в деле Локерби⁵. Кроме того, Муса Куса возглавляет так называемый «Антиимпериалистический центр», используемый для поддержки террористов. Второй человек в Секретной организации — Сулейман Ашири.

Внутреннюю безопасность возглавляет министр юстиции и общественной безопасности Мухаммед Али аль-Мисрати.

Функции по поддержанию порядка осуществляют батальоны безопасности («Катаиб аль-Амн»). Они расположены во всех крупных ливийских городах.

⁵ Взрыв самолета «Boeing 747» американской авиакомпании «Пан-эм» 21 декабря 1988 г. над шотландским селением Локерби; в катастрофе погибли все 259 пассажиров самолета и 11 жителей Локерби. В результате расследования выяснилось, что теракт устроили сотрудники ливийских спецслужб. В 1998 г. Ливия выдала двух подозреваемых Голландии, которых судили по шотландским законам. Суд, проходивший с 3 мая 2000 г. по 19 января 2001 г., признал гражданина Ливии, 48-летнего Абдельбасет али-Мохмеда аль-Меграхи, виновным в организации взрыва. Второго подсудимого, 44-летнего аль-Амин Халифа Фиму, судьи признали невиновным. (Ред.)

Кадафи не стесняется расставлять на ключевые посты в спецслужбах людей, которые в европейских странах обвиняются в терроризме. Например, Абдаллу Санусси в 1999 г. во Франции заочно приговорили к пожизненной каторге за организацию взрыва на борту гражданского авиалайнера ДС-10⁶. Но это не помешало ливийскому лидеру назначить его шефом военной разведки, тем более что до этого он руководил секретной организацией Джамахирии.

* * *

За обеспечение государственной безопасности в Катаре отвечают три структуры: *Полиция расследований* («Мухабарат»), *Управление расследований госбезопасности* («Мабахис») и *военная разведка* («Мухабарат аль-Аскария»).

Полиция расследований входит в состав Министерства внутренних дел. В задачи Управления расследований госбезопасности входит борьба со шпионажем.

Основной задачей военной разведки является обеспечение безопасности вооруженных сил Катара. Она также отвечает и за борьбу с терроризмом и политическими диссидентами.

Катарский закон предусматривает лишь два сценария развития событий для лиц, обвиненных в шпионаже. Смертную казнь или полное оправдание.

⁶ Французский самолет ДС-10, принадлежащий авиакомпании ЮТА, взорвался в воздухе 19 сентября 1989 г. Он совершал полет по маршруту Браззавиль – Париж; катастрофа произошла над территорией Нигера. Погибли 170 человек – пассажиров и членов экипажа, в том числе 65 французов и 105 граждан еще 16 стран. Как и в случае с американским «боингом», выяснение обстоятельств трагедии выявило причастность к ней Ливии. Таким образом Триполи хотел «наказать Париж за позицию, занятую в конфликте в Чаде», где в конце 80-х гг. французы оказывали военную поддержку тамошним властям в их борьбе с проливийски настроенными повстанцами. (Ред.)

Спецслужбы Катара поддерживают достаточно тесные контакты с разведсообществом Израиля.

* * *

Важную роль в противостоянии с Израилем играют палестинские спецслужбы. С 1993 г. и до конца 2004-го там насчитывалось 13 силовых ведомств.

1. *«Подразделение-17»* («Аль-Амн ар-Риаса» — «Безопасность руководства») — де-факто личная гвардия покойного Ясира Арафата. Это элитная боевая часть, насчитывающая около 3 тыс. бойцов и офицеров. Командир — Фейсал Абу-Шарх. Создана в начале 70-х одним из организаторов теракта на Мюнхенской олимпиаде 1972 г. Али Хасаном Саламе (ликвидирован израильцами в январе 1979-го) для защиты лидеров Организации освобождения Палестины (ООП). Сотрудники «Подразделения-17» были причастны ко множеству терактов и диверсий.

2. *Национальная безопасность* («Аль-Амн аль-Ватани» — «Безопасность родины») — сформирована из бывшей Армии освобождения Палестины (около 14 тыс. боевиков). Командир в секторе Газа — генерал Абд ар-Разек аль-Маджайде, командующий на Западном берегу — генерал Хадж Исмаил. Основная задача — защита стратегических объектов.

3. Военная разведка («Аль-Истихбарат аль-Аскария») — одна из наиболее засекреченных спецслужб. Была сформирована в 1993–1994 гг. Ее штат значительно меньше, чем у большинства других спецслужб автономии.

Данное ведомство отслеживает ту сферу деятельности политических группировок автономии, которая угрожает стабильности режима. Особое внимание она уделяет ХАМАСу, а также внутренней оппозиции в структуре ФАТХа и палестинских спецслужбах.

С конца 1993 г. сотрудники военной разведки раскрыли целый ряд готовившихся покушений на Арафата.

Наибольшую известность получила одна из первых операций этой спецслужбы, успешно проведенная осенью 1993 г. Тогда был раскрыт план покушения на палестинца № 1, готовившийся иранскими спецслужбами совместно с экстремистскими организациями Абу-Нидалья («ФАТХ — Революционный совет») и Ахмеда Джибриля («Народный фронт освобождения Палестины — Главное командование»). Эта операция значительно ускорила процесс формирования нынешней структуры военной разведки.

Два года спустя, в ноябре 1995 г., оперативники военной разведки арестовали пятерых палестинцев, прибывших из Алжира и Ливии с целью ликвидации Арафата. Все они действовали по указанию того же Абу-Нидалья.

Во второй половине 90-х годов руководство «Аль-Истихбарат аль-Аскария» наладило тайные связи со многими лидерами и командирами палестинских экстремистских организаций (в первую очередь исламистских). Используя эти связи, шефу военной разведки неоднократно удавалось договориться с ними о «замораживании» терактов против Израиля. Это делалось преимущественно в тех случаях, когда террористическая деятельность противоречила интересам администрации автономии.

Сотрудники военной разведки также занимаются расследованием незаконных действий других спецслужб автономии. Помимо этого, в сферу ее деятельности входят и вопросы исключительно военного характера. По некоторым данным, с середины 90-х годов военная разведка занималась закупкой современного тяжелого вооружения и средств связи за границей.

Бессменным шефом является генерал Муса Арафат (двоюродный брат Ясира Арафата). В отличие от руководителей других секретных служб автономии, он избегает контактов с израильянами.

Есть документальные свидетельства причастности сотрудников к организации терактов и связях с «Бригадами мучеников аль-Акса» (ФАТХ).

4. *Служба общей безопасности* («Аль-Амн аль-Викаий») — самая мощная секретная служба автономии. Она была первой палестинской спецслужбой, признанной Израилем. Официально считается контрразведывательным органом, однако в действительности имеет гораздо более широкий комплекс полномочий.

Ее главные обязанности — обеспечение внутренней безопасности, контроль над оппозиционными экстремистскими группировками и политическими организациями. Помимо прочего занимается сбором разведывательной информации на территории Израиля. Многие ее сотрудники до принятия на службу являлись активистами ФАТХа и были причастны к террору.

Насчитывает свыше 5 тыс. постоянных сотрудников и тысячи агентов. Руководитель в секторе Газа — Рашид Абу-Шбак, на Западном берегу — Зияд Харб ар-Рих (ранее эти должности занимали Мохаммед Дахлан и Джибриль Раджуб).

5. *Служба общей разведки* («Аль-Мухабарат аль-Амма») — аналог израильской разведки «Моссад». Была создана в Тунисе генералом Амином аль-Хинди. Он же возглавляет организацию в секторе Газа.

В прошлом он был членом знаменитой террористической организации «Черный сентябрь» и причастен к убийству 11 израильских спортсменов в Мюнхене в сентябре 1972 г. После этого ушел в глубокое подполье, опасаясь возмездия израильских спецслужб. С конца 80-х — начала 90-х отвечал в структуре ООП за установление связей с ЦРУ.

Командир на Западном берегу — Тауфик Тирауи.

Обучение осуществляли сотрудники ЦРУ. Основная задача — противодействие ШАБАКу. Спецслужба проводит операции как на территории автономии, так и за ее пределами. Она обладает разветвленной агентурной сетью на базе палестинской диаспоры в странах Ближнего

Востока, а также в США, Латинской Америке и Западной Европе. Она курирует сотрудничество палестинских спецслужб с параллельными организациями за рубежом.

В составе «Мухабарат аль-Амма» насчитывается около 3 тыс. кадровых офицеров. Причастна к организации диверсий против израильских военных и сотрудников спецслужб.

6. *Специальная безопасность* («Аль-Амн аль-Хас») — секретная служба, несколько десятков сотрудников. Руководитель — Мухаммад Натур. Основная задача: сбор информации об оппозиционных организациях, проведение внутренних расследований.

7. *Полиция* («Аш-Шурта») — свыше 12 тыс. сотрудников (7,5 тыс. — в секторе Газа, 4,7 тыс. — на Западном берегу). Начальник — генерал Рази Джибали. Обучение осуществляли сотрудники полиции стран Европы (в частности, Великобритании). С осени 2005 г. обучают египетские инструкторы. Выполняет стандартную полицейскую работу: ежедневное патрулирование, задержание преступников, расследование преступлений. В последние годы работает крайне неэффективно. Сотрудники палестинской полиции неоднократно препятствовали действиям израильских военных на территории автономии.

8. *Морская полиция* («Аш-Шурта аль-Бахрия» — «Береговая охрана») — около тысячи сотрудников. Командир — Джумаа Рэйли. Задача: патрулирование прибрежной зоны и охрана тюрем, где содержатся «морские нарушители».

9. *Женская полиция* («Аш-Шурта аль-Нисайя») — примерно 300 сотрудниц. Командир — Фатма Барнауи. Задача: регулярное патрулирование и борьба с правонарушительницами.

10. *Гражданская оборона* («Ад-Дифа аль-Мадани») — около 1,5 тыс. оплачиваемых сотрудников, не считая добровольцев. Руководитель — Махмуд Абу-Марзук. Задача:

эвакуация населения в критических ситуациях и пожарная охрана.

11. *Воздушная полиция* («Аш-Шурта аль-Джавийя») — несколько десятков сотрудников. Командующий — бригадный генерал Фати Зейдан. Задача: обеспечение безопасности полетов и контроль авиаперевозок (в течение последних трех лет, после того как вертолеты Арафата были уничтожены, служба неактуальна).

12. *Общая администрация служб безопасности* («Идара аль-Амма аль-Амн») — численность неизвестна. Руководитель — Юсеф Насер Биштауи. Задача: координация организационных действий всех силовых ведомств (поставка амуниции, страховка сотрудников, медицинское обслуживание, подготовка и инструктаж, финансирование). Кроме того, занимается координацией действий при охране мероприятий, в которых принимают участие палестинские лидеры.

13. *Совет безопасности Палестины*. Создан в 2003 г. Арафатом. Является органом по координации всех силовых ведомств.

Общая численность палестинских силовых ведомств на сегодняшний день — свыше 40 тыс. оплачиваемых сотрудников.

Если верить израильским спецслужбам, то их палестинские коллеги создали законспирированные группы для проведения терактов против ЦАХАЛа и поселенцев на «территориях» и в пределах Израиля. При этом террористы не связаны с ними напрямую, чтобы избежать обвинений в адрес администрации.

Созданием террористической сети занимались главным образом Мухаммад Дахлан и генерал Тауфик Тирауи (позднее его заменил Джибриль Раджуб). В состав террористических групп вошли в основном сотрудники этих спецслужб. Финансирование производится из бюджета упомянутых ведомств.

Кстати, агенты Тирауи сыграли решающую роль в организации волнений на Храмовой горе в Иерусалиме после визита Шарона.

Надо сказать, что и Дахлан, и Раджуб ввели широко-масштабную практику внесудебных преследований, ликвидаций и пыток. Каждый из них наделен сверх всякой меры криминальной психологией. Неудивительно, что оба замешаны в рэкрете на бензоколонках и полулегальном сборе мзды с населения в ведомственную кассу.

Личный состав внутренней полиции полностью перешел на муниципальные ставки и, чтобы подзаработать, некоторые военнослужащие совмещают службу в иных формированиях. При этом сам Арафат сохранял со своими подчиненными традиционно ровные отношения, никого не приближая к себе, оставаясь отцом нации.

Совету национальной безопасности автономии, согласно постановлению палестинского парламента, предстоит стать наиболее влиятельным органом в аппарате спецслужб, контролирующим деятельность всех других подразделений. Служба безопасности будет состоять из трех основных органов: служба общей безопасности, разведка и служба национальной безопасности, куда будут входить и армейские части, которые еще предстоит сформировать. Возглавить совет по национальной безопасности, согласно новым законам, предстоит старому или новому премьер-министру.

Общий контроль над спецслужбами будет сосредоточен в руках вновь избранного главы автономии Махмуда Аббаса...

Послесловие

Долгое время в Израиле о спецслужбах, во главе которых стоит «Моссад», было принято писать только хорошее, либо вообще не писать ничего. Как по заказу на свет появлялись

газетные заметки, статьи, книги, выходили телефильмы, прославляющие подвиги «рыцарей плаща и кинжала», живописующие их неутомимую борьбу с арабскими террористами и неограниченные возможности отважных разведчиков, для которых якобы не существует тайн. За спиной этих произведений стоял, как правило, «Моссад», который за свою больше чем полувековую историю научился превращать в пропагандистские победы даже свои очевидные провалы.

Впрочем, сегодняшний «Моссад» весьма далек от «Моссада» тех давних лет. После ряда серьезных просчетов и провалов его слава и блеск значительно померкли.

Вот лишь краткий перечень неудач, обрушившихся на эту спецслужбу.

Операция с целью ликвидации палестинского террориста летом 1973 г. Израильские агенты действовали в норвежском курортном городке очень бестолково. Они не только убили не того человека, но и сами оказались в руках полиции.

Сбитый по ошибке ливийский самолет. Причина — неточная информация о нахождении на борту палестинского лидера Ясира Арафата.

Втягивание государства Израиль в ливанское «болото». Произошло это из-за того, что была получена ошибочная информация о надежности христиан Ливана как союзников.

Странное решение попытаться остановить в 1990 г. издание в Канаде и США книги Виктора Островского о «Моссаде». Миллионы людей увидели, как израильская разведка, сотрудником которой был автор, старалась предотвратить публикацию книги, и когда она вышла в свет, кинулись ее скупать.

Потеря фальшивых английских паспортов в телефонной будке и неудачная вербовка палестинского агента в Англии. Два провала, приведших к длительному периоду охлаждения отношений с Великобританией.

Арест четырех агентов «Моссада» в Никосии в 1991 г. в тот момент, когда они пытались подключиться к телефонной линии иранского посольства. Позорность ситуации заключалась еще и в том, что арестовал израильтянин всего один пожилой полицейский, который благодаря этому случаю наконец-то получил повышение после 20 лет службы.

Стала рассыпаться агентурная сеть — в Ираке и Иране десятки израильских шпионов были раскрыты и казнены. А палестинцев, работавших на «Моссад», все чаще стали находить в канавах с перерезанным горлом.

Серьезный провал «Моссад» потерпел в 1998 г. в соседнем Ливане. Тогда были раскрыты и арестованы 17 местных граждан, завербованных в 1995 г. Что любопытно: кураторов из «Моссада», как правило, мало беспокоила безопасность и судьба завербованной агентуры...

Один из сильнейших ударов по репутации израильских спецслужб был нанесен в ноябре 1995-го, когда в Тель-Авиве был убит премьер-министр Ицхак Рабин. Обнаружилось, что его убийца, израильтянин Игал Амир, был информатором израильской контрразведки ШАБАК. Газеты тут же предположили, что премьер пал жертвой заговора собственных спецслужб.

О том, что «Моссад», АМАН и ШАБАК переживает настоящий кризис, свидетельствует следующий факт. Чтобы пополнить свои ряды, руководству «Моссада» приходится прибегать к рекламе. Во многих израильских газетах появились объявления о приеме на работу в эту секретную службу.

Согласно рекламе, на роль агента требуются люди, способные к аналитическому мышлению, творческой работе, обладающие здоровым воображением и умением располагать к себе других людей. Обязанностью новых сотрудников израильской разведки станет контроль за деятельностью агентов, работающих под прикрытием, и осуществление общего руководства их операциями.

Многие эксперты весьма скептически относятся к тому, что «Моссад» ищет сотрудников через рекламные объявления. По их мнению, это лишнее доказательство упадка, который в настоящее время переживает некогда одна из могущественных спецслужб мира.

Сегодня «Моссад», как, впрочем, и другие израильские спецслужбы, нуждаются в восстановлении своего имиджа. Ведь им принадлежит главная роль в обеспечении безопасности еврейского государства.

Читатель, наверное, понял, что одной из отличительных черт восточного государства является наличие мощного и всеохватывающего полицейского аппарата. Уже многие десятилетия правящие арабские режимы держатся на армиях и спецслужбах.

С момента создания арабских секретных служб они предназначались, прежде всего, для борьбы с оппозицией, действовавшей как внутри страны, так и за ее пределами. Но со временем они превратились в настоящие органы национальной безопасности. Этот феномен — результат постоянных усилий, направленных на сохранение равновесия (или нейтрализацию) различных центров власти, на которых держится режим.

В последние годы арабские спецслужбы заметно расширили сферу деятельности и занимаются не только внутренними проблемами. В случае необходимости они проводят операции за пределами страны с целью «нейтрализации» противников режима. Главная задача «гражданских» спецслужб — добиться полного доверия политического руководства, что позволило бы взять под свой контроль военную разведку и главенствовать в разведывательном сообществе страны.

Вездесущая тайная полиция действует в каждой арабской стране. Слово «мухабарат» является одним из первых, которое узнает любой иностранец, прибывающий в арабское государство на длительный срок.

Многие арабские правозащитники убеждены в том, что прогресс невозможен, если не ограничить влияние «мухабарат». Так, в Иордании, согласно результатам опроса, проведенного Центром стратегических исследований иорданского университета, более 80% жителей говорят о том, что опасаются открыто критиковать политику властей.

Наличие большого числа спецслужб — характерное явление для всех арабских стран. Во многих странах службы разведки и безопасности имели зачастую совершенно разные задачи. Между ними велось острое соперничество, и это поощрялось властями как мера балансирования их влияния на политическое руководство.

Органы безопасности выполняли важные задачи по охране власти. Организация сил внутренней безопасности могла осуществляться в различных формах: самостоятельные службы и специальные подразделения или особые управления в регулярных войсках. Кандидаты на руководящие посты в таких службах проходили суровую проверку и тщательно отбирались. Например, в Сирии и Ираке во главе этих подразделений зачастую стояли лица, связанные с правящим режимом родственными, племенными или земляческими связями.

В большинстве арабских стран местные спецслужбы вели наблюдение за гражданским обществом и докладывали о потенциальных источниках оппозиции, контролировали любую другую общественную деятельность. В значительной мере власть зависела от служб безопасности, которые служили главным инструментом контроля над обществом и наиболее могущественными органами государства.

В Сирии при Хафезе Асаде спецслужбы были глубоко вовлечены в повседневную жизнь страны и народа. Проверка по линии спецслужб была необходима для любого гражданина при его приеме на работу или повышении, для занятия общественной и политической деятельностью.

Даже кандидатуры членов партии при назначении на партийные должности согласовывались со спецслужбами.

У спецслужб была разветвленная сеть информаторов. Несмотря на то что специальные службы, как правило, не использовали жесткие репрессивные меры, их влияние ощущалось повсеместно: в университетах, на публичных собраниях, профсоюзах и т. п. Спецслужбы осуществляли постоянный контроль над умеренной оппозицией и отдельными диссидентами. В провинциях влияние специальных служб было еще выше.

При провинциальной администрации действовали так называемые комитеты безопасности, в состав которых входили губернатор, глава обкома БААС (Партии арабского социалистического возрождения) и начальник территориального управления спецслужб. Несмотря на то что формальный статус начальника территориального управления спецслужб был ниже, чем у губернатора и председателя обкома, его мнение в ряде случаев оказывалось весомее.

Руководители основных спецслужб входили в круг лиц, принимавших решения по важным политическим вопросам. На деле значительное число спецслужб и поощряемая властями конкуренция между ними представляли собой эффективное средство защиты от возможности возникновения оппозиционных групп внутри самих органов безопасности. Спецслужбы были заинтересованы в том, чтобы информировать политическое руководство друг о друге, продвигая информацию на самый верх.

Многие подразделения служили также своеобразным барьером на пути тайного сговора и затрудняли организацию эффективных общественных акций протеста против режима. Органы безопасности арабских стран служили своеобразным противовесом регулярным армейским частям. Наряду с выполнением задач по обеспечению безопасности, эти органы зачастую имели большее влияние на главу государства в определении политики режима.

Они как бы представляли собой альтернативный политический «центр силы», который лидер мог использовать, чтобы сбалансировать влияние и авторитет регулярной военной бюрократии и армейских частей.

Не менее важной задачей, выполняемой этими органами, являлась профилактика общественного неповиновения и беспорядков. Они также обеспечивали защиту власти на случай попытки переворота. Средства и методы, используемые этими органами, превращали их в высокоэффективный инструмент режима по подрыву сил оппозиции и предотвращению попыток государственного переворота.

Таким образом, роль специальных служб и органов безопасности в общественно-политической жизни арабских стран стала постепенно приобретать особую значимость, в том числе и с точки зрения усилий власти по деполитизации национальных вооруженных сил. В то же время возможности арабских спецслужб были ограничены, если речь шла о подавлении крупного антиправительственного мятежа в регулярных армейских частях или массовых народных выступлениях против власти.

* * *

В многолетнем противостоянии израильских и арабских спецслужб — нет победителя. Потому что война продолжается...

ОБ АВТОРЕ

Капитонов Константин Алексеевич — журналист-международник, арабист.

Родился в 1946 г. в г. Батуми (Аджарская АССР), где его родители закончили Великую Отечественную войну. С 16 лет начал трудовую деятельность электриком на машиностроительном заводе «Скорость». Одновременно учился в школе рабочей молодежи. В 1964 г. поступал на факультет журналистики МГУ, но не прошел по конкурсу.

В 1965 г. был призван в ряды Советской армии. Служил в артиллерии. Тогда же стал внештатным корреспондентом газеты «Красный воин» Московского военного округа.

В 1969 г. поступил в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) на арабское отделение факультета журналистики. Будучи студентом, сотрудничал с газетой «Известия», куда после окончания института в 1973 г. был приглашен в качестве корреспондента иностранного отдела.

В конце 1975 г. перешел в газету «Труд». С 1976 по 1981 г. — собственный корреспондент этой газеты в Египте. С 1982 по 1988 г. — собственный корреспондент «Литературной газеты» в Ливане.

С 2001 по 2004 г. работал в Израиле корреспондентом российских изданий «Россия», «Труд», «Независимая газета», «Время МН», «Московские новости», радиостанции «Эхо Москвы».

Автор книг «Израиль в лицах», «Израиль. История МОССАДа и спецназа», «Террор. Война без правил», «Быть израильтянином...»

Библиография

1. Факты об Израиле. Иерусалим, 1997.
2. *Шамир И.* Подводя итоги. Иерусалим, 2000.
3. *Кфир И., Каспит Б.* Эхуд Барак — израильский солдат номер один. Тель-Авив, 2000.
4. *Фромер В.* Солнце в крови. М., 1997.
5. *Равив Д., Мельман Й.* История разведывательных служб Израиля. М., 2000.
6. *Дайчман И.* МОССАД: История лучшей в мире разведки. Смоленск, 2001.
7. *Черчилль Р. и У.* Шестидневная война. Иерусалим, 1975.
8. *Коллинз Л., Лапьер Д. О.* Иерусалим! Иерусалим, 1979.
9. *Слуцкий И.* Хагана — еврейская боевая организация Эрец Израэль. Иерусалим, 1978.
10. *Плакс А.* Израиль и шпионаж. США, 2001.
11. *Caroz Y. Moukhabarat. Les Services secrets arabes.*
12. Газета «Вести» (Израиль).
13. Газета «Новости недели» (Израиль).
14. Газета «Глобус» (Израиль).
15. Газета «Луч» (Израиль).
16. Газета «Эхо недели» (Израиль).
17. Газета «Русский израильтянин» (Израиль).
18. Журнал «Алеф» (Израиль).
19. Интернет-издание «Союз» (Израиль).
20. Интернет-издание «Новости» (Израиль).
21. Le Monde.
22. Le Monde diplomatique.
23. L'«Expresse».
24. La Revu du Liban.
25. L'«Orient le Jour».
26. Le Nouvel Afrique Asie.

Интернет-сайты:

1. middleest.narod.ru
2. agentura.ru
3. sem40.ru
4. jewish.ru
5. konflikt.ru
6. lenta.ru
7. mignews.com
8. waronline.org
9. news.bbc.co.uk
10. base.ijc.ru
11. cursorinfo.co.il
12. jnews.co.il
13. migdal.ru
14. evrey.com
15. palestine-info.ru
16. souz.co.il
17. terrorisme.wallst.ru
18. isralife.info
19. homeru.com
20. aen.ru

Содержание

От автора	5
-----------------	---

БЕЗ ПЛАЩА И КИНЖАЛА

Предисловие	6
Операция «Кража»	13
Операция «Сусанна»	25
Агент по кличке «Томи»	35
Операция «Доклад»	39
Захват на улице Гарибальди	46
Операция «Дамоклов меч»	55
Свой человек в Дамаске	58
Глаз Тель-Авива в Каире	67
Операция «Пенициллин»	76
Как «Моссад» упустил Мюллера	92
Операция «Изотоп»	97
Операция «Аргаз-3»	110
Операция «Весна молодости»	121
Как «Свояк» обманул «Моссад»	135
Операция «Йонатан»	143
Охота на «Красного принца»	160
Операция «Вавилон»	180
Операция «Мир Галилее»	198
Маркус Клинберг — шпион за идею	245
Дело Джонатана Полларда	256
Наблюдатель по фамилии Смит	261
В Лондоне, как дома	267
Миллионы, политика и... шпионаж	272
Операция «Берег»	284
Фиаско в Аммане	296
Скандал в Берне	306

Женский профиль израильской разведки	310
Целенаправленная ликвидация	322

«МУХАБАРАТ» ОЗНАЧАЕТ «РАЗВЕДКА»

Предисловие	327
Заговор реставрации	330
От фараона до Насера	335
Гора из долларов	342
Идеология подрывной деятельности	354
Арабское «братство»	367
Объединение: кто кого?	382
Томас и «радистка Кэт»	391
Армянин, работавший под еврея	395
Шпион в чемодане № 33	399
Шпионы, потерпевшие крах	408
Государство-шпион	421
Заговор против президента	435
Спецслужбы Египта в первой половине 70-х годов	441
Королевский заговорщик	447
Врач без пациента	455
Перечитывая досье	459
Операция «Убить фараона»	463
День сегодняшний	516
Послесловие	548
Об авторе	555
Библиография	556

Капитонов Константин Алексеевич

ТАЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ «МОССАД» И «МУХАБАРАТ»

Редактор *А. П. Аристов*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *М. В. Лушина*

Издательство «Кучково поле»
г. Москва, Съезжинский пер., 6
Тел./факс: (495) 678-83-56.
E-mail: kuchkovopolc@mail.ru

Подписано в печать 9.01.08. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 29,4. Печать офсетная.
Гарнитура «PetersburgC». Тираж 1000 экз.

Заказ № 436

**Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122**

